

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2018 Т.9 № 3

Специальный номер
ТИХООКЕАНСКИЕ СТРАТЕГИИ:
ВОЗМОЖНОСТЬ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки

В соответствии с решением **Высшей аттестационной комиссии** Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в перечень **ведущих рецензируемых научных журналов** и изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям 23.00.00 – Политология и 07.00.00 – Исторические науки и археология.

**Журнал включен в следующие
международные библиографические базы данных:**

WEB OF SCIENCE™ CORE COLLECTION
– **EMERGING SOURCES
CITATION INDEX**

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index

Russian Science Citation Index

**ULRICH'S
PERIODICALS DIRECTORY™**

Интелпрос
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ

OCLC
WorldCat®

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

CYBERLENINKA

**J-Gate
INDEXED**

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2018 • Т.9 № 3

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28335 от 8 декабря 2009 г.
и Эл № ФС77-63932 от 09.12.15 (онлайн)

Издано при
поддержке
фонда
развития
МГИМО

Международный редакционный и консультационный совет

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., д.философии
(Манчестерский университет), профессор

Заместитель главного редактора

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Ответственный секретарь

Д.А. Кузнецов

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф., заслуженный деятель
науки РФ, МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

О.Н. Барабанов, д.полит.н., проф.,
МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф., Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия

О.В. Гаман-Голутвина, д.полит.н., проф.,
МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

В.В. Гриб, д.ю.н., проф., Издательская группа
«Юрист», Москва, Россия

Айше Дитрих, проф., Ближневосточный
технический университет, Анкара, Турция

Александр Жебит, проф., Федеральный
университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро,
Бразилия

В.И. Журавлева, д.и.н., проф., РГГУ, Москва, Россия

Клаус Зегберс, проф., Свободный университет
Берлина, Берлин, Германия

Чарльз Зиглер, проф., Университет Луисвилла,
Луисвилл, США

Акихиро Ивасита, проф., Университет Хоккайдо,
Саппоро, Япония

М.В. Ильин, д.полит.н., проф., НИУ ВШЭ,
Москва, Россия

В.Г. Ледяев, д.ф.н., д. философии (Манчестерский
университет), проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия

М.М. Лебедева, д.полит.н., проф., заслуженный
работник высшей школы РФ, МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

С.И. Лунев, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Редакционная коллегия выпуска

Е.В. Колдунова

С.И. Лунев

В.Г. Ледяев

Д.А. Кузнецов

Ответственный секретарь онлайн версии

И.Ю. Окунев, к.полит.н., доц.

В.В. Михеев, д.э.н., проф., академик РАН,
ИМЭМО РАН, Москва, Россия

О.В. Павленко, к.и.н., доц., РГГУ, Москва, Россия
Е.И. Пивовар, д.и.н., проф., член-корреспондент
РАН, РГГУ, Москва, Россия

Е.В. Попов, LL.M.(Университет Эссекса), к.ю.н.,
доц., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Ли Син, проф., Пекинский педагогический
университет, Пекин, Китай (КНР)

В.Д. Соловей, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Л.В. Сморгунев, д.полит.н., проф., СПбГУ, Санкт-
Петербург, Россия

М.В. Стрежнева, д.полит.н., д. философии
(Манчестерский университет), проф., ИМЭМО РАН,
Москва, Россия

Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Анн де Тинги, проф., Сьян По, Париж, Франция

Алишер Файзуллаев, проф., Университет мировой
экономики и дипломатии Узбекистана, Ташкент,
Узбекистан

Чжао Хуашэн, проф., Фуданьский университет,
Шанхай, Китай (КНР)

Т.А. Шаплеина, д.полит.н., проф., МГИМО МИД
РФ, Москва, Россия

А.Ю. Шутов, д.и.н., проф., МГУ имени
М.В. Ломоносова, Москва, Россия

И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц., РСМД, Москва,
Россия

У Юйшань, проф., Академия Синика, Тайбэй,
Китай, Тайвань

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – №32

Центр подписки:

+7(495) 617-18-88 (многоканальный)
Адрес редакции:
115035, Москва, Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7
Тел.: +7(495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
http: www.lawinfo.ru

Печать офсетная

Усл. печ. л. 22,0
Общий тираж 3000 экз.
Цена свободная
Подписано в печать 07.06.2018
Выход из печати: 21.06.2018
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

Точка зрения авторов может не
совпадать с точкой зрения редакции

© Воскресенский А.Д., эмблема, 2018
© Воскресенский А.Д., 2018
© Сравнительная политика, 2018
© Издательская группа «Юрист», 2018

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2018 • Vol.9 № 3

Mass Media Registration Certificates: PI №FS77-28335 of Dec.8, 2009 &
EL №FS77-63932 of Dec.9, 2015(online)

Published
with support
of MGIMO
Endowment
Foundation

Editorial and International Consultative Board

Editor-in-Chief / Founder

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Science, PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern Studies), Professor

Deputy Editor-in-Chief

Ekaterina V. Koldunova, Candidate of Political Science, Associate Professor

Executive Secretary *Denis A. Kuznetsov*

Editorial Board of the Issue

Ekaterina V. Koldunova

Sergey I. Lunev

Valery G. Ledyayev

Denis A. Kuznetsov

Executive Secretary (online version)

Igor Yu. Okunev, Candidate of Political Science, Associate Professor

Tatiana A. Alekseeva, Doctor of Philosophy, Professor, Distinguished Researcher of the RF, MGIMO University, Moscow, Russia

Oleg N. Barabanov, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Viacheslav Ya. Belokrenitsky, Doctor of History, Professor, Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

O.V. Gaman-Golutvina, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Vladislav V. Grib, Doctor of Law, Professor, Publishing Group "Yurist", Moscow, Russia

Ayse Dietrich, Professor, Middle East Technical University, Ankara, Turkey

Alexander Zhebit, Professor, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Viktoria I. Zhuravleva, Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Klaus Segbers, Professor, Free University of Berlin, Berlin, Germany

Charles E. Ziegler, Professor, University of Louisville, Louisville, USA

Akihiro Iwashita, Professor, University of Hokkaido, Sapporo, Japan

Michail V. Il'in, Doctor of Political Science, Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia

Marina M. Lebedeva, Doctor of Political Science, Professor, Distinguished Lecturer of Russian Higher School, MGIMO University, Moscow, Russia

Sergey I. Lunev, Doctor of History, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Vasily V. Mikheev, Doctor of Economics, Member, Russian Academy of Sciences, Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia

Olga V. Pavlenko, Candidate of History, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Efim I. Pivovarov, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Evgeny V. Popov, Candidate of Law, LL.M (University of Essex), Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Li Xing, Professor, Beijing Normal University, Beijing, P.R. China

Valery D. Solovej, Doctor of History, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Leonid V. Smorunov, Doctor of Political Science, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Marina V. Strezhneva, Doctor of Political Science, PhD (University of Manchester), Professor, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Dmitry V. Strel'tsov, Doctor of History, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Anne de Tinguy, Professor, Sciences Po, Paris, France

Alisher Faizullaev, Professor, University of World Economics and Diplomacy of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Zhao Huasheng, Professor, Fudan University, Shanghai, P.R. China

Tatiana A. Shakleina, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Andrey Yu. Shutov, Doctor of History, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

Ivan N. Timofeev, Candidate of Political Science, Associate Professor, Russian International Affairs Council, Moscow, Russia

Yu-Shan Wu, Professor, Institute of Political Science, Academia Sinica, Taipei City, Taiwan, China

Established in 2009
No.32 since 2010

Subscription Centre:

+7(495)617-18-88 (multichannel)
Editorial Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya
Emb., Moscow, 115035
Phone: +7(495)953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru
www.lawinfo.ru

Offset printing

Conventional printing sheet – 22,0
Circulation: 3000 copies
Free-market-price
Passed for printing 07 June 2018
Printed: 21 June 2018
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

Authors' point of view may not coincide with that of the Editorial staff

© Voskressenski A.D., logo, 2018
© Voskressenski A.D., 2018
© Comparative Politics, 2018
© Publishing Group "Yurist", 2018

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

К.Р. Вода. Азиатские «мозговые центры»: положение в мире и влияние на внешнюю политику

М.С. Зайцев. Сравнительный анализ военных доктрин Индии и Пакистана

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Я.В. Лексютина. Китай и реформирование международной экономической системы

О.Г. Парамонов, О.В. Пузанова. Евразийская дипломатия Токио: успехи и неудачи (1997-2017 гг.)

А.А. Киреева. «Инициатива пояса и пути»: содержание, цели и значение

А.Д. Дикарев. Государства АСЕАН в политике Китая: курс на раскол или «новый консенсус»?

С.В. Новосельцев. Конфликт в Южно-китайском море в XXI веке: эволюция позиций участников

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

Российско-китайские отношения: между Европой и Индо-Пасификой (Часть I). Материалы ситуационного анализа

А.Д. Воскресенский. Новые тихоокеанские стратегии: возможность или реальность? Влияние «китайского фактора» на обстановку в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

Ен Ун Ким, Ю.В. Трунцевский, М.А. Молчанова. Антикоррупционная политика Республики Корея: история становления и современность

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЗАМЕТКИ

Ка-Хо Wong. Analysis of Chinese Narrative of World Order and Foreign Policy: Is China a Revisionist or Reformist Power?

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

К.А. Ананьина. Теоретические аспекты демократической идентичности в осмыслении угроз национальной безопасности

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

5 Kristina R. Voda. Asian Think Tanks: Global Role and Impact on Foreign Policy

14 Mikhail S. Zaytsev. Comparative Analysis of Military Doctrines of India and Pakistan

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

26 Yana V. Leksyutina. China and the Reform of the International Economic System

42 Oleg G. Paramonov, Olga V. Puzanova. Tokyo's Eurasian Diplomacy: Successes and Failures (1997-2017)

61 Anna A. Kireeva. Belt and Road Initiative: Overview, Objectives and Implications

75 Andrei D. Dikarev. ASEAN States in Chinese Foreign Policy: On Course to Split or to Reach "New Consensus"?

88 Sergey V. Novoseltsev. Territorial Disputes in South China Sea in the XXI Century: Evolution of Participants' Positions in Contemporary World

DISCUSSION

101 Russian-Chinese Relations: Between Europe and the Indo-Pacific (Part I). Situation Analysis Proceedings

128 Alexei D. Voskressenski. New Pacific Strategies: Opportunity or Reality? Influence of the "Chinese Factor" on the Situation in Eurasia and the Asia-Pacific Region

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

146 Yong Woong Kim, Yury V. Truntsevsky, Marina A. Molchanova. Anti-Corruption Policy of the Republic of Korea: The History of Formation and Modernity

RESEARCHERS' NOTES

154 Ka-Ho Wong. Analysis of Chinese Narrative of World Order and Foreign Policy: Is China a Revisionist or Reformist Power?

REVIEWS

162 Kristina A. Ananina. Theoretical Aspects of Democratic Identity in Deciphering National Security Threats

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Головачёв В.Ц. Этнополитическая история Тайваня в мировой историографии (XVII-XXI вв.) / отв. ред. А.Д. Дикарёв. – Москва: Институт востоковедения РАН, МАКС Пресс, 2018. – 320 с.

Trust and Mistrust in the Economies of the China-Russia Borderlands / Ed. by Caroline Humphrey. Amsterdam University Press, 2018.

Inner Asia

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Мизин В. И. Заседание 5 сессии Рабочей группы по нераспространению и контролю над вооружениями АТССБ»

Открытая лекция профессора Алана Хенриксона «Роль публичной дипломатии в современном мире»

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ON THE BOOKSHELF

167 Golovachev, Valentin Ts. Ethno-Political History of Taiwan in the World Historiography XVII-XXI. Moscow: Institute of Oriental studies, MAKS Press, 2018. 320 p.

167 Trust and Mistrust in the Economies of the China-Russia Borderlands / Ed. by Caroline Humphrey. Amsterdam University Press, 2018.

167 Inner Asia

ACADEME

168 **Viktor I. Mizin.** 5th Session of the Working Group on Non-Proliferation and Arms Control

173 Open Lecture by Professor Alan Henrikson “The Role of Public Diplomacy in the Modern World”

174 GUIDE FOR THE AUTHORS

АЗИАТСКИЕ «МОЗГОВЫЕ ЦЕНТРЫ»: ПОЛОЖЕНИЕ В МИРЕ И ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ

Кристина Рудольфовна Вода

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 1 марта 2018 <i>Принята к печати:</i> 29 апреля 2018</p>	<p>Аннотация: В статье исследуются тенденции развития экспертно-аналитических структур ведущих стран Азии. Автор анализирует положение азиатских «фабрик мысли» в мировых рейтингах, приводит результаты последних исследований, посвященных оценке особенностей этих организаций. Несмотря на то, что первые «мозговые центры» появились в Азии еще в 1950-е гг., они не превратились в значимую в политическом отношении силу. Азиатские экспертные структуры часто выполняют работы по заказам правительственных ведомств или корпораций, которые финансируют их деятельность, что снижает способность «фабрик мысли» самостоятельно определять тематику исследований и отстаивать независимую позицию. Вместе с тем «мозговые центры» предоставляют площадку для диалога с зарубежными экспертами и участвуют во взаимодействии по «второму треку», что может быть использовано в периоды ухудшения политического климата между странами. Например, регулярные контакты экспертов России и Японии в 2014-2015 гг. способствовали быстрому преодолению неблагоприятного периода российско-японских взаимоотношений, связанного с введением Японией антироссийских санкций. Автор дает оценку деятельности форматов сетевого взаимодействия экспертно-аналитических структур. Азиатские сети «мозговых центров» создавались преимущественно как механизмы поддержки по «второму треку» региональных институтов и форумов: АТЭС, АСЕАН Плюс Три, Регионального форума АСЕАН по безопасности и пр. Сети экспертных центров, как правило, опираются на узловые центры, участвующие в работе сети на постоянной основе; их деятельность имеет устойчивый и регулярный характер; сохраняется преемственность повестки обсуждений. Делаются выводы о потенциале влияния России на идейно-политические процессы в АТР.</p>
<p>Об авторе: к.полит.н., младший научный сотрудник, Центр азиатско-тихоокеанских исследований, ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН e-mail: vodakris@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: «мозговые центры»; «фабрики мысли»; экспертное сообщество; внешняя политика; дипломатия «второго трека»; АТР; «Примаковские чтения»</p>	

«Мозговые центры¹» (*think tanks*) – организации, занимающиеся исследовательской и экспертно-аналитической деятельностью, возникли в англо-американской политической практике, получили широкую известность и распространились в других странах мира. В англо-американской традиции под «фабриками мысли» понимаются относительно автономные организации, ведущие свою деятельность независимо от правительств, политических партий, групп давления и т.д. Данные нормы, однако, не

всегда транслируются на другие страны, где «мозговыми центрами» нередко называют разнообразные организации, ведущие аналитическую и консультативную работу, в том числе представляющие государственный и корпоративный сектор. В начале XXI века наблюдается расцвет «фабрик мысли» в ведущих странах Азии: растет их число, крупнейшие экспертные центры претендуют на влияние на идейно-политические процессы в региональном и даже глобальном масштабе.

Россия, где имеется собственная богатая история работы «фабрик мысли», в по-

¹ Также «фабрики мысли», экспертно-аналитические центры.

следние годы расширяет взаимодействие с международным экспертно-аналитическим сообществом, в том числе из стран Азии. Кроме того, на базе российских «мозговых центров» создаются новые дискуссионные площадки: в 2016–2018 гг. проводился международный научно-экспертный форум «Примаковские чтения», призванный интенсифицировать диалог ведущих российских и зарубежных специалистов по проблемам глобального экономического развития, международной политики и безопасности². Расширение присутствия российских структур на мировой карте «фабрик мысли» повышает актуальность исследования тенденций развития экспертного сообщества в зарубежных, в частности, азиатских странах.

Положение в мире и оценка деятельности

Согласно рейтингам, оценивающим влияние экспертно-аналитических структур разных стран, составленным Пенсильванским университетом (США), если в 2008 г. азиатские «фабрики мысли» занимали 11% от их общего числа в мире, то в 2017 г. доля Азии выросла до 20%, что позволило ей занять третье место в мире после Европы и Северной Америки. В 2017 г. в Азии насчитывалось 1676 центров, тогда как в Европе – 2045, в Северной Америке – 1972³. Наиболее заметный рывок в создании экспертно-аналитических структур сделал Китай, чему способствовали меры государственной поддержки «мозговых центров», например, инициатива 2015 г. создания 50–100 государственных «фабрик мысли» мирового уровня⁴. Если в 2008 г. в Китае насчитывалось всего 74 «мозговых центра»,

благодаря чему он занимал 12-е место в мире, то в 2017 г. их было уже 512, что позволило КНР выйти на 2-е место после США. Тем не менее, число «фабрик мысли» в Китае еще значительно уступает их числу в США (1872). Япония в 2017 г. находилась на 8-ом месте в мире по количеству экспертных центров (109). Среди азиатских стран с большим числом «мозговых центров» по данным 2017 г. выделяются Индия (444), Тайвань (58), Республика Корея (53), Гонконг (36). Общее число «фабрик мысли» 10-тки АСЕАН – 124. В России в 2017 г. насчитывалось 103 центра (9-е место в мире)⁵.

Азиатские центры нарастили за последние годы не только представительство, но и свои позиции в рейтингах. Если в 2008 г. в Топ–10 ведущих «фабрик мысли» мира не было ни одного азиатского центра, то в 2010 г. в Топ–25 попал 1 азиатский «мозговой центр» (Китайская академия общественных наук), в 2017 г. в Топ–25 их было уже 4: 2 из Китая, 1 из Японии, 1 из Республики Кореи. В рейтинге, посвященном оценке исключительно азиатских экспертно-аналитических структур, в 2008 г. в Топ–25 максимальное представительство было у центров из Японии (7) и Китая (6), Индии (4). Китайская академия общественных наук (*Chinese Academy of Social Science, CASS*) признавалась в 2008 г. и в 2010 г. наиболее авторитетной азиатской «фабрикой мысли». Рейтинг 2017 г. подтвердил доминирование «мозговых центров» этих стран. Заметный рывок в увеличении представительства и наращивании влияния своих экспертно-аналитических структур сделала Республика Корея – в 2017 г. место первого азиатского «мозгового центра» занял Корейский институт развития (*Korea Development Institute, KDI*). В специальных рейтингах, отмечающих «особые достижения» экспертных центров, азиатские «фабрики мысли» также обладают весомым представительством. В 2017 г. в Топ–25 в рейтинге «лучших государственных центров» было 6 институтов из Азии – 4 из Китая, 1 из Японии, 1 из Республики Корея. Кроме того, ежегодная конференция «Диалог Шангри-ла» в Сингапуре, признана в 2017 г. лучшей конференцией в

² Примаковские чтения. Официальная страница. Режим доступа: https://www.imemo.ru/Primakov_Readings [Primakovskije chtenija (Primakov Readings) Official Website. Mode of access: https://www.imemo.ru/Primakov_Readings]

³ McGann, J. 2017 Global Go To Think Tank Index Report. Mode of access: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1012&context=think_tanks

⁴ China to Let 100 Think-Tanks Bloom // *Financial times*, 04.09.2015. Mode of access: <https://www.ft.com/content/115be32a-f234-11e4-b914-00144feab7de>

⁵ Ibid.

мире, проводимой «мозговыми центрами». В Топ-25 в этой номинации попали еще две конференции, проводимые азиатскими организациями: Боаоский Азиатский Форум (КНР) и Ежегодная конференция Азиатского банка развития (Япония)⁶.

Рост числа «фабрик мысли» в мире сопровождается возрастающим числом исследований, анализирующих особенности данных структур. В научной литературе уделяется значительное внимание тому, как экспертно-аналитическое сообщество воспринимает глобальные экономические, политические процессы и тенденции в сфере международной безопасности, а также тому воздействию, которое индустрия политических идей и экспертизы оказывает на формирование и концептуальное обоснование внешней политики ведущих государств. Однако при этом большинство работ сконцентрировано на оценке деятельности «мозговых центров» США и других стран Запада. Ключевое значение для исследования темы имеют труды Дж. МакГанна⁷, Р. Хааса⁸ и Д. Абельсона⁹, посвященные изучению роли экспертно-аналитических структур в формировании и реализации политики США и ведущих западных держав. Анализу влияния экспертного сообщества на процесс выработки и принятия внешнеполитических решений, а также на разработку стратегий национальной безопасности США и стран Запада посвящены исследования Дж. Ная¹⁰, Р. Кохейна¹¹, Г. Киссинджера¹². В работах американских ученых М. Мазовера¹³ и

Э.М. Слотера¹⁴ уделяется внимание реакции научно-экспертного сообщества на трансформацию политического и экономического миропорядка и процессы глобализации. В отечественной науке изучением зарубежных экспертно-аналитических структур занимались И.Я. Кобринская¹⁵, И.Л. Шейдина¹⁶, М.А. Хрусталева¹⁷, Ф.Г. Войтоловский¹⁸, И.А. Истомин¹⁹ и др.

Исследованию деятельности азиатских экспертных центров посвящен ряд заметных работ, вышедших в последние годы. Д. Стоун дает оценку «фабрикам мысли» в

of an Idea. London: Penguin Books, 2012.

¹⁴ Slaughter, A.M. A New World Order. Princeton: Princeton University Press, 2004.

¹⁵ Кобринская И.Я. «Мозговые тресты» и внешняя политика США. – М.: Международные отношения, 1986. [Kobrinskaya, I.Y. «Mozgovye tresty» i vneshnyaya politika SSHA (Think Tanks and the USA Foreign Policy). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1986.]

¹⁶ Шейдина И.Л. США: «Фабрики мысли» на службе стратегии. – М.: Наука, 1973. [Shejdina, I.L. SSHA: «Fabriki mysli» na sluzhbe strategii (The USA: Think Tanks in the Service of a Strategy). Moscow: Nauka, 1973.]

¹⁷ Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. – М.: МГИМО-НОФМО, 2008. [Hrustaleva, M.A. Analiz mezhdunarodnykh situatsij i politicheskaya ehkspertiza: ocherki teorii i metodologii. (Analysis of International Situations and Political Expertise: Essays on Theory and Methodology). Moscow: MGIMO-NOFMO, 2008.]

¹⁸ Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-е-2000-е гг. М.: Крафт+, 2007. [Voitolovskij, F.G. Edinstvo i razobshchennost' Zapada. Ideologicheskoe otrazhenie v soznanii ehlit SSHA i Zapadnoj Evropy transformatsij politicheskogo miroporyadka 1940-e-2000-e gg. (Unity and Dissociation of the West. Ideological Reflexions in Consciousness of Elite of the USA and the Western Europe of Transformations of a Political World Order 1940-2000). Moscow: Kraft+, 2007.]

¹⁹ Истомин И.А. Внешнеполитическая экспертиза в США // Сравнительная политика. – 2015. No. 1. – С. 111-127. [Istomin, I. Vneshnepoliticheskaja ehkspertiza v SSHA (Foreign Policy Expertise in the U.S.) // Comparative Politics (Russia), 2015, No. 1, pp. 111-127.]

⁶ Ibid.

⁷ McGann, J. Think Tanks and Policy Advice in the United States: Academics, Advisors and Advocates. New York, 2009

⁸ Haas, R.N. Think Tanks and U.S. Foreign Policy. A Policy Makers Perspective // *U.S. Foreign Policy Agenda*, 2002, Vol. 7, No 3.

⁹ Abelson, D. Do Think Tanks Matter? Assessing the Impact of Public Policy Institutes. McGill-Queen's University Press. Quebec, 2009.

¹⁰ Nye, J. The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011.

¹¹ Keohane, R. Power and Governance in a Partially Globalized World. New York: Routledge, 2002.

¹² Kissinger, H. Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century. New York: Simon & Shuster Paperbacks, 2001.

¹³ Mazower, M. Governing the World: The History

странах Азии, исходя из анализа характеристик политико-правовых систем, в которых они действуют. По мнению этого американского ученого, на положение «мозговых центров» в странах Азии ключевое влияние оказывают особенности политического режима и законодательства; положение бюрократии и степень зрелости гражданского общества; наличие конкуренции между политическими партиями и положение неправительственных и некоммерческих организаций; уровень развития частного бизнеса и благотворительности. Д. Стоун отмечает, что азиатские экспертно-аналитические структуры обладают меньшим разнообразием и менее выраженной специализацией, по сравнению с западными структурами. Кроме того, наиболее крупные «фабрики мысли» в Азии тесно связаны с правительствами своих стран. В этих условиях главными функциями экспертных центров становится информирование общественности, поддержка и обоснование правительственных решений. За редким исключением азиатские центры не занимают критическую или независимую по отношению к правительству позицию²⁰.

Исследователи структур экспертного сообщества в Азии также отмечают, что в управлении «мозговыми центрами» ведущую роль играет правительственная бюрократия. Поскольку азиатские «фабрики мысли» нередко создаются по инициативе правительств для выполнения исследований по их заказу, аналитические и представительские функции «мозговых центров» используются для усиления легитимности и поддержки существующих режимов или лидеров. Другим распространенным в Азии видом экспертных структур являются центры при крупных корпорациях. Деятельность таких организаций направлена на продвижение интересов создавших их корпораций, в то время как их исследования касаются преимущественно экономической проблематики²¹.

Роль «фабрик мысли» в принятии политических решений

Несмотря на то, что первые экспертно-аналитические структуры появились в странах Азии еще в 1950-е гг., они не превратились в значимую в политическом отношении силу. Причин того, что «фабрики мысли» не оказывают заметного влияния на политику правительств азиатских стран, несколько. Во-первых, «мозговым центрам» не находится места в системе разработки государственных решений, поскольку главенствующее положение в ней занимает правительственная бюрократия, выполняющая экспертные и аналитические функции²². Высокий престиж государственной службы позволяет привлекать туда лучших выпускников ведущих вузов. Если в ходе подготовки государственных решений возникает потребность внешней экспертизы, министерства предпочитают обращаться к подведомственным консультативным органам или создавать специальные советы для обсуждения конкретных проблем, членов которых подбирают сами чиновники. Таким образом, спрос на независимое экспертное мнение, которое могут предоставлять «мозговые центры», оказывается снижен.

Во-вторых, азиатские «фабрики мысли» часто сталкиваются с нехваткой финансирования и квалифицированных кадров: большинство из них почти полностью зависят от государственных или корпоративных фондов. В то же время, пожертвования из частного сектора, которые выступают главными источниками финансирования «мозговых центров» в США и некоторых других странах, не способны обеспечить наполняемость бюджетов азиатских аналитических структур на должном уровне. Кроме того, в отличие от США, в большинстве стран Азии отсутствует система «вращающихся дверей», из-за чего не происходит перетекания кадров между правительством и «мозговыми центрами». В результате, лишь

²⁰ Stone, D. Think Tanks and Policy Advice in Countries in Transition. Public Policy Research and Training in Vietnam. Asian Development Bank Institute. Tokyo, 2005. Pp. 38-108.

²¹ Nachiappan, K.; Mendizabal, E.; Datta, A. Think Tanks in East and Southeast Asia. Bringing Politics Back into the Picture. Overseas

Development Institute. London, 2010. Mode of access: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/6377.pdf>

²² Imai, A. The Evolving Role of Think Tanks in Japan // *Japan Spotlight*, January/February, 2013. Mode of access: <http://www.tokyofoundation.org/en/articles/2013/evolving-role-of-think-tanks>

малая часть сотрудников экспертных центров имеет опыт работы в исполнительной власти. Данные обстоятельства снижают способность азиатских «фабрик мысли» самостоятельно определять тематику исследований и отстаивать независимую позицию²³.

В-третьих, законодательство азиатских стран часто накладывает ограничения на процессы создания и финансирования неправительственных организаций, к которым относится большинство экспертно-аналитических структур. В-четвертых, зависимость от финансирования со стороны крупных корпораций и финансовых структур вынуждает «мозговые центры» направлять фокус своих исследований на экономические вопросы, в то время как доля исследовательских проектов по общественно-политической или международной проблематике незначительна. Работа в интересах компаний или правительственных ведомств, которые наполняют бюджеты азиатских центров, негативно отражается на их вовлеченности в международное сотрудничество и, как следствие, снижает их влияние на обсуждение глобальных проблем.

Вместе с тем, одна из важнейших функций «мозговых центров» – предоставлять площадку для диалога с зарубежными экспертами и участвовать во взаимодействии по «второму треку». Представительская роль «фабрик мысли» может быть задействована в периоды ухудшения климата политических отношений между странами. Например, когда российско-японские связи переживали спад в 2014-2015 гг. после введения Японией антироссийских санкций из-за кризиса вокруг Украины, экспертам двух стран удалось сохранить контакты, что в дальнейшем способствовало быстрому восстановлению отношений двух стран. Ведущие российские и японские «мозговые центры» провели в этот период ряд значимых мероприятий, посвященных обсуждению развития контактов двух стран после украинского кризиса и возможных областей сотрудничества в сферах экономики и

безопасности²⁴. В ходе состоявшихся в 2014-2015 гг. научно-экспертных конференций подчеркивалась важность деятельности экспертного сообщества в России и Японии, которое «посредством тщательного изучения ситуации в странах АТР и прогнозов ее возможной эволюции, а также посредством постоянного международного диалога повышает степень предсказуемости развития ситуации в регионе и ее транспарентности для всех участников»²⁵. Отмечалось, что «данная функция интеллектуальных контактов особенно важна и ценна в периоды охлаждения межправительственных отношений между странами, когда отсутствие или снижение доверия между официальными структурами затрудняет правильное понимание мотивов и целей тех или иных их действий и заявлений»²⁶.

Международное взаимодействие экспертных центров

К настоящему времени в ведущих странах Азии накоплен определенный опыт диалога между экспертно-аналитическими центрами по целому ряду глобальных и региональных проблем и кризисных явлений в области мировой экономики и международной безопасности. В рамках такого сотрудничества регулярно проходят международные конференции, посвященные актуальным проблемам мировой политики. Работа международных конгрессов проводится для достижения следующих целей:

²⁴ РСМД и Токийский фонд продолжают стратегический диалог. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4743#top-content [RSMD i Tokijskij fond prodolzhayut strategicheskij dialog (Russian Council and Tokyo Foundation Continue the Strategic Dialogue). Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4743#top-content]

²⁵ Проблемы безопасности и международного правового порядка в АТР: взгляд из Токио и Москвы / Отв. ред. В.В. Михеев, В.Г. Швыдко. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. [Problemy bezopasnosti i mezhdunarodnogo pravovogo poryadka v ATR: vzglyad iz Tokio i Moskvy (Problems of Security and the International Law and Order in the Asia-Pacific Region: a View from Tokyo and Moscow). Ed. by V.V. Mikheev, V.G. Shvydko. Moscow, IMEMO RAN, 2014.]

²⁶ Ibid.

²³ Kollner, P.; Abb, P. Foreign Policy Think Tanks in China and Japan: Characteristics, Current Profile, and the Case of Collective Self-Defense // *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis*, 2015, No. 4, pp. 593-612.

1) представление результатов исследований по актуальным проблемам глобального и регионального экономического и политического развития;

2) выработка рекомендаций для лиц, принимающих решения по значимым проблемам развития мировой экономики, инноваций, государственного управления, гражданского общества;

3) расширение международных научных связей; укрепление связей между ведущими экспертно-аналитическими центрами различных стран и регионов;

4) формирование в стране проведения конференции платформы для взаимодействия экспертно-аналитических центров;

5) укрепление взаимодействия между «мозговыми центрами», правительством и обществом;

6) улучшение эффективности аналитических и репрезентативных возможностей экспертно-аналитических центров;

7) повышение качества экспертизы.

Также в Азии в начале XXI в. получили распространение форматы сетевого взаимодействия экспертно-аналитических центров. Сетям азиатских «мозговых центров» присущи следующие характеристики. Во-первых, наличие «якорной» организации. Большинство азиатских сетей экспертных центров создавалось для поддержки по «второму треку» таких региональных институтов, как АСЕАН, АСЕАН Плюс Три, Региональный форум АСЕАН по безопасности и т.д. Например, в 1993 г. был создан Азиатско-Тихоокеанский совет сотрудничества по безопасности (*The Council for Security Cooperation in the Asia-Pacific, CSCAP*) в качестве «второй дорожки» Регионального форума АСЕАН по безопасности. Формат представляет собой сеть из 20 национальных комитетов. В том числе такой комитет существует в России²⁷.

Во-вторых, сети экспертных центров, как правило, опираются на узловые «мозговые центры», участвующие в работе сети на постоянной основе. Например, в Сеть

«мозговых центров» стран Восточной Азии (*Network of East Asian Think Tanks, NEAT*), созданную в 2003 г. для экспертной поддержки саммитов АСЕАН Плюс Три, входят центры из 13 стран, которые имеют статус координирующих организаций. Они представлены как правило структурами, аффилированными с министерствами иностранных дел стран-участниц, такими как Китайский университет международных отношений (*Chinese Institute of International Affairs*), Институт Международных отношений при МИД Вьетнама и др.²⁸. В-третьих, работа сетей имеет устойчивый и регулярный характер. Благодаря этому между участниками создаются прочные контакты, вырабатывается общий лексикон в отношении обсуждаемой проблематики, создается привычка вести диалог, появляется чувство сопричастности к общему делу, что в итоге способствует снижению недоверия, повышению взаимопонимания и предсказуемости действий. Четвертая характеристика – это преемственность повестки обсуждений.

Деятельность ведущих сетей азиатских экспертно-аналитических центров сконцентрирована на создании и укреплении мер доверия и безопасности. В экономической сфере в условиях нарастания конкуренции между различными интеграционными проектами и форматами в Азии, площадки сетей мозговых центров становятся аренами для продвижения ведущими игроками собственной интеграционной повестки. Например, Китай в дополнении к официальному переговорному процессу по заключению Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП), создал рабочую группу в рамках Сети «мозговых центров» стран Восточной Азии (*NEAT*), где инициирует обсуждение особенностей продвигаемого им проекта с экспертным сообществом из стран – потенциальных участников ВРЭП. Можно сказать, что сети «мозговых центров» смогли занять особую нишу, формируя идейно-политическое поле, где происходит отработка и выбор идей, которые затем используются при принятии решений на национальном и межгосударственном уровне.

²⁷ The Council for Security Cooperation in the Asia-Pacific. Russian National Committee. Official website. Mode of access: <http://cscap-russia.fondedin.ru>

²⁸ Network of East Asian Think Tanks. Official website. Mode of access: <http://www.neat.org.ph>

***

Проведение регулярных международных конгрессов «мозговых центров» и развитие сетевых объединений, в которые входят азиатские экспертно-аналитические центры, является одним из проявлений транснационализации интеллектуальной сферы, а также отражает растущую роль экспертного сообщества в процессе выработки и принятия политических решений. Несмотря на определенные ограничения в работе азиатских экспертно-аналитических структур ввиду недостатка финансирования и проблем кадровой обеспеченности, «фабрики мысли» играют важную роль в активизации международного научно-экспертного диалога и реализации дипломатии «второго трека».

В этой связи активное участие российских «мозговых центров» в международном взаимодействии структур экспертного сообщества представляется необходимым для укрепления сотрудничества между российскими организациями и их зарубежными партнерами, а также для повышения роли и потенциала России в глобальных идейно-политических процессах, связанных с использованием экспертного знания в качестве инструмента «мягкой силы». Проведение крупных конгрессов экспертных центров на территории России, а также создание регулярной дискуссионной площадки, такой как ежегодный международный экспертный форум «Примаковские чтения», важно и с точки зрения преодоления попыток некоторых стран Запада «изолировать» российское научно-экспертное сообщество и инициировать новые международные проекты без его участия. Организация масштабных конференций с предложенной российской стороной тематикой и на российской площадке позволит нарастить идейное влияние российских экспертов на мировую политическую и экономическую науку, что даст им возможность влиять на формирование дальнейшей региональной и глобальной политической повестки дня.

Литература:

Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США

и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-е-2000-е гг. – М.: Крафт+, 2007.

Истомин И.А. Внешнеполитическая экспертиза в США // *Сравнительная политика*. – 2015. – No. 1. – С. 111-127.

Кобринская И.Я. «Мозговые тресты» и внешняя политика США. – М.: Международные отношения, 1986.

Проблемы безопасности и международного правового порядка в АТР: взгляд из Токио и Москвы / Отв. ред. В.В. Михеев, В.Г. Швыдко. – М.: ИМЭМО РАН, 2014.

РСМД и Токийский фонд продолжают стратегический диалог. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4743#top-content

Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. – М.: МГИМО-НОФМО, 2008.

Шейдина И.Л. США: «Фабрики мысли» на службе стратегии. – М.: Наука, 1973.

Abelson, D. Do Think Tanks Matter? Assessing the Impact of Public Policy Institutes. McGill-Queen's University Press. Quebec, 2009.

China to Let 100 Think-Tanks Bloom // *Financial Times*, 04.09.2015. Mode of access: <https://www.ft.com/content/115be32a-f234-11e4-b914-00144feab7de>

Haas, R.N. Think Tanks and U.S. Foreign Policy. A Policy Makers Perspective // *U.S. Foreign Policy Agenda*, 2002, Vol. 7, No 3.

Imai, A. The Evolving Role of Think Tanks in Japan // *Japan Spotlight*, January/February, 2013. Mode of access: <http://www.tokyofoundation.org/en/articles/2013/evolving-role-of-think-tanks>

Keohane, R. Power and Governance in a Partially Globalized World. New York: Routledge, 2002.

Kissinger, H. Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century. New York: Simon & Shuster Paperbacks, 2001.

Kollner, P.; Abb, P. Foreign Policy Think Tanks in China and Japan: Characteristics, Current Profile, and the Case of Collective Self-Defense // *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis*, 2015, No. 4, pp. 593-612.

Mazower, M. Governing the World: The History of an Idea. London: Penguin Books, 2012.

McGann, J. 2017 Global Go To Think Tank Index Report. Mode of access: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1012&context=think_tanks

McGann, J. Think Tanks and Policy Advice in the United States: Academics, Advisors and Advocates. New York, 2009.

Nachiappan, K.; Mendizabal, E.; Datta, A. Think Tanks in East and Southeast Asia. Bringing Politics Back into the Picture. Overseas Development Institute. London, 2010. Mode of access: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/6377.pdf>

Network of East Asian Think Tanks. Official website. Mode of access: <http://www.neat.org.ph>

Nye, J. The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011.

Slaughter, A.M. A New World Order. Princeton: Princeton University Press, 2004.

Stone, D. Think Tanks and Policy Advice in Countries in Transition. Public Policy Research and Training in Vietnam. Asian Development Bank Institute. Tokyo, 2005. Pp. 38-108.

The Council for Security Cooperation in the Asia-Pacific. Russian National Committee. Official website. Mode of access: <http://cscap-russia.fondedin.ru>

References:

Abelson, D. Do Think Tanks Matter? Assessing the Impact of Public Policy Institutes. McGill-Queen's University Press. Quebec, 2009.

China to Let 100 Think-Tanks Bloom // *Financial Times*, 04.09.2015. Mode of access: <https://www.ft.com/content/115be32a-f234-11e4-b914-00144feab7de>

Haas, R.N. Think Tanks and U.S. Foreign Policy. A Policy Makers Perspective // *U.S. Foreign Policy Agenda*, 2002, Vol. 7, No 3.

Hrustalev, M.A. Analiz mezhdunarodnyh situacij i politicheskaya ehkspertiza: ocherki teorii i metodologii. (Analysis of International Situations and Political Expertise: Essays on Theory and Methodology). Moscow: MGIMO-NOFMO, 2008.

Imai, A. The Evolving Role of Think Tanks in Japan // *Japan Spotlight*, January/February, 2013. Mode of access: <http://www.tokyofoundation.org/en/articles/2013/evolving-role-of-think-tanks>

Istomin, I. Vneshnepoliticheskaja ehkspertiza v SSHA (Foreign Policy Expertise in the U.S.) // *Comparative Politics (Russia)*, 2015, No. 1, pp. 111-127.

Keohane, R. Power and Governance in a Partially Globalized World. New York: Routledge, 2002.

Kissinger, H. Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century. New York: Simon & Shuster Paperbacks, 2001.

Kobrinskaya, I.Y. «Mozgovye tresty» i vneshnyaya politika SSHA (Think Tanks and the USA Foreign Policy). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1986.

Kollner, P.; Abb, P. Foreign Policy Think Tanks in China and Japan: Characteristics, Current Profile, and the Case of Collective Self-Defense // *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis*, 2015, No. 4, pp. 593-612.

Mazower, M. Governing the World: The History of an Idea. London: Penguin Books, 2012.

McGann, J. 2017 Global Go To Think Tank Index Report. Mode of access: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1012&context=think_tanks

McGann, J. Think Tanks and Policy Advice in the United States: Academics, Advisors and Advocates. New York, 2009.

Nachiappan, K.; Mendizabal, E.; Datta, A. Think Tanks in East and Southeast Asia. Bringing Politics Back into the Picture. Overseas Development Institute. London, 2010. Mode of access: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/6377.pdf>

Network of East Asian Think Tanks. Official website. Mode of access: <http://www.neat.org.ph>

Nye, J. The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011.

Problemy bezopasnosti i mezhdunarodnogo pravovogo poryadka v ATR: vzglyad iz Tokio i Moskvy (Problems of Security and the International Law and Order in the Asia-Pacific Region: a View from Tokyo and Moscow). Ed. by V.V. Mikheev, V.G. Shvydko. Moscow, IMEMO RAN, 2014.

RSMD i Tokijskij fond prodolzhayut strategicheskij dialog (Russian Council and Tokyo Foundation Continue the Strategic Dialogue). Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4743#top-content

Shejdina, I.L. SSHA: «Fabriki mysli» na sluzhbe strategii (The USA: Think Tanks in the Service of a Strategy). Moscow: Nauka, 1973.

Slaughter, A.M. A New World Order. Princeton: Princeton University Press, 2004.

Stone, D. Think Tanks and Policy Advice in Countries in Transition. Public Policy Research and Training in Vietnam. Asian Development Bank Institute. Tokyo, 2005. Pp. 38-108.

The Council for Security Cooperation in the Asia-Pacific. Russian National Committee. Official website. Mode of access: <http://cscap-russia.fondedin.ru>

Voitolovskij, F.G. Edinstvo i razobshchennost' Zapada. Ideologicheskoe otrazhenie v soznanii ehelit SSHA i Zapadnoj Evropy transformacij politicheskogo miroporyadka 1940-e-2000-e gg. (Unity and Dissociation of the West. Ideological Reflexions in Consciousness of Elite of the USA and the Western Europe of Transformations of a Political World Order 1940-2000). Moscow: Kraft+, 2007.

ASIAN THINK TANKS: GLOBAL ROLE AND IMPACT ON FOREIGN POLICY

Kristina R. Voda

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations (IMEMO),
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">1 March 2018</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">29 April 2018</p>	<p>Abstract: The article looks at the trends in the development of think tanks in major Asian countries. It reviews the posture of the Asian think tanks in global ratings. It also looks at the literature on think tanks in the USA, western and Asian countries. Despite the fact that the first think tanks appeared in Asia in the 1950's, they did not turn into a politically significant force. The reasons are insufficient financial independence and shortage of skills. Asian think tanks are often preoccupied with research for corporations and government agencies that provide their funding. It negatively affects the ability of the think tanks to independently set the research agenda and express critical viewpoint. However, think tanks often provide valuable platforms for dialogue among experts that can be helpful during periods of deterioration of the political relations between countries. For instance, the role of Japanese and Russian think tanks as “track two” diplomacy actors was helpful particularly during the period of deterioration of Russia-Japan relations in 2014-2015. The article also looks at the development of the Asian think tank networks. Most of these networks were created in support of regional frameworks such as APEC, ASEAN Plus Three, ARF, etc. Asian think tank networks depend on a number of “core institutions” that regularly host events and ensure continuity of the agenda. The article then draws conclusions on the potential of Russia’s influence on ideological and political processes in the Asia-Pacific region.</p>
<p>About the author:</p> <p>Candidate of Political Science, Junior Researcher, Center for Asia-Pacific Studies, IMEMO RAS</p> <p>e-mail: vodakris@gmail.com</p>	
<p>Key words:</p> <p>think tanks; expert community; “track two” diplomacy; foreign policy; Asia-Pacific region; “Primakov readings”</p>	

Для цитирования: Вода К.Р. Азиатские «мозговые центры»: положение в мире и влияние на внешнюю политику // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 3. – С. 5-13.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-5-13

For citation: Voda, Kristina R. Aziatskie «mozgovye tsentry»: polozhenie v mire i vliianie na vneshniuu politiku (Asian Think Tanks: Global Role and Impact on Foreign Policy) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 3, pp. 5-13.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-5-13

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОЕННЫХ ДОКТРИН ИНДИИ И ПАКИСТАНА

Михаил Сергеевич Зайцев

Министерство иностранных дел Российской Федерации,
Москва, Россия

<p>Информация о статье: Поступила в редакцию: 12 апреля 2018 Принята к печати: 13 мая 2018</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена военным доктринам Индии и Пакистана, взаимоотношения которых во многом определяют баланс сил в Южной Азии и характеризуются высоким уровнем напряженности и взаимного недоверия. Стороны на протяжении всего периода с 1947 г. рассматривают друг друга в качестве основных потенциальных противников, что во многом влияет на стратегическое мышление Нью-Дели и Исламабада. После проведения ядерных испытаний противостояние вышло на новый уровень, и состояние двусторонних отношений вызывает резонную озабоченность мирового сообщества с учетом непрекращающихся взаимных обстрелов и очередного витка роста напряженности в хронически нестабильном штате Джамму и Кашмир. Анализ военных доктрин Индии и Пакистана дает основания считать, что Нью-Дели и Исламабад имеют боеспособные силы, сосредоточенные на границе, и готовы применить их в случае угрозы со стороны противника с целью захвата и удержания стратегической инициативы. Экономический потенциал Пакистана не позволит ему вести длительные боевые действия, равно как и Индия не в состоянии выдержать войну «на изнеможение», таким образом, упор делается на оперативность и широкое применение наступательных вооружений. Вместе с тем применение ядерного оружия рассматривается только в крайнем случае в ситуации угрозы суверенитету и территориальной целостности, а имеющиеся ядерные арсеналы обеих стран не позволят нанести друг другу сокрушительный ущерб. Несмотря на агрессивную риторику, стороны не готовы к полномасштабной войне, а боевые действия будут носить локальный и непродолжительный характер.</p>
<p>Об авторе: атташе, Посольство Российской Федерации в Республике Индии, МИД России e-mail: gree090@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: военная доктрина Индии; военная доктрина Пакистана; доктрина «холодного старта»; тактическое ядерное оружие; взаимное ядерное сдерживание</p>	

Введение

Баланс сил в Южной Азии по большей части сосредоточен вокруг двух основных стран, Индии и Пакистана, определяющих парадигму международных отношений в региональном срезе. Комплекс застарелых противоречий, усугубленных опытом крупных боевых действий и многочисленных локальных инцидентов с участием регулярных вооруженных сил, военизированных формирований и террористических группировок, обуславливает конфликтогенный характер взаимоотношений Нью-Дели и Исламабада, генерируя дальнейшую дестабилизацию. Подавление массовых акций протеста в хронически нестабильном Джамму и Кашмире

сопровождается нарушениями прав человека и растущим числом жертв как со стороны гражданского населения, так и со стороны правительственных сил.

Лейтмотивом последних лет стала непрекращающаяся конфронтация на границе: несмотря на попытки премьер-министра Нарендры Моди возобновить диалог с пакистанским коллегой в 2015 г., последующие теракты против лагерей индийских вооруженных сил свели на нет все усилия и вызвали новый виток вооруженного противостояния, продолжающийся по настоящее время. Стороны регулярно обстреливают приграничные районы противника, что приводит к жертвам среди военного персонала и мирного населения, а также обмениваются

ся взаимными обвинениями в нарушении режима прекращения огня, введенного еще в 2003 г.

В данной работе будет проведен сравнительный анализ военных доктрин Индии и Пакистана с целью изучения возможных механизмов поведения Нью-Дели и Исламабада, в том числе в случае эскалации конфликта с переходом порогового уровня и начала боевых действий как с применением обычных вооружений, так и ядерного оружия, а также сопоставлены доктринальные установки потенциальных противников и применение их на практике на протяжении последних лет (с конца XX – начала XXI века)¹.

Индия

Военная мысль независимой Индии изначально развивалась с учетом угрозы Пакистана: эскалация напряженности после раздела страны в 1947 г. и неурегулированные территориальные споры послужили причиной войны и создали условия для длительного противостояния Нью-Дели и Исламабада. Вооруженный конфликт с Китаем 1962 г. расширил список потенциальных противников Индии, однако «врагом номер один» на протяжении всего постколониального периода остается Пакистан, фактор которого всегда принимался во внимание индийскими военными стратегами. До начала 2010-х гг. военная доктрина Индии представляла собой не консолидированный документ, а компиляцию доктрин отдельных видов вооруженных сил, регламентирующих не только непосредственно ведение боевых действий, но и вопросы военного строительства, материально-технического обеспечения, подготовки личного состава и др., а также ядерной доктрины. Этому способствовала, в том числе, и позиция гражданских властей, стремившихся упрочить контроль над министерством обороны и не допустить роста влияния военных в силу определенного вакуума доверия, в услови-

ях которого руководство страны опасалось усиления военного истеблишмента и сознательно ограничивало его полномочия.

Вопрос о расширении взаимодействия между тремя видами вооруженных сил обсуждался в течение 17 лет, с момента окончания Каргильской войны 1999 г., которая выявила несогласованность действий сухопутных войск, флота и авиации², и лишь в 2017 г., во многом под влиянием стремительно меняющейся геополитической обстановки в регионе и появления новых вызовов и угроз для национальной безопасности, была обнародована Объединенная доктрина вооруженных сил., в которой впервые идет речь о комплексном применении всех видов вооруженных сил и служб и более интенсивном взаимодействии с целью повышения эффективности в условиях ограниченных временных и материальных ресурсов.

Что характерно, впервые упоминается не только традиционная триада армия-флот-авиация, но и силы специальных операций, в т.ч. по защите от кибератак, и военно-космические силы. Таким образом, доктрина учитывает комплексный характер современных боевых действий, которые не всегда принимают форму прямой вооруженной конфронтации, но могут проходить в формате т.н. гибридной войны, когда противники прибегают к диверсиям, хакерским атакам, агитации местного населения и др.³

Вопросы совместного ведения боевых действий, по замыслу авторов доктрины, должны решаться Объединенным комитетом начальников штабов. Одновременно в рамках взятого курса на комплексную модернизацию организационно-штатной структуры ВС Индии прорабатывается вопрос создания трех объединенных командований театров военных действий, в состав которых войдут части и подразделения

¹ Sagan, S. Nuclear Dangers in South Asia. Mode of access: https://fsi.stanford.edu/sites/default/files/sagan_nuc_sasia.pdf

² Raghuvanshi, V. Indian Military Is Said to Revise Its War Doctrine // *Defencenews*. Mode of access: <http://www.defencenews.com/pentagon/2017/01/18/indian-military-is-said-to-revise-its-war-doctrine/>

³ Panda, A. India's 2017 Joint Armed Forces Doctrine: First Takeaways // *The Diplomat*. Mode of access: <http://thediplomat.com/2017/04/indias-2017-joint-armed-forces-doctrine-first-takeaways/>

сухопутных войск, ВМС и ВВС, дислоцированные в трех регионах, играющих ключевую роль в обеспечении национальной безопасности: на севере – вдоль границы с Китаем, на западе – на границе с Пакистаном и на юге – для обеспечения безопасности акватории Индийского океана и морских перевозок. Предполагается, что начальник штаба объединенного командования будет самостоятельно решать вопросы подготовки, материально-технического обеспечения и применения ВС с учетом особенностей региона. Речь также идет о гомогенизации систем подготовки личного состава, снабжения, управления частями и подразделениями всех видов ВС и стратегического планирования⁴.

В настоящий момент индийские ВС состоят из 17 командований отдельных видов ВС: 7 командований сухопутных войск, 7 командований ВВС и 3 командования ВМС. При обсуждении вопроса о создании трех объединенных командований индийцы опирались на опыт США и России, обладающих сходной структурой организации ВС, а непосредственным поводом стало создание в КНР командования трех видов войск западного военного региона на границе с Индией. К практической реализации данной концепции предполагается приступить после завершения ключевых кадровых перестановок в Министерстве обороны.

Решение задачи обеспечения войск передовыми образцами продукции военного назначения индийские военные видят в развитии национального военно-промышленного комплекса в духе политики “*Make in India*”, что позволит к 2025 г. обеспечить автономность производства основных видов вооружений. На современном же этапе планируется «сохранять баланс» между национальным производством и закупками из-за рубежа.

Впервые в Объединенной военной доктрине упоминается и ядерное оружие (ЯО), о применении которого до этого говорилось только в обнародованной в 1999 г. ядерной

доктрине. Подтверждается отказ Нью-Дели от применения ЯО первыми. При этом, однако, обращает на себя внимание пункт, в котором говорится о «достаточном сдерживании» (а не о «достаточном минимальном сдерживании», как в тексте предыдущей доктрины)⁵. В подаче ряда экспертов это интерпретировано как гипотетическая готовность Нью-Дели не только нанести противнику удар с целью вывести его из войны, но и продолжать, в случае неэффективности первого удара, боевые действия с применением ЯО⁶.

В тексте новой доктрины упоминаются т.н. точечные удары, т.е. ограниченное применение вооруженных сил с целью уничтожения объектов террористической инфраструктуры, используемых против вооруженных сил и гражданского населения Индии. При этом не конкретизируется, находятся ли упомянутые объекты внутри страны или же на территории соседних государств, что, по сути, подразумевает нарушение государственных границ соседей Индии для реализации поставленных задач по обеспечению национальной безопасности. Таким образом, был подведен теоретический базис под действия индийцев в Мьянме в 2015 г. и в Пакистане в 2016 г., когда группы сил специального назначения территории другой страны пересекали границу соседней страны для ликвидации боевиков⁷.

В случае эскалации конфликта и последующего вооруженного столкновения действия высшего индийского командования регламентированы доктриной «холодного старта», когда сосредоточенные близ границы мобильные ударные группы смогут стре-

⁴ Mehta, A. Dilemma of a Two-Front War // *TribuneIndia*. Mode of access: <http://www.tribuneindia.com/news/comment/dilemma-of-a-two-front-war/436191.html>

⁵ Krepon, M.; Gagné, C. The Stability-Instability Paradox: Nuclear Weapons and Brinkmanship in South Asia. Washington, DC: Henry L. Stimson Center, 2001.

⁶ Cohen S.P. Nuclear Weapons and Nuclear War in South Asia: An Unknowable Future // *Brookings*. Mode of access: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/cohens20020501.pdf>

⁷ Singh, R. Surgical Strikes an Option Against Terrorist Acts // *Hindustan Times*. Mode of access: <http://www.hindustantimes.com/india-news/surgical-strikes-an-option-against-terrorist-acts-india-s-new-military-doctrine/story-gDvJHtVyWCxWLAG7u7rhvK.html>

нительно перейти в наступление на территорию противника с целью уничтожения и захвата ключевых объектов военной и гражданской инфраструктуры и последующего принуждения пакистанцев к капитуляции⁸.

В Нью-Дели также принимают во внимание и «китайский фактор»: на протяжении всего пребывания у власти кабинета Национального демократического альянса во главе с премьер-министром Н. Модии Китай воспринимается как одна из главных угроз национальной безопасности, чему способствует как сохраняющееся «всепогодное» стратегическое партнерство между Пекином и Исламабадом и расширение китайского присутствия в Южной Азии в целом, так и реализация проходящего по спорным территориям в контролируемом Пакистаном кашмирском районе Гилгит-Балтистан проекта Китайско-пакистанского экономического коридора в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Стоит напомнить, что переговоры спецпредставителей по вопросам урегулирования спора о принадлежности приграничных областей общей площадью около 130 тыс. кв. км не привели к ощутимым результатам, на фоне периодической эскалации напряженности в приграничных районах.

Так, летом 2017 г. стороны оказались втянуты в 72-дневное противостояние в районе плато Доклам на стыке китайско-бутанской границы, которое могло перерасти в вооруженную конфронтацию. В этих обстоятельствах Нью-Дели вмешался в конфликт Пекина и Тхимпху, руководствуясь союзническими обязательствами перед Бутаном. В ходе саммита БРИКС в сентябре 2017 г. в г. Сямэне Индия и Китай достигли договоренности о сохранении и поддержании статус-кво, однако индийцы полагают, что данный инцидент не исчерпан. Гегемонистская, как считают индийцы, внешняя политика КНР и растущая активность Народно-освободительной армии Китая по развитию военных баз и инфраструктуры в приграничных районах не оставляют у Нью-

Дели сомнений, что подобные инциденты могут повториться.

Растущие взаимные подозрения подкрепляются наращиванием военных потенциалов двух стран, включая ядерные силы. Осознавая очевидное превосходство Китая в обычных и стратегических вооружениях, Нью-Дели делает упор на развитие партнерства с Вашингтоном и другими антикитайскими настроенными игроками в АТР, главным образом с Канберрой и Токио. Участие Индии в ежегодных трёхсторонних военно-морских учениях «Малабар» (Индия, США, Япония) и формирование «четырёхугольника» в формате Австралия-Индия-США-Япония удачно вписывается в контекст выделенного в доктрине упора на развитие международного трека деятельности вооруженных сил, в частности, необходимости расширения военно-технического сотрудничества с региональными и мировыми державами путем не только регулярного проведения совместных учений, но и взаимодействия в области логистики, связи и обмена информацией

В то же время несмотря на традиционный упор на вероятный конфликт с Китаем и/или Пакистаном на фоне непрекращающейся напряженности в приграничных районах, в качестве потенциальных вызовов впервые выделены эскалация нестабильности в Афганистане, международный терроризм, распространение ОМУ, милитаризация Индийского океана и др. Декларируется и необходимость защиты индийской диаспоры за рубежом, в частности, на Ближнем Востоке и Северной Африке.

В целом в нынешней доктрине отражены изменения регионального и международного геостратегического ландшафта, а также характера современных боевых действий, которые не всегда принимают классическую форму вооруженного конфликта с участием регулярных армий стран-противников. В подаче индийских стратегов основной идеей этого концептуального документа является синергия всех видов войск и служб ВС Индии, призванная повысить обороноспособность страны. Одновременно военная доктрина адресована также потенциальным противникам, в первую очередь, Пакистану и Китаю, устанавливая своего рода «прави-

⁸ Ladwig, W. A Cold Start for Hot Wars? // *BelferCenter*. Mode of access: <http://www.belfercenter.org/publication/cold-start-hot-wars-indian-armys-new-limited-war-doctrine>

ла игры» с целью повышения предсказуемости региональной системы международных отношений.

В то же время большинство формулировок носит весьма поверхностный и обтекаемый характер, а конкретика, необходимая для документа такого формата, отсутствует. Критики, в свою очередь, отмечают, что доктрина не привнесла принципиально важных изменений: сохранен механизм разделения полномочий между тремя видами вооруженных сил. В отсутствие политической воли декларируемые доктриной постулаты и принципы могут столкнуться с трудностями при практическом воплощении.

Пакистан

В силу исторических факторов становление Пакистана как государства шло при активном участии военных, которые на протяжении всего периода независимости играли важную роль в стране, оказывая прямое или косвенное влияние на внешнюю и внутреннюю политику. Несмотря на то, что Исламская Республика Пакистан (ИРП) не имеет отдельной военной доктрины, оформленной в виде единого концептуального документа; военное строительство, а также вопросы организации и применения вооруженных сил регламентируются системой законов и актов. Основным из них является «Пакистанская оборонная политика», принятая в 1992 г. Комитетом по вопросам обороны. Согласно ей, в качестве ключевых военно-политических задач Исламабада выделены укрепление обороноспособности вдоль всей границы с потенциальным противником – Индией, а также хронически нестабильным Афганистаном, развитие «всепогодного» стратегического партнерства с КНР, а также ликвидация террористических и сепаратистских группировок внутри страны⁹.

По мнению авторов документа, Индия, проводящая так называемую активную гегемонистскую политику в Южной Азии, последовательно придерживается линии на эскалацию напряженности на границе с

ИРП, которая может принять форму вооруженного конфликта. Пакистан, отчетливо осознавая преимущество Индии в живой силе и обычных вооружениях, в соответствии с принципами этого документа, должен подготовиться к обороне по всей линии фронта, при этом в качестве основных направлений индийского наступления в нем выделены Сялкот–Лахор, Пенджаб, Раджастан, а также Азад-Кашмир¹⁰.

Согласно разработанной военными специалистами ИРП концепции «активной обороны», пакистанские ВС, опираясь на заранее оборудованные и эшелонированные укрепления, должны отразить натиск противника, не допуская его проникновения вглубь страны и захвата им ключевых объектов военной и гражданской инфраструктуры, а затем создать условия для перехода в контрнаступление с целью выбить индийцев с территории Пакистана и перенести боевые действия на территорию Индии. Для этого им нужно сохранить устойчивость оперативного и стратегического построения обороны, а также необходимый потенциал для нанесения встречных и ответных ударов противнику.

Военное руководство страны, осознавая ограниченность материально-технической базы и ресурсов тыла, делает упор на скорейшем переходе в контрнаступление и выполнение боевых задач в течение месяца. В противном случае Индия, используя преимущества стратегической глубины, а также более мощную промышленность, может затянуть боевые действия с целью достижения преимущества над экономически ослабленным противником. Генерал Каяни, ставший начальником штаба сухопутных войск ВС Пакистана в 2007 г., взял курс на подготовку к отражению индийского вторжения на территорию страны согласно концепции «холодного старта»¹¹. По его оцен-

⁹ Sulehria, F. Pakistan: In Search of a Strategic Death // *Kabulpress*. Mode of access: <https://www.kabulpress.org/article5518.html>

¹⁰ Ali, S.K. An Overview of Indo-Pak Military Doctrines // *Daily Times*. Mode of access: <http://dailytimes.com.pk/opinion/19-Sep-15/overview-of-indo-pak-military-doctrines>

¹¹ Rodenbeck, M. Why India and Pakistan Hate Each Other // *The Economist*. Mode of access: <https://www.economist.com/news/special-report/21725099-three-score-and-ten-years-after-their-acrimonious-split-india-and-pakistan-remain>

кам, индийцам требовалось не меньше двух лет для ее частичной реализации, а спустя пять потенциальный противник должен был закончить военные приготовления. Таким образом, мышление высшего военного командования Исламабада было сосредоточено главным образом на укреплении обороноспособности страны с целью помешать Индии претворить в жизнь планы по быстрому выводу Пакистана из войны. Для этого была принята т.н. Новая концепция ведения войны (англ. *a new concept of war fighting*), которая подразумевала проведение регулярных военных учений «Азм-э-Нау» на границе с Индией с целью отработки отражения потенциального наступления и повышения эффективности взаимодействия всех видов вооруженных сил¹².

С этой целью руководством Пакистана был взят курс на создание крупной группировки сухопутных войск и ВВС вблизи границы с Индией, а также флота в Аравийском море с целью недопущения морской блокады и создания «санитарного кордона», а также высадки десанта вблизи порта г. Карачи и пунктов базирования флота на Макранском побережье Аравийского моря. Эти силы должны находиться в боевой готовности с целью отражения возможного наступления противника, пресечения диверсий и вооруженных вылазок против военных, гражданского населения и объектов инфраструктуры.

Фактор Китая как потенциального союзника также учитывается Исламабадом, особенно на фоне обострения индийско-китайских отношений на границе и столкновения интересов Пекина и Нью-Дели в Южной и Юго-Восточной Азии и Африке, но здесь отчетливо осознают, что поддержка КНР, несмотря на активное военно-техническое сотрудничество, в том числе в ядерной сфере, не будет безусловной, поэтому ИРП должна быть готова к ведению боевых действий собственными силами.

Приоритет в вопросах военного строительства и совершенствования ВиВТ уделяется созданию подвижных ударных частей

и подразделений сухопутных войск, усиленных поддержкой с воздуха. Для этого развиваются такие отрасли ВПК, как бронетанковые войска (танки, БТР, БМП), а также военная авиация (многоцелевые истребители) для завоевания превосходства в воздухе. На вооружение принимаются новые артиллерийские системы и ракетные комплексы, средства ПВО, а также системы управления войсками и РЛС.

Упор делается на международное военно-техническое сотрудничество, основными партнерами по которому являются Китай, США, а также Италия и другие европейские страны, предлагающие современные образцы ПВН. По данным SIPRI, за последние семь лет расходы на оборону выросли на 58% по сравнению с предыдущим семилетним периодом. Примечательно, что в качестве приоритетных направлений военного строительства были выделены бронетехника, авиация и ракеты.

Несмотря на то, что у Пакистана нет ядерной программы в виде официального документа, вопросы применения ЯО занимают важное место в стратегической мысли Исламабада в виде т.н. концепции всеобъемлющего ядерного сдерживания. В качестве основных принципов выделены массивный ответный удар, а также децентрализация системы управления. При этом ИРП, осознавая асимметрию в обычных вооружениях, заявляет о возможности применения ЯО первыми в случае угрозы территориальной целостности и независимости государства при условии нанесения значительного ущерба вооруженным силам или экономическому потенциалу страны, а также осуществления крупной диверсии с целью политической дестабилизации¹³.

Решение о запуске ядерной программе было принято на секретном заседании военного и гражданского руководства в Мултани в 1972 г., при этом во многом на это повлияло поражение в войне 1971 г., в результате чего Восточный Пакистан стал от-

¹² Pakistan's (Non-Nuclear) Plan to Counter 'Cold Start' // *The Diplomat*. Mode of access: <http://thediplomat.com/2017/03/pakistans-non-nuclear-plan-to-counter-cold-start/>

¹³ Shafiq, M. The Probabilities of Nuclear War in South Asia // *NDU*. Mode of access: http://www.ndu.edu.pk/issra/issra_pub/articles/margalla-paper/Margalla-Papers-2010/03-The-Probabilities-of-Nuc-War-in-South-Asia.pdf

дельным государством Бангладеш, что существенно ослабило страну, лишившуюся трети населения и значительной части экономического потенциала. Индийские ядерные испытания («Улыбающийся Будда») в 1974 г. окончательно убедили Исламабад в целесообразности скорейшего создания ЯО. Дополнительным стимулом стал фактор конкуренции за лидирующие позиции в исламском мире. По оценкам аналитиков, непосредственно ядерное оружие, то есть боеголовки и средства их доставки, появились у Пакистана уже к середине 1980-х гг., однако ядерные испытания были проведены лишь в 1998 г., в результате чего ИРП вступила в неофициальный клуб ядерных держав.

При этом Пакистан отказался подписать с Индией соглашение о неприменении ЯО первыми. Это обусловлено главным образом тем, что возможность нанесения им второго (или ответного) ядерного удара является весьма проблематичным с учетом как стратегической глубины территории государства, так и его ограниченных экономических ресурсов для создания значительного ядерного арсенала. Как отмечает пакистанский аналитик Мазари Ширин, доктрина «ядерного щита» будет становиться для Пакистана все более привлекательной как символ растущей военной асимметрии между Индией и Пакистаном.

Отдельно стоит упомянуть и т.н. тактическое ядерное оружие, которое может быть применено против крупных группировок индийских ВС, вступивших на территорию Пакистана, при этом отразить их наступление обычными вооружениями не представляется возможным¹⁴. Тактическое ядерное оружие (ТЯО) при всей ограниченной области использования может стать сигналом для Нью-Дели о переходе к ядерному конфликту и повлечь за собой массивированное воздействие против основных военных и промысленных объектов. С начала 2010-х гг. в СМИ стала активно «вбрасываться» информация о том, что на вооружение ИРП поступили раке-

ты «Хатф-9» («Наср»), способные нести ядерные боезаряды¹⁵.

Сравнительный анализ

Военные доктрины Индии и Пакистана (в данном случае речь идет не о конкретном документе, а о концептуальном подходе к военному строительству и ведению боевых действий) имеют много общего. Упор делается на создание современных вооруженных сил с высокой степенью интегрированности и взаимодействия между различными родами войск, способных участвовать в полномасштабных боевых действиях или же адекватным образом реагировать на неконвенциональные угрозы и вызовы безопасности, включая проникновение террористических группировок, крупные диверсии и др.

Очевидно, что военная мысль Нью-Дели и Исламабада эволюционировала с учетом стратегии потенциального противника и опыта предыдущих войн. Осознавая, что после того, как ИРП вступила в «ядерный клуб», парадигма взаимного сдерживания приняла иной характер, и военное руководство обеих стран перенесло основное внимание с полномасштабных боевых действий на конфликт ограниченного формата, который, тем не менее, может перерасти в войну, в том числе и с применением ЯО.

Приоритет отдается захвату стратегической инициативы и нанесению максимального ущерба противнику с целью извлечения политических дивидендов по итогам последующего мирного соглашения. Стратегическая мысль обеих стран сходится в том, что война не будет нести затяжной характер: как в Нью-Дели, так и в Исламабаде отчетливо осознают, что на обе стороны будет оказываться огромное давление со стороны мирового сообщества, обеспокоенного вооруженным столкновением двух ядерных держав с перспективой прямого или косвенного вовлечения третьей в лице КНР.

Руководствуясь подобными соображениями, Индия и Пакистан пришли к выво-

¹⁴ India's War Doctrine // *dawn.com*. Mode of access: <https://www.dawn.com/news/1308252>

¹⁵ Who Funds Pakistan's Weapon System? // *New Delhi Times*. Mode of access: <http://www.newdelhitimes.com/who-funds-pakistans-weapon-system/>

ду о необходимости наращивания военного присутствия на границе и создания мощного контингента для ведения полномасштабных боевых действий с применением обычных вооружений. Наличие крупных группировок войск в приграничных районах является дополнительным фактором, осложняющим двусторонние отношения и повышающим риск начала вооруженной конфронтации¹⁶.

Нью-Дели убежден, что катализатором для эскалации конфликта может стать крупный теракт или диверсия против вооруженных сил или гражданского населения Индии, совершенный пакистанскими спецслужбами или спонсируемыми ими группировками, к примеру, такими, как «Хизб-уль-Муджахиддин», «Сеть Хаккани» и др. В Исламабаде же убеждены, что противник прибегнет к провокациям с целью создать предлог для начала войны, выставив ИРП как виновника в глазах международного сообщества. Цели Нью-Дели в гипотетической войне традиционны: решение Кашмирского вопроса и других проблем двусторонней повестки дня, включая Договор о разделе вод Инда, борьбу с трансграничным терроризмом и др.

Лейтмотивом последних лет стала непрекращающаяся конфронтация на границе: несмотря на попытки премьера Нарендры Моди возобновить диалог с пакистанским коллегой в 2015 г., последующие теракты против лагерей индийских вооруженных сил и дипломатических представительств Индии в Афганистане свели на нет все усилия и привели к новому витку вооруженного противостояния, продолжающегося по настоящее время: стороны регулярно обстреливают приграничные районы противника, что сопровождается жертвами среди военных и мирного населения, а также взаимными обвинениями в нарушении режима прекращения огня, введенного еще в 2003 г.¹⁷

¹⁶ Cold Water on Cold Start: Long-Term Implications of Short-Range Missiles. Mode of access: <http://nation.com.pk/blogs/25-Jul-2017/cold-water-on-cold-start-long-term-implications-of-short-range-missiles>

¹⁷ Aguilar, F.; Bell, R.; Black, N.; Falk, S.; Rogers, S.; Peritz, A. An Introduction to Pakistan's Military / BelferCenter. Mode of access: <http://www.belfercenter.org/sites/default/files/legacy/files/Pakistan-Military-final-B.pdf>

Таким образом, приграничная ситуация создает предпосылки для возможного начала боевых действий, поводом для которых может стать очередной резонансный теракт против Индии, в ответ на который Нью-Дели задействует силы специального реагирования для ликвидации базы террористов на территории соседнего государства¹⁸. Дальнейшая эскалация конфликта под давлением СМИ и общества в случае невозможности политического урегулирования заставит индийцев в рамках реализации концепции «холодного старта» задействовать вооруженные силы приграничных районов для нанесения точечных ударов по Пакистану в качестве акта возмездия. В том же случае, если ИРП сможет развернуть собственные войска на границе быстрее Индии, сама идея этой ограниченной войны будет сведена на нет, что заставит Нью-Дели либо отказаться от начала боевых действий, либо начать полномасштабный вооруженный конфликт с риском его перерастания в ядерное противостояние, несмотря на многочисленные заявления об отказе от применения ЯО первыми¹⁹.

Характерно, что весь внешнеполитический курс Пакистана в отношении Индии построен на конфронтационной основе. По мнению С.И. Лунева, ситуация, в которой две страны со схожей культурной идентичностью, разделенные во многом по принципу религии, является наиболее опасной и делает иллюзорными шансы на нормализацию двусторонних отношений. Конфликт не сохраняется в рамках традиционного столкновения профессиональных армий двух воюющих сторон, но и приобретает идеологический и своего рода сакральный характер. Этому также способствует и тот факт, что в Пакистане армия с 1970-х – 1980-х гг. играет роль главного политического актора, определяющего во многом в том числе

¹⁸ What Is India's "Cold Start" Military Doctrine? // *The Economist*. Mode of access: <https://www.economist.com/blogs/economist-explains/2017/02/economist-explains>

¹⁹ Keck, Z. Billions Could Die if India and Pakistan Start a Nuclear War // *National Interest*. Mode of access: <http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/billions-could-die-if-india-pakistan-start-nuclear-war-21623?page=show>

и внешнюю политику страны. Многолетняя милитаризация и исламизация пакистанского общества вкупе с демонизацией Индии делает перспективу решения Кашмирского вопроса за столом переговоров крайне маловероятной.

Особенность системы взаимного сдерживания в регионе заключается в том, что ядерные силы обеих стран оперативно не развернуты и не находятся в состоянии боевой готовности, что автоматически повышает пороговый уровень применения. Тем не менее, ЯО воспринимается как средство решения военных задач, которые не в состоянии выполнить войска с обычным вооружением, а также захвата стратегической инициативы и устрашения²⁰.

В настоящий момент, по оценкам различных экспертных центров, в арсенале Индии от 90 до 120 единиц ЯО, у Пакистана – от 35 до 70. Подсчеты во многом опираются на информацию о количестве добытого оружейного плутония, при этом ясно, что не все его запасы были использованы для постройки боезарядов. Средняя мощность боезарядов, по спекулятивным предположениям, не превышает 30-40 килотонн²¹. Таким образом, можно сделать вывод, что на фоне общих размеров, численности населения и экономического потенциала обеих стран их ядерные силы слишком незначительны, чтобы нанести достаточный урон для того, чтобы склонить ход войны в свою сторону и заставить противника капитулировать. Их достаточно только для того, чтобы или уничтожить крупные мегаполисы, что нецелесообразно в силу возможности передислоцировать политическое и военное руководство, или нанести удар по объектам военной инфраструктуры: аэродромам, базам снабжения, ремонтным и нефтеперерабатывающим заводам и др.

В этом случае сравнение также не в пользу Пакистана: в то время как индийская военная промышленность представлена десятком крупных предприятий, филиалы и

заводы которых разбросаны по всей стране, пакистанская военная инфраструктура расположена не столь дисперсно: общеизвестно, что крупнейший военно-промышленный комплекс, состоящий из 14 заводов, где производится основная часть вооружения и боеприпасов для сухопутных войск, находится в городе Вах, в 45 км от столицы. Поблизости расположены предприятия по производству и ремонту танков, бронетехники и авиации. Базы и судовой верфи ВМС, а также металлургические заводы и фабрики стрелкового оружия и боеприпасов сконцентрированы в районе Карачи.

Эксперты сходятся во мнении, что ситуация в Южной Азии напоминает «холодную войну»: Индия и Пакистан участвуют в гонке вооружений, последовательно наращивая ядерный потенциал и развивая и улучшая средства доставки ЯО, при этом опыт последнего вооруженного конфликта свидетельствует о низком пороге перехода от приграничных столкновений к полномасштабным боевым действиям. В отсутствие механизма ограничений ЯО и взаимных инспекций стороны не в состоянии оценить объем и состояние наступательного потенциала противника и могут неверно интерпретировать его сигналы.

В то же время, как представляется, переход «ядерного барьера» не изменит общей ситуации на фронте, но лишь даст обеим сторонам карт-бланш на длительную войну на истребление с переходом от активных боевых действий к позиционным. В этом случае «войны на изнеможение» преимущество все равно будет на стороне Индии, обладающей более мощной промышленной базой и экономическими ресурсами, но страна окажется втянута в длительный конфликт, в том числе против партизанских групп и террористических организаций, что нанесет значительный ущерб как международному престижу и внешнеполитическому влиянию, так и экономике.

Что касается «китайского фактора», то его не стоит переоценивать: несмотря на декларируемую поддержку, Пекин не заинтересован в полномасштабной войне Индии и Пакистана, которая чревата колоссальными экономическими потерями и экологическими

²⁰ Hoodbhoy P., Mian Z. Nuclear battles in South Asia // *The Bulletin*. Mode of access: <http://thebulletin.org/nuclear-battles-south-asia9415>

²¹ Верхотуров Д. «Чагаи» против «Шакти». Режим доступа: <http://www.apn.ru/index.php?newsid=35678>

последствиями, которые косвенно затронут и КНР. По всей видимости, в случае гипотетической военной конфронтации Китай ограничится материально-технической поддержкой «всепогодного» партнера и внешнеполитическим давлением на индийцев вкупе с подчеркнута демонстративным наращиванием контингента на границе с целью скорейшего прекращения боевых действий.

Прямое вооруженное столкновение Индии и КНР возможно только в случае обострения непосредственно индийско-китайских отношений, правда, в таком случае Пакистан не преминет воспользоваться ситуацией и, выступив на стороне Китая, откроет второй фронт с целью извлечения максимальных дивидендов из противостояния двух азиатских гигантов. Правда, несмотря на внешнеполитические амбиции Поднебесной и милитаристские заявления высшего руководства, в Нью-Дели и Пекине отчетливо осознают возможные последствия.

Заключение

Подводя итог, стоит отметить, что основой военной стратегии Нью-Дели в отношении Пакистана является нанесение максимального ущерба противнику в кратчайшие сроки с целью захватить ключевые объекты военной инфраструктуры и не дать ИРП мобилизовать ВС, сделав дальнейшее ведение боевых действий нецелесообразным. Для Пакистана благоприятный исход возможен только в случае, если более подготовленные и лучше оснащенные части и подразделения ВС, расположенные на границе, смогут отразить наступление индийцев или же нанести превентивный удар по войскам противника, не успевшим завершить мобилизацию, с целью создания более выгодных условий для последующих переговоров.

Таким образом, анализ военных доктрин Индии и Пакистана позволяет сделать вывод, что наиболее вероятно сохранение существующей парадигмы: пограничные стычки с возможностью перерастания в локальный конфликт без перехода к полномасштабным боевым действиям и ядерной войне.

Литература:

- Арбатова А.Г., Чуфрин Г.И. Ядерное противостояние в Южной Азии. – М., Московский Центр Карнеги, 2005. – С.10-16.
- Белов Н.С., Кошкин А.М. Военная доктрина Пакистана // Зарубежное военное обозрение. – 2016, – №3, – С. 27-31.
- Блокренцицкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. – М.: «Международные отношения», 2003. – 368 с.
- Лунев С.И. Дипломатия в Южной Азии. – М. «Международные отношения», 1993. – 194 с.
- Сотников В.И. Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях (вторая половина XX–XXI века). – М.: Научная книга, 2003. – с. 102-114.
- Шаумян Т.Л. Индия сегодня. Справочно-аналитическое издание. – М.: ИВ РАН, Ариаварта-Пресс, 2005. – с.258-271.
- Шилин А.А. Стратегический баланс в Южной Азии. – М.: Научная книга, 2004. – 288 с.
- Юрлов Ф.Н. Индия: военная доктрина и вооруженные силы // Журнал «Восток» (Oriens). – № 3 и № 4. – 2009. – С. 7582
- Юрлов Ф.Н. Индия: ядерные проблемы и вызовы // Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока. История и современность. Сборник статей памяти Ю.В. Ганковского. – М.: Научная книга, 2004. – С.96-119.
- Ahmed, A. India's Strategic and Military Doctrines: A Post-1971 Snapshot, USI Journal, 2009. Pp. 494-517.
- Ahmed, A. India's Doctrine Puzzle: Limiting War in South Asia. Routledge India, 2014. 256 p.
- Ahmed, A. Reconciling Doctrines: Prerequisite for Peace in South Asia, IDSA Monograph No. 3, 2010. 45 p.
- Arnett, E. Military Capacity and the Risk of War: China, India, Pakistan, and Iran. Oxford University Press, 1997. 384 p.
- Bakshi, G.D. The Rise Of Indian Military Power: Evolution of an Indian Strategic Culture. Knowledge World Publishers, 2009. 348 p.
- Basrur, R. Minimum Deterrence and India's Nuclear Security. Studies in Asian Security, 2009. 264 p.
- Chakma, B. The Politics of Nuclear Weapons in South Asia. Routledge, 2016. 278 p.
- Cloughley, B. A History of the Pakistan Army: Wars and Insurrections (4th edition). Oxford University Press, 2016.
- Davis, G. The India-Pakistan Military Standoff. Palgrave Macmillan US, 2011. 240 p.
- Dittmer, L. South Asia's Nuclear Security Dilemma: India, Pakistan, and China. Routledge, 2005. 296 p.
- Gilboy, G.; Heginbotham, E. Chinese and Indian Strategic Behavior. Cambridge University Publications, 2012. 376 p.
- Kapur, S.P. Dangerous Deterrent. Stanford: Stanford University Press, 2007. Pp. 34-52.
- Karnad, B. India's Nuclear Policy. Praeger, 2008. 236 p.
- Krepon, M.; Thompson, J. Deterrence Stability and Escalation Control in South Asia. Washington: Stimson, 2013. 207 p.
- Lavoy, P.R. "Managing South Asia's Nuclear Rivalry, 'Prospects of Peace, Stability and Prosperity in South Asia'". Collection of Papers presented at an International Seminar organized by the Institute of Regional studies, Islamabad, on 7-9 June 2004.

Mohan, C. Raja. India's Naval Strategy and Asian Security. New Delhi, Routledge, 2016. 260 p.

Narang, V. Nuclear Strategy in the Modern Era: Regional Powers and International Conflict. Princeton University Press, 2015. 360 p.

Pamidi, G. Possibility of a Nuclear War in Asia: An Indian Perspective. Vij Books India, 2012. 240 p.

Paranjay, G.T.; Shankar, R. Divided We Stand: India in a Time of Coalitions. New Delhi: Sage Publications, 2007. 248 p.

Praful, B.; Achin, P. South Asia on a Short Fuse: Nuclear Politics and the Future of Global Disarmament. New Delhi: OUP, 2001. 67 p.

Ray, A. The Soldier and the State in India. Nuclear Weapons, Counterinsurgency, and the Transformation of Indian Civil-Military Relations. SAGE Publications Pvt. Ltd. 192 p.

Sagan, S.D. Inside Nuclear South Asia Stanford: Stanford University Press, 2009. 296 p.

Sethi, M. Nuclear Strategy: India's March Towards Credible Deterrence. New Delhi: Knowledge World, 2009. 198 p.

Verma, A. Reassessing Pakistan: Role of Two-Nation Theory. Centre for Policy Research, New Delhi, 2001. 280 p.

References:

Ahmed, A. India's Strategic and Military Doctrines: A Post-1971 Snapshot, USI Journal, 2009. Pp. 494-517.

Ahmed, A. India's Doctrine Puzzle: Limiting War in South Asia. Routledge India, 2014. 256 p.

Ahmed, A. Reconciling Doctrines: Prerequisite for Peace in South Asia, IDSA Monograph No. 3, 2010. 45 p.

Arbatov, A.G.; Chufirin, G.I. Iadernoe protivostoianie v Iuzhnoi Azii. Moscow, Moskovskii Tsentr Karnegi, 2005. Pp.10-16.

Arnett, E. Military Capacity and the Risk of War: China, India, Pakistan, and Iran. Oxford University Press, 1997. 384 p.

Bakshi, G.D. The Rise Of Indian Military Power: Evolution of an Indian Strategic Culture. Knowledge World Publishers, 2009. 348 p.

Basrur, R. Minimum Deterrence and India's Nuclear Security. Studies in Asian Security, 2009. 264 p.

Belokrenitskii, V.Ia.; Moskalenko, V.N., Shaumian, T.L. Iuzhnaia Azia v mirovoi politike. Moscow: «Mezhdunarodnye otnosheniia», 2003. 368 p.

Belov, N.S.; Koshkin, A.M. Voennaia doktrina Pakistana. Zarubezhnoe voennoe obozrenie, 2016, No. 3, pp. 27-31.

Chakma, B. The Politics of Nuclear Weapons in South Asia. Routledge, 2016. 278 p.

Cloughley, B. A History of the Pakistan Army: Wars and Insurrections (4th edition). Oxford University Press, 2016.

Davis, G. The India-Pakistan Military Standoff. Palgrave Macmillan US, 2011. 240 p.

Dittmer, L. South Asia's Nuclear Security Dilemma: India, Pakistan, and China. Routledge, 2005. 296 p.

Gilboy, G.; Heginbotham, E. Chinese and Indian Strategic Behavior. Cambridge University Publications, 2012. 376 p.

Iurlov, F.N. Indii: iadernye problemy i vyzovy // Pakistan, strany Iuzhnoi Azii i Srednego Vostoka. Istoriia i sovremennost'. Sbornik statei pamiati Iu.V. Gankovskogo. Moscow: Nauchnaia kniga, 2004. Pp. 96-119.

Iurlov, F.N. Indii: voennaia doktrina i vooruzhennye sily // Zhurnal «Vostok» (Oriens), No. 3 and No. 4, 2009, pp. 7582.

Kapur, S.P. Dangerous Deterrent. Stanford: Stanford University Press, 2007. Pp. 34-52.

Karnad, B. India's Nuclear Policy. Praeger, 2008. 236 p.

Krepon, M.; Thompson, J. Deterrence Stability and Escalation Control in South Asia. Washington: Stimson, 2013. 207 p.

Lavoy, P.R. "Managing South Asia's Nuclear Rivalry, 'Prospects of Peace, Stability and Prosperity in South Asia'". Collection of Papers presented at an International Seminar organized by the Institute of Regional studies, Islamabad, on 7-9 June 2004.

Lunev, S.I. Diplomatiia v Iuzhnoi Azii. Moscow. «Mezhdunarodnye otnosheniia», 1993. 194 p.

Mohan, C. Raja. India's Naval Strategy and Asian Security. New Delhi, Routledge, 2016. 260 p.

Narang, V. Nuclear Strategy in the Modern Era: Regional Powers and International Conflict. Princeton University Press, 2015. 360 p.

Pamidi, G. Possibility of a Nuclear War in Asia: An Indian Perspective. Vij Books India, 2012. 240 p.

Paranjay, G.T.; Shankar, R. Divided We Stand: India in a Time of Coalitions. New Delhi: Sage Publications, 2007. 248 p.

Praful, B.; Achin, P. South Asia on a Short Fuse: Nuclear Politics and the Future of Global Disarmament. New Delhi: OUP, 2001. 67 p.

Ray, A. The Soldier and the State in India. Nuclear Weapons, Counterinsurgency, and the Transformation of Indian Civil-Military Relations. SAGE Publications Pvt. Ltd. 192 p.

Sagan, S.D. Inside Nuclear South Asia Stanford: Stanford University Press, 2009. 296 p.

Sethi, M. Nuclear Strategy: India's March Towards Credible Deterrence. New Delhi: Knowledge World, 2009. 198 p.

Shaumian, T.L. Indiiia segodnia. Spravochno-analiticheskoe izdanie. Moscow: IV RAN, Ariavarta-Press, 2005. Pp. 258-271.

Shilin, A.A. Strategicheskii balans v Iuzhnoi Azii. Moscow: Nauchnaia kniga, 2004. 288 p.

Sotnikov, V.I. Iadernaia problema v indiiiskopakistanskikh otnosheniiax (vtoraia polovina XX–XXI veka). Moscow: Nauchnaia kniga, 2003. Pp. 102-114.

Verma, A. Reassessing Pakistan: Role of Two-Nation Theory. Centre for Policy Research, New Delhi, 2001. 280 p.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-3-14-25>

COMPARATIVE ANALYSIS OF MILITARY DOCTRINES OF INDIA AND PAKISTAN

Mikhail S. Zaytsev

*Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 12 April 2018</p> <p><i>Accepted:</i> 13 May 2018</p>	<p>Abstract: The article is devoted to the comparison of the military doctrines of India and Pakistan; their bilateral relations greatly determine the existing balance of power in the region of South Asia and are marked with high level of tension and mutual mistrust. Since the Independence of the former members of the British Dominion in 1947 the sides consider each other as the main potential adversary. After nuclear tests conducted by both countries the conformation of New Delhi and Islamabad escalated to a new level, and the state of bilateral relations is a matter of reasonable concern all over the globe. The analysis of military doctrines of India and Pakistan gives every reason to think that, despite the aggressive and jingoish rhetoric of the sides, they are not ready for a full-scale war, and military warfare will be limited and short-term.</p>
<p>About the author: Attaché, the Embassy of the Russian Federation in the Republic of India, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation</p> <p>e-mail: gree090@gmail.com</p>	
<p>Key words: military doctrine of India; military doctrine of Pakistan; the doctrine of «cold start»; tactical nuclear weapon; mutual nuclear deterrence</p>	

Для цитирования: Зайцев М.С. Сравнительный анализ военных доктрин Индии и Пакистана // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 3. – С. 14-25.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-14-25

For citation: Zaytsev, Mikhail S. Sravnitel'nyi analiz voennykh doktrin Indii i Pakistana (Comparative Analysis of Military Doctrines of India and Pakistan) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 3, pp. 14-25.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-14-25

КИТАЙ И РЕФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Яна Валерьевна Лексютина

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 30 ноября 2017 <i>Принята к печати:</i> 1 марта 2018</p>	<p>Аннотация: Мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 гг. властно поставил перед мировым сообществом задачу реформирования международной экономической системы и привлечения к глобальному экономическому управлению динамично развивающихся стран с формирующимися рынками. Одну из ключевых ролей в процессах реформирования международной экономической системы и глобального экономического управления приобретает Китай как держава не только нарастившая свою экономическую мощь до уровня второй мировой экономики, крупнейшей торговой державы и держателя золотовалютных резервов, но и демонстрирующая готовность взять на себя соответствующую международную ответственность и начать задавать вектор мирового экономического развития. Содействуя совершенствованию существующих правил, норм и системообразующих институтов, Пекин одновременно предлагает миру новые, китаецентричные инициативы, наиболее известными из которых, но отнюдь не единственными, являются создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и инициатива «Пояс и путь». В статье характеризуется участие Китая в реформировании международной экономической системы после азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг. по настоящее время: выделяются основные формы участия Китая, мотивация и направления приложения его усилий. Прослеживая выдвигаемые, поддерживаемые и реализуемые Китаем инициативы и меры, предполагающие изменения в международной экономической системе, а также анализируя официальную риторику и внешнеполитическую деятельность китайского руководства, в статье делается вывод о взятом Пекином курсе на занятие одной из ключевых ролей в глобальном экономическом управлении и постепенное выстраивание китаецентричной системы международных правил, норм и институтов.</p> <p><i>Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-07-50016 а(ф).</i></p>
<p>Об авторе: д.полит.н., доцент, заместитель заведующего кафедрой, кафедра американских исследований e-mail: lexuana@ya.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Китай; международная экономическая система; глобальное экономическое управление; Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ); многосторонние банки развития; инициатива «Пояс и путь»; G20; мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 гг.; Новый банк развития; БРИКС</p>	

Современная международная экономическая система и место Китая в ней

Инициировав в конце 1970-х гг. политику «реформ и открытости», китайское руководство взяло курс на инкорпорирование в международную экономическую систему и, соответственно, расширение взаимодействия с ключевыми международными финансовыми и торговыми институтами. Уже в апреле 1980 г. Китай восстанавливает свое членство во Всемирном банке и МВФ, в марте 1986 г. подключается к участию в крупном региональном многостороннем банке развития – Азиатском банке развития.

Китай также присоединяется к целому ряду других многосторонних банков развития, но уже в роли инвестора: Африканскому банку развития (в 1985 г.), Карибскому банку развития (1997 г.), Банку торговли и развития Восточной и Южной Африки (2000 г.), Восточно-Африканскому банку развития (2004 г.), Межамериканскому банку развития (2008 г.) и, наконец, Европейскому банку реконструкции и развития (2016 г.). Китай принимает такие базовые характеристики международной экономической системы

как экономическая глобализация, свободная торговля и свободное перемещение капитала, с одной стороны, открывая свой внутренний рынок для внешних игроков (сохраняя определенные ограничения в отдельных сферах экономики, таких как, например, топливно-энергетической, инфраструктурной, банковской, сфере страхования и др.), а, с другой стороны, активно осуществляя выход на внешние рынки (сначала – товарные, а несколько позднее – рынки услуг и рынки капиталов). После 15-летнего подготовительного периода, в течение которого Пекин согласовывал условия своего вхождения в ВТО и проводил требующиеся в этой связи экономические преобразования, в декабре 2001 г. Китай становится полноправным членом ВТО, завершив полную интеграцию в международную систему.

Прочно инкорпорировавшись в международную систему, Китай становится одним из ее крупнейших бенефициаров. Встав на путь либерализации торговли и инвестиционной деятельности, Китай превратился в «мировую фабрику», одного из крупнейших получателей иностранных инвестиций, крупнейшего в мире экспортера и торговую державу. Так, создание свободных экономических зон в Китае и проведение политики по формированию благоприятного инвестиционного климата позволило Китаю привлечь масштабные иностранные инвестиции, а с ними и получить доступ к современным инновационным технологиям и заимствовать передовой управленческий опыт. В определенном смысле можно говорить о том, что экономический рост Китая стал возможен и благодаря открытости американской экономики для китайского экспорта. С конца 1980-х гг. США были крупнейшим экспортным рынком для Китая¹. Участие Китая в многосторонних банках развития (Всемирном банке и Азиатском банке развития) не только открыло возможности для получения Китаем масштабной финансовой и консультативной помощи, но и позволило реализовать многочисленные инфраструктурные проекты и, что еще более важно, – создать собственную индустрию инфраструктурно-

го планирования и строительства, заимствовав обширный опыт многосторонних банков развития в этой сфере.

Приняв принципы функционирования и правила существующей международной экономической системы, став частью этой системы, Китай смог существенно нарастить экономическую мощь. Поддерживая на протяжении почти четырех десятилетий стабильно высокие темпы экономического роста (в 1979-2015 гг. среднегодовые темпы роста ВВП составляли 9,6%²), Китай увеличил ВВП в 73,6 раза со 150 млрд долларов до 11 трлн долларов, нарастив долю в мировом ВВП до 14,8% с изначальных 1,8%. С 1978 г. по 2015 г. по показателю размера ВВП Китай переместился с 10 на 2 место, впервые заняв в 2010 г. вторую позицию, потеснив Японию. В 2015 г. соотношение размеров экономик Китая и США – крупнейшей мировой экономики – составило 1 к 1,6, в то время как в 1978 г. ВВП США превышало ВВП Китая в 15,8 раз. По показателю ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, Китай стал крупнейшей мировой экономикой еще в 2014 г.

Также, за время реализации экономических преобразований Китай превратился в крупнейшего держателя золотовалютных резервов мире, увеличив их с 4,4 млрд долларов до 3 трлн долларов (на декабрь 2016 г.). Китай стал мировым лидером по объемам внешней торговли и экспорта. Внешнеторговый оборот Китая возрос в 192 раза с 20,6 млрд долларов в 1978 г.³ до 3963 млрд долларов в 2015 г.⁴ С 1978 г. по 2015 г. Китай нарастил свою долю в мировой торговле с 1 до 12%, переместившись с 32-го на первое место в рейтинге стран по размеру внешнеторгового оборота. Для ста с лишним государств мира Китай стал ведущим торговым партнером, экономическая зависимость от Китая ряда стран очень велика. Китай ныне

² Здесь и далее (если не указано иное) макроэкономические показатели рассчитаны по World Bank open data. Mode of access: <http://data.worldbank.org/>

³ White Paper “China’s Foreign Trade”, 2011. Mode of access: http://www.gov.cn/english/official/2011-12/07/content_2014019.htm

⁴ UN Comtrade Database. Mode of access: <http://comtrade.un.org/>

¹ Ong, R. China’s Security Interests in the 21st Century. London: Routledge, 2007. P. 43.

занимает второе место по объему внешней торговли услугами, 2-ое место по объему привлекаемых инвестиций и по размеру внешних прямых инвестиций.

Сумевший достичь таких впечатляющих результатов в своем социально-экономическом развитии, с максимальной для себя выгодой использовавший предоставленные международной экономической системой возможности, но вместе с тем одновременно попавший в зависимость от этой системы, Китай стал чрезвычайно заинтересованным в сохранении базовых принципов этой системы, таких как свободная торговля, свободное движение капиталов, экономическая глобализация, открытость экономик и пр. Так, в официальных документах Китая нынешнего столетия систематически подчеркивается позитивная роль экономической глобализации, отстаивается необходимость большей открытости мировой экономики, либерализации торговли и инвестиций. С принципиальной позицией в защиту экономической глобализации и принципов свободной торговли высказался Си Цзиньпин в январе 2017 г. на Всемирном экономическом форуме.

Однако заинтересованность Пекина в сохранении существующей международной экономической системы и ее базовых принципов, в полной мере соответствующих китайским интересам, отнюдь не означает принятия Китаем всех характеристик этой системы. В самом общем виде созданная в 1940-х гг. и впоследствии дополненная рядом институтов, правил и норм, современная международная экономическая система основывается на трех основных столпах, делающих ее западноцентричной: доминирующей роли США и других Западных стран в создании и поддержании международных финансово-экономических правил; ключевом положении американского доллара в международной валютной системе; трех основных системообразующих институтах – МВФ (ответчающим за макроэкономическое наблюдение и поддержание финансовой стабильности), Всемирном Банке (многостороннем банке развития, призванном содействовать снижению бедности и стимулированию социально-экономического

развития в развивающихся странах) и ВТО (ответственной за поддержание закона и права в международной торговле товарами и услугами). Особый статус западных стран в МВФ и Всемирном банке закреплен в системе распределения квот и прав голоса, в организационной структуре и практике назначения на ключевые посты в этих финансовых институтах. Особую роль западных стран в международной экономической системе поддерживают и другие крупные международные институты, такие как, например, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) или крупнейшие региональные многосторонние банки развития, также контролирующиеся развитыми странами (Азиатский банк развития, Европейский инвестиционный банк, ЕБРР и пр.). С 1970-х гг. особую роль в международной экономической системе стал играть G7 – неформальный, но в силу огромного веса входящих в него стран влиятельный элитарный клуб западных держав, чьи решения стали задавать вектор развития мировой экономики. Таким образом, к 2010 г. – поворотному моменту, когда Китай стал второй мировой экономикой, – основные рычаги управления мировыми экономическими процессами принадлежали западным странам.

В 1940-е гг., когда формировались базовые контуры международной экономической системы, развивающиеся страны в силу своего низкого уровня социально-экономического развития, незначительного вклада в мировую экономику, не смогли принять значимого участия в формулировании основных принципов и правил создаваемой международной экономической системы. Поскольку за прошедшие несколько десятилетий система не подвергалась значительному пересмотру, осуществлялись лишь небольшие ее корректировки при сохранении базовых принципов и доминирующей роли Запада в ней, а ситуация к настоящему дню в мировой экономике и распределении экономической мощи между развитыми и развивающимися странами существенно изменилась, требования к ее пересмотру стали раздаваться со стороны развивающихся стран и Китая в особенности все сильнее.

Стремительное экономическое развитие динамично развивающихся стран с формирующимися рынками, включая подъем Китая, кардинально изменили соотношение сил в международной экономической системе и структуру мировой экономики, поставив перед мировым сообществом задачу реформирования существующей международной экономической системы и глобального экономического управления.

Процесс реформирования международной экономической системы и Китай

Вопрос необходимости реформирования международной экономической системы как учитывающей в первую очередь интересы западных стран, а также неспособной обеспечивать устойчивый экономический рост мировой экономики и справляться с возникающими кризисными явлениями в мировой и региональной экономике был поставлен задолго до начала мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. Ее низкая эффективность, необходимость совершенствования финансовых институтов, лежащих в ее основе, уже давно стояли на повестке дня. Еще на рубеже столетий Китай, продолжавший придерживаться сформулированного Дэном Сяопином курса на реализацию пассивной внешней политики (пассивность предполагала сфокусированность на национальном экономическом развитии и отказ от задачи занятия лидерской роли на мировой арене), между тем, движимый задачами стимулирования собственного социально-экономического развития и создания благоприятной региональной обстановки, принял участие в многосторонних инициативах, которые можно интерпретировать как отражавшие неудовлетворенность международной экономической системой.

Так, вопрос эффективности МВФ встал весьма остро во время азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг. Предоставив финансовую помощь ряду стран – Индонезии, Южной Корее и Таиланду – МВФ, не учитывая местную специфику, обусловил ее выполнением соответствующими странами ряда шаблонных требований, таких как ужесточение фискальной политики, увели-

чение процентных ставок, закрытие слабых финансовых институтов, тем самым только усугубив экономическую рецессию в этих государствах⁵. Будучи разочарованными в деятельности МВФ, страны региона задумались о создании альтернативных региональных механизмов, способных обеспечивать финансовую стабильность и способствовать общему экономическому развитию. Отвергнув выдвинутую Японией в 1997 г. идею основания Азиатского валютного фонда (известную как план Миядзавы), Китай приветствовал создание в 2000 г. Чиангмайской инициативы как серии двусторонних спонсорских соглашений по взаимной поддержке национальных валют между 10 странами АСЕАН, Китаем, Южной Кореей и Японией.

В 2002 г. Китай также принял активное участие в Инициативе азиатского рынка облигаций (*Asia Bond Market Initiative*), направленной на развитие регионального рынка облигаций с целью лучшего использования региональных финансовых ресурсов и снижения зависимости от западных рынков облигаций и сопутствующих рисков обменных курсов⁶. Главным результатом Инициативы азиатского рынка облигаций стало создание странами АСЕАН+3 в 2010 г. Института кредитных гарантий и инвестиций (*The Credit Guarantee and Investment Facility*), призванного предоставлять гарантии по корпоративным облигациям компаниям стран Восточной Азии в целях поддержки их выпуска и повышения надежности⁷.

⁵ Huang Yiping, Dang Weihua, Wang Jiao. Reform of the International Economic system: What Does China Want? // *Rising China: Global Challenges and Opportunities* / Ed. by Jane Golley, Ligang Song. Canberra: ANU E Press, 2011. P. 37.

⁶ Wang, Hongying. From “taoguang yanghui” to “yousuo zuowei”: China’s engagement in financial multilateralism // *CIGI papers*, 2014, No. 52. p. 1, 3.

⁷ Трифонов И.И., Ягодкина В.М. Региональные инициативы стран Восточной Азии по развитию валютно-кредитных отношений // *Известия УрГЭУ*. – 2014. – № 4 (54). – С. 24. [Trifonov, I.I.; Iagodkina, V.M. Regional’nye initsiativy stran Vostochnoi Azii po razvitiu valiutno-kreditnykh otnoshenii (Regional Initiatives of East Asian Countries on Development of Monetary Relations) // *Izvestiia UrGEU*, 2014, No. 4 (54), p. 24.]

Пекин сыграл важную роль в расширении Чиангмайской инициативы – создании на ее основе в 2010 г. Чиангмайской многосторонней инициативы как системы не двусторонних, а уже многосторонних валютных свопов между странами группы АСЕАН+3 общим объемом 120 млрд долларов (к концу 2012 г. объем фонда был расширен до 240 млрд долларов), призванной оказывать поддержку странам, сталкивающимся с кризисом ликвидности. Изначально выдвинутая на фоне недовольства деятельностью МВФ, Чиангмайская многосторонняя инициатива⁸, однако, не стала альтернативой МВФ. Она функционирует в жесткой связке с МВФ: доля свопа, которую разрешается использовать вне рамок МВФ, составляет только 30%, а превышение данного порога заимствований требует обращение к МВФ.

В целом, в осознании Китаем своей изменившейся роли в международных экономических делах можно выделить два важных рубежа, каждый из которых поставил под сомнение эффективность существующей международной экономической системы и проявил новые возможности Китая в его взаимодействии с окружающим миром, – это азиатский финансово-экономический кризис 1997-1998 гг. и мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 гг. Приняв принципиально важное решение не допустить девальвации юаня и оказав существенную помощь ряду азиатских стран в преодолении последствий кризиса 1997-1998 гг., Пекин не только встал на путь укрепления своего авторитета в регионе, но и осознал, что может играть более активную роль в мировом сообществе и мировых экономических процессах. Уже тогда представления о том, что Китай является ответственной мировой державой, постепенно начинают рас-

пространяться в китайском политическом дискурсе⁹.

Важно отметить и то, что азиатский кризис подтолкнул и западные страны к осознанию возросшей роли развивающихся стран в мировой экономике, включая Китай, и привел к появлению нового многостороннего формата взаимодействия развитых стран с развивающимися с целью поисков совместных ответов на вызовы глобальной экономической и финансовой стабильности – G20 на министерском уровне.

Вместе с тем, ощутимые сдвиги в подходах развитых стран к роли развивающихся экономик стали происходить только с наступлением мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. Впервые, мировой финансово-экономический кризис проявил возросший вклад динамично развивающихся экономик с формирующимися рынками и в особенности Китая в мировую экономику и мировое экономическое развитие на фоне существенно сокращения вклада развитых стран. Так, например, если в 1978 г. ВВП США – крупнейшей мировой экономики – превышал ВВП Китая в 15,8 раз, то в 2010 г. соотношение размеров экономик двух стран составило 1 к 2,5 соответственно. В 2010 г. доля Китая в мировом ВВП достигла 9,2% в противовес доли США в размере 22,8%, тогда как в 1978 г. на Китай приходилось только лишь 1,8% мирового ВВП, а США – целых 27,9%. При этом увеличение доли Китая и других развивающихся стран происходило за счет сокращения доли развитых западных экономик: в период с 1978-2010 гг. сильнейшее сокращение доли пришлось на США (на 5,1 процентных пункта), Германию (3,5 п.п.), Японию (3,4 п.п.), и Францию (2 п.п.). В кризисные годы Китай оставался главной движущей силой роста мировой экономики. Тогда, как, например, в 2009 г. в США и странах Запада наблюдалась экономическая рецессия, темпы роста китайской экономики снизились незначительно и составляли 9,4%. В 2010-2015 гг. среднегодовой вклад Китая в рост мировой экономики составлял 30,5%. По

⁸ Страны-участницы Чиангмайской многосторонней инициативы не стали новаторами в создании дополняющей деятельности МВФ системы финансовой поддержки. В 1976 г. странами Латинской Америки был учрежден Андский резервный фонд, переименованный позднее в Латиноамериканский резервный фонд. В 1976 г. был основан Арабский валютный фонд в составе 22 государств и капиталом 2,7 млрд долл.

⁹ He, A. China in the G20 Summitry: Review and Decision-Making Process // *CIGI papers*, 2014, No. 46, p.1.

этому показателю Китай занимал и продолжает занимать 1-ое место в мире.

Во-вторых, мировой финансово-экономический кризис рельефно проявил несовершенство моделей макроэкономического управления развитых стран и глобального экономического управления в целом и поставил перед мировым сообществом задачу привлечения к процессу управления мировой экономикой динамично развивающихся стран, и в первую очередь, Китай.

В этой связи созданному ранее диалоговому форуму G20, объединившему 9 развитых и 11 развивающихся стран, придается новый формат – из встреч министров соответствующих экономик он превращается в механизм регулярных саммитов лидеров ведущих экономик мира. Представляющий порядка двух третей мирового населения, 85% мирового ВВП и 80% мировой торговли, он, несколько девальвируя статус G7/G8, превращается в основную площадку для обсуждения и выработки мер по преодолению мирового финансово-экономического кризиса и выхода из экономической рецессии.

Становление саммитов G20 как регулярного механизма обсуждения проблем мировой экономики и выработки мер макроэкономического регулирования было расценено в Пекине как важное позитивное изменение в глобальном экономическом управлении. Для Пекина как крупнейшей развивающейся страны такой форум, как G20, объединяющий развитые и развивающиеся страны, стал оптимальной платформой для подключения к активному участию в глобальном экономическом управлении. Вхождение Китая в G7/G8, например, потенциально создавало ряд серьезных сложностей и вызовов Пекину. Во-первых, вхождение Китая в клуб развитых держав противоречило бы статусу Китая как развивающегося государства, могло бы вызвать диссонанс в отношениях Китая с развивающимся миром, особую роль в котором Пекин намерен отстаивать. Во-вторых, опыт участия России в G7/G8 свидетельствовал о возможном неравноправном участии Китая в этом форуме. В-третьих, Пекин опасался, что это повлечет за собой взятие на себя ответственности и рисков, которые Китай как

развивающаяся страна был не в состоянии взять на себя¹⁰.

Присоединение к G20 позволило Китаю избежать подобных рисков и, вместе с тем, принять участие в глобальном экономическом управлении на равных с ведущими западными странами и в сотрудничестве с развивающимися экономиками. В качестве важной внешнеполитической задачи на современном этапе Пекин видит содействие трансформации G20 из временного механизма реагирования на кризис в долгосрочную платформу глобального экономического управления, способную заменить G7 и, соответственно, отчасти решить вопрос с монополией развитых стран в этой сфере. На текущем этапе деятельность G20 имеет ряд ограничителей. Во-первых, G20 – это не постоянно действующий механизм, который бы осуществлял свои функции на ежедневной основе и имел бы секретариат и прочие атрибуты институционализированного органа. Во-вторых, решения, принимаемые на саммитах, не имеют обязательной силы и не всегда воплощаются в жизнь. Проводниками принимаемых G20 решений являются преимущественно МВФ и Всемирный банк, по-прежнему контролируемые западными странами. В-третьих, есть определенные сложности, связанные с легитимностью G20, ее правомочностью представлять интересы всего мирового сообщества.

На волне мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. Китай стал не только участником G20, но и вошел в такие институты, устанавливающие международные финансовые стандарты, как Совет по финансовой стабильности, Базельский комитет по банковскому надзору и Комитет по глобальной финансовой системе Банка международных расчетов, углубив тем самым свое участие в международных финансовых вопросах.

Также стоит отметить и то, что в китайском экспертном дискурсе стала циркулировать идея о том, что в системе глобального управления появился новый важный механизм, хотя и не такой «зрелый» как G7, но

¹⁰ He, A. China in the G20 Summity: Review and Decision-Making Process // *CIGI papers*, 2014, No. 46, p. 2.

вполне сопоставимый с ним по значимости – БРИКС¹¹. При этом БРИКС рассматривается не как альтернатива G20, а как важная консолидирующая сила или платформа в рамках G20, позволяющая формулировать общую позицию развивающихся стран. Выдвинув на прошедшем в Сямэне в 2017 г. идею БРИКС+, Пекин рассчитывает на превращение БРИКС во влиятельную в современном мире платформу сотрудничества по линии Юг-Юг.

В целом, важным следствием мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. стало переосмысление Китаем своего места в международной системе, оформление намерения Пекина выйти на новый уровень своего взаимодействия с международной экономической системой: от рядового ее участника, ведомого развитыми странами, к роли одного из ведущих ее акторов, способного определять повестку дня и оказывать влияние на принятие решений в вопросах глобального экономического управления. Такой транзит требовал, в первую очередь, реформирования существующей международной экономической системы в направлении повышения роли Китая в системообразующих финансовых институтах. На момент начала кризиса 2008-2009 гг. в МВФ и Всемирном банке объективно сложилась ситуация недостаточного представительства развивающихся стран и их по-прежнему низкой роли в этих институтах, и, напротив, чрезмерного представительства развитых стран, несоразмерного их уменьшившемуся экономическому весу.

От реформирования Всемирного банка и МВФ Пекин, как и другие развивающиеся страны, ожидал усиления влияния развивающихся стран на процесс принятия решений в этих институтах путем перераспределения квот и права голоса в пользу развивающихся стран, открытия доступа их представителям к управленческим постам во Всемирном банке и МВФ¹², лишения США право вето, а

также некоторые другие изменения в структуре и системе управления. В фокусе внимания развивающихся стран находились также вопросы повышения эффективности финансовых институтов посредством пересмотра действующих там правил и политики. Например, критике подвергались принципы предоставления помощи развивающимся странам, раздавались требования пересмотра политики «связанной» помощи, необходимости отслеживания МВФ макроэкономического развития и финансовых рисков всех без исключения крупнейших экономик, включая США, необходимости включения в корзину СДР МВФ валют развивающихся стран и пр.¹³

На волне усилившегося недовольства со стороны развивающихся стран сложившейся ситуацией в системообразующих институтах Пекином была поставлена задача укрепления роли Китая во Всемирном банке и МВФ, приведение ее в соответствие с возросшим вкладом Китая в мировую экономику и мировое экономическое развитие. Занятие Китаем в 2010 г. позиции второй крупнейшей в мире экономики объективно не соответствовало скромной роли Китая во Всемирном банке и МВФ, где Китай занимал лишь шестые позиции в списке крупнейших по размеру квот и праву голоса стран. При координации действий с другими развивающимися странами (главным образом, со странами БРИКС) эта задача была частично реализована, когда в апреле 2010 г. Всемирный банк, а в декабре 2010 г. и МВФ, приняли решения о реформировании системы представительства, предполагавшие, в том числе, увеличение доли голосов Китая на 1,65 (с 2,77 до 4,42%) и 2,3 процентных пункта (с 3,8 до 6,1%) соответственно. Изменения, хотя и означали укрепление роли Китая во Всемирном банке и МВФ, поскольку он становился третьим по величине квот и права голоса государством после США и

¹¹ Цзя Цзиньцзин. Страны БРИКС и G20 // Китай. – 2017. – №7. – С. 5. [Tszia Tszin'tszin. Strany BRIKS i G20 (BRICS Countries and G20) // *Kitai*, 2017, No. 7, p. 5.]

¹² С конца 1940-х гг. сложилась негласная практика назначения президентом Всемирного банка

американского представителя, а директором-распорядителем МВФ – европейского.

¹³ Huang Yiping, Dang Weihua, Wang Jiao. Reform of the International Economic system: What Does China Want? // *Rising China: Global Challenges and Opportunities* / Ed. by Jane Golley, Ligang Song. Canberra: ANU E Press, 2011. P. 38.

Японии, однако не в полной мере отвечали ожиданиям Пекина, рассчитывавшего, во-первых, на второе место среди стран-акционеров, а во-вторых, на лишение США права вето.

В этой связи важным направлением усилий Пекина является при сотрудничестве с другими развивающимися странами оказывать давление на западные страны в целях принятия новой формулы расчета квот, более точно отражающей относительное положение отдельных стран мира в мировой экономике. Разработка новой формулы расчета квот, в частности, предполагает отказ от текущей формулы, которая представляет собой средневзвешенное значение ВВП (с весом 50%), открытости (30%), экономической изменчивости (15%) и международных резервов (5%). При этом в используемой ныне формуле ВВП измеряется с помощью составного показателя ВВП на основе рыночных обменных курсов (с весом 60%) и на основе обменных курсов по ППС (40%). Такая расчетная формула, включающая показатели открытости и экономической изменчивости, не вполне отражает вклад динамично развивающихся стран в мировую экономику и не отвечает интересам развивающихся стран. Показатель экономической изменчивости достаточно субъективен и дает преимущество странам с большим движением капиталов, а показатель открытости выгоден малым европейским странам. В интересах развивающихся стран и Китая, в том числе, разработка формулы расчета квот на основе показателя ВВП, рассчитанного по ППС, или на показателе величины международных резервов¹⁴.

Таким образом, на волне мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. при поддержке других развивающихся стран Пекин стал оказывать давление

на западные страны в отношении пересмотра существующих правил принятия решений в вопросах глобального экономического управления. Именно тогда в Пекине четко оформляется желание не только повысить эффективность существующей международной экономической системы, но и играть в глобальном экономическом управлении одну из ключевых ролей. Обращение к вопросу глобального экономического управления впервые появляется в отчетных докладах Генерального секретаря ЦК КПК после мирового финансово-экономического кризиса – на 18 съезде КПК в 2012 г. Так, если на 17 съезде (2007 г.) речь идет лишь о поддержке Китаем усилий «по улучшению международной торгово-финансовой системы», в отчетном докладе 18 съезда (2012 г.) говорится о намерении Китая «принять участие в глобальном экономическом управлении», а уже на 19 съезде (2017 г.) – о готовности «принять активное участие в реформировании и развитии системы глобального экономического управления»¹⁵.

Создание китаецентричных международных институтов, правил и норм

После мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг., обнаружившего слабость существующей системы глобального экономического управления и соответственно создавшего благоприятный исторический контекст для выдвижения инициатив регионального и общемирового значения, Пекин стал не только прикладывать усилия по стимулированию реформирования существующих системообразующих финансовых институтов, но и предпринимать попытки создания новых многосторонних структур с закреплением за собой доминирующей роли в них. Первая

¹⁴ Лексютин Я.В. Усилия БРИКС по изменению мировой валютно-финансовой системы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – Вып. 11 (344). – С. 143-158. [Leksjutina, Ia.V. Usiliia BIRKS po izmeneniiu mirovoi valiutno-finansovoi sistemy (The BRICS Efforts to Reform the International Monetary and Financial System) // *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 2016, Vol. 11 (344), pp. 143-157.]

¹⁵ Full text of Hu Jintao's report at 17th Party Congress, 2007. Mode of access: https://www.chinadaily.com.cn/china/2007-10/24/content_6204564_14.htm; Full text of Hu Jintao's report at 18th Party Congress, 2012. Mode of access: <http://en.people.cn/90785/8024777.html>; Full text of Xi Jinping's report at 19th CPC National Congress, 2017. Mode of access: http://news.xinhuanet.com/english/special/2017-11/03/c_136725942.htm

попытка Пекина в этом направлении не увенчалась успехом. Так, выдвинутая Китаем в 2010 г. на 9-ом заседании премьеров стран-участниц ШОС в Душанбе инициатива создания Банка развития ШОС не получила однозначной поддержки от стран-участниц организации. Предложенная Китаем схема функционирования банка, состоящая в привязке доли участия каждой из входящих в Банк стран к размеру ее ВВП и, таким образом, закреплявшая за Китаем особую роль в принятии решений, не соответствовала интересам других стран-членов ШОС.

В марте 2012 г. на саммите БРИКС в Нью-Дели уже по предложению индийской стороны был инициирован процесс создания Нового банка развития, в котором активную позицию занял Пекин. Эта инициатива обсуждалась и прорабатывалась несколько лет, на протяжении которых стороны пытались разрешить возникшие расхождения по поводу формата и матрицы функционирования нового финансового института. В ряду остро дискутируемых вопросов стояли такие, как размер первоначального капитала и его распределение между странами-учредителями (паритетное или непропорционально-долевое), место расположения штаб-квартиры, определение операционной валюты, способ управления банком, география кредитования банка и пр. Преследуя цель закрепления своей лидерской роли в создаваемом финансовом институте, Пекин настаивал на большом размере первоначального капитала (таким образом, обладавший значительными финансовыми ресурсами по сравнению с другими странами БРИКС Китай мог сделать большой вклад в первоначальный капитал и стать ведущим пайщиком Банка), на привязке количества голосов к экономической мощи страны-члена и размеру ее взноса в стартовый капитал, на размещении штаб-квартиры в Китае. В результате достигнутых между сторонами компромиссов была закреплена схема паритетного распределения акций между странами-участницами в уставном капитале Нового банка развития (подписной капитал составил 50 млрд долл.), а число голосов каждого члена Банка было соотнесено с количеством принадлежащих ему акций в

распределенном капитале. В качестве месторасположения штаб-квартиры был выбран Шанхай (Китай). В июле 2014 г. на VI саммите БРИКС в Форталезе было подписано Соглашение о создании Нового банка развития, а в июле 2015 г. в ходе Уфимского саммита было торжественно объявлено о начале его функционирования.

В развитие курса, направленного на формирование валютно-финансовой системы, учитывающей потребности и интересы развивающихся стран и снижающей их зависимость от традиционных глобальных финансовых институтов и воли лидеров ведущих западных стран, БРИКС инициировал создание собственного пула валютных резервов, предназначенного для оказания финансовой поддержки в чрезвычайных бюджетных ситуациях для стран-участниц. В июле 2014 г. на VI саммите БРИКС в Форталезе был подписан договор о создании 100-миллиардного Пула условных валютных резервов стран БРИКС, и уже 4 сентября 2015 г. Пул начал полноценно функционировать. Следует обратить внимание на то, что создатели Пула пошли по пути Чиангмайской многосторонней инициативы, приняв решение о его увязке с МВФ.

Вместе с тем, обращает на себя внимание то, что в сравнении с более ранними механизмами многостороннего финансового сотрудничества с участием Китая, такими как, Чиангмайская многосторонняя инициатива или Инициатива азиатского рынка облигаций, Пул валютных резервов БРИКС и Новый банк развития можно рассматривать как в некотором смысле китаецентричные модели. Так, в Чиангмайской многосторонней инициативе размер взноса Китая не превышал размер взноса другого крупнейшего участника – Японии (взносы Китая и Японии составили по 32% от 120-миллиардного пула или 38,4 млрд долларов, на страны АСЕАН пришлось 20%, а Южную Корею – 16%) и, соответственно, существовало паритетное участие этих двух крупных держав в этом механизме. В Институте кредитных гарантий и инвестиций, важном компоненте Инициативы азиатского банка облигаций с капиталом 700 млн долларов, вклад Китая также был соразмерен вкладу Японии – по

200 млн долларов¹⁶. А в Пуле валютных резервов БРИКС размер взноса Китая составил 41 млрд долларов, существенно превысив вклады других стран-участниц: России, Бразилии и Индии – по 18 млрд долларов, ЮАР – 5 млрд долларов. Хотя в Новом банке развития закреплена паритетная схема распределения акций и голосов, однако размещение штаб-квартиры Банка в Шанхае дает Китаю определенные явные и опосредованные преимущества.

Не ограничившись разработкой совместно с другими странами БРИКС Нового банка развития, Китай единолично инициировал в 2013 г. создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) – крупного многостороннего банка развития с уставным капиталом 100 млрд долларов. Воспользовавшись растущим недовольством развивающихся стран в связи с медленным ходом реформирования системы глобального экономического управления и международных финансовых институтов¹⁷, Китай смог расширить базу поддержки инициативы создания АБИИ. Учреждение АБИИ стало крупной внешнеполитической победой Пекина. Во-первых, Пекину удалось создать крупный многосторонний финансовый институт с большим потенциалом развития. На декабрь 2017 г. АБИИ объединил 80 стран мира¹⁸, включая ряд развитых экономик – Германию, Великобританию, Францию, Италию, Южную Корею, Австралию и Новую Зеландию. По количеству стран-членов АБИИ уступает толь-

ко Группе Всемирного банка и равновелик Африканскому банку развития. По объему подписного капитала только Европейский инвестиционный банк (объем подписного капитала – 243,284 млрд евро), МБРР (263,3 млрд долларов), Межамериканский банк развития (170,9 млрд долларов) и Азиатский банк развития (153,05 млрд долларов) превосходят АБИИ. С момента своего функционирования АБИИ получил высший кредитный рейтинг – AAA – от ведущих международных рейтинговых агентств: сначала от *Moody's*, а затем от *Fitch*.

Во-вторых, Пекину удалось закрепить за собой ведущую роль в АБИИ. Китай не только разместил штаб-квартиру АБИИ в Пекине, но и закрепил за собой наибольшую долю голосов. В отличие от других многосторонних банков развития, где Китай до сих пор имеет незначительную долю голосов (так, в Международном банке реконструкции и развития она составляет только 4,59%, в Международной ассоциации развития – 2,21%, в Азиатском банке развития – 5,46%) или действует на паритетных началах с другими учредителями (как в Новом банке развития), в АБИИ Китай получил наибольшую долю голосов (на октябрь 2017 г. – 27,45%), то есть обладает особым статусом в процессе принятия решений. На Индию и Россию, занимающие вторую и третью позиции в списке стран с крупными долями голосов в АБИИ, приходится лишь 7,90 и 6,23% голосов соответственно¹⁹. В ходе голосований в Совете директоров²⁰ по вопросам, для принятия решений по которым требуется простое большинство голосов, Китаю с долей голосов 27,45% достаточно заручиться поддержкой четырех членов Совета для принятия соответствующего решения. По специальным вопросам (таким как, принятие новых членов, избрание президента АБИИ, увеличение капитала, изменение

¹⁶ Wang, Hongying. From “taoguang yanghui” to “yousuo zuowei”: China’s engagement in financial multilateralism // *CIGI papers*, 2014, No. 52, p. 5.

¹⁷ Так, в частности, в связи с особой позицией Конгресса США, не желавшего ратифицировать принятый Советом управляющих МВФ в декабре 2010 г. пакет реформ, вступление в силу изменений квот МВФ затянулось на пять лет.

¹⁸ За полтора года существования АБИИ (с декабря 2015 г. по июнь 2017 г.) Советом директоров АБИИ были одобрены заявки на вступление в этот финансовый институт 23 стран мира (в дополнение к 57 странам-учредительницам). На текущий момент эти 23 страны находятся на разных стадиях формального присоединения к АБИИ.

¹⁹ Members and Prospective Members of the Bank / Asian Infrastructure Investment Bank. October 23, 2017. Mode of access: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/members-of-bank/index.html>

²⁰ Совет директоров АБИИ состоит из 9 директоров, избранных региональными странами-членами АБИИ, и 3 директоров, избранных нерегиональными странами-членами.

структуры исполнительного совета и пр.), требующим квалифицированное большинство в 75%, Китай обладает возможностью блокировать принятие решений²¹.

В контексте внесения изменений в международную экономическую систему значительных результатов Китаю удалось достичь и в другом направлении – в вопросе диверсификации резервных валют в международной валютно-финансовой системе и интернационализации своей национальной валюты. Руководствуясь задачей ослабления зависимости от американского доллара и соответственно снижения валютных рисков и операционных издержек при совершении торговых и инвестиционных операций, с 2008 г. Китай приступил к расширению международного использования своей национальной валюты. С начала перехода на международные торговые расчеты в юанях в июле 2009 г. Китаю удалось существенно увеличить удельный вес расчетов в юанях во внешнеторговых операциях и инвестициях Китая за рубежом. Юань стал широко использоваться не только во внешнеторговых операциях, но и при осуществлении денежных переводов, перечислении дивидендов и пр. Сегодня уже 189 стран мира применяют его во внешнеторговых операциях с Китаем.

В целях интернационализации юаня Китай заключает межправительственные соглашения об использовании или расширении использования национальных валют во взаиморасчетах и кредитовании со своими внешнеторговыми партнерами. Центральный банк Китая подписывает с центральными банками зарубежных стран своп-соглашения, способствующие укреплению китайской валюты. С 2008 г. Народный банк Китая создал своп-линии с центральными банками более чем 30 стран мира²². В октябре 2015 г. была запущена международная межбанковская система передачи данных и совершения платежей *The China International*

Payments System (CIPS), представляющая собой аналог SWIFT. Она призвана расширить масштабы использования юаня по всему миру за счет сокращения операционных издержек и времени обработки платежей.

Благодаря целенаправленной политике интернационализации юаня, его роль в мировой валютно-финансовой системе неуклонно растет. В сентябре 2016 г. юань вошел в пятерку мировых валют, наиболее часто используемых в международных расчетах наряду с долларом США, евро, фунтом стерлингов и японской иеной.

Важной вехой в интернационализации юаня стало принятие 30 ноября 2015 г. Исполнительным советом МВФ решения о включении китайской национальной валюты в корзину резервных валют МВФ. С 1 октября 2016 г. юань приобрел статус свободно используемой валюты и был включен в корзину СДР (специальных прав заимствования) в качестве пятой валюты наряду с долларом США, евро, японской иеной и фунтом стерлингов. Обновленная 1 октября 2016 г. формула корзины валют СДР приобрела следующий вид: доллар США – 41,73%; евро – 30,93%; китайский юань – 10,92%; японская иена – 8,33%; фунт стерлингов – 8,09%. Спектр центральных банков стран мира, которые включают юань в свои официальные резервы, расширяется. Юань ныне является частью валютных резервов около 56 центральных банков или органов денежно-кредитного регулирования зарубежных стран²³.

Курс Пекина на интернационализацию юаня, с одной стороны, обусловленный сугубо внутриэкономическими задачами стимулирования реформы финансовой системы Китая и снижения валютных рисков и операционных издержек в ходе осуществления внешнеторговых операций, с другой стороны, стал отражением намерения Китая достичь статуса финансовой державы и сделать юань основной международной резервной валютой²⁴.

²¹ Weiss, M. Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), 2017. Mode of access: <https://fas.org/sgp/crs/row/R44754.pdf>

²² Zhu, Yihong. Swap Agreements & China's RMB Currency Network. 22.05.2015. Mode of access: <http://cogitasia.com/swap-agreements-chinas-rmb-currency-network/>

²³ People's Bank of China's Annual Report 2016. Mode of access: <http://www.pbc.gov.cn/english/130739/3398661/3398676/2017101710355546970.pdf>

²⁴ He, A. The Dragon's Footprints: China in the Global Economic Governance System under the G20 Framework. McGill-Queen's Press - MQUP, 2016.

В целом, с приходом к власти в Китае пятого поколения китайских руководителей все отчетливее проявляется изменение внешнеполитического поведения Китая, «выход из тени», стремление играть лидерскую роль в международной экономической системе. С 2013-2014 гг. в подходах Китая к своей роли в международной экономической системе и глобальном экономическом управлении стали проявляться новые черты. Это нашло свое проявление, среди прочего, в изменении линии поведения Китая в G20. Так, начиная с прошедшего в 2014 г. в Брисбене саммита, Китай проявил возросший интерес к формулированию повестки дня G20 и готовность предлагать собственное видение по таким вопросам, как макроэкономическая координация, международная торговля и инвестиции, улучшение финансового и экономического глобального управления и пр.²⁵ В 2016 г. Китай как страна-председатель G20 провел саммит в Ханчжоу, где Си Цзиньпин развернуто изложил взгляды Китая на глобальное экономическое управление.

В ноябре 2014 г. на церемонии открытия саммита АТЭС в Пекине Си Цзиньпин особо отметил, что «на фоне роста своей комплексной национальной мощи Китай способен и желает предоставлять больше общественных благ АТР и миру»²⁶. В 13-м пятилетнем плане на 2016-2020 гг. закреплено намерение Китая активно участвовать в глобальном экономическом управлении и глобальном создании общественных благ, а также добиваться большей роли в институтах глобального экономического управления²⁷. Создание АБИИ, Нового банка развития и реализация инициативы «Пояс и путь» позиционируются Пекином как ключевые усилия по созданию общественных благ,

восполняющих лакуны в существующей системе глобального экономического управления. О намерении Китая играть активную и даже, возможно, ключевую роль в глобальном экономическом управлении можно судить из выступлений Си Цзиньпина на саммите в Ханчжоу в сентябре 2016 г. Еще более развернутые обоснования китайского лидерства содержались в выступлении Си Цзиньпина на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2017 г.

В предельно сжатые сроки Пекин один за другим предложил миру ряд новых проектов, желая продемонстрировать инициативность, креативность и лидерские качества. Помимо АБИИ и глобальной по своим масштабам инициативы «Пояс и путь» Китай выдвинул идеи создания Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (на саммите АТЭС в ноябре 2014 г.) и механизма БРИКС+ (на саммите БРИКС в Сямэне в сентябре 2017 г.).

В течение 2014-2017 гг. на своей территории Китай провел целый ряд крупномасштабных мероприятий самого высокого уровня, позволивших Пекину проявить свои организаторские качества и лидерские способности. Были проведены: 4-й саммит Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) (20-21 мая 2014 г.), 22-е неофициальное совещание руководителей стран-членов АТЭС (10-11 ноября 2014 г.), Мероприятия в честь 70-й годовщины победы Сопrotивления китайского народа японским захватчикам и в мировой антифашистской войне (3 сентября 2015 г.), 11-й саммит руководителей G20 (4-5 сентября 2016 г.), Форум высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «пояса и пути» (14-15 мая 2017 г.), 9-я встреча руководителей стран БРИКС (3-5 сентября 2017 г.). Особо стоит выделить Форум высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути» (14-15 мая 2017 г.), ставший международным мероприятием самого высокого уровня и масштаба, когда-либо организованным Китаем на своей территории по собственной инициативе. Пекин уже заявил о своем намерении сделать данный Форум регулярно действующим механизмом по сотрудничеству в построении «Пояса и пути».

²⁵ Ibid.

²⁶ Speech at the Opening Ceremony of the APEC CEO Summit. 7.11.2014. Mode of access: <http://www.silkroadfund.com.cn/enweb/23809/23814/27094/index.html>

²⁷ The 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China (2016-2020). Mode of access: <http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201612/P020161207645765233498.pdf>

Особое место в китайских планах расширения своей роли в мировом экономическом управлении занимает инициатива «Пояс и путь». Выдвинутая Си Цзиньпином в сентябре 2013 г. как преимущественно проект масштабного инфраструктурного строительства под наименованием «Экономический пояс Шелкового пути», эта идея с течением времени трансформировалась в глобальную многовекторную инклюзивную инициативу «Пояс и путь». Сейчас в Китае эта инициатива позиционируется как продвигающая экономическую глобализацию, как новая модель регионального и глобального сотрудничества, как содействующая реформе и совершенствованию глобального экономического управления и оптимизации мирового порядка. Пекин акцентирует внимание на том, что инициатива «Пояс и путь» – это уже не китайский, а глобальный проект, и пытается преподнести эту инициативу как часть глобального экономического управления.

Укреплению роли Китая в глобальном экономическом управлении способствует расширение торговли Китая со странами мира и усиление их экономической зависимости от Китая. С целью интенсификации торгово-экономического сотрудничества Китай предпринимает меры по расширению сети соглашений о свободной торговле (ныне действует 14 соглашений) и соглашений об инвестициях. Недавно были заключены соглашения о свободной торговле Китая с Южной Кореей и Австралией. В настоящее время ведутся переговоры по подписанию китайско-американского и китайско-европейского соглашений по инвестициям. В определенной степени неспособность мирового сообщества завершить начавшийся еще в 2001 г. Дохийский раунд переговоров ВТО о дальнейшей либерализации мировой торговли привела к появлению нескольких крупных интеграционных проектов, включая инициированные администрацией Б. Обамы, но проигнорированные Д. Трампом Транстихоокеанское партнерство и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, а также продвигаемые Пекином Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство и Азиатско-

Тихоокеанскую зону свободной торговли. Вовлечение в орбиту своего экономического влияния все большего количества стран, разработка новых международных торгово-экономических правил путем расширения сети соглашений о создании зон свободной торговли, придание китаецентричного вектора интеграционным процессам путем реализации инициатив «Пояс и путь», Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство или Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли являются важными шагами на пути утверждения особой роли Китая в международной экономической системе и глобальном экономическом управлении.

Заключение

Приняв в конце 1970-х гг. принципиальное решение о вхождении в международную экономическую систему, Китай смог не только полностью инкорпорироваться в нее, но и стать ее крупнейшим бенефициаром. Достигнув впечатляющих результатов в своем социально-экономическом развитии и существенно укрепив свою экономическую мощь до уровня второй мировой экономики, Китай, между тем, стал демонстрировать изменение своего отношения к международной экономической системе и своей роли в ней. Функционирование в системе в качестве ее рядового участника, ведомого развитыми странами мира, стало рассматриваться как сдерживающее дальнейшее поступательное развитие Китая и достижение Китайской мечты о восстановлении величия китайской нации. Ранее предпочитавший оставаться в тени и опасавшийся брать на себя международную ответственность как неизбежное бремя мирового лидера, Китай после мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. и, в особенности, с приходом пятого поколения китайских руководителей стал проявлять все возрастающую активность в вопросах реформирования международной экономической системы вплоть до демонстрации своих намерений занять в ней ключевую роль.

В существующей международной экономической системе Китай не устраивают

не столько базовые принципы и правила (даже напротив, Пекин выступает главным апологетом экономической глобализации, открытой мировой экономики, свободной торговли и свободного перемещения капиталов), сколько низкая роль Китая в традиционных финансовых институтах и глобальном экономическом управлении. На фоне нежелания западных стран допустить Китай к основным рычагам глобального экономического управления Пекин предпринимает комплексные меры по созданию и распространению китаецентричных финансовых и торговых институтов и правил.

Китаем стали реализовываться меры по изменению существующей международной системы по следующим основным направлениям: утверждение новых международных торгово-экономических правил посредством расширения сети соглашений о создании зон свободной торговли, придание китаецентричного вектора интеграционным процессам (путем создания Всеобъемлющего регионального экономического партнерства и Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли, реализации инициативы «Пояса и пути»), реформирование находящихся под доминирующим влиянием США и других западных стран системообразующих международных финансовых институтов (многосторонних банков развития и МВФ), создание новых международных финансовых организаций, где ведущую или паритетную с другими участниками роль играет Китай (АБИИ, Новый банк развития БРИКС, инициатива создания Банка ШОС), укрепление роли китайской национальной валюты в международной финансово-экономической системе.

При этом если сначала предпринимаемые Пекином усилия по стимулированию реформирования международной системы были продиктованы потребностями стимулирования экономического роста и необходимостью решения задач внутриэкономического развития Китая, по мере усиления комплексной национальной мощи Китая и успешности выдвигаемых Пекином инициатив, проявляющейся в завоевании поддержки китайских инициатив со стороны международного сообщества, усилия Китая по изменению международной экономической систе-

мы становятся продиктованы глобальными интересами Китая, китайское руководство проявляет все большую заинтересованность в занятии лидерской роли в международной экономической системе. Китай постепенно примеряет на себя роль лидера, он все увереннее отстаивает свое право играть паритетную с США роль в глобальном экономическом управлении. Государствоцентричный взгляд на международную экономическую систему в Пекине постепенно дополняется глобальным видением.

Изначально движимый задачей обеспечения дальнейшего экономического роста в Китае, предполагавшего корректировку системы глобального экономического управления в сторону ее большего учета китайских экономических интересов, Китай встал на путь создания китаецентричной системы, глобального дискурса, базирующегося на задаваемых Пекином правилах, нормах и институтах.

Литература:

- Лексютина Я.В.* Усилия БРИКС по изменению мировой валютно-финансовой системы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – Вып. 11 (344). – С. 143-158.
- Трифонов И.И., Ягодкина В.М.* Региональные инициативы стран Восточной Азии по развитию валютно-кредитных отношений // Известия УрГЭУ. – 2014. – № 4 (54). – С. 20-26.
- Цзя Цзиньцзин.* Страны БРИКС и G20 // Китай. – 2017. – №7. – С. 5.
- He, A.* China in the G20 Summitry: Review and Decision-Making Process // *CIGI papers*, 2014, No. 46.
- He, A.* The Dragon's Footprints: China in the Global Economic Governance System under the G20 Framework. McGill-Queen's Press - MQUP, 2016.
- Huang Yiping, Dang Weihua, Wang Jiao.* Reform of the International Economic system: What Does China Want? // *Rising China: Global Challenges and Opportunities* / Ed. by Jane Golley, Ligang Song. Canberra: ANU E Press, 2011, pp. 29-45.
- Members and Prospective Members of the Bank / Asian Infrastructure Investment Bank. October 23, 2017. Mode of access: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/members-of-bank/index.html>
- Ong, R.* China's Security Interests in the 21st Century. London: Routledge, 2007.
- People's Bank of China's Annual Report 2016. Mode of access: <http://www.pbc.gov.cn/english/130739/3398661/3398676/2017101710355546970.pdf>
- Speech at the Opening Ceremony of the APEC CEO Summit. 7.11.2014. Mode of access: <http://www.silkroadfund.com.cn/enweb/23809/23814/27094/index.html>
- The 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China

(2016-2020). Mode of access: <http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201612/P020161207645765233498.pdf>

UN Comtrade Database. Mode of access: <http://comtrade.un.org/>

Wang, Hongying. From “taoguang yanghui” to “yousuo zuowei”: China’s engagement in financial multilateralism // *CIGI papers*, 2014, No. 52.

Weiss, M. Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), 2017. Mode of access: <https://fas.org/sgp/crs/row/R44754.pdf>

White Paper “China’s Foreign Trade”, 2011. Mode of access: http://www.gov.cn/english/official/2011-12/07/content_2014019.htm

World Bank open data. Mode of access: <http://data.worldbank.org/>

Zhu, Yihong. Swap Agreements & China’s RMB Currency Network. 22.05.2015. Mode of access: <http://cogitasia.com/swap-agreements-chinas-rmb-currency-network/>

References:

He, A. China in the G20 Summitry: Review and Decision-Making Process // *CIGI papers*, 2014, No. 46.

He, A. The Dragon’s Footprints: China in the Global Economic Governance System under the G20 Framework. McGill-Queen’s Press - MQUP, 2016.

Huang Yiping, Dang Weihua, Wang Jiao. Reform of the International Economic system: What Does China Want? // *Rising China: Global Challenges and Opportunities* / Ed. by Jane Golley, Ligang Song. Canberra: ANU E Press, 2011, pp. 29-45.

Leksiutina, Ia. V. Usiliiia BRIKS po izmeneniiu mirovoi valiutno-finansovoi sistemy (The BRICS Efforts to Reform the International Monetary and Financial System) // *Natsional’nye interesy: priority i bezopasnost’*, 2016, Vol. 11 (344), pp. 143-157.

Members and Prospective Members of the Bank / Asian Infrastructure Investment Bank. October 23, 2017. Mode

of access: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/members-of-bank/index.html>

Ong, R. China’s Security Interests in the 21st Century. London: Routledge, 2007.

People’s Bank of China’s Annual Report 2016. Mode of access: <http://www.pbc.gov.cn/english/130739/3398661/3398676/2017101710355546970.pdf>

Speech at the Opening Ceremony of the APEC CEO Summit. 7.11.2014. Mode of access: <http://www.silkroadfund.com.cn/enweb/23809/23814/27094/index.html>

The 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the People’s Republic of China (2016-2020). Mode of access: <http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201612/P020161207645765233498.pdf>

Trifonov, I.I.; Iagodkina, V.M. Regional’nye initsiativy stran Vostochnoi Azii po razvitiuu valiutno-kreditnykh otnoshenii (Regional Initiatives of East Asian Countries on Development of Monetary Relations) // *Izvestiia UrGEU*, 2014, No. 4 (54), pp. 20-26.

Tszia Tszin I’szin. Strany BRIKS i G20 (BRICS Countries and G20) // *Kitai*, 2017, No. 7, p. 5.

UN Comtrade Database. Mode of access: <http://comtrade.un.org/>

Wang, Hongying. From “taoguang yanghui” to “yousuo zuowei”: China’s engagement in financial multilateralism // *CIGI papers*, 2014, No. 52.

Weiss, M. Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), 2017. Mode of access: <https://fas.org/sgp/crs/row/R44754.pdf>

White Paper “China’s Foreign Trade”, 2011. Mode of access: http://www.gov.cn/english/official/2011-12/07/content_2014019.htm

World Bank open data. Mode of access: <http://data.worldbank.org/>

Zhu, Yihong. Swap Agreements & China’s RMB Currency Network. 22.05.2015. Mode of access: <http://cogitasia.com/swap-agreements-chinas-rmb-currency-network/>

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-3-26-41>

CHINA AND THE REFORM OF THE INTERNATIONAL ECONOMIC SYSTEM

Yana V. Leksyutina

*Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 30 November 2017</p> <p><i>Accepted:</i> 1 March 2018</p>	<p>Abstract: The 2008 global financial crisis has become a turning point for the world community to realize the necessity to reform international economic system and to allow greater participation of leading emerging economies in the global economic governance. Given the huge economic might that China has accumulated and its willingness to assume greater international responsibilities and leadership functions, China can be regarded as one of the countries that play a key role in the processes of reforming the international economic system and global economic governance. Contributing to the improvement of the existing rules, norms and institutions, Beijing at the same time offers to the world its new, China-centered initiatives, to name a few, the Asian Infrastructure Investment Bank and “Belt and Road” Initiative. This article characterizes China’s participation in the reforming of the international economic system after the 1997 Asian financial crisis till the present time with the focus on identifying major forms of China’s participation, its motivations and efforts’ emphasis. By reviewing initiatives and measures that China offers, backs and conducts in order to bring changes into the international economic system and by analyzing Chinese leadership’s official rhetoric and foreign policy activities, the article concludes that Beijing has set a course to assume one of the key roles in the global economic governance and to create China-dominated system of international rules, norms and institutions..</p> <p><i>Acknowledgments:</i> The study is prepared with the grant support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 17-07-50016 a (f).</p>
<p>About the author: Dr. of Political Science, Associate Professor, Deputy Head of the Department, Department of American Studies</p> <p>e-mail: lexyana@ya.ru</p>	
<p>Key words: China; international economic system; global economic governance; Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB); multilateral development banks; “Belt and Road” Initiative; G20; the 2008 global financial crisis; New Development Bank (NDB); BRICS</p>	

Для цитирования: Лексютинa Я.В. Китай и реформирование международной экономической системы // *Сравнительная политика.* – 2018. – № 3. – С. 26-41.
DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-26-41

For citation: Leksyutina, Yana V. Kitai i reformirovanie mezhdunarodnoi ekonomicheskoi sistemy (China and the Reform of the International Economic System) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 3, pp. 26-41.
DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-26-41

ЕВРАЗИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ТОКИО: УСПЕХИ И НЕУДАЧИ (1997-2017 гг.)

Олег Геннадьевич Парамонов

*Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

Ольга Владимовна Пузанова

*Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 22 января 2018 <i>Принята к печати:</i> 29 апреля 2018</p>	<p>Аннотация: Данная статья посвящена анализу возрастающего значения евразийского направления во внешней политике Японии, причинах и последствиях двойственности и непоследовательности данной политики, влиянию причин внутривосточного характера на определение Японией своего курса в отношении центральноазиатских государств. Процесс выстраивания Токио новой системы своего внешнеполитического поведения в Центральной Азии при этом имеет всё более реагирующий, а не проактивный характер. Евразийский вектор японской дипломатии потребовал серьёзного пересмотра и в связи с появлением проекта «Один пояс – один путь» – беспрецедентной по своему масштабу региональной инициативы Пекина, являющегося в настоящее время главным внешнеполитическим соперником Токио. На региональную повестку Токио также оказывают влияние новые подходы администрации Дональда Трампа к многосторонним форматам сотрудничества. Представляют интерес и попытки Токио выстраивания своих отношений с центральноазиатскими государствами как с целостным регионом, а также опыт использования Японией формата диалога «Центральная Азия плюс Япония» – перспективной модели взаимоотношений внерегиональных акторов с центральноазиатскими партнёрами. Кроме того, в статье рассматриваются предпосылки к координации действий на евразийском направлении между Японией и дружественными ей государствами – Турцией и Индией, процесс диверсификации экономических партнёров государств Центральной Азии в целом. Поскольку причины заинтересованности центральноазиатских государств в осуществлении экономического и других видов сотрудничества с Токио не утратили своей актуальности, для Японии в настоящее время в качестве новой возможной точки опоры в регионе может представлять значительный интерес Россия.</p> <p><i>Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, грант № 17-18-01577 «Формирование Сообщества Большой Евразии и стратегии двустороннего взаимодействия России со странами региона»</i></p>
<p>Об авторах: <i>Парамонов О.Г.</i>, к.и.н., старший научный сотрудник, Центр исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО МИД России; доцент, Департамент международных отношений, НИУ «Высшая школа экономики» e-mail: paramonov_og@gambler.ru <i>Пузанова О.В.</i>, младший научный сотрудник, Центр исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО МИД России; стажер-исследователь, Центр комплексных европейских и международных исследований, НИУ «Высшая школа экономики» e-mail: puzanova.olga@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: Евразийская дипломатия; проект «Один пояс, Один путь»; диалог «Центральная Азия плюс Япония»; инфраструктурный проект; дипломатия «Шёлкового пути»; Азиатский банк инфраструктурных инвестиций; Азиатский банк развития</p>	

Внешнеполитический курс Японии определяется двумя основными факторами – военно-политическим союзом США и тем, что эта страна является важнейшим игроком в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Помимо США, ключевыми направлениями для Токио являются отношения с Китаем, ситуация на Корейском полуострове, непростое взаимодействие с Россией, связи с государствами АСЕАН. Однако в последние годы растет значение евразийского направления. Это связано с рядом новых явлений в Евразии. Во-первых, это резкий рост экономической и политической роли Китая, выдвинувшего амбициозную инициативу создания Экономического пояса Шелкового пути, смысл которой – в совместном развитии инфраструктуры Северо-Западных районов КНР, России, государств Центральной и Передней Азии и создании новых торговых путей в Европу. Во-вторых, это выдвижение Россией новых планов развития своих примыкающих к Центральной Азии территорий и начало их реализации. В-третьих, это выдвижение некоторыми другими региональными игроками собственных планов инфраструктурного развития («Светлый путь» Казахстана, «Степной путь» Монголии и др.)

В Токио реагируют на эти планы партнеров и конкурентов со смесью ревности, настороженности, намерений получить от новых проектов какие-либо выгоды. Союз с США подталкивает к поиску альтернативных планов, направленных на купирование растущего влияния «авторитарных» России и Китая, на их изоляцию, отрыв от них государств Центральной Азии, Афганистана, Пакистана, Индии, затягиванию их в некую «дугу демократии» (по сути, проамериканский союз). Однако реальные интересы все еще находящейся в стагнации экономики ставят Токио перед необходимостью использования региональных возможностей, участия в торговых и инвестиционных проектах на пространстве Евразии, чтобы не проиграть конкуренцию более активным соседям, прежде всего Китаю и Южной Корее.

5 июня 2017 г., выступая на торжественных мероприятиях, посвященных проведению в Токио 23 международной конференции «Будущее Азии», премьер-министр

Японии Абэ Синдзо заявил, что Токио «готов расширить сотрудничество» по китайскому проекту «Один пояс – один путь». В качестве условий были выдвинуты: гармоничное сочетание со свободной и открытой транстихоокеанской экономической зоной, доступность инфраструктуры проекта для использования всеми и ее развитие посредством открытых и честных тендеров¹. Кроме того, в японских СМИ появилась информация об интересе Токио к участию в деятельности ещё одной региональной структуры, созданной в 2014 г. по инициативе Китая – Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (Asian Infrastructure Investment Bank, АИВ)². Информация о том, что С. Абэ меняет своё отношение к китайским инфраструктурным проектам в Евразии, выглядела слишком контрастно на фоне напряжённости в японо-китайских отношениях, вызванной обострением конфликта вокруг принадлежности островов Сэнкаку в 2012 г.

Китайская инициатива по созданию глобальной транспортной и инвестиционной инфраструктуры «Один пояс – один путь» (*One Belt, One Road*) объединяет два проекта – «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». Си Цзиньпин заявляет о своём намерении создать «большую семью гармоничного сосуществования», скептики усматривают в этом тонко замаскированную попытку Китая позиционировать себя в качестве великой державы, инвестируя в стратегически важные инфраструктурные проекты, имеющие в ряде случаев сомнительные перспективы реализации. Например, строительство высокоскоростной железнодорожной магистрали Джакарта-Бандунг в Индонезии может привести к усилению влияния Китая в Южно-Китайском море³.

¹ Will Japan Join China's Belt and Road Initiative? // *The Diplomat.com*, 14.06.2017. Mode of access: <http://www.thediplomat.com/2017/06/will-japan-join-chinas-belt-and-road-initiative/>

² Japan and 'One Belt, One Road' // *The Japan Times*, 24.06.2017. Mode of access: <http://www.japantimes.co.jp/opinion/2017/06/24/editorials/japan-one-belt-one-road/>

³ China and Russia Are No Match for World Order // *The National Interest*, 08.06.2016. Mode of access: <http://www.nationalinterest.org/feature/china-russia-are-no-match-world-order-16514>

Подобные предложения С. Абэ последовали за его решением направить Никаи Тосихиро, генерального секретаря Либерально-Демократической партии Японии, сторонника улучшения отношений с Китаем, на крупную международную конференцию в Пекин, организованную для продвижения «Одного пояса – одного пути». Во время встречи с Си Цзиньпином Т. Никаи вручил китайскому лидеру послание с предложением об организации встреч руководства Японии и Китая в форме обмена визитами. Си Цзиньпин, в свою очередь, выразил своё желание способствовать улучшению двусторонних связей и отметил, что «Один пояс – один путь» послужит «новой платформой» для сотрудничества между Китаем и Японией⁴.

Впрочем, 25 октября 2017 г. министр иностранных дел Японии Коно Таро в ходе интервью японскому информационному агентству Никкей заявил о намерении С. Абэ предложить американскому президенту Дональду Трампу 6 ноября 2017 г. в ходе их встречи в Токио идею учреждения на постоянной основе стратегического диалога в формате «четвёрки» с участием первых лиц Индии и Австралии, нацеленного на создание зоны безопасного и свободного судоходства на протяжении от Азии до Африки, что, по его мнению, «будет полезным для всех государств, включая Китай с его инициативой Пояс и Путь»⁵. Министр заявил, что «мы вошли в эпоху, когда Япония должна продемонстрировать дипломатическую решительность для выстраивания цельной стратегической картины», и, далее, что «обеспечение свободы и открытости морских пространств, экономики и безопасности будет включено в повестку дня». Т. Коно также пояснил, что идею учреждения подобного формата он обсудил с госсекре-

тарём США Рексом Тиллерсоном и министром иностранных дел Австралии Джули Бишоп в кулуарах саммита в Маниле в августе этого года. Позже, отвечая на вопрос журналиста вышеупомянутого агентства о направленности четырёхстороннего формата против Китая, Т. Коно уклонился от однозначно отрицательного ответа, отметив важность участия в нём Индии⁶.

Заявления Т. Коно в целом соответствуют логике японо-китайского соперничества, как и состоявшееся в октябре 2015 г. турне премьер-министра Японии по странам Центральной Азии, которое было воспринято в экспертном сообществе как попытка создать противовес китайскому проекту «Один пояс – один путь» и Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций. Из поездки, которая стала первым за девять лет визитом главы японского кабинета в постсоветскую часть Центральной Азии, С. Абэ привёз контракты и соглашения на общую сумму более 27 млрд. долларов. Крупнейшие из обнародованных сделок (18 млрд долларов) были заключены с Туркменистаном и касались помощи в строительстве заводов по переработке природного газа, а также газохимических предприятий. Второй по размеру пакет договорённостей (около 8,5 млрд. долларов) был заключен с Таджикистаном и включает в себя контракты на строительство завода удобрений, а также ряд проектов, связанных с логистикой, телекоммуникациями, химической и добывающей отраслями. Контракты на меньшие суммы (до 100 млн долларов) подписаны и с другими государствами региона. Также было объявлено, что Япония в течение пяти лет направит на оказание помощи странам региона порядка 25 млрд. долларов. В постсоветский период Япония стала одним из крупнейших региональных доноров помощи развитию, и в ходе турне С. Абэ приложили значительные усилия для подтверждения данного статуса⁷. 31 октя-

⁴ Japan and 'One Belt, One Road' // *The Japan Times*, 24.06.2017. Mode of access: <http://www.japantimes.co.jp/opinion/2017/06/24/editorials/japan-one-belt-one-road/>

⁵ Japan to Propose Dialogue with US, India and Australia // *Nikkei Asian Review*, 25.10.2017. Mode of access: <http://www.asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/Japan-to-propose-dialogue-with-US-India-and-Australia?page=1>

⁶ Press Conference by Foreign Minister Taro Kono / Ministry of Foreign Affairs of Japan, 02.11.2017. Mode of access: http://www.mofa.go.jp/press/kaiken/kaiken4e_000432.html

⁷ Япония пытается потеснить Китай в Центральной Азии // *Коммерсант.ру*, 28.10.2015. Mode of access: <http://www.kommersant.ru/>

бря 2017 г. началось пятидневное турне Джона Керри, госсекретаря администрации второго срока президента США Барака Обамы, о чём подробнее будет сказано ниже.

Особый интерес С. Абэ к данному региону не является случайным. На важность сотрудничества с Центральной Азией премьер-министр указывал в изданной ещё во времена его первого кабинета книге «К прекрасной стране», фактически являвшейся его политическим манифестом. Один из главных «идеологов» центральноазиатского вектора японской политики Таро Асо, входивший в состав этого кабинета в качестве главы внешнеполитического ведомства и впоследствии успевший побывать на посту председателя правительства, выступил с наиболее поздней на данный момент концепцией «Дуга свободы и процветания», затрагивающей Центральную Азию в японской дипломатии. В одноимённой книге Т. Асо посвятил этому региону отдельную главу⁸. «Дуга свободы и процветания» предполагала создание пояса государств, придерживающихся общечеловеческих ценностей. Имелось в виду, что этот пояс пройдёт от Северной Европы через Прибалтику, Центральную и Южную Европу, и, огибая Россию и Китай, охватит Кавказ и Центральную Азию, Южную Азию и Северо-Восточную Азию⁹. В ответ на появление данной кон-

цепции в России и Китае стали звучать обвинения в адрес Токио и Вашингтона в попытках окружения. Впрочем, «Дуга свободы и процветания» не преодолела бумажную стадию, а после смены власти в Японии в 2009 г. была предана забвению¹⁰.

Япония, оказавшись перед подобными дилеммами, вынуждена рассматривать альтернативные варианты улучшения своего положения, включая ограниченное сотрудничество с Китаем.

Вместе с тем, в настоящее время Китай и Япония напрямую конкурируют в Юго-Восточной Азии за права на реконструкцию портов Сиануквиль (Камбоджа), Коломбо (Шри Ланка), Тилава (Мьянма), которые станут составными частями системы коммуникаций «Одного пояса – одного пути». Кроме того, остаётся открытым вопрос о готовности японского бизнес-сообщества следовать правительственной повестке дня. Японские компании видят для себя гораздо больше возможностей в соглашении о свободной торговле между Японией и США, в соглашении о Транстихоокеанском партнёрстве (даже с учётом выхода из него США), а также в экономическом сотрудничестве с Россией¹¹.

Существует целый ряд аргументов и в пользу участия Японии в проекте «Один

doc/2842166 [Iaponiia pytaetsia potesnit' Kitai v Tsentral'noi Azii (Japan is Trying to Drive out China in Central Asia) // *Kommersant.ru*, 28.10.2015. Mode of access: <http://www.kommersant.ru/doc/2842166>]

⁸ Мурашкин Н.Ю. Дипломатия «Великого шелкового пути» в Центральной Азии через призму японских представлений о безопасности (1992-2009 гг.) / Япония 2012. Ежегодник. – М.: «АИРО – XXI». – С. 25. [Murashkin, N.Iu. Diplomatiia «Velikogo shelkovogo puti» v Tsentral'noi Azii cherez prizmu iaponskikh predstavlenii o bezopasnosti (1992-2009 gg.) (Silk Road Diplomacy in Central Asia as Reflected in Japanese Vision of Security (1992-2009)) // Iaponiia 2012. Ezhegodnik. Moscow: «АИРО – XXI». P. 25.]

⁹ Добринская О.А. Япония – Центральная Азия: в поисках нефти и статуса // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 8, – С. 47. [Dobrinskaja, O.A. Iaponiia – Tsentral'naia Aziia: v poiskakh nefi i statusa (Japan and the Central Asia: in the Search

of Oil and Status) // *Aziia i Afrika segodnia*, 2011, No. 8, p. 47.]

¹⁰ Мурашкин Н.Ю. Центральноазиатское турне Синдзо Абэ: ресурсная дипломатия или партия в «Большой игре»? // Российский совет по международным делам, 01.12.2015. Режим доступа: http://www.russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsentralnoaziatskoe-turne-sindzo-abe-resursnaya-diplomatiya-/?sphrase_id=236295 [Murashkin, N.Iu. Tsentral'noaziatskoe turne Sindzo Abe: resursnaia diplomatiia ili partiia v «Bol'shoi igre»? (Shinzo Abe's Central Asia Tour: Resource Diplomacy or the Party in the «Great Game»?) // Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam, 01.12.2015. Mode of access: http://www.russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsentralnoaziatskoe-turne-sindzo-abe-resursnaya-diplomatiya-/?sphrase_id=236295]

¹¹ Will Japan Join China's Belt and Road Initiative? // *TheDiplomat.com*, 14.06.2017. Mode of access: <http://www.thediplomat.com/2017/06/will-japan-join-chinas-belt-and-road-initiative/>

пояс – один путь». Во-первых, хотя Япония и Китай продолжают конкурировать друг с другом, присоединение Японии к китайскому проекту сделает возможным повышение уровня их сотрудничества по инфраструктурным проектам. Развитие региональной инфраструктуры не является игрой с нулевой суммой, «Один пояс – один путь» и прочие подобные проекты могут привести к взаимовыгодным результатам, заполняя инфраструктурные разрывы, активизируя внешнюю торговлю и способствуя экономическому росту.

Сегодня японские проекты по содействию другим государствам в развитии инфраструктуры осуществляются в рамках принятой концепции «Партнёрство для качественной инфраструктуры» (*Partnership for Quality Infrastructure*), на которую в Токио выделили 110 млрд долларов на пятилетний период. Кроме того, в декабре 2016 было объявлено об Инфраструктурной инициативе Японии (*Japan Infrastructure Initiative*), в рамках которой предусматривается предоставление в общей сложности 100 млрд долларов для развития инфраструктурных проектов в частном секторе. Данные проекты предусматривают и строительство электростанций и железных дорог в Азии, Европе и в США. В планах С. Абэ также развитие коммуникаций между Африкой и Азией посредством реализации Стратегии свободного и открытого Индо-Тихоокеанского пространства (*Free and Open Indo-Pacific Strategy*)¹².

Финансирование японским правительством некоторых из подобных проектов в области инфраструктуры осуществляется через Азиатский банк развития (*Asian Development Bank, ADB*) и Японское агентство международного сотрудничества (*Japan International Cooperation Agency*). Частное публичное партнёрство также обеспечивается Японским банком международного сотрудничества, Японской корпорацией по инвестированию в зарубежные проекты в

сфере транспорта и урбанистики, а также компанией по страхованию японского экспорта и инвестиций. Например, уже выделено 8,76 млрд долларов и 4,38 млрд долларов на строительство в Туркменистане завода по очистке природного газа и химического предприятия соответственно, также финансируется сооружение в Узбекистане завода по производству удобрений, три больших проекта в сфере железных дорог на Филиппинах, большое число экономических зон в Камбодже. Азиатский банк развития осуществляет в Индии такие проекты, как индустриальный коридор Дели-Мумбай, дизельную станцию для снабжения электроэнергией Южного Андамского острова, высокоскоростная железнодорожная линия между Мумбаем и Ахмадабадом. Также анонсирована готовность инвестировать 5 млрд долларов в период 2018-2022 гг. в инфраструктурное развитие Экономического коридора Восточного побережья Индии (*India's East Coast Economic Corridor*).

Вместе с тем, Азиатский банк развития, одним из главных акционеров которого является Япония, может столкнуться с очень серьёзным вызовом, связанным с утратой США интереса к сохранению в нём ведущих позиций в условиях предпочтения Д. Трампом двусторонних форм экономического сотрудничества. На конференции по случаю полувекового юбилея Азиатского банка развития его президент Накао Такэхико отметил, что не очень хорошо, когда такой большой акционер, доля которого сопоставима с японской, не имеет в составе правления банка ни одного исполнительного директора¹³. Азиатский банк развития оценил потребности Азии в инвестициях в её инфраструктуру в период 2016-2030 гг. в 26 трлн долларов. В настоящее время лишь 2,5% его инфраструктурных инвестиций обеспечивается многосторонними кредиторами¹⁴.

¹³ ADB Seeks Continued US Engagement in the Asia-Pacific Region // *Nikkei Asian Review*, 07.05. 2017. Mode of access: <https://asia.nikkei.com/print/article/258937>

¹⁴ Japan Could Benefit from China's One Belt, One Road Plan // *The National Interest*, 01.08.2017. Mode of access: <http://www.nationalinterest.org/feature/japan-could-benefit-chinas-one-belt-one-road-plan-21742>

¹² Japan Could Benefit from China's One Belt, One Road Plan // *The National Interest*, 01.08.2017. Mode of access: <http://www.nationalinterest.org/feature/japan-could-benefit-chinas-one-belt-one-road-plan-21742>

Вместе с тем, Т. Накао отметил, что «мы не рассматриваем Азиатский банк инфраструктурных проектов как своего рода соперника, поскольку сейчас существует очень большая потребность в финансах, вот почему мы могли бы сотрудничать»¹⁵.

Если взглянуть на многообразие инициатив и механизмов, имеющихся в АТР, то становится очевидным, что Япония и КНР, даже будучи конкурентами, являются частью одного Евразийского пространства. Исходя из этого, Китай может быть рассмотрен как конкурентный партнер. Уже сейчас конкуренция Японии и Китая в Азии является более чем очевидной¹⁶.

Возвращаясь от общеевразийской к центральноазиатской тематике, необходимо уточнить, что Япония оказывала там поддержку инфраструктурным проектам ещё до того, как проекты в Юго-Восточной Азии стали её визитной карточкой. Японские льготные кредиты и гранты были предоставлены странам данного региона практически сразу после обретения ими независимости. Японская сторона использовала своё влияние в международных финансовых институтах для лоббирования параллельного участия центральноазиатских республик в двух ведущих региональных банках развития – Европейском банке реконструкции и развития и Азиатском банке развития, что является беспрецедентной ситуацией. В Токио при этом рассчитывали, что страны региона предпочтут американской «шоковой терапии» стратегию постепенных реформ, что отвечало концептуальным установкам японской внешней политики, использовавшей теорию «государства развития» (*development state*)¹⁷. Выстраиванию отношений также по-

могли побратимские контакты советского периода с японскими префектурами, например, по линии Узбекистан-Фукусима.

По мнению эксперта Российского совета по международным делам Н. Мурашкина, значительным вкладом Японии в развитие инфраструктурного сотрудничества со странами региона можно считать начатую в 1996 г. Азиатским банком развития масштабную программу Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества ЦАРЭС (CAREC), направленную на транспортное переустройство Центральной Азии. Кроме государств постсоветского пространства, в ней задействованы Монголия, Пакистан и КНР, в том числе, территория Синьцзян-Уйгурского автономного района¹⁸.

Киргизский эксперт Эссен Усубалиев полагает, что стремительное развитие ситуации в Центральной Азии после событий 11 сентября 2001 г., связанное с возникновением американского военного присутствия в регионе, выявило возможные цели ряда японских региональных инициатив в сфере логистики¹⁹. В целом, политику Японии в Центральной Азии в период до серьёзного кризиса в японо-американских отношениях 2009 г., помимо продвижения её собствен-

ник. – М.: «АИРО – XXI». – С. 34. [Murashkin, N.Iu. Diplomatiia «Velikogo shelkovogo puti» v Tsentral'noi Azii cherez prizmu iaponskikh predstavlenii o bezopasnosti (1992-2009 gg.) (Silk Road Diplomacy in Central Asia as Reflected in Japanese Vision of Security (1992-2009)) // Iaponiia 2012. Ezhegodnik. Moscow: «AIRO – XXI». P. 34.]

¹⁸ Мурашкин Н.Ю. Зачем премьер Японии объехал всю Центральную Азию // Carnegie.ru, 17.11.2015. Режим доступа: <http://carnegie.ru/commentary/61989> [Murashkin, N.Iu. Zachem prem'er Iaponii ob'ekhal vsiu Tsentral'nuiu Aziuu (Why Prime Minister of Japan Toured all over Central Asia) // Carnegie.ru, 17.11.2015. Mode of access: <http://www.carnegie.ru/commentary/61989>]

¹⁹ Усубалиев Э.Е. Центральная Азия – Япония: некоторые аспекты взаимоотношений // Время Востока, 19.09.2007. Режим доступа: <http://www.easttime.ru/reganalitic/1/95.html> [Usubaliev, Je.E. Tsentral'naia Azia – Iaponiia: nekotorye aspekty vzaimootnoshenii (Central Asia – Japan: Some Aspects of the Relations) // Vremia Vostoka, 19.09.2007. Mode of access: <http://www.easttime.ru/reganalitic/1/95.html>]

¹⁵ ADB President: We're not Rivals with China's AIB // *Rappler.com*, 04.05.2017. Mode of access: <https://www.rappler.com/business/168858-aiib-adb-rivalry-cooperation>

¹⁶ Japan Could Benefit from China's One Belt, One Road Plan // *The National Interest*, 01.08.2017. Mode of access: <http://www.nationalinterest.org/feature/japan-could-benefit-chinas-one-belt-one-road-plan-21742>

¹⁷ Мурашкин Н.Ю. Дипломатия «Великого шелкового пути» в Центральной Азии через призму японских представлений о безопасности (1992-2009 гг.) / Япония 2012. Ежегод-

ных интересов, во многом можно рассматривать как «трансляцию» интересов США в области безопасности. В США осознавали, что формальное закрепление их статуса как страны, активно участвующей в формировании пространства безопасности в Центральной Азии, сделает неизбежным противодействие со стороны ШОС. В этой связи для Вашингтона было бы предпочтительней, чтобы в обсуждение и решение проблем безопасности региона была вовлечена дружественная им страна, имеющая отношение к Азиатскому региону в целом²⁰.

В случае с Казахстаном ещё одним мотивом развития сотрудничества была денуклеаризация этой страны, возникшая как независимая ядерная держава полного цикла после распада СССР, имевшая неучтённые и недостаточно охраняемые ядерные запасы. На этой основе в дальнейшем возникло партнёрство по добыче и поставкам урана, имевшее для Японии особую важность в условиях имевшей место зависимости японской электроэнергетики от атомной генерации²¹.

Концептуальное оформление внешнеполитической стратегии Японии в отношении постсоветской Центральной Азии впервые получила во второй половине 1990-х гг. В доктрине Евразийской дипломатии, вы-

двинутой в 1997 г. премьер-министром Хасимото Рюгаро, наряду с Россией и Китаем объектом интереса Японии впервые упоминался регион Центральной Азии и Кавказа. Политика Токио в отношении стран этого региона получила название «Дипломатия Шелкового пути». Основными направлениями взаимодействия Японии с государствами ЦА были объявлены: политический диалог, экономическое сотрудничество, в том числе в области освоения природных ресурсов, достижение мира в регионе посредством укрепления режима нераспространения ядерного оружия, демократизации и стабилизации²².

В «евразийской дипломатии Р. Хасимото предлагались базовые принципы двусторонних отношений с Россией, которые легли в основу многих документов, подписанных в последующие годы²³. Вместе с тем, многие исследователи заговорили об угрозе национальным интересам России в разработанных Японией планах транспортного развития Центральной Азии, по сути ориентированных на изоляцию России и снижение её роли в этом регионе. Безусловно, подобные опасения могли иметь, по мнению Э. Усубалиева, определённые основания. Эксперт полагает, что подоплёка японской дипломатии Шелкового пути сводилась к тому, чтобы попытаться создать независимый от России транспортный путь большой протяжённости из Азии в Европу. С его появлением республики Центральной Азии, обладающие колоссальными запасами энергоресурсов, могли получить прямой выход к потенциальным торговым партнёрам, минуя

²⁰ Усубалиев Э.Е. Роль Японии в Центральной Азии: возможна ли новая организация по безопасности в регионе? // ЦентрАзия, 12.03.08. Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1205316300> [Usubaliev, Je.E. Rol' Japonii v Tsentral'noi Azii: vozmozhna li novaia organizatsiia po bezopasnosti v regione? (Japan's Role of in Central Asia: Is It Possible for a New Regional Security Organization?) // *Tsentral'Azii*, 12.03.08. Mode of access: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1205316300>]

²¹ Мурашкин Н.Ю. Дипломатия «Великого шелкового пути» в Центральной Азии через призму японских представлений о безопасности (1992-2009 гг.) / Япония 2012. Ежегодник. – М.: «АИРО – XXI». – С. 35. [Murashkin, N.Iu. Diplomatiiia «Velikogo shelkovogo puti» v Tsentral'noi Azii cherez prizmu iaponskikh predstavlenii o bezopasnosti (1992-2009 gg.) (Silk Road Diplomacy in Central Asia as Reflected in Japanese Vision of Security (1992-2009)) // *Iaponiia* 2012. Ezhegodnik. Moscow: «AIRO – XXI». P. 35.]

²² Добринская О.А. Япония – Центральная Азия: в поисках нефти и статуса // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 8, – С. 47. [Dobrinskaia, O.A. Iaponiia – Tsentral'naia Azii: v poiskakh nefiti i statusa (Japan and the Central Asia: in the Search of Oil and Status) // *Azii i Afrika segodnia*, 2011, No. 8, p. 47.]

²³ Курманов З.П., Уразаева Ф.П. Евразийская дипломатия Японии // *International Scientific and Practical Conference "WORLD SCIENCE"*, 2016, No. 9(13), Vol. 5, pp. 49-54. [Kurmanov, Z.P., Urazaeva, F.P. Evrazijskaja diplomatija Japonii (Japan's Eurasian Diplomacy) // *International Scientific and Practical Conference "WORLD SCIENCE"* 2016, No. 9(13), Vol. 5, pp. 49-54.]

Россию. Это неизбежно привело бы к их дистанцированию от России и к геополитической переориентации региона²⁴.

Здесь целесообразно также пояснить и специфику подходов КНР и Японии к странам данного региона. Пекин избегает многостороннего диалога с центральноазиатской «пятёркой», даже с учётом своего участия в ШОС, наиболее эффективно работая в формате двустороннего сотрудничества. В Токио всегда подчёркивали, что японская политика здесь носит комплексный характер и Центральная Азия рассматривается при этом как целостный регион²⁵.

Вместе с тем, надежды Японии на центральноазиатскую интеграцию и её желание выстраивать отношения в формате Япония – Центральная Азия как целостное региональное объединение себя не оправдали. Образованная ещё в 1994 г. ОЦАС (Организация Центральноазиатского Сотрудничества) не стала эффективным механизмом взаимодействия. Практически все интеграционные процессы были обречены на провал из-за соперничества за региональное лидерство между Казахстаном и Узбекистаном, нерешённых пограничных проблем и торго-

экономических противоречий²⁶. Однако, в целом Центральная Азия оказалась для Токио удобным партнёром. Япония прагматично сотрудничала с республиками Центральной Азии, где к ней относились весьма положительно²⁷. Если в своём «родном» Азиатско-Тихоокеанском регионе к Японии относятся как к Израилю на Ближнем Востоке – не любят, но уважают, признавая её одним из лидеров азиатского сообщества, то во всех странах Центральной Азии восприятие Японии как на уровне политических элит, так и среди основной части населения является очень благожелательным²⁸.

²⁴ Усубалиев Э.Е. История инициатив Японии в Центральной Азии: «Евразийская дипломатия» и «Дипломатия Шелкового пути» // *ОКО ПЛАНЕТЫ*, 13.06.2013. Режим доступа: www.oko-planet.ru/politik/politiklist/193196-istoriya-iniciativ-yaponii-v-centralnoy-azii-evraziyskaya-diplomatiya-i-diplomatiya-shelkovogo-puti.html [Usubaliev, Je.E. Istorija iniciativ Japonii v Central'noj Azii: «Evrazijskaja diplomatija» i «Diplomatija Shelkovogo puti» (The History of Japan's Initiatives in Central Asia: Eurasian Diplomacy and Silk Road Diplomacy) // *OKO PLANETY*, 13.06.2013. Mode of access: www.oko-planet.ru/politik/politiklist/193196-istoriya-iniciativ-yaponii-v-centralnoy-azii-evraziyskaya-diplomatiya-i-diplomatiya-shelkovogo-puti.html]

²⁵ Усубалиев Э.Е. Центральная Азия на перекрёстке цивилизаций и политических блоков: Японский план // *POLIT.KG*, 18.02.2013. Режим доступа: <http://www.polit.kg/conference/3/174> [Usubaliev, Je.E. Central'naja Azija na perekrestke civilizacij i politicheskikh blokov: Japonskij plan (Central Asia at the Crossroad of Civilizations and Political Blocs: The Japanese Plan) // *POLIT.KG*, 18.02.2013. Mode of access: <http://www.polit.kg/conference/3/174>]

²⁶ Усубалиев Э.Е. Проблемы и перспективы политического курса Японии в Центральной Азии // *Время Востока*, 05.11.2008. Режим доступа: <http://www.easttime.ru/analytic/3/9/512.html> [Usubaliev, Je.E. Problemy i perspektivy politicheskogo kursa Japonii v Tsentral'noi Azii (The Problems and Prospects of Japan's Political Course in Central Asia) // *Vremia Vostoka*, 05.11.2008. Mode of access: <http://www.easttime.ru/analytic/3/9/512.html>]

²⁷ Мурашкин Н.Ю. Центральноазиатское турне Синдзо Абэ: ресурсная дипломатия или партия в «Большой игре»? // *Российский совет по международным делам*, 01.12.2015. Режим доступа: http://www.russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/tsentralnoaziatskoe-turne-sindzo-abe-resursnaya-diplomatiya-/?sphrase_id=236295 [Murashkin, N.Yu. Tsentral'noaziatskoe turne Sindzo Abe: resursnaia diplomatia ili partiia v «Bol'shoi igre»? (Shinzo Abe's Central Asia Tour: Resource Diplomacy or the Party in the «Great Game»?) // *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam*, 01.12.2015. Mode of access: http://www.russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/tsentralnoaziatskoe-turne-sindzo-abe-resursnaya-diplomatiya-/?sphrase_id=236295]

²⁸ Усубалиев Э.Е. Крупных японских инвестиций в Центральной Азии без гарантий безопасности не будет (интервью для Центральноазиатского агентства аналитической журналистики) // *CABAR.asia*, 18.04.2017. Режим доступа: <http://www.cabar.asia/ru/esen-usubaliev-bez-garantij-bezopasnosti-govorito-prihode-krupnogo-yaponskogo-kapitalana-rynok-tsa-nevozmozhno/> [Usubaliev, Je.E. Krupnyh japonskih investitsij v Central'noj Azii bez garantij bezopasnosti ne budet (interv'ju dlja Central'noaziatskogo agentstva analiticheskoi zhurnalistiki) (There Will Be no Major Japanese Investments in the Central Asia without Security Policy Guaranties (Interview for Central

С позиции сегодняшнего дня можно говорить о том, что надежды мирового сообщества, связанные с «евразийской доктриной Хасимото», оказались завышенными. Не будучи оформленной как полноценная концепция, она носила сугубо публичный и декларативный характер и предполагала постепенное наполнение конкретным содержанием, что могло свидетельствовать, в том числе, и о нежелании Японии брать на себя слишком конкретные обязательства.

Существовали ожидания, что вышеупомянутая «евразийская доктрина Хасимото», закладывает основы и для других новых проектов и концепций Японии в отношении Центральной Азии. Вместе с тем, высказывались вполне справедливые сомнения о преждевременности появления инициатив по развитию региона и транспортировке энергоресурсов Центральной Азии по причине отсутствия рынков сбыта для центральноазиатской нефти и газа. Разразившийся в 1997-1998 гг. азиатский финансовый кризис поставил под вопрос будущее этих программ в целом. Тень на евразийскую дипломатию бросило и произошедшее в Таджикистане накануне отставки Р. Хасимото убийство наблюдателя и политического советника миссии ООН гражданина Японии²⁹.

С начала 2000-х гг. произошло переосмысление подхода Японии к Центральной

Азии. Большую роль в этом сыграли террористические атаки в США 11 сентября 2001 г. Токио пошел на беспрецедентные для страны шаги для оказания помощи антитеррористической коалиции, в т.ч. взяв на себя роль одного из лидеров в содействии экономическому восстановлению Афганистана. Осуществление этих планов потребовало укрепления отношений с государствами Центральной Азии, три из которых имеют границы с Афганистаном³⁰.

Вместе с тем, в силу указанных выше причин, а также ряда внутривластных событий в Японии, её сотрудничество с данным регионом продвигалось медленными темпами. Однако в конце 2003 г. отдел Центральной Азии МИД Японии подвергся кадровой перестановке, новое руководство было настроено на улучшение связей, японские дипломаты в регионе стали неофициально обсуждать идею центральноазиатской организации, подобной АСЕАН. В результате происходит институционализация взаимодействия Японии со странами региона в виде диалога «Центральная Азия плюс Япония» (далее – Диалог), учреждённого после визита в августе 2004 г. в Казахстан, Киргизстан, Таджикистан и Узбекистан Кавагути Йорико, занимавшей пост министра иностранных дел Японии. Таким образом, был учреждён формат, способный функционировать без необходимости регулярного одобрения со стороны кабинета министров. В Токио также рассматривали и вариант присоединения к ШОС, но пришли при этом к выводу, что Япония заведомо окажется «в меньшинстве» со своей позицией по сравнению с ключевыми членами ШОС.

Первое совещание министров иностранных дел (СМИД) состоялось в августе 2004 г. в Астане. По его итогам было принято совместное заявление, в котором были провозглашены базовые принципы диалога: уважение к разнообразию, конкуренция

Asian Bureau for Analytical Reporting)) // CABAR.asia, 18.04.2017. Mode of access: <http://www.cabar.asia/ru/esen-usubaliev-bez-garantij-bezopasnosti-govorit-o-prihode-krupnogo-yaponskogo-kapitala-na-rynok-tsan-vezmozhno/>

²⁹ Усубалиев Э.Е. История инициатив Японии в Центральной Азии: «Евразийская дипломатия» и «Дипломатия Шелкового пути» // ОКО ПЛАНЕТЫ, 13.06.2013. Режим доступа: www.oko-planet.su/politik/politiklist/193196-istoriya-iniciativ-yaponii-v-centralnoy-azii-evraziyskaya-diplomatiya-i-diplomatiya-shelkovogo-puti.html [Usubaliev, Je.E. Istorija iniciativ Japonii v Central'noj Azii: «Evrazijskaja diplomatija» i «Diplomatija Shelkovogo puti» (The History of Japan's Initiatives in Central Asia: Eurasian Diplomacy and Silk Road Diplomacy) // ОКО ПЛАНЕТЫ, 13.06.2013. Mode of access: www.oko-planet.su/politik/politiklist/193196-istoriya-iniciativ-yaponii-v-centralnoy-azii-evraziyskaya-diplomatiya-i-diplomatiya-shelkovogo-puti.html]

³⁰ Добринская О.А. Япония – Центральная Азия: в поисках нефти и статуса // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 8, – С. 45. [Dobrinskaja, O.A. Iaponiia – Tsentral'naia Aziia: v poiskakh nefiti i statusa (Japan and the Central Asia: in the Search of Oil and Status) // *Aziia i Afrika segodnia*, 2011, No. 8, p. 45.]

и взаимодействие, открытое сотрудничество. Подобное сочетание апеллирования к демократическим ценностям и уважения местной страновой специфики совпадало с подходами японской дипломатии Великого шелкового пути в 1990-х годах³¹.

Российский эксперт О. Добринская отмечает, что, в отличие от доктрины Р. Хасимото, новая инициатива была направлена только на государства Центральной Азии (без Южного Кавказа), что означало повышение их самостоятельной значимости, а также признание того факта, что возможности развития отношений Токио с Закавказьем весьма ограничены. При этом у Токио появляется площадка для обсуждения со странами региона вопросов не только экономического, но и политического характера, а также проблем безопасности.

Для понимания возможных целей и задач японской дипломатии, связанных с учреждением Диалога, также может представлять интерес мнение бывшего посла Японии в Узбекистане и Таджикистане Акио Кавато, высказанное им в апреле 2007 г. в ходе одного из научных мероприятий, организованных институтом Центральной Азии и Кавказа при Университете Джона Хопкинса. Комментируя данный формат, А. Кавато охарактеризовал его как открытую структуру, приветствующую участие любого заинтересованного государства, и противопоставил подобный подход принципам деятельности ШОС, которую подверг критике как «закрытую структуру» призванную нейтрализовать влияние Японии и стран Запада в Центральной Азии. Далее А. Кавато высказал предположение, что Центральной Азии необходимо создать паназиятскую организацию, действующую на тех же прин-

ципах, что и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. По его мнению, это поможет объединить диалог «Центральная Азия плюс Япония», ШОС и другие региональные организации в более широкую региональную структуру.

Второе СМИД состоялось в июне 2006 г. и прошло в духе концепции «Дуги свободы и процветания», о которой говорилось выше. На нём присутствовал представитель Афганистана, что было связано с обсуждением вопросов восстановления данной страны и строительства проходящего через неё «южного маршрута». Главным итогом саммита стало принятие плана действий, где были более чётко сформулированы задачи сотрудничества и определены пять его направлений: политический диалог и взаимодействие Японии и стран Центральной Азии на международной арене, региональное сотрудничество, развитие бизнеса, научный, культурный и гуманитарный обмен³².

Совещания министров иностранных дел в рамках Диалога первоначально планировалось проводить каждые два года. Вместе с тем, третье СМИД состоялось в Ташкенте только в августе 2010 года. Участники встречи подвели итоги реализации плана действий, принятого на предыдущем совещании, обсудили текущую политическую и экономическую ситуацию в регионе и определили приоритетные направления сотрудничества. Было отмечено, что за прошедшее с момента возникновения Диалога время сделано очень много по всем направлениям, представляющим интерес для всех стран-участниц, включая решение проблем региональной безопасности и стабильности, противодействие наркотрафику, интеграцию их экономик через налаживание хозяйственных связей. Обсуждался широкий спектр вопросов, в том числе повышение благосостояния населения региона, борьба

³¹ Мурашкин Н.Ю. Дипломатия «Великого шелкового пути» в Центральной Азии через призму японских представлений о безопасности (1992-2009 гг.) / Япония 2012. Ежегодник. – М.: «АИРО – XXI». – С. 41. [Murashkin, N.Iu. Diplomatiia «Velikogo shelkovogo puti» v Tsentral'noi Azii cherez prizmu iaponskikh predstavlenii o bezopasnosti (1992-2009 gg.) (Silk Road Diplomacy in Central Asia as Reflected in Japanese Vision of Security (1992-2009)) // Iaponiia 2012. Ezhegodnik. Moscow: «AIRO – XXI». P. 41.]

³² Добринская О.А. Япония – Центральная Азия: в поисках нефти и статуса // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 8, – С. 45. [Dobrinskaia, O.A. Iaponiia – Tsentral'naia Aziia: v poiskakh nefi i statusa (Japan and the Central Asia: in the Search of Oil and Status) // Aziia i Afrika segodnia, 2011, No. 8, p. 45.]

с экстремизмом, экологическая реабилитация Аральского региона, взаимодействие в транспортно-коммуникационной и водно-энергетической сферах, участие в процессе восстановления Афганистана³³.

Четвертое СМЖД состоялось в г. Токио в ноябре 2012 г. Представители стран-участниц Диалога подтвердили заинтересованность в углублении регионального сотрудничества в целях обеспечения стабильности и устойчивого развития региона. По итогам встречи главы делегаций подписали Совместное заявление о выстраивании нового партнерства между Японией и Центральной Азией, в котором стороны определили приоритетные направления дальнейшего сотрудничества. Японская сторона заявила о реализации проектов на сумму 700 млн долларов США для содействия региональному сотрудничеству³⁴.

Вместе с тем, из материалов пятого юбилейного СМЖД, состоявшегося в июле 2014 года, затруднительно сделать вывод о наличии значимых результатов работы данного форума за десятилетний период. В ходе данного совещания министр иностранных дел Японии Кисида Фумио обозначил основной курс практического сотрудничества на последующие десять лет – содействие развитию аграрного сектора экономик стран

Центральной Азии на основе имеющихся у Японии опыта и технологий, была принята Дорожная карта регионального сотрудничества в области сельского хозяйства. Помимо этого, были особо выделены борьба с наркоторговлей и контроль государственных границ региона. Министры иностранных дел Центрально-Азиатской пятёрки выразили благодарность Японии за предоставление пограничным органам досмотрового оборудования и реализацию проекта по созданию офисов пограничного взаимодействия. Также было объявлено о запуске японской «Программы стипендий для развития человеческих ресурсов JDS» и «Проекта по улучшению содержания дорог в Ошской, Джалал-Абадской и Таласской областях»³⁵.

Шестое СМЖД стран Центральной Азии и Японии, состоявшееся 1 мая 2017 г. в Ашхабаде, представляет особый интерес, поскольку состоялось уже после турне С. Абэ по странам Центральной Азии и практически за месяц до его официального высказывания о возможности участия Токио в проекте «Один пояс – один путь». Участники саммита подвели итоги председательства Туркменистана и определили новые перспективные направления регионального сотрудничества. В этом контексте была выражена признательность правительству Японии за всемерную поддержку усилий стран Центральной Азии по достижению целей устойчивого развития и решению социально-экономических задач. Было отмечено, что турне премьер-министра Японии С. Абэ по Центральной Азии в 2015 году положило начало качественно новому этапу отношений дружбы и взаимного доверия между Центральной Азией и Японией. По итогам совещания были приняты Со-

³³ Главы МИД провели в Ташкенте очередной Диалог «Центральная Азия + Япония» // Медиа группа «ASIA-Plus», 09.08.2010. Режим доступа: <http://www.news.tj/ru/news/glavy-mid-proveli-v-tashkente-ocherednoi-dialog-tsentralnaya-aziya-yaponiya> [Glavy MID proveli v Tashkente ocherednoj Dialog «Central'naja Azija + Japonija» (Foreign Ministers hold regular Dialogue «Central Asia + Japan» in Tashkent) // Media gruppа «ASIA-Plus», 09.08.2010. Mode of access: <http://www.news.tj/ru/news/glavy-mid-proveli-v-tashkente-ocherednoi-dialog-tsentralnaya-aziya-yaponiya>]

³⁴ Япония заявила о реализации проектов на \$700 млн в рамках Диалога «Центральная Азия Япония» // АКІpress, 12.11.2012. Режим доступа: <http://www.kg.akipress.org/news:563841> [Japoniia zjavila o realizacii proektov na \$700 mln v ramkah Dialoga «Central'naja Azija Japonija» (Japan Announced the Implementation of a \$ 700 Million Project in the Framework of the Dialogue «Central Asia Japan») // АКІpress, 12.11.2012. Mode of access: <http://www.kg.akipress.org/news:563841>]

³⁵ Алексеевкова Е.С. Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов «5+1» (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС) // Международная аналитика. – 2017. – № 1(19). – С. 36. [Alekseenkova, E.S. Sravnitel'nyj analiz dejatel'nosti sozdannyh v Central'noj Azii formatov «5+1» (s uchastiem SShA, Juzhnoj Korei, Japonii i ES) (A Comparative Analysis of the Activities of «5+1» Formats' Launched in Central Asia with Participation of the US, Republic of Korea, Japan, and the EU) // *Mezhdunarodnaja analitika*, 2017, No. 1, p. 36.]

вместное заявление шестого совещания министров иностранных дел и Дорожная карта регионального сотрудничества в области транспорта и логистики³⁶.

Одним из важных вопросов на повестке дня была региональная безопасность, борьба с терроризмом, содействие нормализации обстановки в Афганистане. Дипломаты отметили, что вопросы обеспечения стабильности, мира и безопасности являются первостепенными для всех государств. Страны Центральной Азии решительно и однозначно осудили терроризм во всех его формах и проявлениях, подчеркнули необходимость принятия практических мер по борьбе с экстремизмом, наркотрафиком и торговлей оружием, заявили о готовности к совместной работе по данным направлениям как на двустороннем, так и многостороннем уровнях.

В этой связи целесообразно пояснить, что японские эксперты последние три года занимаются серьёзными исследованиями, связанными с террористическими организациями на территории Центральной Азии, а также с положением этнических меньшинств и распространением религиозного экстремизма на её территории. При этом Япония готова делиться полученной информацией с заинтересованными странами и оказывать им прочие виды помощи в борьбе с терроризмом³⁷.

Обсуждая вопросы улучшения бизнес-среды в Центральной Азии, инвестиций в инфраструктуру и подготовку кадров, участники совещания высоко оценили выдвинутую С. Абэ еще в 2015 г. инициативу по «экспорту качественной инфраструктуры в Азию». Было отмечено наличие значительного потенциала регионального сотрудничества с участием японских корпораций в создании инфраструктуры для предотвращения стихийных бедствий, а также в сфере дорожно-транспортных коммуникаций, внедрения новых технологий в социально-коммуникационные проекты. Помимо транспорта и логистики, было подтверждено сохранение аграрной сферы в качестве одного из перспективных направлений сотрудничества.

Участники совещания обсудили вопросы и культурно-гуманитарного сотрудничества. Они отметили, что обмены творческими коллективами, научными идеями сближают народы, являются наиболее зримыми и эффективными способами укрепления дружбы между ними. Министры также выразили признательность правительству Японии за решение облегчить визовые требования для граждан стран Центральной Азии, что позволит активизировать культурно-гуманитарные контакты.

По итогам заседания министры подчеркнули, что за 25 лет с момента установления дипломатических отношений стран ЦА с Японией значительно укрепился политический диалог, расширились торгово-экономические и культурно-гуманитарные связи. Седьмое совещание министров иностранных дел Диалога пройдет в 2018 г. в Душанбе³⁸.

³⁶ Foreign Minister Fumio Kishida Attends the Sixth Foreign Ministers' Meeting of the "Central Asia plus Japan" Dialogue / Ministry of Foreign Affairs of Japan, 01.05.2017. Mode of access: http://www.mofa.go.jp/erp/ca_c/page1e_000160.html

³⁷ Усубалиев Э.Е. Крупных японских инвестиций в Центральной Азии без гарантий безопасности не будет (интервью для Центральноазиатского агентства аналитической журналистики) // CABAR.asia, 18.04.2017. Режим доступа: <http://www.cabar.asia/ru/esen-usubaliiev-bez-garantij-bezopasnosti-govorito-prihode-krupnogo-yaponskogo-kapitala-na-rynok-tsa-nevozmozhno/> [Usubaliiev, Je.E. Krupnyh japonskih investicij v Central'noj Azii bez garantij bezopasnosti ne budet (interv'ju dlja Central'noaziatskogo agentstva analiticheskoy zhurnalistiki) (There Will Be no Major Japanese Investments in the Central Asia without Security Policy Guaranties (Interview for Central Asian Bureau for Analytical Reporting)) //

CABAR.asia, 18.04.2017. Mode of access: <http://www.cabar.asia/ru/esen-usubaliiev-bez-garantij-bezopasnosti-govorito-prihode-krupnogo-yaponskogo-kapitala-na-rynok-tsa-nevozmozhno/>

³⁸ МИД ЦА и Японии подписали ряд документов о сотрудничестве в разных сферах // FOR.kg, 02.05.2017. Режим доступа: <http://www.for.kg/news-423606-ru.html> [MID CA i Japonii podpisali rjad dokumentov o sotrudnichestve v raznyh sferah (Ministers of Foreign Affairs of Central Asia States Signed a Number of Documents on Cooperation in Various Fields) // FOR.kg, 02.05.2017. Mode of access: <http://www.for.kg/news-423606-ru.html>]

Эксперт Российского совета по международным делам Е. Алексеенкова отмечает, что из всех форматов «5+1», действующих в Центральной Азии, диалог с Японией находится в наиболее проработанной и активной фазе. В рамках Диалога развивается несколько форматов сотрудничества: помимо СМВД, это также «Совещание старших должностных лиц» (СДЛ), «Интеллектуальный диалог» («Токийский диалог»), «Встречи экспертов» и «Обмен между министерствами иностранных дел».

В качестве подтверждения эффективности учреждённого японцами формата «С5+1» можно рассматривать использование его Вашингтоном в ходе вышеупомянутого Центральноазиатского турне госсекретаря администрации второго срока Б. Обамы Джона Керри. В рамках данного визита в Самарканде впервые состоялась его встреча с министрами иностранных дел Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Туркмении, оформленная подписанием «Самаркандской декларации». Предполагается, что первая встреча в формате «С5+1» положила начало развитию сотрудничества США и стран центральноазиатской пятёрки в многостороннем формате и что в ходе последующих встреч будет создано несколько рабочих групп по конкретным направлениям сотрудничества³⁹.

В рамках расширения своего присутствия в Центральной Азии Япония опирается и на взаимодействие и с внерегиональными игроками. В этом контексте следует отметить наметившиеся очертания сотрудничества в Центральной Азии Японии с Турцией, которая является ещё одним важным игроком на этой части евразийско-

го пространства. При этом японо-турецкие отношения в целом можно рассматривать как не очень активные, но традиционно дружественные, что во многом обусловлено историческим бэкграундом: участием японцев в спасении в 1890 г. моряков турецкого военного корабля, прибывшего в Японию с дипломатической миссией и попавшего в шторм после выхода из Йокогамы, помощью турецких авиалиний в эвакуации из Тегерана японских граждан во время ирано-иракской войны, участием Японии в ликвидации последствий землетрясения в Турции 1999 г. Интерес Японии к Турции также может быть объясним и политикой Токио в отношении Китая: японские специалисты в области этнографии активно интересуются проблематикой пантюркизма и проводят соответствующие исследования в ЦА, в частности, в Киргизии и Узбекистане. При этом затрагивается весьма чувствительная для КНР тематика, связанная с положением уйгурских общин. На территории Японии имеются представительства всемирного уйгурского конгресса, что вызывает определённое раздражение со стороны Пекина⁴⁰.

Объединение усилий Анкары и Токио в Центральной Азии может способствовать продвижению сотрудничества Токио с регионом и разделению с Анкарой сфер ответственности. С 2000 г. Япония и Турция проводят периодические консультации по

³⁹ Алексеенкова Е.С. Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов «5+1» (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС) // *Международная аналитика*. – 2017. – № 1(19). – С. 30. [Alekseenkova, E.S. Sravnitel'nyj analiz dejatel'nosti sozdannyh v Central'noj Azii formatov «5+1» (s uchastiem SShA, Juzhnoj Korei, Japonii i ES) (A Comparative Analysis of the Activities of “5+1” Formats Launched in Central Asia with Participation of the US, Republic of Korea, Japan, and the EU) // *Mezhdunarodnaja analitika*, 2017, No. 1, p. 30.]

⁴⁰ Усубалиев Э.Е. Крупных японских инвестиций в Центральной Азии без гарантий безопасности не будет (интервью для Центральноазиатского агентства аналитической журналистики) // *CABAR.asia*, 18.04.2017. Режим доступа: <http://www.cabar.asia/ru/esen-usubaliev-bez-garantij-bezopasnosti-govorit-o-prihode-krupnogo-yaponskogo-kapitala-na-rynok-tsa-nevozmozhno/> [Usabaliyev, Je.E. Krupnyh japonskih investicij v Central'noj Azii bez garantij bezopasnosti ne budet (interv'ju dlja Central'noaziatskogo agentstva analiticheskoy zhurnalistiki) (There Will Be no Major Japanese Investments in the Central Asia without Security Policy Guaranties (Interview for Central Asian Bureau for Analytical Reporting)) // *CABAR.asia*, 18.04.2017. Mode of access: <http://www.cabar.asia/ru/esen-usubaliev-bez-garantij-bezopasnosti-govorit-o-prihode-krupnogo-yaponskogo-kapitala-na-rynok-tsa-nevozmozhno/>]

вопросам стабильности и развития Центральной Азии, Ближнего Востока и Кавказа, существуют примеры работы турецких и японских компаний и консорциумов над совместными проектами в сфере энергоресурсов и логистики. Таким образом, Токио снижает свои риски, сотрудничая с Турцией как своего рода «лоцманом» – одной из немногих стран, имеющих относительно привилегированные отношения с Туркменистаном, впрочем, японо-турецкий тандем не ограничивается этой страной.

С октября 2016 г. *Mitsubishi Corporation* и *Çalyk Holding* работают над строительством Туракурганской ТЭС в Узбекистане, есть пример сотрудничества японской компании INI и турецкой *Alsim Alarko* в Казахстане, в сооружении подвесного моста в г.Семей (Семипалатинск) Восточно-Казахстанской области в 2001 г. Турция также является партнёром Японии в продвижении её образовательных проектов.

Таким образом, по мнению экспертов Российского совета по международным делам И. Акылбаева и Н. Мурашкина, в развитии центральноазиатской дипломатии, помимо традиционного упора на экспорт технологий, инфраструктуры и капитала, прослеживаются проявления нарастающей регионализации Центральной Азии со странами не только Северо-Восточной Азии, но и юго-западного субрегиона Большой Евразии (Турцией)⁴¹.

Ещё одним ключевым актором на евразийском пространстве, интересы которого

затронуты китайским проектом «Один пояс – один путь» Япония, является Индия, являющаяся самым решительным противником китайского инфраструктурного проекта, охватывающего целый континент. Отношение Индии к проекту «Один пояс – один путь» со временем менялось. Оно стало враждебным, когда дали о себе знать замыслы Китая на субконтиненте и в районе Индийского океана. Индия заявила, что флагманский проект «Одного пояса – одного пути» под названием Китайско-Пакистанский экономический коридор пройдет через территорию, которую она считает своей. Но еще больше для Дели оказалось нежелание Пекина ответить согласием на его просьбы провести консультации о целях, характере и финансировании инициативы. Строительство портов и автомобильных дорог силами и на средства КНР вогнало в долги очень многие страны, и прежде всего, Шри-Ланку. По мнению индийских комментаторов, эти государства страдают от грабительских процентных ставок, от коррупции в рядах политического руководства и от попыток влиять на их внешнюю политику, когда их правительства связаны по рукам и ногам. Схема сухопутных проектов «Одного пояса – одного пути» весьма показательна. Почти во всех случаях они соединяют его участников с Китаем, но редко связывают их друг с другом⁴². Будучи единственной страной в Юго-Восточной Азии, которая демонстративно игнорирует «Один пояс – один путь», Индия рискует постепенно оказаться в региональной изоляции. Для Дели, где рассматривают Токио как стратегического партнёра, Япония после примирительного заявления С. Абэ в отношении китайских инициатив начинает выглядеть как коллаборант⁴³.

⁴¹ Акылбаев И., Мурашкин Н. Япония и Центральная Азия: «тихое» партнёрство с привлечением внерегиональных игроков // Российский совет по международным делам, 20.06.2017. Режим доступа: <http://www.russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-i-tsentrlnaya-aziya-tikhoe-partnerstvo-s-privlecheniem-vneregionalnykh-igrokov/> [Akylbaev, I., Murashkin, N. Japonija i Central'naja Azija: «tihoe» partnjorstvo s privlecheniem vneregional'nyh igrokov (Japan and Central Asia: «Quiet» Partnership with Involvement of Extra-Regional Players) / Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam, 20.06.2017. Mode of access: <http://www.russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-i-tsentrlnaya-aziya-tikhoe-partnerstvo-s-privlecheniem-vneregionalnykh-igrokov/>]

⁴² India Has Its Reasons to Boycott China's Belt Road Initiative // *hindustantimes*, 17.05.2017. Mode of access: <http://www.hindustantimes.com/editorials/india-has-its-reasons-to-boycott-china-s-belt-road-initiative/story-kbLQ7Km9b9fNJTpL5hlMSO.html>

⁴³ Why Joining Quadrilateral With US, Japan & Australia to Counter China's OBOR Makes Sense For India // *News18.com*, 03.11.2017. Mode of access: <http://www.news18.com/news/india/explained-the-emerging-new-quadrilateral-around-india-to-counter-chinas-obor-1565681.html>

Что касается упомянутых в первой части данной статьи заявлений министра иностранных дел Японии Т. Коно о возможности выстраивания формата США-Япония-Австралия-Индия, то здесь необходимо учитывать, что уже имевшие место ранее подобные попытки показали, что в Дели не слишком расположены к отказу от своей стратегии неприсоединения и скорее будут рассматривать варианты координации своих действий с Вашингтоном, тем более, что автором идеи о продвижении четырёхстороннего диалога Вашингтон-Токио-Канберра-Дели скорее следует считать госсекретаря США Р. Тиллерсона, исходя из нескольких его заявлений. Например, во время его выступления на конференции в Центре стратегических и международных исследований (Вашингтон), где он заявил о том, что США начинают изучать альтернативы китайским инфраструктурным проектам в Азии, рассматривая в качестве партнёров вышеупомянутые страны⁴⁴.

Что касается России, то для неё, по мнению И. Акылбаева и Н. Мурашкина, участие Японии в центральноазиатских процессах имеет больше преимуществ, чем недостатков. Если десятилетием ранее, в середине 2000-х гг., японское руководство пыталось использовать свои связи с Центральной Азией для балансирования растущему региональному влиянию России и Китая, то сегодня, напротив, С. Абэ хорошо расположен к России и даже выдвигал предложения о российско-японском взаимодействии в борьбе с наркотрафиком и терроризмом на таджикско-афганской границе. Эти эксперты отмечают, что южные маршруты «Одного пояса – Одного пути», поддерживаемого Россией, в ряде случаев совпадают с коридорами, уже предлагавшимися в рамках программы ЦАРЭС. Кроме того, такие партнёры Токио в регионе, как Анкара и Дели, являются и значимыми партнёрами России. Диверсификация кредиторов, доноров и

экономических партнёров Центральноазиатского региона означает снижение риска попадания Центральной Азии в китайскую долговую яму, что выгодно России, опасющейся чрезмерного роста китайского экономического влияния в регионе⁴⁵.

Что касается заинтересованности Японии во взаимодействии с Россией, в том числе и на центральноазиатском направлении, то, например, российский эксперт Д. Тренин подчёркивает, что прочные отношения с Японией могли бы сделать азиатский вектор российской политики более сбалансированным. И наоборот, стабильные отношения с Россией создали бы условия для проведения Японией более сильной внешней политики. В интересах Токио убедить своего американского союзника в необходимости отделить российско-японские отношения от общей ситуации российско-американской конфронтации⁴⁶.

Выводы

Политика Японии на евразийском направлении остается непоследовательной, и, вероятно, останется такой, так как сохраняются причины этой непоследовательности – противоречие между реальными экономическими интересами своей страны и следованием в фарватере идеологических и геополитических планов США. Представляется, что ее

⁴⁴ U.S. Wants Stronger India Economic, Defense Ties Given China's Rise: Tillerson // *Reuters*, 19.10.2017. Mode of access: <http://www.reuters.com/article/us-usa-india-tillerson/u-s-wants-stronger-india-economic-defense-ties-given-chinas-rise-tillerson-idUSKBN1CN31Z>

⁴⁵ Акылбаев И., Мурашкин Н. Япония и Центральная Азия: «тихое» партнёрство с привлечением внерегиональных игроков // Российский совет по международным делам, 20.06.2017. Режим доступа: <http://www.russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-i-tsentralnaya-aziya-tikhoe-partnerstvo-s-privlecheniem-vneregionalnykh-igrokov/> [Акылбаев, И., Мурашкин, Н. Япония и Центральная Азия: «тихое» партнёрство с привлечением внерегиональных игроков (Japan and Central Asia: «Quiet» Partnership with Involvement of Extra-Regional Players) / Российский совет по международным делам, 20.06.2017. Mode of access: <http://www.russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-i-tsentralnaya-aziya-tikhoe-partnerstvo-s-privlecheniem-vneregionalnykh-igrokov/>]

⁴⁶ Trenin, D. Japan's Eurasian Challenge // *Japan Up Close*, 12.05.2015. Mode of access: http://www.japanupclose.web-japan.org/policy/20150512_1.html

будущее направление во многом будет зависеть от реальных экономических результатов реализации китайской инициативы Экономического пояса Шелкового пути, ее сопряжение с планами Евразийского экономического союза, хода российско-китайского сотрудничества. Если экономические проекты западных игроков Евразии будут эффективными, у Токио возникнет больше соблазнов для сотрудничества с ними, несмотря на тесные связи с США. Здесь показательным примером может служить присоединение многих государств ЕС к созданному по китайской инициативе Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций, несмотря на противодействие Вашингтона. В то же время излишняя внешнеполитическая и военная активность западных государств Евразии, прежде всего Китая, в АТР, будет стимулировать Токио на создание политического баланса китайскому и российскому влиянию, на попытки формирования различных сдерживающих его структур. Такой курс может вызвать некоторый интерес и у евразийских соседей Китая, которые уже рассматривают сотрудничество с Японией как альтернативу росту экономической и политической зависимости от Пекина или, по крайней мере, как одно из направлений диверсификации внешнеполитических и внешнеэкономических связей. В то же время, для большинства центральноазиатских стран, а также Пакистана и Афганистана, Китай – гораздо более близкий и влиятельный партнер, поэтому потенциальную роль Японии в этом сравнительно отдаленном от нее регионе не стоит преувеличивать.

Литература:

Акылбаев И., Мурашкин Н. Япония и Центральная Азия: «тихое» партнерство с привлечением вне-региональных игроков // Российский совет по международным делам, 20.06.2017. Режим доступа: <http://www.russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/yaponiya-i-tsentralnaya-aziya-tikhoe-partnerstvo-s-privlecheniem-vneregionalnykh-igrokov/>

Алексеевкова Е.С. Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов «5+1» (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС) // Международная аналитика. – 2017. – № 1(19). – С. 29-41.

Главы МИД провели в Ташкенте очередной Диалог «Центральная Азия + Япония» // Медиа группа «ASIA-Plus», 09.08.2010. Режим доступа: <http://www.news.tj/ru/news/glavy-mid-proveli-v-tashkente-ocherednoi-dialog-tsentralnaya-aziya-yaponiya>

Добринская О.А. Япония – Центральная Азия: в поисках нефти и статуса // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 8, – С. 45-50.

Курманов З.П., Уразаева Ф.П. Евразийская дипломатия Японии // *International Scientific and Practical Conference "WORLD SCIENCE"*, 2016, No. 9(13), Vol. 5, pp. 49-54.

МИД ЦА и Японии подписали ряд документов о сотрудничестве в разных сферах // FOR.kg, 02.05.2017. Режим доступа: <http://www.for.kg/news-423606-ru.html>

Мурашкин Н.Ю. Дипломатия «Великого шелкового пути» в Центральной Азии через призму японских представлений о безопасности (1992-2009 гг.) // Япония 2012. Ежегодник. – М.: «АИРО – XXI». – С. 24-50.

Мурашкин Н.Ю. Зачем премьер Японии объехал всю Центральную Азию // Carnegie.ru, 17.11.2015. Режим доступа: <http://carnegie.ru/commentary/61989>

Мурашкин Н.Ю. Центральноазиатское турне Синдзо Абэ: ресурсная дипломатия или партия в «Большой игре»? // Российский совет по международным делам, 01.12.2015. Режим доступа: http://www.russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/tsentralnoaziatskoe-turne-sindzo-abe-resursnaya-diplomatiya-7?sphrase_id=236295

Усубалиев Э.Е. История инициатив Японии в Центральной Азии: «Евразийская дипломатия» и «Дипломатия Шелкового пути» // ОКО ПЛАНЕТЫ, 13.06.2013. Режим доступа: www.oko-planet.ru/politik/politiklist/193196-istoriya-iniciativ-yaponii-v-tsentralnoy-azii-evraziyskaya-diplomatiya-i-diplomatiya-shelkovogo-puti.html

Усубалиев Э.Е. Крупных японских инвестиций в Центральной Азии без гарантий безопасности не будет (интервью для Центральноазиатского агентства аналитической журналистики) // CABAR.asia, 18.04.2017. Режим доступа: <http://www.cabar.asia/ru/esen-usubaliev-bez-garantij-bezopasnosti-govorit-o-prihode-kрупnogo-yaponskogo-kapitala-na-rynok-tsa-nevozmozhno/>

Усубалиев Э.Е. Проблемы и перспективы политического курса Японии в Центральной Азии // Время Востока, 05.11.2008. Режим доступа: <http://www.easttime.ru/analitic/3/9/512.html>

Усубалиев Э.Е. Роль Японии в Центральной Азии: возможна ли новая организация по безопасности в регионе? // ЦентрАзия, 12.03.08. Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1205316300>

Усубалиев Э.Е. Центральная Азия – Япония: некоторые аспекты взаимоотношений // Время Востока, 19.09.2007. Режим доступа: <http://www.easttime.ru/reganalitic/1/95.html>

Усубалиев Э.Е. Центральная Азия на перекрестке цивилизаций и политических блоков: Японский план // *POLIT.KG*, 18.02.2013. Режим доступа: <http://www.polit.kg/conference/3/174>

Япония заявила о реализации проектов на \$700 млн в рамках Диалога “Центральная Азия Япония” // АКИpress, 12.11.2012. Режим доступа: <http://www.kg.akipress.org/news:563841>

Япония пытается потеснить Китай в Центральной Азии // Коммерсант.ru, 28.10.2015. Mode of access: <http://www.kommersant.ru/doc/2842166>

ADB President: We're not Rivals with China's AIB // *Rappler.com*, 04.05.2017. Mode of access: <https://www.rappler.com/business/168858-aib-ADB-rivalry-cooperation>

ADB Seeks Continued US Engagement in the Asia-Pacific Region // *Nikkei Asian Review*, 07.05. 2017. Mode of access: <https://asia.nikkei.com/print/article/258937>

China and Russia Are No Match for World Order // *The National Interest*, 08.06.2016. Mode of access: <http://www.nationalinterest.org/feature/china-russia-are-no-match-world-order-16514>

Foreign Minister Fumio Kishida Attends the Sixth Foreign Ministers' Meeting of the "Central Asia plus Japan" Dialogue / Ministry of Foreign Affairs of Japan, 01.05.2017. Mode of access: http://www.mofa.go.jp/erp/ca_c/page1e_000160.html

India Has Its Reasons to Boycott China's Belt Road Initiative // *Hindustantimes*, 17.05.2017. Mode of access: <http://www.hindustantimes.com/editorials/india-has-its-reasons-to-boycott-china-s-belt-road-initiative/story-kbLQ7Km9b9fNJTpL5hlMSO.html>

Japan and 'One Belt, One Road' // *The Japan Times*, 24.06.2017. Mode of access: <http://www.japantimes.co.jp/opinion/2017/06/24/editorials/japan-one-belt-one-road/>

Japan Could Benefit from China's One Belt, One Road Plan // *The National Interest*, 01.08.2017. Mode of access: <http://www.nationalinterest.org/feature/japan-could-benefit-chinas-one-belt-one-road-plan-21742>

Japan to Propose Dialogue with US, India and Australia // *Nikkei Asian Review*, 25.10.2017. Mode of access: <http://www.asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/Japan-to-propose-dialogue-with-US-India-and-Australia?page=1>

Press Conference by Foreign Minister Taro Kono / Ministry of Foreign Affairs of Japan, 02.11.2017. Mode of access: http://www.mofa.go.jp/press/kaiken/kaiken4e_000432.html

Trenin, D. Japan's Eurasian Challenge // *Japan Up Close*, 12.05.2015. Mode of access: http://www.japanupclose.web-japan.org/policy/20150512_1.html

U.S. Wants Stronger India Economic, Defense Ties Given China's Rise: Tillerson // Reuters, 19.10.2017. Mode of access: <http://www.reuters.com/article/us-usa-india-tillerson/u-s-wants-stronger-india-economic-defense-ties-given-chinas-rise-tillerson-idUSKBN1CN31Z>

Why Joining Quadrilateral With US, Japan & Australia to Counter China's OBOR Makes Sense For India // News18.com, 03.11.2017. Mode of access: <http://www.news18.com/news/india/explained-the-emerging-new-quadrilateral-around-india-to-counter-chinas-obor-1565681.html>

Will Japan Join China's Belt and Road Initiative? // *The Diplomat.com*, 14.06.2017. Mode of access: <http://www.thediplomat.com/2017/06/will-japan-join-chinas-belt-and-road-initiative/>

References:

ADB President: We're not Rivals with China's AIIB // *Rappler.com*, 04.05.2017. Mode of access: <https://www.rappler.com/business/168858-aiib-adb-rivalry-cooperation>

ADB Seeks Continued US Engagement in the Asia-Pacific Region // *Nikkei Asian Review*, 07.05.2017. Mode of access: <https://asia.nikkei.com/print/article/258937>

Akylbaev, I., Murashkin, N. Japonija i Central'naja Azija: «tihoe» partnjorstvo s privilecheniem vneregional'nyh igrokov (Japan and Central Asia: "Quiet" Partnership with Involvement of Extra-Regional Players) / Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam, 20.06.2017. Mode of access: <http://www.russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-i-tsentralnaya-aziya-tikhoe-partnerstvo-s-privlecheniem-vneregionalnykh-igrokov/>

Alekseenkova, E.C. Sravnitel'nyj analiz dejatel'nosti sozdannyh v Central'noj Azii formatov «5+1» (s uchastiem SShA, Juzhnoj Korei, Japonii i ES) (A Comparative Analysis of the Activities of "5+1" Formats' Launched in Central Asia with Participation of the US, Republic of Korea, Japan, and the EU) // *Mezhdunarodnaja analitika*, 2017, No. 1, pp. 29-41.

China and Russia Are No Match for World Order // *The National Interest*, 08.06.2016. Mode of access: <http://www.nationalinterest.org/feature/china-russia-are-no-match-world-order-16514>

Dobrinaika, O.A. Japonija – Tsentral'naja Azija: v poiskakh nefi i statusa (Japan and the Central Asia: in the Search of Oil and Status) // *Azija i Afrika segodnja*, 2011, No. 8, pp. 45-50.

Foreign Minister Fumio Kishida Attends the Sixth Foreign Ministers' Meeting of the "Central Asia plus Japan" Dialogue / Ministry of Foreign Affairs of Japan, 01.05.2017. Mode of access: http://www.mofa.go.jp/erp/ca_c/page1e_000160.html

Glavy MID proveli v Tashkente ocherednoj Dialog «Central'naja Azija + Japonija» (Foreign Ministers hold regular Dialogue "Central Asia + Japan" in Tashkent) // Media gruppy «ASIA-Plus», 09.08.2010. Mode of access: <http://www.news.tj/ru/news/glavy-mid-proveli-v-tashkente-ocherednoi-dialog-tsentralnaya-aziya-yaponiya>

Japonija pytaetsia potesnit' Kitai v Tsentral'noi Azii (Japan is Trying to Drive out China in Central Asia) // *Kommersant.ru*, 28.10.2015. Mode of access: <http://www.kommersant.ru/doc/2842166>

Japonija zajavila o realizacii proektov na \$700 mln v ramkah Dialoga "Central'naja Azija Japonija" (Japan Announced the Implementation of a \$ 700 Million Project in the Framework of the Dialogue "Central Asia Japan") // *AKIpress*, 12.11.2012. Mode of access: <http://www.kg.akipress.org/news:563841>

India Has Its Reasons to Boycott China's Belt Road Initiative // *Hindustantimes*, 17.05.2017. Mode of access: <http://www.hindustantimes.com/editorials/india-has-its-reasons-to-boycott-china-s-belt-road-initiative/story-kbLQ7Km9b9fNJTpL5hlMSO.html>

Japan and 'One Belt, One Road' // *The Japan Times*, 24.06.2017. Mode of access: <http://www.japantimes.co.jp/opinion/2017/06/24/editorials/japan-one-belt-one-road/>

Japan Could Benefit from China's One Belt, One Road Plan // *The National Interest*, 01.08.2017. Mode of access: <http://www.nationalinterest.org/feature/japan-could-benefit-chinas-one-belt-one-road-plan-21742>

Japan to Propose Dialogue with US, India and Australia // *Nikkei Asian Review*, 25.10.2017. Mode of access: <http://www.asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/Japan-to-propose-dialogue-with-US-India-and-Australia?page=1>

Kurmanov, Z.P., Uraxaeva, F.P. Evrazijskaja diplomatija Japonii (Japan's Eurasian Diplomacy) // *International Scientific and Practical Conference "WORLD SCIENCE" 2016*, No. 9(13), Vol. 5, pp. 49-54.

MID CA i Japonii podpisali rjad dokumentov o sotrudnichestve v raznyh sferah (Ministers of Foreign Affairs of Central Asia States Signed a Number of Documents on Cooperation in Various Fields) // FOR. kg, 02.05.2017. Mode of access: <http://www.for.kg/news-423606-ru.html>

Murashkin, N.Iu. Diplomatiia «Velikogo shelkovogo puti» v Tsentral'noi Azii cherez prizmu iaponskikh

predstavlenii o bezopasnosti (1992-2009 gg.) (Silk Road Diplomacy in Central Asia as Reflected in Japanese Vision of Security (1992-2009)) // Iaponiia 2012. Ezhegodnik. Moscow: «AIRO – XXI». Pp. 24-50.

Murashkin, N.Iu. Tsentral'noaziatskoe turne Sindzo Abe: resursnaia diplomatiia ili partiia v «Bol'shoi igre»? (Shinzo Abe's Central Asia Tour: Resource Diplomacy or the Party in the "Great Game"?) // Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam, 01.12.2015. Mode of access: http://www.russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsentralnoaziatskoe-turne-sindzo-abe-resursnaya-diplomatiya-/?sphrase_id=236295

Murashkin, N.Iu. Zachem prem'er Iaponii ob'ekhal vsiu Tsentral'nuu Aziuu (Why Prime Minister of Japan Toured all over Central Asia) // *Carnegie.ru*, 17.11.2015. Mode of access: <http://www.carnegie.ru/commentary/61989>

Press Conference by Foreign Minister Taro Kono / Ministry of Foreign Affairs of Japan, 02.11.2017. Mode of access: http://www.mofa.go.jp/press/kaiken/kaiken4e_000432.html

Trenin, D. Japan's Eurasian Challenge // *Japan Up Close*, 12.05.2015. Mode of access: http://www.japanupclose.web-japan.org/policy/20150512_1.html

U.S. Wants Stronger India Economic, Defense Ties Given China's Rise: Tillerson // Reuters, 19.10.2017. Mode of access: <http://www.reuters.com/article/us-usa-india-tillerson/u-s-wants-stronger-india-economic-defense-ties-given-chinas-rise-tillerson-idUSKBN1CN31Z>

Usubaliev, Je.E. Central'naja Azija na perekrestke civilizacij i politicheskikh blokov: Japonskij plan (Central Asia at the Crossroad of Civilizations and Political Blocs: The Japanese Plan) // *POLIT.KG*, 18.02.2013. Mode of access: <http://www.polit.kg/conference/3/174>

Usubaliev, Je.E. Istorija iniciativ Japonii v Central'noj Azii: «Evrazijskaja diplomatiia» i «Diplomatija Shelkovogo puti» (The History of Japan's Initiatives in Central Asia: Eurasian Diplomacy and Silk Road Diplomacy) // *OKO PLANETY*, 13.06.2013. Mode of access: [www.oko-planet.](http://www.oko-planet.ru/politik/politiklist/193196-istoriya-iniciativ-yaponii-v-centralnoy-azii-evraziyskaya-diplomatiya-i-diplomatiya-shelkovogo-puti.html)

[su/politik/politiklist/193196-istoriya-iniciativ-yaponii-v-centralnoy-azii-evraziyskaya-diplomatiya-i-diplomatiya-shelkovogo-puti.html](http://www.oko-planet.ru/politik/politiklist/193196-istoriya-iniciativ-yaponii-v-centralnoy-azii-evraziyskaya-diplomatiya-i-diplomatiya-shelkovogo-puti.html)

Usubaliev, Je.E. Krupnyh japonskih investicij v Central'noj Azii bez garantij bezopasnosti ne budet (interv'ju dlja Central'noaziatskogo agentstva analiticheskij zhurnalistiki) (There Will Be no Major Japanese Investments in the Central Asia without Security Policy Guaranties (Interview for Central Asian Bureau for Analytical Reporting)) // *CABAR.asia*, 18.04.2017. Mode of access: <http://www.cabar.asia/ru/esen-usubaliev-bez-garantij-bezopasnosti-govorit-o-prihode-krupnogo-yaponskogo-kapitala-na-rynok-tsa-nevozmozhno/>

Usubaliev, Je.E. Problemy i perspektivy politicheskogo kursa Iaponii v Tsentral'noi Azii (The Problems and Prospects of Japan's Political Course in Central Asia) // *Vremia Vostoka*, 05.11.2008. Mode of access: <http://www.easttime.ru/analytic/3/9/512.html>

Usubaliev, Je.E. Rol' Iaponii v Tsentral'noi Azii: vozmozhna li novaia organizatsiia po bezopasnosti v regione? (Japan's Role of in Central Asia: Is It Possible for a New Regional Security Organization?) // *Tsentral'Azii*, 12.03.08. Mode of access: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1205316300>

Usubaliev, Je.E. Tsentral'naia Aziiia – Iaponiia: nekotorye aspekty vzaimootnoshenii (Central Asia – Japan: Some Aspects of the Relations) // *Vremia Vostoka*, 19.09.2007. Mode of access: <http://www.easttime.ru/reganalitic/1/95.html>

Why Joining Quadrilateral With US, Japan & Australia to Counter China's OBOR Makes Sense For India // *News18.com*, 03.11.2017. Mode of access: <http://www.news18.com/news/india/explained-the-emerging-new-quadrilateral-around-india-to-counter-chinas-obor-1565681.html>

Will Japan Join China's Belt and Road Initiative? // *TheDiplomat.com*, 14.06.2017. Mode of access: <http://www.thediplomat.com/2017/06/will-japan-join-chinas-belt-and-road-initiative/>

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-3-42-60>

TOKYO'S EURASIAN DIPLOMACY: SUCCESSSES AND FAILURES (1997-2017)

Oleg G. Paramonov

*MGIMO University, National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Olga V. Puzanova

*MGIMO University, National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 22 January 2018</p> <p><i>Accepted:</i> 29 April 2018</p>	<p>Abstract: This article is devoted to the analysis of the growing importance of the Eurasian direction in Japan's foreign policy, the causes and consequences of the duality and inconsistency of this policy, the influence of internal political reasons on Japan's alignment with its policy towards the Central Asian states. The process of building up a new system of Japan's foreign policy behavior in Central Asia in this case has developed in a reactive as opposed to a proactive manner. Eurasian direction of Japan's diplomacy demanded a serious revision because by the new project «One Belt, One Road», which is an unprecedented regional initiative of Beijing – the primary foreign policy opponent for Tokyo. The regional agenda of Tokyo is also influenced by the new approaches of Donald Trump's administration to the multilateral cooperation's forms. Tokyo's attempts to pursue its relations with the Central Asian states as a whole region and the Japan's experience of using the dialogue «Central Asia plus Japan» as a promising model for the cooperation between non-regional actors and its Central Asia's partners, are also of interest. In addition, the article deals with the preconditions for coordinating actions in the Eurasian direction between Japan and its friendly states, including Turkey and India, and the process of diversifying the economic partners of the Central Asian region as a whole. Since the reasons for the interest of the Central Asian states in the implementation of economic and other forms of cooperation with Tokyo have not lost their relevance, Russia could be of significant value to Tokyo.</p> <p><i>Acknowledgments: The article is prepared with support of the Russian Science Foundation, Project No. 17-18-015773</i></p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Oleg G. Paramonov</i>, Candidate of History, Senior Researcher, Center for East Asian Studies and SCO, MGIMO University; Associate Professor, School of International Relations, Higher School of Economics</p> <p>e-mail: paramonov_og@rambler.ru</p> <p><i>Olga V. Puzanova</i>, Junior Researcher, Center for East Asian Studies and SCO, MGIMO University; Trainee Researcher, Center for Comprehensive European and International Studies, Higher School of Economics</p> <p>e-mail: puzanova.olga@gmail.com</p>	
<p>Key words: Eurasian Diplomacy; project “One Belt, One Road”; dialog “Central Asia plus Japan”; infrastructure project; Silk Road Diplomacy; Asian Infrastructure Investment Bank; Asian Development Bank</p>	

Для цитирования: Парамонов О.Г., Пузанова О.В. Евразийская дипломатия Токио: успехи и неудачи (1997-2017 гг.) // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 3. – С. 42-60.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-42-60

For citation: Paramonov, Oleg G.; Puzanova, Olga V. Evraziiskaia diplomatia Tokio: uspekhi i neudachi (1997-2017 gg.) (Tokyo's Eurasian Diplomacy: Successes and Failures (1997-2017)) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 3, pp. 42-60.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-42-60

«ИНИЦИАТИВА ПОЯСА И ПУТИ»: СОДЕРЖАНИЕ, ЦЕЛИ И ЗНАЧЕНИЕ

Анна Андреевна Киреева

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 18 декабря 2016 <i>Отправлено на редактирование:</i> 5 марта 2017 <i>Принята к печати:</i> 20 декабря 2017</p>	<p>Аннотация: В статье рассматриваются выдвигаемые Китаем Экономический пояс Шелкового пути и Морской шелковый путь XXI века, объединенные в Инициативу пояса и пути. Проводится анализ концептуальной эволюции инициативы, ее институционализации, основных направлений и приоритетов. Можно выделить три взаимосвязанные группы целей в реализации инициативы «пояса и пути»: собственного экономического развития Китая, внешнеэкономические, внешне- и геополитические. Инициатива пояса и пути призвана придать стимул развитию КНР путем нахождения новых внешних и внутренних источников роста в условиях трансформации модели развития, способствовать решению ряда структурных проблем экономики, поощрить стимулирование высокотехнологичного производства и перехода Китая на инновационную модель развития путем повышения своей роли в региональных и глобальных цепочках добавленной стоимости. КНР рассматривает инициативу как новый мега-проект интеграции с Китаем как лидером, способным предоставить «общественные блага» странам региона. Инициатива является самым амбициозным проектом развития в настоящее время, а ее реализация приведет к значительному увеличению взаимосвязанности на огромном макро- и трансрегиональном пространстве, в первую очередь, Азии и Евразии, расширению деятельности и полномасштабному присутствию Китая.</p> <p><i>Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России» № 16-03-00602.</i></p>
<p>Об авторе: к.полит.н., доцент, кафедра востоковедения; научный сотрудник, Центр комплексного Китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России e-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Китай; один пояс, один путь; инициатива пояса и пути; Экономический пояс Шелкового пути; Морской шелковый путь; Восточная Азия; Евразия; Азиатский банк инфраструктурных инвестиций; региональная интеграция; трансрегионализм</p>	

В сентябре 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин в своей лекции в Назарбаевском университете Казахстана предложил инициативу Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) как возрождения древнего Шелкового пути, связывающего Китай со странами Евразии, Среднего и Ближнего Востока. В октябре 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин в своем обращении к парламенту Индонезии выдвинул концепцию Морского шелкового пути XXI века (МШП) как возрождения древнего морского шелкового пути (берущего свое начало в эпоху ди-

настии Тан 618-907 гг.), делая акцент на формировании дружеских отношений во время экспедиции китайского генерала Чжэн Хэ шесть веков назад. Новые шелковые пути призваны связать Китай со странами Европы через обширные пространства, как сухопутные, так и морские. Эти инициативы достаточно быстро обрели форму одной из главных составляющих китайской внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии, и вошли в китайский политический лексикон как «один пояс, один путь» (кит. 一帶一路 идай, илу), или позднее – инициати-

ва пояса и пути. Претворение в жизнь инициативы призвано способствовать ключевой цели воплощения «китайской мечты» о великом возрождении китайской нации, которая в свою очередь должна служить реализации так называемых двух «целей столетия»: к столетию КПК в 2021 г. завершить строительство общества средней зажиточности (сяокан), а в середине века к столетию образования КНР в 2049 г. – построить «богатое, сильное, демократическое, цивилизованное и гармоничное модернизированное социалистическое государство». Экономический пояс Шелкового пути ставит целью создать экономическую зону сотрудничества, которая сделает более тесными экономические связи между странами¹.

В 2015 г. были обозначены основные маршруты Экономического пояса Шелкового пути: из Китая через Центральную Азию и Россию до Европы, из Китая через Центральную Азию и Западную Азию до Персидского залива и Средиземного моря; из Китая в Юго-Восточную Азию, в Южную Азию к Индийскому океану. Морской шелковый путь был оформлен в виде двух маршрутов: из морских портов Китая через Южно-Китайское море до Индийского океана и дальше до Европы, а также из китайских портов через Южно-Китайское море в южную акваторию Тихого океана (см. Рисунок 1)².

¹ Chaturvedy, Rajeev Ranjan. New Maritime Silk Road: Convergent Interests and Regional Responses // *ISAS Working Paper*, No. 197, 8 October 2014. Institute of South Asian Studies, National University of Singapore. P. 10-13.

² Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века / МИД КНР, 28.03.2015. Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml> [Prekrasnye perspektivy i prakticheskie deistviia po sovmestnomu sozdaniiu Ekonomicheskogo poiasa Shelkovogo puti i Morskogo Shelkovogo puti XXI veka (Excellent Prospects and Practical Actions for the Creation of the Economic belt of the Silk Road and the Silk Road of the XXI Century) / MID KNR, 28.03.2015. Mode of access: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml>]

Рисунок 1

Карта ЭШП и МШП

Picture 1. The Silk Road Economic Belt and the 21st-century Maritime Silk Road Maps

Source: *The Silk Road Economic Belt and 21st century Maritime Silk Road* / Xinhua Finance Agency. Mode of access: <http://en.xfinance.com/html/OBAOR/>

Содержание и концептуальная эволюция инициативы пояса и пути

Важной составляющей инициативы пояса и пути является развитие инфраструктуры с целью усиления экономического сотрудничества и торговли (например, создание портовой, железнодорожной и автомобильной инфраструктуры). Реализация МШП будет способствовать как строительству портовой инфраструктуры, так и модернизации уже существующей, улучшению логистики между прибрежными и внутренними районами, созданию свободных экономических зон для активизации торговли и инвестиций. При этом не менее значимой целью для Китая остается создание и поддержание имиджа мирно развивающегося государства, усиление которого не провоцирует региональные конфликты, а, наоборот, способствует конвергентному экономическому развитию всего региона. В этой связи руководство КНР делает ставку на концепцию соразвития и взаимовыгодной ситуации (*win-win situation*) для всех участников, т.к. данная инициатива способна дать толчок инфраструктурному развитию, инновациям, улучшить бизнес-климат в регионе, сделать более равномерным размещение

факторов производства, ускорить развитие отдаленных районов, снизить издержки за счет развития экономических коридоров и индустриальных парков, технологических цепочек, сотрудничества в сфере финансов и ИКТ, электроэнергетике и туризме, и усилить гуманитарное сотрудничество и международные обмены. Таким образом, это позволит упрочить взаимосвязанность и взаимодополняемость развития всей Азии и Евразии в целом, тем самым дав мощный стимул ее процветанию. Реализация инициатив также призвана создать «сообщество единой судьбы» в Азии³.

Китай в краткие сроки сформировал финансовые институты для реализации инициативы. В ноябре 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин объявил о внесении 40 млрд долларов в Фонд Шелкового пути, направленного на финансирование проектов ЭПШП и МШП. Помимо этого, важную роль в финансировании обеих стратегических инициатив должен сыграть Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Целью банка является финансирование инфраструктурных проектов и увеличение инфраструктурной взаимосвязанности в Азии, что призвано форсировать технологическое и экономическое развитие региона. Соглашение о создании АБИИ с уставным капиталом в 100 млрд долларов было подписано в июне 2015 г. 57 странами. На Китай приходится 30% капиталовложений в АБИИ, а также именно представитель Китая возглавляет банк⁴. Помимо этих финансовых институтов, финансирование предоставляется китайскими банками и фондами, такими как Государственный банк развития Китая, Экспортно-импортный банк Китая, Китайская инвестиционная корпорация. При реализации инициативы пояса и пути предполагается масштабное привлечение частного капитала и использование государственно-

частного партнерства. В частности, планируется выпуск юаневых облигаций, которые могли бы служить дополнительным инструментом для АБИИ и Фонда шелкового пути для финансирования проектов.

В марте 2015 г. на ежегодном экономическом форуме в Боао был выпущен основополагающий концептуальный документ, получивший название «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» и обозначивший стратегические приоритеты по строительству «пояса и пути». В концепции указывается, что создание «пояса и пути» отвечает тенденции к многополярности и будет способствовать формированию взаимосвязанности и интеграции. Акцент делается на совместном развитии, совместном процветании, сотрудничестве, обоюдном выигрыше, инклюзивном характере инициативы, к которой может подключиться любое государство, международная и региональная организация. В реализации инициативы выражается потребность Китая в расширении открытости внешнему миру и его готовность взять на себя больше обязательств и внести больший вклад в мир и развитие человечества. Концепция определяет в качестве одно из основных направлений реализации «пояса и пути» развитие уже существующих экономических коридоров: «Китай – Монголия – Россия», «Китай – Центральная Азия – Западная Азия», «Китай – Индокитай», «Китай–Пакистан» и «Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма» (см. Рисунок 2). В качестве пяти приоритетов сотрудничества указывается: политическая координация, взаимосвязанность инфраструктуры, свободная торговля, финансовая интеграция и свободное передвижение капитала, гуманитарные обмены⁵.

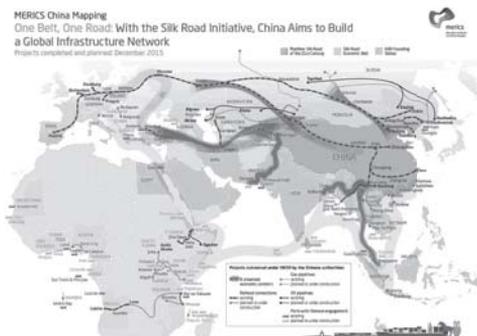
³ Chaturvedy, Rajeev Ranjan. New Maritime Silk Road: Convergent Interests and Regional Responses // *ISAS Working Paper*, No. 197, 8 October 2014. Institute of South Asian Studies, National University of Singapore. P. 3.

⁴ Zhao, Hong. China's New Maritime Silk Road: Implications and Opportunities for Southeast Asia // *Trends in Southeast Asia*, 2015, No. 3, p. 4.

⁵ Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века / МИД КНР, 28.03.2015. Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml> [Prekrasnye perspektivy i prakticheskie deistviia po sovmestnomu sozdaniiu Ekonomicheskogo poiasa Shelkovogo puti i Morskogo Shelkovogo puti XXI veka (Excellent Prospects and Practical Actions for the

ЭПШП и МШП

Рисунок 2

Picture 2. The Silk Road Economic Belt and the 21st-century Maritime Silk Road Maps

Source: *One Belt, One Road: With the Silk Road Initiative, China Aims to Build a Global Infrastructure Network* / Mercator Institute for China Studies. December 2015. Mode of access: <https://www.merics.org/en/merics-analysis/infographicchina-mapping/china-mapping/>

Инициатива «пояса и пути» постепенно стала занимать центральное место в экономическом и внешнеполитическом планировании КНР, была внесена в качестве важного элемента в рассмотрение в планах на 13-ую пятилетку на сессии ВСНП (2016-2020), и для ее реализации была учреждена малая руководящая группа с участием глав всех ключевых ведомств. Важной целью «пояса и пути» является координация деятельности как государственных (центрального правительства и руководства, высшей бюрократии, местных властей, государственных компаний), так и негосударственных акторов (бизнеса, исследователей и экспертов) в самом Китае. В то же время, конкретные цели, средства, бизнес-модели инициативы не прояснены, а выпущенная в 2015 г. концепция не предоставляет подробное описание действий, а скорее является общей рамочной концепцией, в которую могут быть вписаны практически любые действия. Географические рамки четко не определены, наоборот, очерчены различные маршруты, конкретные проекты также не упоминается, что позволяет рассматривать любые на-

правления и проекты как часть инициативы. При этом, если «пояс и путь» будет успешно реализован, инициатива свяжет 65 стран, которые производят 65% мирового ВВП, составляют 70% мирового населения и 75% разведанных энергетических ресурсов⁶.

Прошедший в мае 2017 г. Форум пояса и пути стал ключевым внешнеполитическим событием, на котором присутствовали представители более 100 государств, в том числе 30 глав государств, было объявлено о 270 конкретных результатах реализации инициативы, текущих проектах на сумму 900 млрд долларов и 113 млрд долларов дополнительного финансирования. На открытии форума председатель КНР Си Цзиньпин поддержал свободную торговлю, инновационное развитие и выступил против протекционизма. В то же время, главным на Форуме было декларирование успешной реализации проекта, ведущий роли Китая и председателя Си Цзиньпина. Среди 270 пунктов было всего несколько окончательных соглашений (Китайско-пакистанский экономический коридор, финансирование высокоскоростной железной дороги Джакарта-Бандунг, проект железной дороги Аддис-Абеба-Джибути, реконструкция Венгерско-сербской и Китайско-лаосской железных дорог, портов Гвадар в Пакистане и Пирей в Греции), а большинство представляли собой рамочные соглашения и меморандумы. В целом форум не способствовал внесению большей ясности в цели, механизмы, условия или бизнес-модели проектов в рамках инициативы⁷.

Цели и причины выдвижения инициативы пояса и пути

Инициатива пояса и пути предполагает реализацию экономических, внешнеэкономических, внешне- и геополитических целей Китая. Эта инициатива была провозглашена в условиях «новой нормальности»

Creation of the Economic belt of the Silk Road and the Silk Road of the XXI Century) / MID KNR, 28.03.2015. Mode of access: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml>

⁶ Zhao, Hong. China's One Belt One Road: An Overview of the Debate // *Trends in Southeast Asia*, 2016, No. 6, pp 1-7.

⁷ Tiezzi, Shannon. What Did China Accomplish at the Belt and Road Forum? // *The Diplomat*, May 16, 2017. Mode of access: <http://thediplomat.com/2017/05/what-did-china-accomplish-at-the-belt-and-road-forum/>

замедления темпов роста китайской экономики при наличии серьезных структурных проблем, и она в первую очередь призвана дать стимулы экономическому развитию самого Китая в период структурной трансформации его социально-экономической модели. Важной целью является переход с экстенсивной на интенсивную высокотехнологичную модель развития, но структурная перестройка модели развития является длительным процессом. В связи с этим важно придать новый стимул экономическому развитию КНР, чтобы хотя бы частично, продолжить современную модель экстенсивного развития за счет загрузки производственных мощностей, а также стимулировать инновационное развитие самого Китая для осуществления перехода на интенсивную модель развития. Тогда как модель развития Китая базировалась на экспортной ориентации и привлечении иностранных инвестиций при низком внутреннем спросе, в настоящий момент Китай ставит целью переход на более сбалансированную модель экономического развития, сочетающую развитие внутреннего потребления и сферы услуг и сохранения экспортной ориентации. Очевидно, что реализация этой цели займет длительное время, и для поддержания экономического роста необходимо найти дополнительные источники, что и призваны сделать инициатива пояса и пути. Она должны позволить Китаю продолжать свое развитие путем увеличения своей деятельности на расширенном географическом пространстве. Перед Китаем стоит проблема перепроизводства в ряде секторов экономики, связанных с инфраструктурным строительством (например, перепроизводство стали, алюминия, цемента и угля), тяжелой промышленности, производстве стройматериалов, транспортного и энергетического машиностроения, а инфраструктура в самом Китае уже в значительной степени построена. КНР достигла значительных успехов в инфраструктурном строительстве (самая большая в мире дамба, самая длинная высокоскоростная железная дорога, дорога на магнитной подушке, самый высокий мост, железная дорога на самой большой высоте)

и ей есть что предложить странам региона при достаточно низких ценах на расходные материалы последние несколько лет⁸.

При этом в Китае в последние годы произошел резкий рост заработной платы, и происходит снижение ценовой конкурентоспособности китайских предприятий в ряде трудоемких отраслей промышленности, таких как легкая промышленность и сборка электроники. Это приводит к тому, что сокращаются инвестиции в обрабатывающую промышленность и, как следствие, снижается доля Китая в производстве товаров низкого качества. При этом, ключевой целью развития страны является переход на высокотехнологичное и инновационное производство. Таким образом, Китай надеется, что инвестиции в инфраструктурные проекты за рубежом создадут новую базу для тех отраслей экономики, где наблюдается перепроизводство, а также будут стимулировать высокотехнологичное производство, т.к. китайские проекты будут базироваться на использовании китайского сырья и материалов, оборудования, услуг и китайской рабочей силы, но уже не на территории только самого Китая, а на расширенном макро- и трансрегиональном пространстве. Важной составляющей также является вынос теряющих конкурентоспособность производств за рубеж, в особенности в тех секторах, в которых наблюдается перепроизводство (стале-литейная промышленность, производство стройматериалов, цемента и т.д.). Таким об-

⁸ Zhao, Hong. China's New Maritime Silk Road: Implications and Opportunities for Southeast Asia // *Trends in Southeast Asia*, 2015, No. 3, pp. 4-5; Салицкий А., Семенова Н. Шелковое наступление Китая // *Перспективы*. – 2016. – № 1(5). – С. 6-10. [Salitskii, A.; Semenova, N. Shelkovoie nastuplenie Kitaia (China's Silk Advance) // *Perspektivy (Perspectives)*, 2016, No. 1(5), pp. 6-10.]; Zhao, Hong. China's One Belt One Road: An Overview of the Debate // *Trends in Southeast Asia*, 2016, No. 6, p.12; 新田 堯之. 中国が提唱して3周年を迎えた一帯一路 // *新興国経済*, 26.09.2016, 3頁. [Nitta Takayuki. Развитие выдвигаемого Китаем «одного пояса, одного пути» за 3 года // *Экономика развивающихся стран*, 26.09.2016. – С. 3.] [Nitta Takayuki. Three Years of Development of China's Proposed One Belt, One Road // *Economics of Emerging Countries*. P. 3.]

разом, это позволит вынести избыточные, энергоемкие, трудоемкие и «грязные» производства за пределы страны, а самому Китаю сосредоточиться на развитии инновационных отраслей промышленности⁹.

Китаю важно найти новые и внутренние, и внешние источники роста с целью увеличения конкурентоспособности своей экономической модели. Внешние источники роста, по оценке китайских экспертов, могут быть найдены в развивающихся странах, развитие которых благодаря их участию в проектах «пояса и пути» будет экономически выгодно и для самого Китая¹⁰, точно так же, как развитые страны извлекали прибыль из развития самого Китая благодаря своим инвестициям. Китай теперь может экспортировать товары с более высокой добавленной стоимостью и услуги, включая электронные компоненты, потребительские товары длительного использования, оборудование для тяжелой промышленности, строительные и инженерные услуги, и тем самым занять более высокое место в региональных цепочках добавленной стоимости, но ему необходим доступ на внешние рынки. Деятельность АБИИ и инфраструктурное строительство сможет открыть дорогу не только для экспорта китайского оборудования и услуг (например, инженерных), но и для торговли и инвестиций в неосвоенные рынки¹¹.

Инициатива пояса и пути может быть также рассмотрена в качестве нового этапа китайской экономической стратегии «выхода вовне» как новый шаг по интеграции Китая в мировую экономику путем увеличения китайских инвестиций за рубеж. Начиная с провозглашения политики «идти вовне» в начале 2000-х гг., к настоящему времени Китай превратился в одного из самых крупных инвесторов в мире, и в 2015 г. впервые вывоз капитала в КНР превзошел ввоз. Предполагается, что китайские ПИИ будут в большей

степени ориентироваться на рынок, более децентрализованы и диверсифицированы. Китай также обладает самыми большими валютными резервами в объеме 3,2 трлн долларов на середину 2016 г. (4 трлн долларов на конец 2014 г.), но при этом КНР начинает отходить от хранения их в государственных облигациях США, прибыль от которых очень низкая, что приводит к их сокращению из-за переоценки юаня. Соответственно, Китай стремится найти другие источники, экономическая окупаемость которых будет выше и которые одновременно могли бы служить геополитическим интересам самого Китая. Второй ключевой финансовой целью является продвижение интернационализации юаня, т.к. финансирование планируется предоставлять уже в китайской валюте, и в ней же предполагается проводить двухсторонние сделки¹².

Важной целью реализации инициативы «один пояс, один путь» также является «ребалансировка» китайской экономики за счет «подтягивания» менее развитых регионов. Происходит трансформация разделения труда и в самом Китае, и именно менее развитые центральные и западные провинции, в которые в настоящее время переносятся трудоемкие производства и где еще сохраняется резерв экстенсивного развития, становятся лидерами по темпам роста. Ключевая роль принадлежит ЭПШП, который призван решить проблему отставания в развитии западных регионов КНР, в особенности Синьцзян-Уйгурского автономного района. Предполагается, что экономическое развитие и усиление связей с другими провинциями и соседними мусульманскими странами сможет снизить остроту этнополитического конфликта и нестабильной обстановки в СУАР. Ключевую роль в реализации МШП должны сыграть Гуанси-Чжуанский автономный район и провинция Юньнань.

⁹ Ibid.

¹⁰ Zhang, Yunling. One Belt, One Road: A Chinese View // *Global Asia*, Fall 2015, Vol. 10, No. 3. Mode of access: https://www.globalasia.org/issue.php?bo_table=issues&wr_id=8643#

¹¹ Arase, David. China's Two Silk Roads Initiative: What It Means for Southeast Asia // *Southeast Asian Affairs*, Vol. 2016, p.31.

¹² Zhao, Hong. China's New Maritime Silk Road: Implications and Opportunities for Southeast Asia // *Trends in Southeast Asia*, 2015, No. 3, pp. 4-5; Zhao, Hong. China's One Belt One Road: An Overview of the Debate // *Trends in Southeast Asia*, 2016, No. 6, p. 9; Arase, David. China's Two Silk Roads Initiative: What It Means for Southeast Asia // *Southeast Asian Affairs*, Vol. 2016, p. 32.

Первый призван стать хабом морского шелкового пути, а вокруг провинции Юньнань на юго-востоке Китая, не имеющей выхода к морю и являющейся одним из наиболее отсталых регионов Китая, сосредоточены проекты по строительству Трансазиатской железнодорожной магистрали, которые призваны соединить ее столицу Куньмин с другими азиатскими столицами – Вьентьяном (Лаос), Бангкоком (Таиланд), Ханоем (Вьетнам), Хошиминем (Вьетнам, крупнейший город страны), Куала-Лумпуром (Малайзия) и Сингапуром. Провинция Юньнань также является связующей для выхода КНР через Мьянму в Бенгальский залив и Индийский океан. Центром развития ее делает и экономической коридор Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма¹³.

Выдвижение инициативы также отражает изменение приоритетов внешней политики КНР, в которой акцент переносится на соседние страны. Например, одна из распространенных в Китае точек зрения предлагает развивать отношения с «большой периферией», которая должна включать Северо-Восточную, Юго-Восточную, Южную и Западную Азию, а также Тихоокеанский регион. Ключевая идея заключается в том, что Китай должен скоординировать развитие этого пространства и интегрировать его в рамках двух идей «прорыва на морском направлении» и «западного марша». С 2013 г. отношения именно с соседними странами стали все чаще декларироваться как приоритетное направление внешней политики, хотя США, ЕС, Япония и другие развитые страны были ключевыми источниками развития китайской экономики. Это во многом связано с глобальной тенденцией сокращения спроса в развитых странах на китайские товары как следствие мирового финансово-экономического кризиса 2008 г. и тенденции смещения центра мирового роста и спроса в Азию. Китайские эксперты также осознают необходимость не только развивать экономические отношения с соседними странами, которые сами по себе не гарантируют положительного отноше-

ния к Китаю в сфере политики и безопасности, но и предоставлять так называемые «общественные блага». Благодаря заключению соглашений о ЗСТ, инфраструктурным инвестициям, усилению политического, экономического и научно-технического сотрудничества и взаимодействия на морском пространстве Китай надеется исправить сложившуюся напряженную ситуацию в отношениях со странами АСЕАН из-за эскалации конфликта в Южно-Китайском море и улучшить свой имидж в регионе в целом¹⁴.

Реализация инициативы также ставит целью создание новых транспортных коридоров, получение доступа к энергетическим ресурсам и продовольствию, в поставках которых Китай нуждается, в обход контролируемых США морских путей сообщения. В частности, путем развития альтернативных транспортных маршрутов КНР способна потенциально разрешить так называемую «Малаккскую дилемму», сформулированную предыдущим председателем КНР Ху Цзиньтао, которая описывает возможность перекрытия США совместно с союзниками Малаккского пролива, по которому в КНР осуществляется более 85% поставок нефти и нефтепродуктов, а также значительная доля торговли¹⁵.

Инициатива пояса и пути расценивается китайскими исследователями как китайский проект интеграции в Азии, который базируется не на заключении ЗСТ, что оценивается как не имеющее значительного положительного эффекта из-за географической удаленности и различий в уровнях экономического развития. Он предлагает строительство инфраструктуры для улучшения торговых вза-

¹³ Arase, David. China's Two Silk Roads Initiative: What It Means for Southeast Asia // *Southeast Asian Affairs*, Vol. 2016, pp. 36-37.

¹⁴ Zhao, Hong. China's New Maritime Silk Road: Implications and Opportunities for Southeast Asia // *Trends in Southeast Asia*, 2015, No. 3, pp. 10-12; Chaturvedy, Rajeev Ranjan. New Maritime Silk Road: Convergent Interests and Regional Responses // *ISAS Working Paper*, No. 197, 8 October 2014. Institute of South Asian Studies, National University of Singapore. P. 10-13.

¹⁵ Khurana, Gurpreet S. Geopolitics of China's 'Maritime Silk Road' Concept: An Indian Perspective // *China's Maritime Silk Road and Asia* / ed. by Vijay Sakhujia, Jane Chan. National Maritime Foundation. New Delhi: Vij Books India Pvt Ltd, 2016. Pp. 16-21.

имосвязей, предоставление финансирования для инвестиций или торговли, улучшение возможностей для гуманитарных обменов. Как отмечает сингапурский исследователь Чжао Хун, в случае успешной реализации инициатива может привести к переформатированию механизма экономического роста в Азии и придать ему новый импульс. В этой связи китайскую стратегию скорее стоит расценивать как стремление возглавить экономический рост в Азии и углубить региональную интеграцию¹⁶.

Большинство китайских экспертов делают акцент на исключительно экономическом характере данной инициативы, но существуют оценки, связанные и с другими факторами, в первую очередь с необходимостью обеспечения безопасности. Например, китайские эксперты Университета национальной обороны НОАК Чжао Чжоусянь и Лю Гуанмин писали о том, что эта концепция «расширяет стратегическое пространство безопасности вокруг Китая, стабилизирует поставки энергетических ресурсов, обеспечивает экономическую безопасность и прорыв стратегического окружения по сдерживанию КНР». Эта инициатива обозначает один из основополагающих векторов продвижения Китая к новой глобальной роли и характеризует трансформацию внешней политики Китая от достаточно пассивной к намного более активной. Предполагается, что реализация данного «дипломатического бренда», под который подвешиваются все новые проекты сотрудничества, позволит «объединить логистические, энергетические, культурно-гуманитарные проекты, которые в совокупности создадут пояс лояльных Пекину государств на евразийском пространстве», а также гарантировать бесперебойность поставок энергетических ресурсов¹⁷.

¹⁶ Zhao, Hong. China's One Belt One Road: An Overview of the Debate // *Trends in Southeast Asia*, 2016, No. 6, p. 33.

¹⁷ Денисов И. Путешествие на Запад: Пекин выйдет из тени по Шелковому пути // Россия в глобальной политике. – 2015. – № 1. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Puteshestvie-na-zapad-17315> [Denisov, I. Puteshestvie na Zapad: Pekin vyidet iz teni po Shelkovomu puti (Journey to the West: China Will

Значение и потенциальные последствия

Инициативу пояса и пути можно охарактеризовать как самый амбициозный макро- и трансрегиональный проект в мире, который обладает значительной привлекательностью для различных регионов мира. Его реализация имеет потенциал усилить мультимодальную взаимосвязанность прежде не в полной мере связанного пространства Восточной, Южной Азии, Евразии, Ближнего Востока, Африки и Европы. Согласно расчетам Азиатского банка развития, странам Азии понадобятся инфраструктурные инвестиции в размере 8,3 трлн долларов на национальном уровне, и отдельно 290 млрд долларов на региональном уровне в транспортные и энергетические проекты между 2010 и 2020 гг. для того, чтобы реализовать оптимальную стратегию роста. Значимость китайской инициативы и АБИИ сложно переоценить в этой связи¹⁸. Потенциал реализации инициативы также связывается с созданием новых цепочек добавленной стоимости и производственных циклов, значительными возможностями привлечения инвестиций и финансирования новых проектов, что в комплексе может послужить огромным стимулом развития стран, лежащих на маршрутах «пояса и пути». Усиление взаимосвязанности способно привести к укреплению контактов между людьми различных стран и лучшим осознанием целей совместного развития, что в свою очередь может хотя бы частично снять обеспокоенность по поводу усиления Китая и тем усилить стабильность в Азии и Евразии.

Хотя за прошедшее время с момента провозглашения инициативы начало реализовываться немалое количество проектов, самым масштабным из которых является проект Китайско-Пакистанского экономического коридора, пока сложно сказать

Come Out of the Shadows via the Silk Road) // *Rossia v global'noi politike (Russia in Global Politics)*, 2015, No. 1. Mode of access: <http://www.globalaffairs.ru/number/Puteshestvie-na-zapad-17315>

¹⁸ Zhao, Hong. China's New Maritime Silk Road: Implications and Opportunities for Southeast Asia // *Trends in Southeast Asia*, 2015, No. 3, pp. 13-17.

однозначно, увидит ли инициатива полномасштабную реализацию. Существует значительное количество препятствий на ее пути, например, сложности координации акторов различного уровня в самом Китае, возникают вопросы о том, способен ли Китай в одиночку финансировать такое огромное количество проектов, насколько окупаемы будут китайские инвестиции, как обеспечивать их безопасность в зонах, характеризующихся нестабильностью (значимый вопрос для большого количества стран «пояса и пути»)¹⁹.

При том, что инициатива пояса и пути носит, прежде всего, экономический характер, реализация ЭПШП и МШП будет представлять собой удобную платформу для инвестиций КНР в экономики стран Центральной Азии, АСЕАН, Южной Азии, причем не только в инфраструктурные проекты, но и в производство и сферу услуг. Это может иметь уже далеко идущие последствия по усилению роли КНР и, соответственно, ее влияния на страны региона (как экономического, так и потенциально политического и военного). Реализация Китаем данной стратегии с большой вероятностью приведет к тому, что у стран региона появится асимметричная зависимость от Китая, когда они не смогут добиваться выгодных им условий в случае переговоров один-на-один, а будут вынуждены или принимать китайские условия, или отказываться от сделок. Асимметричная экономическая зависимость впоследствии может потенциально перерасти в политическую. По оценке профессора Университета Джона Хопкинса Дэвида Араса, инициатива является отражением стремления КНР создать китаецентричный, хотя и открытый, порядок в Азии, который сможет гарантировать дальнейшее экономическое развитие и в конечном итоге – политическое лидерство Китая. Таким образом, «сообщество

азиатской судьбы» будет китаецентричным и будет зависеть от интересов Китая и от того, как он будет распоряжаться своими и региональными ресурсами. Взаимная выгода будет воспроизводить отношения центра и периферии в регионе: если другие страны будут уважать Китай, он будет отвечать взаимностью и предоставлять материальные блага, а если они не будут оказывать должного уважения, то Китай найдет возможность их «наказать». В качестве примера можно привести действия Филиппин, Вьетнама и Японии, которые из-за своей позиции по поводу территориальных споров и вопросов истории были «наказаны» ограничением доступа к китайскому рынку, отсутствием или ограничением контактов на высшем уровне, резкой риторикой, обструкционистской позицией в международных организациях. Подобные же меры могут применены в случае критики по отношению к Китаю и действий, которые воспринимаются им как противоречащие его национальным интересам. Помимо этого, Китай может применить военную силу для отстаивания своих «коренных интересов», но скорее всего не будет готов участвовать в международных арбитражах в случае возникновения спорных ситуаций. Это приведет к тому, что другим странам будет не хватать возможности отстоять свои права при взаимодействии с превосходящим их по своей мощи Китаем, и они не смогут использовать полный спектр юридических норм и институтов, а в конечном итоге – должны будут полностью приспособиться к интересам и ценностям Китая для того, чтобы пользоваться «благами» «сообщества коллективной судьбы»²⁰.

Китай стремится взять на себя центральную роль в реализации данных инициатив благодаря предоставлению финансирования в них, и главная цель «пояса и пути» – предотвратить или по крайней мере замедлить опасения, связанные с увеличением комплексной мощи Китая и достижения им доминирующих позиций, распространяя убеждение о том, что он становится одной из ведущих сил (а потенциально – централь-

¹⁹ 新田 堯之, 中国が提唱して3周年を迎えた一帯一路// 新興国経済, 26.09.2016, 9頁. [Нитта Такаюки. Развитие выдвигаемого Китаем «одного пояса, одного пути» за 3 года // Экономика развивающихся стран, 26.09.2016. – С. 9.] [Nitta Takayuki. Three Years of Development of China's Proposed One Belt, One Road // Economics of Emerging Countries. p. 9.]

²⁰ Arase, David. China's Two Silk Roads Initiative: What It Means for Southeast Asia // *Southeast Asian Affairs*, Vol. 2016, pp. 32-35.

ной силой) развития и интеграции Евразии. В то же время, сближение с Китаем имеет обратную сторону развития преимущественно сырьевых отраслей экономики, возникновение экономической зависимости от более могущественной стороны и т.д.²¹, и в связи с этим остается не ясным, действительно ли китайская инициатива может способствовать повышению роли участвующих в ней стран в цепочках добавленной стоимости и их модернизации. Открытым вопросом остается, приведет ли участие в китайской инициативе к стимулированию инновационных отраслей экономики партнеров и поможет им преодолеть ловушку среднего уровня доходов, как утверждает китайская сторона, или будет скорее представлять рост без развития, который будет направлен, прежде всего, на модернизацию самого Китая. Несомненно, совместные проекты являются взаимовыгодными для всех сторон, но вряд ли стоит сомневаться, что Китай при реализации любых проектов постарается обеспечить максимальную выгоду именно для себя.

Кроме того, реализация инициативы «один пояс, один путь» явно будет иметь важные стратегические последствия, т.к. это позволит Китаю увеличить свое морское присутствие по всему региону (потенциально – вплоть до размещения флота в региональных водах). При этом необходимо отметить, что КНР использует в основном гражданские и патрульные суда (принадлежащие Береговой охране КНР, а не Военно-морскому флоту) для подкрепления своих притязаний на острова в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Китай может увеличить присутствие данного

типа судов для охраны морских путей сообщения, что не вызовет опасений, которые вызвали бы корабли ВМФ, но уже будет иметь серьезные последствия для региональной безопасности и сможет значительно укрепить позиции КНР в территориальных спорах²².

Согласно оценке индийского исследователя Гурприта С. Кураны, занимающий должность исполнительного директора Национального морского фонда Индии, экономическая повестка используется для того, чтобы замаскировать стремление Китая с помощью претворения в жизнь инициативы пояса и пути реализовать свои национальные интересы в Индо-Тихоокеанском регионе с помощью создания более благоприятной геополитической обстановки. Китай стремится достичь преобладающего влияния в Индо-Тихоокеанском регионе, заместив США, и возможно в будущем будет стремиться к занятию доминирующих позиций в Азии по аналогии с исторической существовавшей в регионе иерархической системой во главе с Средним государством. Инициатива пояса и пути также ставит своей целью переформатировать отношение стран региона к Китаю и предоставить ему поддержку в региональных и международных организациях, что необходимо для переустройства регионального и мирового порядка в пользу КНР. С помощью акцента на экономическое взаимодействие Китай надеется снизить озабоченность по поводу роста его военной мощи и более жесткой политики в регионе, а также контролировать эскалацию конфликтов и подталкивать страны к принятию китайской позиции путем угроз в отказе от экономического взаимодействия в рамках инициативы МШП. Расширения экспорта вооружения служит цели создать зависимость стран региона от Китая и в сфере безопасности, т.к., если они будут все больше использовать китайские системы вооружения, то это будет иметь военно-стратегические дивиденды для Ки-

²¹ Ларин А.Г. «Экономический пояс Шелкового пути»: экономическое содержание, структура, идеология // Новый Шелковый путь и его значение для России / под ред. В.Е. Петровского (отв. ред.), А.Г. Ларина (сост.), Е.И. Сафроновой. – М.: ДеЛи плюс, 2016. – С. 40, 46-52. [Larin, A.G. «Ekonomicheskii poias Shelkovogo puti»: ekonomicheskoe sodержanie, struktura, ideologiya (The “Silk Road Economic Belt”): Economic Content, Structure and Ideology) // Novyi Shelkovyi put' i ego znachenie dlia Rossii (New Silk Road and Its Implications for Russia) / ed. by V.E. Petrovskiy, A.G. Larin, E.I. Safronova. Moscow: DeLi plus, 2016. Pp. 40, 46-52.]

²² Tiezzi, Shannon. The Maritime Silk Road vs. The String of Pearls // *The Diplomat*, February 13, 2014. Mode of access: <http://thediplomat.com/2014/02/the-maritime-silk-road-vs-the-string-of-pearls/>

тая с точки зрения поддержания обороноспособности флота в Индийском океане и оказания технической поддержки китайскому флоту по аналогии с военными базами за рубежом²³.

Заключение

Инициатива создания Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века, получившая название Инициативы пояса и пути, стала ключевым измерением экономического, внешнеполитического и внешнеэкономического курса КНР. Инициатива обрела дальнейшую концептуализацию, институционализацию и были намечены основные направления реализации инициативы, но о конкретном плане действий пока говорить рано. Руководство КНР делает ставку на концепцию соразвития и взаимовыгодной ситуации для всех участников, предоставление «общественных благ» и создания «сообщества общей судьбы» в Азии, но не проясняет условия ее реализации.

Инициатива пояса и пути была провозглашена в условиях «новой нормальности» замедления темпов экономического роста и структурной трансформации модели развития КНР. Ее реализация связывается с экономическими целями развития самого Китая, внешнеэкономическими и внешнеполитическими целями, такими как: нахождение новых внешних и внутренних источников роста, стимулирование перехода на более сбалансированную модель развития, предполагающую развитие внутреннего потребления, сферы услуг и экспортной ориентации; дальнейшую модернизацию китайской экономики, стимулирование инновационного производства и повышение своей роли в цепочках добавленной стоимости за счет расширения деятельности на огромном макро- и трансрегиональном пространстве, загрузки производственных

мощностей внутри страны и созданием новых ЦДС с производством продукции с более высокой добавленной стоимостью; решение ряда экономических проблем, таких как проблема перепроизводства в ряде базовых отраслей экономики, снижения ценовой конкурентоспособности, нахождение источников дохода для строительной отрасли; вынос ряда избыточных трудоемких, энергоемких и «грязных» производств в соседние страны; более выгодное приложение золотовалютных резервов и решение геополитических задач с их помощью; интернационализация юаня; «ребалансировка» китайской экономической модели за счет нахождения внутренних источников роста в менее развитых регионах и сокращение региональных диспропорций развития; увеличение присутствия Китая на рынках развивающихся стран в торговой (в особенности в экспорте продукции с высокой добавленной стоимостью), инвестиционной и финансовой сферах; продвижение новой модели экономического роста и интеграции в Азии и Евразии с центральной ролью Китая как страны, предоставляющей «общественные блага»; создание новых транспортных коридоров, получение доступа к энергетическим ресурсам и продовольствию в обход контролируемых США и другими странами морских путей; укрепление партнерских отношений на морском пространстве, усиление политического, экономического и научно-технического сотрудничества со странами АСЕАН, Южной Азии, Евразии, Среднего Востока, Европы; улучшение отношений с соседними странами и снятие напряженности в сфере безопасности, возникшей в связи с эскалацией конфликта в Южно-Китайском море в начале 2010-х гг. и в результате опасений по поводу усиления КНР, в особенности модернизации НОАК и др.

Китайская инициатива способна внести значительный вклад в развитие огромных пространств, в первую очередь, Азии и Евразии, в особенности в сфере инфраструктуры и мультимодальной взаимосвязанности. Расширение инвестиций, финансирования и возможностей реализации различных экономических проектов обладает потенциалом создать новый источник

²³ Khurana, Gurpeet S. Geopolitics of China's 'Maritime Silk Road' Concept: An Indian Perspective // China's Maritime Silk Road and Asia / ed. by Vijay Sakhujia, Jane Chan. National Maritime Foundation. New Delhi: Vij Books India Pvt Ltd, 2016. Pp. 16-21.

роста, интеграции и развития для всех стран «пояса и пути». В то же время, она приведет к значительному увеличению присутствия Китая и усилению его позиций, что будет иметь долгосрочные последствия. Полномасштабное воплощение в жизнь инициативы пояса и пути и создание «сообщества общей судьбы» может привести к формированию асимметричной экономической зависимости стран от Китая, усилению политического влияния Китая, оформлению открытого, но китаецентричного порядка на расширенном макро- и трансрегиональном пространстве Азии и Евразии, а также позволить Китаю значительно расширить свое морское и военно-морское присутствие. Формирование экономической взаимозависимости, при которой позиции Китая будут сильнее любой другой страны, будет означать, что партнеры должны будут принимать интересы Китая во внимание в том числе и при принятии внешнеполитических решений и приспосабливаться к ним для того, чтобы продолжать пользоваться благами «сообщества общей судьбы». Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что реализация данной инициативы в целом может быть расценена как обладающая стратегической целью консолидации китайской периферией с помощью, прежде всего, экономического инструментария, и как составляющая стратегии КНР по достижению статуса державы-доминанта²⁴ в Восточной Азии и Евразии, а потенциально и в мировой системе в целом.

Литература:

Денисов И. Путешествие на Запад: Пекин выйдет из тени по Шелковому пути // Россия в глобальной политике. 2015. № 1. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Puteshestvie-na-zapad-17315>

Ларин А.Г. «Экономический пояс Шелкового пути»: экономическое содержание, структура, идеология // Новый Шелковый путь и его значение для России / под ред. В.Е. Петровского (отв. ред.), А.Г. Ларина (сост.), Е.И. Сафроновой. М.: ДеЛи плюс, 2016. – С. 35-52.

²⁴ Категорию державы-доминанта см.: Мировое комплексное регионоведение / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. – С. 212-213. [Mirovoe kompleksnoe regionovedenie (World Regional Studies) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr, INFRA-M. Pp.212-213]

Мировое комплексное регионоведение: учебник / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. – 416 с.

Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века / МИД КНР, 28.03.2015. Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml>

Салицкий А., Семенова Н. Шелковое наступление Китая // Перспективы. – 2016. – № 1(5). – С. 5-14.

Arase, David. China's Two Silk Roads Initiative: What It Means for Southeast Asia // *Southeast Asian Affairs*, Vol. 2016, pp. 25-45.

Chaturvedy, Rajeev Ranjan. New Maritime Silk Road: Convergent Interests and Regional Responses // *ISAS Working Paper*, No. 197, 8 October 2014. Institute of South Asian Studies, National University of Singapore. 20 p.

Khurana, Gurpeet S. Geopolitics of China's 'Maritime Silk Road' Concept: An Indian Perspective // China's Maritime Silk Road and Asia / ed. by Vijay Sakhuja, Jane Chan. National Maritime Foundation. New Delhi: Vij Books India Pvt Ltd, 2016. Pp. 16-21.

Tiezzi, Shannon. The Maritime Silk Road vs. The String of Pearls // *The Diplomat*, February 13, 2014. Mode of access: <http://thediplomat.com/2014/02/the-maritime-silk-road-vs-the-string-of-pearls/>

Tiezzi, Shannon. What Did China Accomplish at the Belt and Road Forum? // *The Diplomat*, May 16, 2017. Mode of access: <http://thediplomat.com/2017/05/what-did-china-accomplish-at-the-belt-and-road-forum/>

Zhang, Yunling. One Belt, One Road: A Chinese View // *Global Asia*, Fall 2015, Vol. 10, No. 3. Mode of access: https://www.globalasia.org/issue.php?bo_table=issues&wr_id=8643#

Zhao, Hong. China's New Maritime Silk Road: Implications and Opportunities for Southeast Asia // *Trends in Southeast Asia*, 2015, No. 3, 27 p.

Zhao, Hong. China's One Belt One Road: An Overview of the Debate // *Trends in Southeast Asia*, 2016, No. 6, 33 p.

新田 堯之. 中国が提唱して3周年を迎えた「一带一路」 // 新興国経済, 26.09.2016, 11頁. [Humma Takaoji. Развитие выдвигаемого Китаем «одного пояса, одного пути» за 3 года // Экономика развивающихся стран, 26.09.2016. – 11 с.]

References:

Arase, David. China's Two Silk Roads Initiative: What It Means for Southeast Asia // *Southeast Asian Affairs*, Vol. 2016, pp. 25-45.

Chaturvedy, Rajeev Ranjan. New Maritime Silk Road: Convergent Interests and Regional Responses // *ISAS Working Paper*, No. 197, 8 October 2014. Institute of South Asian Studies, National University of Singapore. 20 p.

Denisov, I. Puteshestvie na Zapad: Pekin vyidet iz teni po Shelkovomu puti (Journey to the West: China Will Come Out of the Shadows via the Silk Road) // *Rossija v global'noi politike (Russia in Global Politics)*, 2015, No. 1. Mode of access: <http://www.globalaffairs.ru/number/Puteshestvie-na-zapad-17315>

Khurana, Gurpeet S. Geopolitics of China's 'Maritime Silk Road' Concept: An Indian Perspective // China's Maritime Silk Road and Asia / ed. by Vijay Sakhuja, Jane Chan. National Maritime Foundation. New Delhi: Vij Books India Pvt Ltd, 2016. Pp. 16-21.

Larin, A.G. «Ekonomicheskii poias Shelkovogo puti»: ekonomicheskoe sodержanie, struktura, ideologiya (The “Silk Road Economic Belt”: Economic Content, Structure and Ideology) // *Novyi Shelkovyi put’ i ego znachenie dlia Rossii* (New Silk Road and its Implications for Russia) / ed. by V.E. Petrovskiy, A.G. Larin, E.I. Safronova. Moscow: DeLi plus, 2016. Pp. 35-52.

Mirovye kompleksnoye regionovedenie: uchebnyy (World Regional Studies) / Ed. by A.D. Voskressenskiy. Moscow: Magistr, INFRA-M. 416 p.

Prekrasnye perspektivy i prakticheskie deystviya po sovmestnomu sozdaniyu Ekonomicheskogo poiasa Shelkovogo puti i Morskogo Shelkovogo puti XXI veka (Excellent Prospects and Practical Actions for the Creation of the Economic Belt of the Silk Road and the Silk Road of the XXI Century) / MID KNR, 28.03.2015. Mode of access: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml>

Salitskii, A.; Semenova, N. Shelkovoye nastuplenie Kitaia (China’s Silk Advance) // *Perspektivy (Perspectives)*, 2016, No. 1(5), pp. 5-14.

Tiezzi, Shannon. The Maritime Silk Road vs. The String of Pearls // *The Diplomat*, February 13, 2014. Mode of access: <http://thediplomat.com/2014/02/the-maritime-silk-road-vs-the-string-of-pearls/>

Tiezzi, Shannon. What Did China Accomplish at the Belt and Road Forum? // *The Diplomat*, May 16, 2017. Mode of access: <http://thediplomat.com/2017/05/what-did-china-accomplish-at-the-belt-and-road-forum/>

Zhang, Yunling. One Belt, One Road: A Chinese View // *Global Asia*, Fall 2015, Vol. 10, No. 3. Mode of access: https://www.globalasia.org/issue.php?bo_table=issues&wr_id=8643#

Zhao, Hong. China’s New Maritime Silk Road: Implications and Opportunities for Southeast Asia // *Trends in Southeast Asia*, 2015, No. 3, 27 p.

Zhao, Hong. China’s One Belt One Road: An Overview of the Debate // *Trends in Southeast Asia*, 2016, No. 6, 33 p.

新田 堯之. 中国が提唱して3周年を迎えた一帯一路 // *新興国経済*, 26.09.2016, 11 頁. [*Nitta Takayuki.* Three Years of Development of China’s Proposed One Belt, One Road // *Economics of Emerging Countries.* 11 p.]

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-3-61-74>

BELT AND ROAD INITIATIVE: OVERVIEW, OBJECTIVES AND IMPLICATIONS

Anna A. Kireeva

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 18 December 2016</p> <p><i>Sent for editing:</i> 5 March 2017</p> <p><i>Accepted:</i> 20 December 2017</p>	<p>Abstract: The article aims to analyze the PRC's Silk Road Economic Belt and 21st Century Maritime Silk Road, called the Belt and Road Initiative (BRI). It provides initiative assessment: overview, conceptualization, institutionalization and key priorities. Three interconnected groups of objectives define BRI: China's economic development goals, trade, investment policy and foreign policy. The BRI is set to provide stimulus to China's development with new external and internal sources of economic growth amid ongoing China's economic transformation, deal with structural problems, foster high-quality production and transition to innovative development model while upgrading its involvement into regional and global value chains. China positions BRI as a new mega-project of regional integration with China as its leader, capable of providing public goods. It aims to create alternative energy and transport routes, improve relations with neighboring countries, alleviate concerns over China's rise in politics, security and economics and form positive sentiments in its neighborhood. The BRI has become a key dimension of China's economic and foreign policy with a strategic goal to consolidate China's periphery with economic means in the first place. The BRI has the potential to provide enormous stimulus to the development and integration of Asia and Eurasia, simultaneously determining the prospects of China's becoming a dominant power in East Asia and Eurasia and realizing the 'Chinese dream'.</p> <p><i>Acknowledgments:</i> The article is prepared with grant support from the Russian Humanitarian Science Foundation. Project 'Transformation of International Relations in North-East Asia and Russia's National Interests' № 16-03-00602</p>
<p>About the author: Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Asian and African Studies; Research Fellow, Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University</p> <p>e-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru</p>	
<p>Key words: China; One Belt, One Road; Belt and Road Initiative; Economic Silk Road Bank; Maritime Silk Road; East Asia; Eurasia; Asian Infrastructure Investment Bank; regional integration; trans-regionalism</p>	

Для цитирования: Киреева А.А. «Инициатива пояса и пути»: содержание, цели и значение // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 2. – С. 61-74.
 DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-61-74

For citation: Kireeva, Anna A. «Initsiativa poiasa i puti»: sodержanie, tseli i znachenie (Belt and Road Initiative: Overview, Objectives and Implications) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 2, pp. 61-74.
 DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-61-74

ГОСУДАРСТВА АСЕАН В ПОЛИТИКЕ КИТАЯ: КУРС НА РАСКОЛ ИЛИ «НОВЫЙ КОНСЕНСУС»?

Андрей Дмитриевич Дикарев

Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 18 февраля 2018 <i>Принята к печати:</i> 11 мая 2018</p>	<p>Аннотация: Подробно освещены динамика отношений последних лет между объединением АСЕАН и отдельными странами Юго-восточной Азии с Китайской Народной Республикой, проблемы региональной геополитики в связи с конфликтом вокруг островов и ресурсов Южно-китайского моря. Со второй половины 90-х гг. КНР активно и последовательно устанавливает отношения «стратегического партнерства» с отдельными странами АСЕАН. Второе десятилетие 21 века – принципиальный поворот: начался процесс фиксации всеми сторонами своих экономических интересов в регионе при возрастании политической напряженности. С 2013 г. вслед за выдвиганием Инициативы Пояса и Пути начался новый виток напряженности, а точнее – этап напряженных попыток закрепить тем или иным способом суверенитет над ресурсоемкой и стратегически важной территорией, но не уменьшить объемы регионального экономического сотрудничества. В целом, несмотря на флуктуации, Китай остается для большинства стран АСЕАН главным торгово-экономическим партнером, что существенно ограничивает их возможность проявлять политическую самостоятельность.</p>
<p>Об авторе: к. и. н., ведущий научный сотрудник, Центр Восточной Азии и ШОС, Институт международных исследований, МГИМО МИД России e-mail: andreydikarev@yahoo.com</p>	
<p>Ключевые слова: Китай; АСЕАН; Юго-Восточная Азия (ЮВА); территориальный конфликт; Южно-Китайское море (ЮКМ); торгово-экономические отношения; стратегическое партнерство</p>	

В геополитическом плане следует обратить внимание на то, каким образом Китай, начиная со второй половины 1990-х гг., постепенно вписывал государства Юго-Восточной Азии (ЮВА) в свою систему «стратегических партнерств». Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН; далее также – Ассоциация) стала в этой системе одним из первых контрагентов. В 1997 г. было объявлено о «стратегическом партнерстве, основанном на добрососедстве и взаимном доверии, направленном в XXI век». В 2003 г. на смену ему пришло чуть более обтекаемо сформулированное «стратегическое партнерство во имя мира и процветания»¹.

¹ Feng Zhongping, Huang Jing. China's Strategic Partnership Diplomacy: Engaging in a Changing World // *European Strategic Partnerships Observatory Working Paper*, No. 8, June 2014.

«Заявление о стратегическом партнерстве стало лишь кульминационной точкой в сближении позиций Китая и стран АСЕАН. Никакого дальнейшего развития в практической сфере за ним так и не последовало», – считают наши ведущие эксперты². Такой вывод на первый взгляд кажется излишне радикальным, но определенные основания для него имеются. В течение следующего десятилетия КНР активно и последовательно устанавливает отношения «стратегического партнерства», причем в итоге – исключительно «всеобъемлющего», с отдельными странами

² Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. – М.: ИВ РАН, 2012. – С. 83. [Mosyakov, D.V. Politika Kitaya v Yugo-Vostochnoy Azii: ot proshlogo k nastoyashchemu (Chinese Policy in the South East Asia: from Past to Present). Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS, 2012. P. 83.]

АСЕАН: Индонезией (2005; с 2013 оно стало «всеобъемлющим»), Камбоджей (с 2006 – «всеобъемлющее», с 2010 – «стратегическое»), Вьетнамом (2008), Лаосом (2009), Мьянмой (2011), Малайзией (2013). Эти политические действия находятся в полном соответствии с курсом КНР на решение наиболее острых проблем исключительно в двустороннем формате, с каждым из государств ЮВА по отдельности, а не с довольно аморфной организацией, которая к тому же требует консенсуса всех ее членов при заключении любых международных соглашений от имени Ассоциации. Надо вновь подчеркнуть, что именно отсутствие консенсуса мешало и будет мешать АСЕАН принимать заявления и прибегать к совместным действиям по любым проблемам, особенно таким запутанным, как территориальные споры в Южно-Китайском море (ЮКМ).

Последняя четверть прошлого века, как известно, ознаменовалась чередой крупных и мелких военных столкновений Китая со странами ЮВА в регионе ЮКМ – захватом Парасельских островов (1974), войной с Вьетнамом (1979), конфликтом вокруг островов Спратли (1988), – а также постепенным фактическим занятием Малайзией, Вьетнамом, Филиппинами и Китаем многочисленных островков четырех архипелагов и первыми робкими попытками, если не наладить сотрудничество в сфере освоения ресурсов ЮКМ, то хотя бы заявить о необходимости такого. После подписания (2002) странами АСЕАН и Китаем Декларации о поведении сторон в ЮКМ, зафиксировавшей ориентацию на решение спорных проблем путем переговоров и обязательство воздерживаться от угроз и тем более насильственных действий, страсти вокруг ЮКМ улеглись, но ненадолго. Период между 2002 и 2009 гг. можно назвать этапом внешне спокойного и конструктивно-сотрудничества в регионе.

Однако нескольких лет сближения с КНР хватило многим политикам, чтобы правильно оценить риски такого процесса. Постепенно выяснилось, что китайские предложения о «совместном освоении спорных территорий» оказались де-факто попытками поставить под контроль практически весь нефтегазовый сектор в странах ЮВА.

Последовавшие затем китайские предложения по расширению взаимной интеграции, дополнению ее военно-политической сферой должного отклика не нашли, что означало определенный разворот в политике стран АСЕАН, которая стала представляться теперь как «непрерывное балансирование между интересами США и Китая»³. В 2006–2007 гг. идеи регионального сотрудничества постепенно отходят на второй план, а на первый выдвигаются конкретные интересы Китая и его претензии к соседям.

Точкой отсчета принципиального поворота в отношениях КНР со странами АСЕАН следует считать 2009 год, когда начался процесс фиксации всеми сторонами своих экономических интересов в регионе при возрастании напряженности в политическом взаимодействии между государствами. В связи с окончанием срока предусмотренного Конвенцией ООН по морскому праву (1982) моратория на подачу заявок на участки шельфа вокруг островов Филиппины, Вьетнам и Малайзия представили в ООН проект разграничения континентального шельфа в ЮКМ и попытались закрепить суверенитет над островами, находившимися к тому времени под их контролем. КНР в свою очередь предъявила мировому сообществу претензии на 80% акватории ЮКМ, ссылаясь на известную с 1943 г., но долгое время не фигурировавшую в политической практике карту с U-образным абрисом морской границы Китая в ЮКМ⁴. В 2010 г. ситуацию обострили попытки Пекина включить территориальные вопросы вообще и проблемы суверенитета над островами ЮКМ в частности в перечень «коренных интересов Китая», по которым, как неизменно уверяют китайские официальные лица, «не может быть никаких компромиссов»⁵.

³ Ibid. С. 92–93.

⁴ Подр. см.: Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. – М.: ИДВ РАН, 2015. [Portyakov, V.Ya. Vneshnyaya politika Kitayskoy Narodnoy Respubliki v 21 stoletii (Foreign Policy of People's Republic of China in the 21-st Century). Moscow: Institute of the Far East, RAS, 2015.]

⁵ Иванов А., Лукин А. Активизация внешней политики Китая в АТР и интересы России / Лукин А.В. Возвращающийся Китай и будущее России. – М.: Международные отно-

Важнейшую роль в региональной геополитике в этот период стало также играть намерение США «вернуться в Азию» и фактически открытое предложение странам АСЕАН своеобразного «хеджирования» рисков их отношений с КНР, что означало активизацию связей с США, в том числе и военных⁶. С конца 2010 по середину 2012 гг. руководство КНР вносило коррективы во внешнеполитический курс. В политическую риторику входит выражение «обоюдный выигрыш». Эксперты отмечают: в региональных направлениях внешней политики Пекина приоритетное место заняли тогда прилегающие к Китаю государства Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии⁷. В конце 2011 г., в разгар споров с Филиппинами и накануне Восточно-Азиатского саммита, МИД КНР обнародовал Белую книгу о результатах сотрудничества Китая с АСЕАН в 1991–2011 гг. Цель документа – уверить страны региона в стремлении Китая всегда быть их «хорошим другом, хорошим соседом и хорошим партнером»⁸. Казалось, напряжение спало. Но вскоре начались новые трения, в первую очередь с Филиппинами и Вьетнамом, по вопросам принадлежности островов в ЮКМ.

Обострение конфликта в ЮКМ и попытки его урегулирования

В октябре 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин во время визита в Индонезию, обращаясь к парламенту этой страны, про-

шения, 2015. – С. 415. [Ivanov, A.; Lukin, A. Aktivizatsiya vneshney politiki Kitaya v ATR i interesy Rossii (Activization of Chinese Foreign Policy in Asia-Pacific Region, and Russian Interests) / Lukin A.V. *Vozvysheyushchiysya Kitay i budushcheye Rossii (Rising China and Russia Future)*. Moscow: Mezhdunarodnie otnosheniya, 2015. P. 415.]

⁶ Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. – М.: ИДВ РАН, 2015. – С. 101. [Portyakov, V.Ya. *Vneshnyaya politika Kitayskoy Narodnoy Respubliki v 21 stoletii (Foreign Policy of People's Republic of China in the 21-st Century)*. Moscow: Institute of the Far East, RAS, 2015. P. 101.]

⁷ Ibid. С. 105.

⁸ China Daily, 2011, Nov. 16.

изнес речь, названную весьма характерно: «Совместно строить более тесное сообщество единой судьбы “Китай – АСЕАН”». Комментаторы обратили внимание, что при такой постановке вопроса стратегическое партнерство «единой судьбы» больше соответствует азиатской культуре, нежели «стратегическое партнерство» со странами Европы, ставящими во главу угла принцип индивидуализма. Эти декларации привлекли пристальное внимание аналитиков к форме и содержанию концепции «единой судьбы». Некоторые российские эксперты считают даже, что стратегия Китая с некоторых пор чем-то напоминает стратегию Японии времен Второй мировой войны с лозунгом «превратить Азию в сферу соцветания азиатских народов»⁹. Другие эксперты давно уже рассматривали китайскую политику в регионе как попытки привязать страны ЮВА к китайскому культурному ареалу (*Pax Sinica*)¹⁰.

С 2013 г. и по настоящее время вслед за выдвижением руководством КНР стратегии «Один пояс – один путь» начался новый виток напряженности в отношениях Китая с ЮВА, а точнее – этап напряженных попыток закрепить тем или иным способом суверенитет над ресурсоемкой и стратегически важной территорией, но не растерять при этом выгод и не уменьшить объемы регионального экономического сотрудничества. Итог известен: конфликт с нефтяной платформой у Парасельских островов (май 2014) – явная проба политических сил в экономической зоне Вьетнама, – а затем многократно и подробно освещенный в печати процесс строительства Китаем в 2014–2016 гг. искусственных островов.

Важно, что с этих пор в отношениях КНР со странами АСЕАН проблема принад-

⁹ Security and Cooperation in the South China Sea: Actual Problems and Conflict Regulation. Moscow: IV RAN, 2015. P. 217.

¹⁰ Ibid. С. 220; Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. М.: ИВ РАН, 2012. – С. 94. [Mosyakov, D.V. *Politika Kitaya v Yugo-Vostochnoy Azii: ot proshlogo k nastoyashchemu (Chinese Policy in the South East Asia: from Past to Present)*. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS, 2012. P. 94.]

лежности островов вышла на первый план. На всех саммитах АСЕАН последних лет эта тема доминировала, и ни разу страны Ассоциации не достигали тут консенсуса: ни в Камбодже в 2012 г., когда 10 государств-членов не смогли занять единой позиции, ни в 2016 г.

Весной 2016 г. накануне вердикта Гаагского третейского арбитражного суда китайское руководство предприняло шаги по противодействию этому ожидаемо неблагоприятному для КНР событию. Министр иностранных дел КНР Ван И посетил Лаос, Камбоджу и Бруней, предложив им выступить с совместным заявлением по территориальным спорам в ЮКМ. Турне называли попыткой раскола АСЕАН в преддверии решения Гааги по иску, поданному Филиппинами против Китая. А заседание министров иностранных дел в китайской провинции Юньнань в июне 2016 г. закончилось откровенным конфузом. Оказалось, что смелое заявление относительно беспокойства по поводу возведения Китаем искусственных островов было выпущено Министерством иностранных дел Малайзии «по ошибке». В этом заявлении для прессы от имени АСЕАН говорилось об «откровенном обмене мнениями» (читай: о «дипломатической конфронтации») между министрами стран ЮВА и Китаем. Буквально через несколько часов после опубликования документа представители малайзийского МИДа заявили, что документ отозван для «срочных дополнений», а опубликованный текст являлся якобы не итоговым коммюнике, а лишь ориентиром служебного пользования для министров. Аналитики так и не пришли к единому мнению: была ли это действительно ошибка или АСЕАН пошел на попятную под давлением Китая¹¹.

В июле 2016 г. в столице Лаоса состоялось заседание министров иностранных дел стран АСЕАН, куда были также приглашены высокопоставленные дипломаты из крупнейших стран мира. Состоялась

и встреча КНР – АСЕАН в формате 10+1, которая была посвящена главным образом проблемам ЮКМ в свете обнародованного 12 июля заключения Гаагского суда. Казалось бы, к этой встрече в верхах сложился максимально неблагоприятный для Китая фон: суд однозначно указал на отсутствие у Китая законных оснований настаивать на правомерности своей девятипунктирной линии в ЮКМ и рассматривать акваторию вокруг спорных островов, рифов и отмелей как свою исключительную экономическую зону и тем более как территориальные воды (при этом принадлежность участков суши арбитражем не рассматривалась).

Тем не менее, никаких принципиальных поворотов, а тем более сенсаций не произошло. Более того, комментарии западной прессы по итогам встречи в Лаосе были весьма ядовитыми, а вердикт в пользу Филиппин называли «пирровой победой»¹². «Вместо хваленое единства стран АСЕАН – разлад, – отмечал сингапурский аналитик, – прискорбно, когда от АСЕАН ожидают возможности сделать хоть что-то для ослабления напряженности в ЮКМ, но эти ожидания оказываются «пшиком», а в результате все обращают внимание лишь на то, могут или не могут эти десять стран хотя бы в принципе действовать сообща». Другой эксперт полагал, что «как ассоциация АСЕАН теряет влияние и адекватность, когда спотыкается на наиболее важных региональных проблемах», а «национальные интересы оказываются выше региональной солидарности». Здесь имелся в виду 600-миллионный долларовый транш, обещанный Китаем Камбодже и превращавший в безусловного союзника КНР этого члена АСЕАН. О том, что Китай «покупает голос Камбоджи», говорилось еще во время саммита АСЕАН в Мьянме в 2014 г.

Анализируя встречи в верхах 2016 г., наблюдатели обращали внимание на то, что с наиболее резкими заявлениями «против любых односторонних насильственных действий», которые могут изменить статус-

¹¹ Indonesia Cites Error as ASEAN Meeting Ends in Confusion / *AFP*, 2016, June 15. Mode of access: www.yahoo.com/news/indonesia-cites-error-asean-meeting-ends-confusion-075315475.html

¹² Joshi, Vijay. China Emerges More Muscular After ASEAN Meetings. Mode of access: http://www.realclearworld.com/articles/2016/07/27/china_emerges_more_muscular_after_asean_meetings.html#!

кво» в Лаосе выступали США, Австралия и Япония, а не страны ЮВА. Представитель Брунея хвалил руководство КНР, представитель Вьетнама сообщил журналистам, что предпочитает двустороннее общение с Китаем, малайзийский министр иностранных дел вообще не появлялся на встречах. Секретарь по иностранным делам Филиппин П. Ясай хотя и назвал судебное решение победой всего АСЕАН в деле отстаивания международного права, но подчеркнул, что урегулирование территориальных споров – дело исключительно двух сторон – КНР и Филиппин (позиция, полностью устраивающая китайскую сторону). Таким образом, – обобщали наблюдатели, – политика Китая по созданию крупных искусственных островов в ЮКМ и расширению своего присутствия в регионе останется, по-видимому, неизменной. Страны АСЕАН «разрываются между желанием утвердить свой суверенитет и в то же время укрепить отношения с неуклонно утверждающим свой статус Пекином»¹³.

Каковы же итоги? На встрече министров стран АСЕАН в Лаосе было обнаружено совместное заявление самого общего свойства «о всеобъемлющей и эффективной реализации Декларации поведения сторон в ЮКМ», в очередной раз ритуально подчеркнута важность «поддержания мира и стабильности в регионе и урегулирования территориально-правовых споров в соответствии с принципами международного права путем мирных консультаций и переговоров между непосредственно вовлеченными государствами». Тут надо вновь напомнить, что упомянутая декларация, принятая 15 лет назад, не носит строго обязывающего характера, в связи с чем уже более десяти лет не прекращаются усилия по выработке устраивающего все стороны Кодекса поведения в ЮКМ, который по идее должен стать составной частью международного права, в том числе морского. Помимо упо-

минания об уважении свободы перемещения по ЮКМ в соответствии с международным общим и морским правом, в декларации 2002 г. в свете последних событий наиболее важным представляется пункт 5, самый конкретный из всех: «Стороны обязуются удерживаться от действий, которые могут усугубить возникшие конфликты и повредить миру и стабильности, включая такие действия, как *самовольное заселение на ранее необитаемые острова и рифы* (курсив автора), а также обязуются решать разногласия конструктивными методами»¹⁴.

«Китай и члены АСЕАН согласились избегать расселения людей на необитаемых в настоящее время островах и рифах спорных территорий ЮКМ», – говорится в их совместном коммюнике 2016 г. Следует, вероятно, понимать, что рифы, уже превращенные Китаем в искусственные острова с аэродромной и портовой инфраструктурой, проходят теперь по категории обитаемых и на них декларация уже может не распространяться. Все это очень похоже на закрепление нового статус-кво в ЮКМ.

Российский политолог Е. Канаев убежден, что Китай вполне устраивает не столько международно-правовой Кодекс поведения сторон, сколько именно такая, относительно расплывчатая и юридически не обязывающая, внешне и по сути миролюбивая Декларация о поведении сторон. «Пекин не стремится заменить Декларацию 2002 г. Кодексом и, следовательно, будет добиваться пролонгации действия Декларации». Не случайно многие аналитики полагают, что именно Китай который год фактически тормозит принятие Кодекса. Наши эксперты крайне скептически смотрят на возможность выйти на полноценный Кодекс поведения, предупреждая при этом, что «провал попытки согласования Кодекса поставит под вопрос формирование Сообщества АСЕАН в сфере политики и безопасности, где проблема ЮКМ фигурирует как одна из централь-

¹³ Martina, Michael; Wroughton, Lesley. China Scores a Surprising Diplomatic Victory after South China Sea Ruling. Mode of access: <http://uk.businessinsider.com/china-scores-a-diplomatic-victory-after-south-china-sea-ruling-2016-7?yptr>

¹⁴ Декларация о поведении сторон в Южно-Китайском море. Режим доступа: [Deklaratsiya o povedenii storon v Yuzhno-Kitayskom more (Declaration on South-China Sea): Mode of access: <http://vnsea.net/tabid/135/ArticleID/238/language/vi-VN/Default.aspx>]

ных». Понятно, что Ассоциации станет значительно сложнее удерживать «срединный плацдарм» в условиях разворачивающегося китайско-американского соперничества на морских рубежах Тихоокеанской Азии. «Рассмотрение политики АСЕАН по выработке Кодекса позволяет сделать вывод о наличии в ней серьезных противоречий», – считает Е. Канаев¹⁵. Прогноз этого ученого (в 2013), что в будущем можно ожидать повторения ситуации с конференцией глав МИД стран АСЕАН во время камбоджийского председательства, полностью оправдался. Следует согласиться и с выводом, что ненормально длительный процесс согласования Кодекса объясняется главным образом его несоответствием интересам Китая.

Еще один фактор следует учесть, говоря о перспективах достижения консенсуса всех стран относительно ЮКМ. Существует противоречие между де-факто изменившимся положением дел в ЮКМ и прежним инструментарием урегулирования проблемы. На нынешнем этапе конфронтация вышла за рамки спора о суверенитете над архипелагом Спратли и Парасельскими островами, ныне ЮКМ представляет собой арену острого геополитического соперничества между США и Китаем. Поэтому подключения Вашингтона к проекту Кодекса Пекин вряд ли допустит.

В сентябре 2016 г., полтора месяца спустя после встречи министров иностранных дел, в столице Лаоса прошел очередной ежегодный саммит АСЕАН. Не лишне будет прокомментировать некоторые положения заявления, принятого Ассоциацией по его итогам. «Мы по-прежнему сильно озабочены недавним и продолжающимся развитием событий», – говорится в нем. Китай в этом контексте упомянут не был. Обозреватели считают данное обстоятельство очередной

¹⁵ Канаев Е. АСЕАН и Кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/asean-i-kodeks-povedeniya-storon-v-yuzhno-kitayskom-more/> [Kanayev, E. ASEAN i Kodeks povedeniya storon v Yuzhno-Kitayskom more (Code of Conduct in the South China Sea). Mode of access: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/asean-i-kodeks-povedeniya-storon-v-yuzhno-kitayskom-more/>]

дипломатической победой КНР. Не впервые Камбоджа и Лаос выступили против упоминания КНР в заявлении напрямую. Нигде в его тексте не упомянут и арбитраж в Гааге. Таким образом, заявление можно рассматривать в лучшем случае как мягкий не то упрек, не то намек в адрес Китая по поводу его действий в ЮКМ. В коммюнике прозвучало: «Саммит обратил внимание на беспокойство, выраженное некоторыми лидерами, относительно землеустройства и нарастания активности в ЮКМ, которая размывает доверие, увеличивает напряженность и угрожает миру, стабильности и безопасности в регионе».

Здесь характерно словосочетание «некоторые лидеры», означающее, что Камбоджа по-прежнему однозначно на стороне Китая. Против резких формулировок от имени всего АСЕАН выступил и Лаос. Филиппины же предприняли попытку предать гласности свое беспокойство. Накануне встречи в рамках саммита глав государств ЮВА с китайским премьером Ли Кэцянном они опубликовали правительственное заявление с фотографиями китайских кораблей на отмели Скарборо, расположенной в двухсотмильной экономической зоне Филиппин. Спикер китайского МИДа Хуа Чуньин сразу отреагировала на это: «...ситуация в водах вокруг острова Хуанъянь (так в Китае называют отмель Скарборо – прим. автора) остается неизменной, и Китай не предпринимает никаких новых шагов».

Представляется, что тут и обозначился новый поворот в попытках региональных акторов адекватно отреагировать на жесткую позицию Китая. Филиппинский президент Р. Дутерте намерен, видимо, отнестись к спорам с Китаем более примирительно, нежели его предшественник Б. Акино. Он заявил, что стремится к налаживанию отношений и не будет «выпячивать давний территориальный спор в конфронтационной манере, могущей вызвать неудовольствие Китая»¹⁶. Фактически речь идет о вынуж-

¹⁶ Philippines Confronting China with Photos of Chinese Ships in Disputed Sea // *Associated Press*. Mode of access: <http://www.foxnews.com/world/2016/09/07/philippines-shows-photos-chinese-ships-in-disputed-sea.html>

денном признании странами АСЕАН нового статус-кво в ЮКМ; раз уж искусственные острова построены или строятся, пути назад нет, надо учитывать обстановку и, возможно, скорректировать правила игры.

Саммит в Лаосе имел еще один результат, который можно отнести к разряду положительных, хотя и не в полной мере. 7 сентября 2016 г. АСЕАН и КНР подписали Совместное заявление о применении Кодекса поведения при незапланированных контактах кораблей ВМФ на море¹⁷. В нем определен порядок коммуникации и переговоров, используемые средства связи и радиочастоты, детали поведения при незапланированной встрече. Что касается других частей Кодекса, то стороны договорились завершить консультации о его основных положениях позднее. Многие китайские и зарубежные эксперты сомневаются, что Китай и АСЕАН смогут прийти к соглашению по Кодексу поведения из-за сохраняющихся разногласий¹⁸. «Мы подчеркиваем важность обеспечения мира, стабильности, безопасности и свободы мореплавания в водах ЮКМ и полетов над ним. А также важность полного и действенного исполнения Декларации о правилах поведения во всех ее пунктах», – сказано в итоговом заявлении лаосского саммита. Как можно судить по этим весьма обтекаемым формулировкам, многолетние переговоры о Кодексе если и продвигаются, то черепашьими темпами.

¹⁷ Это лишь небольшая часть Кодекса, а не Кодекс поведения в целом, как можно было неверно понять из заголовка опубликованного в российской печати материала о саммите. См.: Китай и АСЕАН подписали Кодекс поведения в Южно-Китайском море / РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru/world/20160907/1476329230.html> [Kitay i ASEAN podpisali Kodeks povedeniya v Yuzhno-Kitayskom more (China and ASEAN Signed the Code of Conduct in the South China Sea). Mode of access: <https://ria.ru/world/20160907/1476329230.html>]

¹⁸ Wong, Catherine. China and ASEAN Have Come to an Agreement over One Issue in the South China Sea // *South China Morning Post*, 2016, July 26. Mode of access: <http://uk.businessinsider.com/china-and-asean-agree-on-south-china-sea-2016-7?ypt=yahoo>

Основные показатели динамики торгово-экономических отношений по линии АСЕАН – КНР

Детально анализировать эту динамику затруднительно из-за нехватки и противоречивости данных, несовместимости различных показателей и временных периодов в публикациях по теме. Иногда статистика приводится и не по всем странам АСЕАН. Тем не менее, самые общие тенденции можно отразить следующим образом.

1991–2010 годы иногда называют «блестящей эпохой» в экономических отношениях КНР со странами АСЕАН, в этот период двустороннее сотрудничество процветало, а объем торговли увеличился более чем в 37 раз: с 8 до 300 млрд долларов Экономика стран Ассоциации окрепли и выросли за этот период более чем пятикратно¹⁹.

1 января 2002 г. вступило в силу Соглашение о зоне свободной торговли АСЕАН, по которому Бруней, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд договорились о снижении тарифов по 85% номенклатуры товаров до уровня 0-5% (это свыше 38 тыс. позиций).

1 января 2010 г., после восьми лет технической работы над соглашением, состоялось официальное открытие зоны свободной торговли (ЗСТ) Китай – АСЕАН, ставшей одним из самых больших в мире такого рода пространств. В определенном смысле это был настоящий прорыв.

В целом за период с 2000 по 2010 гг. доля Китая в совокупном внешнеторговом обороте АСЕАН выросла с 4,4 до 13,5%. Такой впечатляющий рост доли КНР во внешнеторговых связях стран ЮВА стал возможен благодаря упомянутой взаимной либерализации торговли и снижению тарифов. Китай стал главным поставщиком широкого спектра готовых промышленных товаров на рынки стран ЮВА.

Однако роль Китая во внешнеэкономических связях разных стран АСЕАН неодинакова. Наибольшая зависимость от

¹⁹ Fu Ying, Wu Shicun. South China Sea: How We Got to This Stage. Mode of access: <http://nationalinterest.org/feature/south-china-sea-how-we-got-stage-16118?>

внешней торговли с Китаем наблюдается в экспорте и импорте Мьянмы и Лаоса (на долю КНР приходилось в начале 2010-х гг. 24% совокупного товарооборота Лаоса и 30% – Мьянмы) в силу исторически сложившихся отношений, фактора соседства и экономической экспансии Китая²⁰. Понятно, почему именно эти страны, наряду с Камбоджей, с особой осторожностью относятся к критике от имени АСЕАН внешнеполитических действий Китая.

В 2011 г. внешняя торговля Китая со странами АСЕАН поставила новый исторический рекорд, достигнув 362,9 млрд долларов, что на 24% больше по сравнению с предыдущим годом. В 2013–2015 гг. товарооборот КНР – АСЕАН рос опережающими темпами по сравнению с товарооборотом КНР в целом. Экспорт в страны ЮВА в 2013 г. увеличился на 19,5% – до 244 млрд долларов, импорт возрос на 1,9% – до 199,5 млрд долларов.

Характерно, что трения КНР с Филиппинами и Вьетнамом не привели к снижению объемов двусторонней торговли. Напротив, они значительно выросли: с Филиппинами в 2012 г на 12,8% по сравнению с 2011 г. (до 36,4 млрд долларов), а с Вьетнамом на 25,4% (до 50,4 млрд долларов). КНР использует свой главный козырь – привлекательность для государств региона торговли с нею как важного фактора их экономического роста.

В период с января по май 2014 г. двусторонний товарооборот Китая и стран ЮВА увеличился в сравнении с аналогич-

ным периодом прошлого года на 1,2%, экспорт вырос на 4,1%, объемы торговли со странами АСЕАН достигли к концу года уровня в 443,6 млрд долларов, показав прирост в 10,9%, что по сравнению с приростом внешней торговли Китая выше на 3,3%²¹ (По другим данным, в 2014 г. объемы двусторонней торговли находились на отметке 480,1 млрд долларов, показав рост в 8%).

В первом полугодии 2015 г. объемы взаимной торговли Китая и АСЕАН составили 224,3 млрд долларов (12% от общего внешнеторгового оборота стран АСЕАН), что на 1,6% больше, чем за аналогичный период 2014-го. В настоящее время АСЕАН для Китая – третий по объемам торговый партнер (после ЕС и США), четвертый по масштабам экспортный рынок (после ЕС, США и Гонконга) и второй (после ЕС) по объемам импортных товаропотоков, в то время как Китай – крупнейший торговый партнер для АСЕАН. Кроме того, Китай стремительно увеличивает объемы инвестирования в страны АСЕАН. С 2010 г. туда были направлены из Китая 60% всех зафиксированных в Ассоциации инвестиций²².

Саммит в Куала-Лумпуре в апреле 2015 г. поставил задачу превратить АСЕАН в «третью силу» (после Китая и Индии) в плане экономического развития и инвестиционной привлекательности. В ноябре 2015 г. министр торговли Китая Гао Хучэн и представители соответствующих ведомств стран-членов АСЕАН подписали протокол о совершенствовании режима действующей между государствами зоны свободной торговли. В планах партне-

²⁰ Заварухин А.В. Внешняя торговля стран Юго-восточной Азии как отражение интеграционных процессов в азиатско-тихоокеанском регионе. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-torgovlya-stran-yugovostochnoy-azii-kak-otrazhenie-integratsionnyh-protsessov-v-aziatsko-tihookeanskom-regione#ixzz4Kt8Lluy6> [Zavarukhin, A.V. Vneshnyaya trgovlya stran Yugovostochnoy Azii kak otrazheniye integratsionnykh protsessov v aziatsko-tihookeanskom regione (Foreign Trade of the South East Asia Countries as a Reflection of Integration Processes in the Asia-Pacific Region). Mode of access: <http://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-torgovlya-stran-yugovostochnoy-azii-kak-otrazhenie-integratsionnyh-protsessov-v-aziatsko-tihookeanskom-regione#ixzz4Kt8Lluy6>]

²¹ Товарооборот Китая и стран АСЕАН растет быстрыми темпами / Logists. Режим доступа: <http://www.logists.by/news/view/Tovarooborot-Kitaja-i-stran-ASEAN-rastet-bystryimi-tempami> [Tovarooborot Kitaja i stran ASEAN rastet bystryimi tempami (The Trade Turnover between China and the ASEAN Countries is Growing Rapidly) / Logists. Mode of access: <http://www.logists.by/news/view/Tovarooborot-Kitaja-i-stran-ASEAN-rastet-bystryimi-tempami>]

²² Товарооборот Китая и стран АСЕАН. Режим доступа: <http://www.ruchina.org/china-article/china/896.html> [Tovarooborot Kitaya i stran ASEAN (Turnover of China and the ASEAN Countries). Mode of access: <http://www.ruchina.org/china-article/china/896.html>]

ров – довести к 2020 г. общий товарооборот до 1 трлн долларов²³.

С 2016 г. политические проблемы на фоне обострения ситуации в акватории ЮКМ начали, по всей видимости, сказываться на торговле отдельных стран ЮВА с Китаем²⁴. По данным на середину 2016 г., отмечается тенденция критического сокращения товарооборота со странами Юго-Восточной Азии. Товарооборот Китая и стран АСЕАН сократился на 8,1% по сравнению с тем же периодом 2015 г. Значительное сокращение импорта продолжает наблюдаться в торговле Китая с Малайзией (–22,4%), Филиппинами (–14,5%), Сингапуром (–16,9%). Резко сократился китайский экспорт в Индонезию (–14,2%), но вырос на Филиппины (+20,9%).

Тем не менее, как уже сказано, обострение политических отношений не всегда напрямую сказывается на торговле. Так, несмотря на более чем напряженные в последние годы отношения КНР с Вьетнамом наблюдается резкий рост экспорта товаров Вьетнама в КНР (+12,6%). В то же время сокращение импорта из Китая во Вьетнам (–9,1%) свидетельствует, что Вьетнам во все большей степени обретает статус «мировой фабрики»²⁵.

²³ Китай и страны АСЕАН доведут объем товарооборота до 1 млрд // Ведомости, 2015, 24 ноября. Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/economics/news/2015/11/23/617899-kitai-i-strani-asean-dovedut-obem-tovarooborota-do-1-mlrd> [Kitai i strany ASEAN dovedut ob'em tovarooborota do 1 mlrd (China and ASEAN Countries Will Bring the Volume of Trade to 1 Billion) // *Vedomosti*, 2015, 24 November. Mode of access: <http://www.vedomosti.ru/economics/news/2015/11/23/617899-kitai-i-strani-asean-dovedut-obem-tovarooborota-do-1-mlrd>]

²⁴ В то же время, например, декан факультета экономики и финансов Шанхайского университета исследований Чжан Игуй считает, что на колебаниях торгового оборота «сказывается в первую очередь мировой финансовый кризис». См.: Торговый оборот между КНР и странами АСЕАН продолжает расти (Trade Turnover between the PRC and ASEAN Countries Continues to Grow). Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2158985.html>

²⁵ Товарооборот Китая сократился почти на 10% за первое полугодие 2016 года (China's Trade Decreased by almost 10% in the First Half

Последние события

Наделавший много шума в медиапространстве визит президента Филиппин Родриго Дутерте в КНР в октябре 2016 г. обозначил, как представляется, две тенденции во взаимоотношениях Китай – ЮВА: одну новую и одну старую. Во-первых, с приходом к власти нового президента, напомнившего миру о том, что его род имеет не только мусульманские, но и китайские корни, Филиппины предприняли попытку модифицировать геополитическую конфигурацию в Юго-Восточной Азии. При прежнем президенте Б. Акино Филиппины считались главным форпостом США в ЮВА. Резкие же выпады Дутерте в адрес США и их президента, бесосновательные намеки на возможность военного союза с Китаем и Россией вызвали наряду со всеобщим вниманием мировых СМИ временный аналитический ступор. Мало кто брался определенно утверждать, в какой мере заявления Дутерте являются блефом и насколько объясняются чисто практическими потребностями наладить, наконец, отношения с наиболее могущественной страной региона. В западной печати появлялись робкие намеки: заявления и намерения Дутерте идут вразрез с интересами филиппинских элит, особенно военных. Впрочем, Дутерте (как блестящий тактик или, напротив, безответственный политикан-популист типа Д. Трампа, с которым его регулярно сравнивают, – время покажет) уже поспешил заявить, что вовсе не имел в виду разрыв отношений с США²⁶.

of 2016). Mode of access: <https://aftershock.news/?q=node/417917>

²⁶ В 2017 г. Дутерте продолжил прибегать к тактике «умиротворения Китая». Но во время майского визита в Пекин, где он озвучил намерение начать разработку газовых и нефтяных месторождений в ЮКМ, Си Цзиньпин, если верить Дутерте, отреагировал на это резко, пригрозив войной. Так ли это – утверждать трудно, западные обозреватели цитировали только филиппинскую сторону, поскольку китайская пресса освещала визит исключительно в общих выражениях и сдержанно-благостных тонах. (см.: Corr, Anders. China's Threat of War Against Philippines Is Baseless Scare Tactic / Mode of access: [COMPARATIVE POLITICS RUSSIA · 2018 Vol.9 No. 3 83](https://www.forbes.com/sites/anderscorr/2017/05/20/chinas-threat-</p>
</div>
<div data-bbox=)

Во-вторых, переговоры на высшем уровне КНР с Филиппинами, а затем и малайзийским премьером Наджибом Разаком в начале ноября 2016 г., во время которых планировалось подписание многих соглашений, в том числе о закупке в Китае сторожевых кораблей²⁷, означают явный успех генеральной китайской линии на решение любых проблем региона не с коалицией государств (АСЕАН) а на сугубо двусторонней основе, с каждой страной ЮВА отдельно. Первые результаты очевидны: Филиппины получают многомиллиардные инвестиции (или, по крайней мере, обещание их предоставить), снимаются ограничения на импорт фруктов, основную статью экспорта Филиппин, а филиппинским рыбакам уже вроде и не возбраняется заниматься промыслом вокруг отмели Скарборо (находится исключительно в экономической зоне Филиппин, но ранее им мешали это делать китайские суда).

Некоторые аналитики склонны рассматривать эти визиты – на мой взгляд, несколько преждевременно – как два последовательных провала американской политики сдерживания Китая в АТР вообще и в отношении стран АСЕАН в частности²⁸. Последние политические действия стран – членов АСЕАН в большей мере свидетельствуют об их намерении занять позицию равноудаленности (или скорее «равноприближенности»), которую малые и средние государства ЮВА считают оптимальной в условиях возрастающего соперничества экономических гигантов – КНР и США. Учитывая ныне уже огромную зависимость экономики всех стран АСЕАН от китайской, данный курс представляется вполне прагматичным и разумным.

of-war-against-philippines-is-baseless-scare-tactic/#6be21c9539f9)

²⁷ Визит премьер-министра Малайзии в Китай: свидетельство провала американской политики в регионе? (Visit of the Prime Minister of Malaysia to China: Evidence of the Failure of US Policy in the Region?) / *Nakanune*, 2016, 30 октября. Режим доступа: <http://www.nakanune.ru/news/2016/10/30/22451596/>

²⁸ В основе подобных умозаключений лежит несколько упрощенное представление о том, что если страны дружат, то обязательно против кого-то, а США всегда стремятся только «разделять и властвовать».

Новейшей позитивной тенденцией в отношениях по линии КНР – АСЕАН следует считать попытки взаимодействия по проблемам, которые можно отнести и к экономической сфере, и к сфере коллективной безопасности. Совместный семинар Китая и АСЕАН по вопросам борьбы с коррупцией, который начал работу 2 ноября 2016 г., стал первым проектом антикоррупционного сотрудничества в формате 10+1²⁹.

Некоторые выводы и прогнозы

АСЕАН, объединяющий страны с очень разными политическими режимами, остается разьединенным по проблемам ситуации в ЮКМ, консенсус тут представляется на сегодня недостижимым.

Пока что наиболее явно поддерживает Филиппины Вьетнам. Другие страны АСЕАН предпочитают уклоняться от выражения своей позиции, опасаясь осложнения или разрыва связей с экономическим тяжеловесом Восточной Азии. Будучи по факту сторонами споров, Малайзия и Бруней чаще отмалчиваются. Премьер Камбоджи Хун Сен выступает против попыток внешних для региона акторов «мобилизовать силы на борьбу с Китаем». Индонезия и Сингапур в спорах не участвуют, но выражаются чуть более откровенно³⁰. В ближайшей перспективе принципиального изменения позиций стран АСЕАН не предвидится.

Не вызывает возражений обобщающий вывод политологов – специалистов по ЮВА,

²⁹ Китай и АСЕАН наращивают сотрудничество в антикоррупционной области // Агентство Синьхуа (China and ASEAN Increase Cooperation in the Anti-Corruption Field // *Xinhua News Agency*). Режим доступа: http://russian.news.cn/2016-11/03/c_135803655.htm

³⁰ Министр иностранных дел Сингапура Балакришнан отметил, что решение Гаагского суда будет иметь последствия не только для региона ЮКМ и «нельзя согласиться с тем, что право на стороне сильных» Индонезийский президент Видодо заявил о стремлении сохранить суверенитет над островами Натуна, где были арестованы китайские рыбаки. Его МИД отказался утверждать, что решения суда должны быть обязывающими для всех, но подтвердил необходимость уважать нормы международного права.

что в условиях растущей напряженности в отношениях с Китаем «экономическое взаимодействие не может в полной мере устранить политические разногласия»³¹ и АСЕАН не должен полагаться лишь на дипломатические механизмы и политическую этику. При сдвиге регионального баланса сил (экономическая трансформация Китая и поворот США к Азии) удерживать статус-кво становится все сложнее. Поэтому в регионе прогнозируется циклический процесс осложнений обстановки и разрядки напряженности³². Определять динамику и повороты событий будет Китай. Лишним доказательством тому служит отсутствие в заявлениях, прозвучавших в Маниле на очередном саммите АСЕАН в мае 2017 г., вообще каких бы то ни было ссылок на «землеустройство и милитаризацию» островов, что вызвало, разумеется, одобрение со стороны Китая.

В целом, несмотря на флуктуации, Китай остается для большинства стран АСЕАН главным торгово-экономическим партнером, что существенно ограничивает их возможность проявлять политическую самостоятельность, а тем более «фрондировать» и противостоять Китаю. Тому подтверждением политика новоизбранного президента Филиппин Р. Дутерте, явно намеренного дистанцироваться по возможности от США и не нагнетать противоречий с Китаем. Вместе с тем, следует согласиться с мнением экспертов: неуклонный рост политической и экономической мощи Китая будет увеличивать опасения соседей, а «попытки просто «купить» союзников за экономическую помощь вряд ли помогут»³³.

Если в начальные периоды торгово-

³¹ Security and Cooperation in the South China Sea: Actual Problems and Conflict Regulation. Moscow: IV RAN, 2015. P. 293.

³² Ibid. P. 295.

³³ Иванов А., Лукин А. Активизация внешней политики Китая в АТР и интересы России / Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России. – М.: Международные отношения, 2015. – С. 415. [Ivanov, A.; Lukin, A. Aktivizatsiya vneshney politiki Kitaya v ATR i interesy Rossii (Activization of Chinese Foreign Policy in Asia-Pacific Region, and Russian Interests) / Lukin A.V. Vozvyshayushchiysya Kitay i budushcheye Rossii (Rising China and Russia Future). Moscow: Mezhdunarodnie otnosheniya, 2015. P. 415.]

экономические связи КНР со странами ЮВА во многом играли подчиненную роль по отношению к ее внешней политике, то по меньшей мере уже с 1980-х гг. они сами по себе оказывали все большее влияние на внешнеполитическую стратегию Китая в отношении его южных и юго-западных соседей. В этом смысле верной представляется высказанная Е.П. Бажановым мысль об «экономизации» внешней политики КНР, стремящейся стать «сверхдержавой 21 века»³⁴.

В то же время некоторые эксперты отметили: сугубо экономическая выгода КНР от торговых отношений со странами АСЕАН была одно время не так уж велика, Китай довольно долго (до 2011) сохранял дефицит в торговле с ними³⁵. Такой подход можно объяснить лишь приоритетом для Китая не только экономических, но и политических вопросов, связанных с формированием устойчивой зависимости стран ЮВА от Китая, хотя по нынешним стандартам Инициативы Пояса и Пути принято говорить не о зависимости, а о сопряженности и «обоюдном выигрыше».

Литература:

Заварухин А.В. Внешняя торговля стран Юго-восточной Азии как отражение интеграционных процессов в азиатско-тихоокеанском регионе. Режим доступа: [http://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-torgovlya-stran-yugovostochnoy-](http://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-torgovlya-stran-yugovostochnoy-azii)

³⁴ Цит. по: Янгель А.А. Отношения Китая со странами Юго-Восточной Азии: экономические и политические факторы (к созданию зоны свободной торговли Китай–АСЕАН). С. 64. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-kitaya-so-stranami-yugo-vostochnoy-azii-ekonomicheskie-i-politicheskie-factory-k-sozdaniyu-zony-svobodnoy-torgovli-kitay#ixzz4iVQiZOGF> [Yangel, A.A. Otnosheniya Kitaya so stranami Yugo-Vostochnoy Azii: ekonomicheskiye i politicheskiye faktory (k sozdaniyu zony svobodnoy trgovli Kitay–ASEAN) (Relations of China with the Countries of South East Asia: Economic and Political Factors). P. 64. Mode of access: <http://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-kitaya-so-stranami-yugo-vostochnoy-azii-ekonomicheskie-i-politicheskie-factory-k-sozdaniyu-zony-svobodnoy-torgovli-kitay#ixzz4iVQiZOGF>]

³⁵ Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. – М.: ИВ РАН, 2012. – С. 81. [Mosyakov, D.V. Politika Kitaya v Yugo-Vostochnoy Azii: ot proshlogo k nastoyashchemu (Chinese Policy in the South East Asia: from Past to Present). Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS, 2012. P. 81.]

azii-kak-otrazhenie-integratsionnyh-protsessov-v-aziatsko-tihookeanskom-regione#ixzz4Kt8Lluy6

Ivanov A., Lukin A. Активизация внешней политики Китая в АТР и интересы России / Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России. М.: Международные отношения, 2015.

Kanayev E. АСЕАН и Кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/asean-i-kodeks-povedeniya-storon-v-yuzhno-kitayskom-more/>

Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. М.: ИВ РАН, 2012.

Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН, 2015.

Янгель А.А. Отношения Китая со странами Юго-Восточной Азии: экономические и политические факторы (к созданию зоны свободной торговли Китай–АСЕАН). Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-kitaya-so-stranami-yugo-vostochnoy-azii-ekonomicheskie-i-politicheskie-factory-k-sozdaniyu-zony-svobodnoy-torgovli-kitay#ixzz4iVQZOGF>

Corr, Anders. China's Threat of War Against Philippines Is Baseless Scare Tactic / Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/anderscorr/2017/05/20/chinas-threat-of-war-against-philippines-is-baseless-scare-tactic/#6be21c9539f9>

Feng Zhongping, Huang Jing. China's Strategic Partnership Diplomacy: Engaging in a Changing World // *European Strategic Partnerships Observatory Working Paper*, No. 8, June 2014.

Fu Ying, Wu Shicun. South China Sea: How We Got to This Stage. Mode of access: <http://nationalinterest.org/feature/south-china-sea-how-we-got-stage-16118?>

Joshi, Vijay. China Emerges More Muscular After ASEAN Meetings. Mode of access: http://www.realclearworld.com/articles/2016/07/27/china_emerges_more_muscular_after_asean_meetings.html#

Martina, Michael; Wroughton, Lesley. China Scores a Surprising Diplomatic Victory after South China Sea Ruling. Mode of access: <http://uk.businessinsider.com/china-scores-a-diplomatic-victory-after-south-china-sea-ruling-2016-7?ypr>

Security and Cooperation in the South China Sea: Actual Problems and Conflict Regulation. Moscow: IV RAN, 2015.

Wong, Catherine. China and ASEAN Have Come to an Agreement over One Issue in the South China Sea // *South China Morning Post*, 2016, July 26. Mode of access: <http://uk.businessinsider.com/china-and-asean-agree-on-south-china-sea-2016-7?ypr=yahoo>

References:

Corr, Anders. China's Threat of War Against Philippines Is Baseless Scare Tactic / Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/anderscorr/2017/05/20/chinas-threat-of-war-against-philippines-is-baseless-scare-tactic/#6be21c9539f9>

Feng Zhongping, Huang Jing. China's Strategic Partnership Diplomacy: Engaging in a Changing World // *European Strategic Partnerships Observatory Working Paper*, No. 8, June 2014.

Fu Ying, Wu Shicun. South China Sea: How We Got to This Stage. Mode of access: <http://nationalinterest.org/feature/south-china-sea-how-we-got-stage-16118?>

Ivanov, A.; Lukin, A. Aktivizatsiya vneshney politiki Kitaya v ATR i interesy Rossii (Activation of Chinese Foreign Policy in Asia-Pacific Region, and Russian Interests) / Lukin A.V. Vozvyshayushchisya Kitay i budushcheye Rossii (Rising China and Russia Future). Moscow: Mezhdunarodnie otnosheniya, 2015.

Joshi, Vijay. China Emerges More Muscular After ASEAN Meetings. Mode of access: http://www.realclearworld.com/articles/2016/07/27/china_emerges_more_muscular_after_asean_meetings.html#

Kanayev, E. АСЕАН и Кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море (Code of Conduct in the South China Sea). Mode of access: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/asean-i-kodeks-povedeniya-storon-v-yuzhno-kitayskom-more/>

Martina, Michael; Wroughton, Lesley. China Scores a Surprising Diplomatic Victory after South China Sea Ruling. Mode of access: <http://uk.businessinsider.com/china-scores-a-diplomatic-victory-after-south-china-sea-ruling-2016-7?ypr>

Mosyakov, D.V. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему (Chinese Policy in the South East Asia: from Past to Present). Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS, 2012.

Portyakov, V. Ya. Vneshnyaya politika Kitayskoy Narodnoy Respubliki v 21 stoletii (Foreign Policy of People's Republic of China in the 21-st Century). Moscow: Institute of the Far East, RAS, 2015.

Security and Cooperation in the South China Sea: Actual Problems and Conflict Regulation. Moscow: IV RAN, 2015.

Wong, Catherine. China and ASEAN Have Come to an Agreement over One Issue in the South China Sea // *South China Morning Post*, 2016, July 26. Mode of access: <http://uk.businessinsider.com/china-and-asean-agree-on-south-china-sea-2016-7?ypr=yahoo>

Yangel, A.A. Otnosheniya Kitaya so stranami Yugo-Vostochnoy Azii: ekonomicheskiye i politicheskiye faktory (k sozdaniyu zony svobodnoy trgovli Kitay–АСЕАН) (Relations of China with the Countries of South East Asia: Economic and Political Factors). Mode of access: <http://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-kitaya-so-stranami-yugo-vostochnoy-azii-ekonomicheskie-i-politicheskie-factory-k-sozdaniyu-zony-svobodnoy-torgovli-kitay#ixzz4iVQZOGF>

Zavarukhin, A.V. Vneshnyaya trgovlya stran Yugo-vostochnoy Azii kak otrazheniye integratsionnykh protsessov v aziatsko-tihookeanskom regione (Foreign Trade of the South East Asia Countries as a Reflection of Integration Processes in the Asia-Pacific Region). Mode of access: <http://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-torgovlya-stran-yugovostochnoy-azii-kak-otrazhenie-integratsionnyh-protsessov-v-aziatsko-tihookeanskom-regione#ixzz4Kt8Lluy6>

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-3-75-87>

ASEAN STATES IN CHINESE FOREIGN POLICY: ON COURSE TO SPLIT OR TO REACH “NEW CONSENSUS”?

Andrei D. Dikarev

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history: <i>Received:</i> 18 February 2018 <i>Accepted:</i> 11 May 2018</p>	<p>Abstract: Dynamics of political and trade relations between China, ASEAN organization and its members, problems of regional geopolitics with regard to the conflict on features and resources of South China Sea are analyzed. Since the second half of the 1990's, China has been consistently establishing relations of “strategic partnership” with individual ASEAN countries. The second decade of the 21st century witnessed a fundamental turnaround: all sides try to fix their economic interests in the region while political tensions increase gradually. Since 2013 following the promotion of the Belt and Road Initiative, a new round of tension began, in other words, intensive attempts to consolidate sovereignty over a resourceful and strategically important territory avoiding at the same time reduction of the volume of regional economic cooperation. In general, despite fluctuations, China remains the main trade and economic partner for most ASEAN countries, therefore their ability to exercise political independence is significantly limited.</p>
<p>About the author: Candidate of History, Center for East Asia and SCO Studies, Institute of International Studies, MGIMO University e-mail: andreydikarev@yahoo.com</p>	
<p>Key words: China; ASEAN; South-East Asia; territorial conflict; South China Sea; trade relations; strategic partnership</p>	

Для цитирования: Дикарев А.Д. Государства АСЕАН в политике Китая: курс на раскол или «новый консенсус»? // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 3. – С. 75-87.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-75-87

For citation: Dikarev, Andrei D. Gosudarstva ASEAN v politike Kitaia: kurs na raskol ili «novyi konsensus»? (ASEAN States in Chinese Foreign Policy: On Course to Split or to Reach “New Consensus”?) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 3, pp. 75-87.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-75-87

КОНФЛИКТ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ В XXI ВЕКЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОЗИЦИЙ УЧАСТНИКОВ

Сергей Владимирович Новосельцев

Министерство иностранных дел Российской Федерации,
МГИМО МИД России,
Москва, Россия

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 22 января 2018</p> <p><i>Принята к печати:</i> 11 апреля 2018</p>	<p>Аннотация: Территориальные споры в Южно-Китайском море – основной источник конфликтного потенциала в Юго-Восточной Азии (ЮВА) и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Сам факт наличия неразрешенных споров оказывает существенное влияние и на развитие восточно-азиатской региональной под-системы международных отношений. Ситуация усложняется тесной экономической взаимосвязанностью государств Юго-Восточной Азии с Китаем, используемой Пекином в качестве политического козыря. Открыта дискуссия о правомерности использования сторонами исторических аргументов для оправдания суверенитета над определенной территорией и их «встраивания» в современную международно-правовую систему. В статье рассматривается современное состояние конфликта, а также его влияние и взаимосвязь с происходящими в странах Юго-Восточной Азии внутри- и внешнеполитическими процессами. Акцент сделан на наиболее значимых элементах аргументации сторон и эволюции подходов основных участников территориальных споров. Анализируется возможность подключения к ним новых стран или перетягивания государств региона в условные «прокитайский» и «антикитайский» лагеря.</p>
<p>Об авторе: атташе, Посольство России в Сингапуре, МИД России; соискатель степени кандидата политических наук, МГИМО МИД России</p> <p>e-mail: novoseltsev.s.v@my.mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Южно-Китайское море; конфликт; архипелаг Спратли; Парасельские острова; Китай; Филиппины; Вьетнам</p>	

Конфликт в Южно-Китайском море (ЮКМ) традиционно представляет собой один из ключевых факторов, непосредственно влияющих на безопасность в Юго-Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в целом. В территориальные споры о принадлежности большей части акватории и островов ЮКМ в той или иной степени вовлечены стратегические партнеры России Китай и Вьетнам, а также такие значимые региональные игроки, как Филиппины, Малайзия, Бруней и Тайвань.

ЮКМ – значимый район с точки зрения транспортных морских потоков, выступающий в качестве ближайшего маршрута из Индийского океана в Тихий. В непосредственной близости также находится Малаккский пролив – одна из самых загруженных на планете судоходных магистралей¹. Еже-

годно через него проходят более 60 тыс. судов (порядка 200 в день), перевозящие свыше 525 млн метрических тонн грузов (более половины мирового тоннажа)². Через Малаккский пролив осуществляется большая часть поставок энергоресурсов в Республику Корею, Японию и Тайвань, а также КНР

Азии // *Азия и Африка сегодня*. – 2017. – № 1. – с. 17. [Zeleneva, I.V. «Malakkskaia dilemma» i regional'naia bezopasnost' v Iugo-Vostochnoi Azii (“Malacca Dilemma” and Regional Security in South-East Asia) // *Azia I Afrika Segondya*, 2017, No. 1, p. 17.]

² Курякова Е.С. Архипелаг Спратли в XXI в.: территориальные споры в Южно-Китайском море и претензии сторон // *Молодость, интеллект, инициатива*. – Витебск. – 2016. – с. 24. [Kuryakova, E.S. Arkhipelag Spartli v XXI v.: territorial'nye spory v Iuzhno-Kitaiskom more i pretenzii storon (Spratly Islands in the XXI Century: Territorial Disputes in the South China Sea and Participants' Claims) // *Molodost, Intellect, Initsiativa*. Vitebsk, 2016, p. 24.]

¹ Зеленева И.В. «Малаккская дилемма» и региональная безопасность в Юго-Восточной

(около 80% импортируемой сырой нефти поступает в Китай по этому маршруту)³.

Помимо транспортного значения, ЮКМ отличает наличие богатых морских биоресурсов, а также шельфовых месторождений углеводородов⁴. В акватории Южно-Китайского моря в районе Парасельских островов и архипелага Спратли сосредоточено около 5,4 млрд баррелей разведанных запасов нефти и 55,1 трлн кубометров природного газа⁵.

На фоне большой экономической и геополитической привлекательности данного региона довольно болезненной выглядит проблема отсутствия его четко закрепленного нормативно-правового статуса, которая влечет за собой регулярно возникающие кризисы и инциденты, затрудняет борьбу с браконьерством и пиратством (согласно данным Центра по обмену информацией, функционирующего в Сингапуре в соответствии с региональным соглашением по борьбе с пиратством в Азии, в 2017 г. в территориальных водах города-государства и Малаккском проливе зафиксировано девять случаев вооруженного нападения на суда⁶).

В то же время отчасти данная проблема может быть решена в ходе переговоров о выработке юридически обязывающего кодекса поведения сторон в ЮКМ или же, в случае реализации китайской инициативы, озвученной заместителем Министра иностранных дел КНР Лю Чжэньминем в ходе Азиатского форума в г. Боао (о. Ханань, Китай, март 2017 г.), о возможности создания там механизма международного сотрудничества по модели структур, существующих в Черном море или Карибском бассейне⁷. Во многом эта идея перекликается и с появившейся еще в 1990-х годах инициативой о создании новой международной организации, регулирующей хозяйственную деятельность в районе архипелага Спратли⁸.

Кроме того, важное место в региональной повестке дня занимает тематика разграничения континентального шельфа и исключительных экономических зон (ИЭЗ), а также вопросы свободы навигации и судоходства вблизи островов и в ИЭЗ⁹.

Таким образом, с учетом роста националистических настроений в большинстве участвующих в территориальных спорах в Южно-Китайском море государств, подогреваемых геополитическими амбициями ведущих глобальных и региональных держав и усиливающейся конкуренцией за богатые энерго-, био- и прочие ресурсы акватории ЮКМ, можно предположить, что актуальность данной темы в мировой повестке дня будет только расти.

³ Кувалдин С. У Китая появился свой Крым // Газета.ру, 02.06.2015. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2015/06/02_a_6742713.shtml [Kuvaldin, S. U Kitaia poiavilsia svoi Krym (China Has Got its Own Crimea) // *Gazeta.ru*, 02.06.2015. Mode of access: https://www.gazeta.ru/politics/2015/06/02_a_6742713]

⁴ Райков Ю.А. Южно-Китайское море: зона сотрудничества или акватория конфликтов // *Международная жизнь*. – 2013. – № 6. – с. 41. [Raykov, U.A. Iuzhno-Kitaiskoe more: zona sotrudnichestva ili akvatoriia konfliktov (South China Sea: zone of cooperation or waters of conflict?) // *Mezhdunarodnaya Zhizn*, 2013, No. 6, p. 41.]

⁵ Хроленко А. Конфликт интересов КНР и США в Южно-Китайском море // РИА-Новости, 24.07.2015. Режим доступа: <https://ria.ru/analytics/20150724/1145591659.html> [Khrolenko, A. Konflikt interesov KNR i SSHa v Iuzhno-Kitaiskom more (PRC and USA Conflict of Interests in the South China Sea) // *RIA-Novosti*, 24.07.2015. Mode of access: <https://ria.ru/analytics/20150724/1145591659.html>]

⁶ January-December 2017 Report. Annual Piracy and Armed Robbery against Ships in Asia / RECAAP, 2018. Mode of access: [http://www.recaap.org/DesktopModules/Bring2mind/DMX/Download.aspx?Command=Core_Download&E](http://www.recaap.org/DesktopModules/Bring2mind/DMX/Download.aspx?Command=Core_Download&EntryId=605&PortalId=0&TabId=78)

⁷ Panda, Ankit. Chinese Vice FM Proposes New Regional Mechanism for South China Sea // *The Diplomat*, 27.03.2017. Mode of access: <http://thediplomat.com/2017/03/chinese-vice-fm-proposes-new-regional-mechanism-for-south-china-sea-states/>

⁸ The South China Sea Maritime Dispute: Political, Legal, and Regional Perspectives / edited by Leszek Buszynski and Christopher B. Roberts. New York, NY: Routledge, 2015.

⁹ Нгуен Динь Лиём. Вьетнам-китайские отношения и проблемы Южно-Китайского моря // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 6. – с. 72. [Nguen Din Liem. V'etnamo-kitaiskie otnosheniia i problemy Iuzhno-Kitaiskogo moria (Vietnam-China Relations and the Issues of South China Sea) // *Problemy Dal'mego Vostoka*, 2016, No. 6, p. 72.]

С формальной точки зрения в основе конфликта лежат накладывающиеся друг на друга претензии и противоречия о том, какие из государств, омываемых ЮКМ, имеют законное право на суверенитет над расположенными в данной акватории многочисленными островами, атоллами, банками и рифами.

Впервые на международный уровень вопрос об островах Южно-Китайского моря был вынесен в начале 1930-х годов после размещения на ближайших к территории Вьетнама островах Спратли гарнизонов французской колониальной администрации в Индокитае, а затем французо-вьетнамской оккупации всего Парасельского архипелага, что вызвало протесты со стороны гоминдановского Китая, считавшего эти территории своими¹⁰.

В период Второй мировой войны французы были вытеснены отсюда японскими войсками, использовавшими острова ЮКМ в качестве плацдарма для развития наступления в Юго-Восточной Азии.

После капитуляции Японии китайские власти установили знаки суверенитета на обоих архипелагах и разместили гарнизоны на островах Вуди и Иту Аба, которые, тем не менее, впоследствии были выведены с началом в Китае вооруженного противостояния между Гоминьданом и КПК.

Приоритет вопроса о принадлежности островов Южно-Китайского моря на внешнеполитической повестке дня резко возрос уже после образования Китайской Народной Республики в октябре 1949 г.

В 1951 г. Премьер Госсовета Чжоу Эньлай заявил, что острова Южно-Китайского моря являются частью КНР и в этой связи должны быть возвращены Китаю¹¹.

¹⁰ Канаев Е.А. Безопасность на основе сотрудничества в Восточной Азии и конфликт из-за островов Южно-Китайского моря : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Канаев Евгений Александрович ; науч.рук. А.М. Родригес-Фернандес; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2008. – 426 с. [Kanaev, E.A. Bezopasnost' na osnove sotrudnichestva v Vostochnoi Azii i konflikt iz-za ostrovov Iuzhno-Kitaiskogo moria (Security Based on Cooperation in East Asia and South-China Sea Conflict). Moscow, 2008. 426 p.]

¹¹ Степанов Е.Д. Экспансия Китая на море. – Москва: Международные отношения, 1980. –

Как отмечает Е.Д.Степанов, в 1960-х гг. Пекин, следуя установкам Чжоу Эньлая, сознательно шел на обострение отношений с рядом пограничных государств, в т.ч. и в ЮКМ¹². Подобная позиция в отношении неразрешенных территориальных споров, порой весьма жесткая, подавалась как попытка решить «вопросы, оставленные историей» в результате «несправедливых» действий колониальных держав¹³, что служило своеобразной ширмой для маскировки обширных территориальных притязаний Китая в проводимой им пограничной политике.

Пик обострения ситуации в ЮКМ пришелся на 1970-е годы: в 1974 г. Китай силой установил контроль над Парасельскими островами, а в 1988 г. – над частью архипелага Спратли, потеснив отсюда Вьетнам¹⁴.

Ослабление военно-политического присутствия США в регионе в 1980-1990 гг., происходившее параллельно с активной модернизацией НОАК, подтолкнуло КНР к дальнейшим активным действиям. В частности, в 1995 г. Пекин занял риф Мисчиф (находится в ИЭЗ Филиппин – военно-политического союзника США), таким образом впервые «посягнув» на территорию страны-члена АСЕАН (в то время Вьетнам, с которым Китай уже конфликтовал

160 с. [Stepanov, E.D. Ekspansiaia Kitaia na more (China's Sea Expanion). Moscow, 1980. 160 p.]

¹² Степанов Е.Д. Пограничная политика КНР: стратегические цели и тактические приемы. – Москва: Институт Дальнего Востока АН СССР, 1986. – 348 с. [Stepanov, E.D. Pogranichnaia politika KNR: strategicheskie tseli i takticheskie priemny (China's Border Policy: Strategic Goals and Tactical Moves). Moscow, 1986. 348 p.]

¹³ Ibid.

¹⁴ Канаев Е.А. Безопасность на основе сотрудничества в Восточной Азии и конфликт из-за островов Южно-Китайского моря : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Канаев Евгений Александрович; науч.рук. А.М. Родригес-Фернандес; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2008. – 426 с. [Kanaev, E.A. Bezopasnost' na osnove sotrudnichestva v Vostochnoi Azii i konflikt iz-za ostrovov Iuzhno-Kitaiskogo moria (Security Based on Cooperation in East Asia and South-China Sea Conflict). Moscow, 2008. 426 p.]

в Южно-Китайском море, еще не вступил в Ассоциацию)¹⁵.

Тем не менее, к началу XXI века в ситуации вокруг ЮКМ наметились и позитивные тенденции. В 2000 г. Китаю и Вьетнаму удалось достичь соглашения об установлении конкретной морской границы в Тонкинском заливе, являющегося одним из немногих успешных примеров политического урегулирования конфликтной ситуации в этом регионе.

Принятая в 2002 г. в Пномпене странами-членами АСЕАН и Китаем Декларация о поведении сторон в ЮКМ была направлена на сохранение сложившегося статус-кво, поддержание мира и стабильности ради сотрудничества и развития в условиях отсутствия какого-либо юридически обязывающего документа. Согласно Декларации, «заинтересованные стороны участвуют в разрешении территориальных споров мирными средствами, не прибегая к угрозам или применению вооруженных сил, путем дружественного обмена мнениями и переговоров между непосредственно участвующими сторонами и опираясь на общепринятые нормы международного права, включая Конвенцию по морскому праву 1982 года»¹⁶. Там также утверждается свобода судоходства и воздушных сообщений в ЮКМ. Участники обязались воздерживаться от любых действий, способных осложнить или усилить споры и повлиять на мир и стабильность в регионе. Успех удалось развить в августе 2017 г., когда главами внешнеполитических ведомств КНР и стран АСЕАН в ходе встречи в Маниле были официально приняты рамочные принципы юридически обязывающего кодекса поведения в Южно-Китайском море¹⁷.

¹⁵ Storey, Ian. Creeping Assetiveness: China, the Philippines and the South China Sea Dispute // *Contemporary Southeast Asia*, 1999, No. 1 (21), pp. 95-188.

¹⁶ Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea / ASEAN, 17.10.2012. Mode of access: http://asean.org/?static_post=declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea-2

¹⁷ Yinghui, Lee. A South China Sea Code of Conduct: Is Real Progress Possible? // *The Diplomat*, 18.11.2017. Mode of access: <https://>

Тем не менее, с середины 2009 г. в ЮКМ отмечено несколько всплесков напряженности, вызванных активизацией экономической деятельности (геологоразведочные работы на морском шельфе, хозяйственное освоение островов) Китая и Вьетнама в спорных районах, которые сопровождались значительным усилением их военного присутствия в этой зоне. «Серьезная обеспокоенность» Пекина звучала и в адрес российских нефтегазовых компаний, реализовывавших совместные с Вьетнамом проекты в «спорных» районах ЮКМ.

В течение долгого времени с начала территориальных споров в Южно-Китайском море непосредственно вовлеченные в них государства регулярно делали попытки преодолеть разногласия преимущественно в двустороннем формате, что в итоге так и не привело к каким-либо практическим результатам.

Причина «пробуксовки» во многом заключалась в двойственной позиции Пекина: с одной стороны, Китай действует как государство, придерживающееся Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.¹⁸ и согласное с ее положениями; с другой стороны – заявляет о восстановлении «исторической справедливости» и «исконной» принадлежности¹⁹ ему всех спорных архипелагов.

Несмотря на то, что Китай является не только участником Конвенции 1982 г., но и обоих дополнительных Соглашений к ней

thediplomat.com/2017/11/a-south-china-sea-code-of-conduct-is-real-progress-possible/

¹⁸ Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. / сайт ООН. Режим доступа: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf [United Nations Convention on the Law of the Sea / United Nations Website. Mode of access: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf]

¹⁹ Historical Proof of Chinese Rights for Spratly Islands / MFA of China. Mode of access: <http://www.mfa.gov.cn/chn/pds/ziliao/tytj/t10648.htm>

(1994²⁰ и 1995 г.²¹), его действия говорят о достаточно «пренебрежительном» отношении к упомянутым документам. Возможно, одной из причин этого стало игнорирование точки зрения Пекина, в частности, по вопросу ограничения права на проход военных кораблей через территориальные воды других государств (во многом по причине того, что это не отвечало интересам СССР и США) и ряда других тем в ходе III Конференции ООН по морскому праву (1973-1982 гг.), по итогам которой упомянутая конвенция и была принята²².

В основе позиции Пекина в отношении островов и акваторий ЮКМ лежит апелляция к так называемой ограничительной морской линии из 9 пунктов, которую еще в 1947 г. впервые обозначило правительство Чан Кайши, и требование признать суверенитет Китая над его «историческим морем».

Еще один аргумент китайской стороны заключается в том, что другие страны не предъявляли ранее претензий КНР в этой

связи, поэтому воды в рамках данной линии могут считаться «историческими» водами Китая²³.

Для доказательства статуса «исторических» акваторий Китаю требовалось предоставить убедительные факты давнего (по утверждениям китайской стороны, как минимум со второго века до нашей эры) владения этими водными пространствами.

Однако свидетельства, демонстрировавшейся в качестве правооснований (исторические хроники и документы, в т.ч. отчеты об экспедициях известного мореплавателя Чжэн Хэ²⁴, изображения на навигационных картах, косвенные упоминания островов в соглашениях XIX века и т.д.), выглядели весьма спорно. Тем более, как хорошо известно из истории, в XIX и начале XX вв. Китай не имел достаточных возможностей для обеспечения реального контроля над ЮКМ и ныне спорными архипелагами²⁵. Существует также целая серия альтернативных вьетнамских исторических свидетельств, при определенной трактовке свидетельствующих об исторической принадлежности ныне оспариваемых архипелагов Вьетнаму²⁶.

Кроме того, если и рассматривать ситуацию в ЮКМ с точки зрения исторических прецедентов, то большой интерес вызывают события 1885-86 гг., когда цинское правительство официально заявило, что Парасельские острова не являются территорией Китая, чтобы снять с себя ответственность за незаконно поднятый китайскими подданными в

²⁰ Соглашение об осуществлении Части XI Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года / сайт ООН. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agreement_impl_lawsea.shtml [Agreement relating to the Implementation of Part XI of the United Nations Convention on the Law of the Sea of 10 December 1982 / United Nations Website. Mode of access: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agreement_impl_lawsea.shtml]

²¹ Соглашение об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г., которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими / сайт ООН. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1293657> [United Nations Agreement for the Implementation of the Provisions of the United Nations Convention on the Law of the Sea of 10 December 1982 relating to the Conservation and Management of Straddling Fish Stocks and Highly Migratory Fish Stocks / United Nations Website. Mode of access: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1293657>]

²² Степанов Е.Д. Экспансия Китая на море. – Москва: Международные отношения, 1980. – 160 с. [Stepanov, E.D. Ekspansiiia Kitaia na more (China's Sea Expanation). Moscow, 1980. 160 p.]

²³ Dutton, P. An Analysis of China's Claim to Historic Rights in the South China Sea // Major Law and Policy Issues in the South China Sea / Ed. By Yann-huei, Keyuan Zou. Ashgate, 2014. Pp. 69-70.

²⁴ The Law of the Sea in the Asian Pacific Region: Developments and Prospects / edited by James Crawford. Dordrecht: Springer Netherlands, 1994. 284 p.

²⁵ Dutton, P. An Analysis of China's Claim to Historic Rights in the South China Sea // Major Law and Policy Issues in the South China Sea / Ed. By Yann-huei, Keyuan Zou. Ashgate, 2014. Pp. 69-70.

²⁶ Marwyn, S. Samuels. Contest for the South China Sea. London: Routledge, 2005. 224 p.

этой акватории затонувший груз меди, принадлежавший Великобритании²⁷.

Следует учитывать и то обстоятельство, что «девятипунктирная» линия как таковая не имеет четких географических ориентиров – изначально она содержала 11 пунктов, в 1953 г. два из них, проведенных в Тонкинском проливе, были убраны, а в 2013-2014 гг. издательство *SinoMaps Press* опубликовало уже официальные карты, где была прочерчена дополнительная – десятая – линия вокруг Тайваня. При этом наложения изданных в разные годы карт друг на друга показывало несовпадение географических координат этих линий²⁸.

В этой связи практически все эксперты по морскому праву, естественно, кроме китайских, считают подобную аргументацию малоубедительной.

Очевидно, что притязания такого характера вызвали неприятие со стороны остальных государств региона. В 2000-е гг. в ЮКМ произошла серия инцидентов с взаимным воспрепятствованием деятельности, изгнанием и задержанием научно-исследовательских и рыболовецких судов кораблями китайских ВМС с одной стороны и филиппинских и вьетнамских – с другой.

Отдельного внимания заслуживает весьма жесткая реакция КНР в ответ на внесение в мае 2009 г. филиппинского, а затем и совместного вьетнамо-малазийского обращения в Комиссию ООН по границам материкового шельфа. К немедленно направленной в ООН ноте протеста китайские власти приложили карту с обозначением так называемого «исторического моря» Китая,

²⁷ Канаев Е.А. Безопасность на основе сотрудничества в Восточной Азии и конфликт из-за островов Южно-Китайского моря : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Канаев Евгений Александрович ; науч.рук. А.М. Родригес-Фернандес; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2008. – 426 с. [Kanaev, E.A. Bezopasnost' na osnove sotrudnichestva v Vostochnoi Azii i konflikt iz-za ostrovov Iuzhno-Kitaiskogo moria (Security Based on Cooperation in East Asia and South-China Sea Conflict). Moscow, 2008. 426 p.]

²⁸ Rowan, Callick. Powder Keg in the Pacific // *Foreign Policy*, 22.08.2012. Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2012/08/22/powder-keg-in-the-pacific/>

охватывающего 80% акватории ЮКМ²⁹ и перекрывающего ИЭЗ большинства стран, претендующих на эти водные пространства: Вьетнама, Малайзии, Филиппин и Брунея. Удовлетворение требования КНР о признании ее суверенитета над акваторией Южно-Китайского моря в обозначенных там границах означало бы фактическое замыкание асеановцев в границах их собственных территориальных вод. Неудивительно, что подобная политика находит открытое противодействие со стороны Куала-Лумпура, Манилы и Ханоя, а также усложняет взаимодействие с другими странами-членами АСЕАН.

Еще одним фактором, вызывающим раздражение большинства стран-членов Ассоциации и недовольство США и их союзников в АТР (прежде всего, Японии), является реализуемая Китаем в настоящее время программа строительства авианосцев. В 2012 г. в состав ВМС КНР был включен первый авианосец «Ляонин» – достроенный и модернизированный крейсер «Варяг», выкупленный у Украины после распада СССР. В апреле 2017 г. на воду был спущен второй корабль, по своим характеристикам схожий с «Ляонином», но полностью китайского производства³⁰. Кроме того, в будущем планируется расширить число авианосцев до 4-6. Особое место уделяется и оснащению их самым современным высокоточным вооружением, в т.ч.

²⁹ Азиатско-Тихоокеанский регион: региональные проблемы, международные организации и экономические группировки. Справочник. – М.: Восток-Запад. – 2010. – с. 81. [Aziatsko-Tikhookeanskii region: regional'nye problemy, mezhdunarodnye organizatsii i ekonomicheskie gruppировки. Spravochnik (Asia-Pacific Region: Regional Problems, International Organizations and Economic Groups. Guide). Moscow: Vostok-Zapad, 2010.]

³⁰ Визингр Лукаш. Новые авианосцы. Китайский ученик превосходит своего учителя // *Россия сегодня*, 15.05.2017. Режим доступа: <http://inosmi.ru/military/20170515/239346234.html> [Vizingr, Lukash. Nove avianostsy. Kitaiskii uchenik prevoskhodit svoego uchitel'ia (New Aircraft Carriers. The Apprentice Surpassed the Master) // *Rossiia segondya*, 15.05.2017. Mode of access: <http://inosmi.ru/military/20170515/239346234.html>]

с использованием квантовых технологий и искусственного интеллекта³¹.

Существенное влияние на межгосударственные отношения в регионе оказало решение Третейской палаты Гаагского арбитражного суда по иску Филиппин против КНР от 12 июля 2016 г., признавшее исторические притязания КНР незаконными³². Арбитраж пришел к выводу, что их нелегитимность связана не с тем, что такого рода претензии противоречат нормам и положениям Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а с тем, что статус «исторических» вод может быть применим преимущественно к заливам и другим морским акваториям, прилегающим к берегу. В Конвенции 1982 г. содержится ссылка на «исторические заливы» (ст. 10³³), но акватория ЮКМ, где расположен целый ряд государств, никак не может быть с ними отождествлена. Исторические права КНР на ресурсы ЮКМ также были признаны необоснованными в связи с тем, что введенный Конвенцией институт 200-мильной ИЭЗ наделил все прибрежные страны юрисдикцией в области разведки и разработки живых и неживых ресурсов.

Кроме того, в документе подчеркивается, что статус «образований» ЮКМ определяется исключительно по их изначальному состоянию, без учета инженерных модификаций и насыпных работ. Таким образом, расширение территории такого «образования» за счет «отвоеванной» у моря земли не может считаться основанием для изменения его правового статуса.

В резолюции суда также подчеркивается, что согласно Конвенции, для признания

объекта островом необходимы доказательство возможности поддержания на нем жизнедеятельности без внешних поставок питьевой воды, продовольствия и иных ресурсов. Таким образом, деятельность по искусственному обеспечению жизнедеятельности на насыпных образованиях не приводит к изменению их правового статуса.

В этой связи острова Спратли – ни по отдельности, ни вместе взятые – не могут формировать вокруг себя расширенные морские зоны, т.к. юридически не являются островами. Все находящиеся выше уровня воды при приливе объекты арбитраж квалифицировал как «скалы» с возможностью установления лишь режима территориального моря вокруг них.

Суверенитет над остальными образованиями архипелага позволит, в лучшем случае, претендовать на установление лишь небольшой зоны безопасности вокруг них³⁴.

Несмотря на то, что Китай упорно повторяет тезис о непризнании им юрисдикции Третейской палаты Гаагского арбитражного суда в упомянутом выше вопросе и соответственно вынесенного им приговора (который, впрочем, так и не принес Филиппинам никаких реальных «дивидендов», кроме морального удовлетворения от «выигранного» процесса), представляется, что завершение этого судебного процесса может стать базой для начала нового этапа фактически замороженных до настоящего момента китайско-филиппинских переговоров.

Заметно, что новый Президент Филиппин Р. Дутерте готов отойти от курса своего предшественника Б. Акино на дальнейшую интернационализацию споров в ЮКМ и попытаться найти компромисс путем проведения двусторонних переговоров, используя решения Гаагского арбитража в качестве своеобразного козыря. Первым шагом в

³¹ Huang, Kristin. China Enlists Top Scientists in Mission to Become Military Tech Superpower // *South China Morning Post*, 26.01.2018. Mode of access: <http://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2130777/china-enlists-top-scientists-mission-become-military>

³² The South China Sea Arbitration (The Republic of the Philippines v. the People's Republic of China) // *PCA*, 12.07.2016. – Mode of access: <https://pcacases.com/web/sendAttach/1801>

³³ Panda, Ankit. Chinese Vice FM Proposes New Regional Mechanism for South China Sea // *The Diplomat*, 27.03.2017. Mode of access: <http://thediplomat.com/2017/03/chinese-vice-fm-proposes-new-regional-mechanism-for-south-china-sea-states/>

³⁴ Нгуен Динь Лиен. Вьетнамо-китайские отношения и проблемы Южно-Китайского моря // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 6. – с. 72. [Nguen Din Lien. V'etnamo-kitaiskie otnosheniia i problemy Iuzhno-Kitaiskogo moria (Vietnam-China Relations and the Issues of South China Sea) // *Problemy Dalmego Vostoka*, 2016, No. 6, p. 72.]

этом направлении стал его визит в КНР в октябре 2016 г.³⁵.

В то же время кардинального прорыва в филиппино-китайских отношениях, особенно политических, ожидать не стоит. В то же время с учетом снижения объемов помощи со стороны США после избрания президентом Д. Трампа Манила всерьез рассматривает возможность привлечения китайских инвестиций для финансирования планируемых Р. Дутерте масштабных инфраструктурных проектов. Тем более что подобное сотрудничество выгодно и КНР: в отличие от других «регионалов» Филиппины все еще не интегрировали свою экономику в китайскую.

При этом, естественно, отказываться от притязаний на спорные острова в пользу Китая Филиппины не собираются, пытаясь использовать их, сыграв также на противоречиях между Китаем и США, в своих экономических интересах. Так, в октябре 2016 г. в контексте улучшения двусторонних отношений Манила получила от КНР кредит в размере 24 млрд долларов США³⁶, а уже в апреле 2017 г. Президент Р. Дутерте распорядился занять ряд островов архипелага Спратли и обещал лично водрузить на о. Титу филиппинский флаг в День независимости страны (12 июня), хотя позднее изменил свое решение после протестов Пекина³⁷.

Вьетнамская позиция по проблематике ЮКМ сводится к приверженности сохранению мира и стабильности, неукоснительному соблюдению Декларации о поведении сторон в ЮКМ 2002 г., разрешению разногласий и возникающих проблем мирным путем на основе международного права,

³⁵ Philippines' Duterte Praises China on Beijing Visit // Channel NewsAsia, 19.10.2016. Mode of access: <http://www.channelnewsasia.com/news/asiapacific/philippines-duterte-praises-china-on-beijing-visit/3219034.html>

³⁶ Philippines, China Sign \$24-B Deals // *The Philippines Star*, 22.10.2016. Mode of access: <http://www.philstar.com/headlines/2016/10/22/1636102/philippines-china-sign-24-b-deals>

³⁷ Duterte Bows to China's Demand not to Raise Flag on Disputed Island // *The Japan Times*, 13.04.2017. Mode of access: <http://www.japantimes.co.jp/news/2017/04/13/asia-pacific/duterte-bows-chinas-demand-not-raise-flag-disputed-island/#.WRg5btLyhPa>

прежде всего, Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Китайские территориальные претензии на 80% акватории ЮКМ вызывают стойкое неприятие в СРВ.

В то же время Вьетнам готов вести переговоры для сглаживания территориальных противоречий в рамках подписанного в 2011 г. Соглашения о базовых принципах урегулирования проблем на море между СРВ и КНР. Эти принципы включают в себя:

- совместный поиск путей решения споров на основе действующих норм международного права;

- соблюдение прежних двусторонних договоренностей на высшем уровне и Декларации о поведении сторон в ЮКМ;

- формат переговоров по урегулированию споров: двусторонний в отношении Парасельских островов, «пять плюс один плюс один» (пять стран АСЕАН плюс Китай плюс Тайвань) для архипелага Спратли, многосторонний для обсуждения вопросов обеспечения мира и стабильности.

Позиция Малайзии, еще одного значимого участника конфликта в ЮКМ, несколько противоречива. С одной стороны, Куала-Лумпур выступает за мирное решение территориальных споров путем политических переговоров без использования военной силы или угроз ее применения «на основе солидарности стран АСЕАН и всех тех, кто их поддерживает»³⁸. С другой – воспринимая проблему территориальной принадлежности островов в районе штатов Сабах и Саравак как вопрос защиты суверенитета страны, малайзийские власти постоянно усиливают свое военное присутствие в этом регионе, а также разрабатывают более жесткие юридические процедуры в отношении судов, «незаконно вторгающихся» в ее территориальные воды.

Одновременно с этим в двусторонних отношениях с Пекином Куала-Лумпур в последнее время предпочитает избегать

³⁸ Han Guo Xiong David. Malaysia's South China Sea Policy: Contradictions or Domestic Confusion? / RSIS, 19.04.2016. Mode of access: <https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/rsis/co16088-malaysias-south-china-sea-policy-contradictions-or-domestic-confusion/#.WRgKbtLyhPY>

конфликтов, условно вынося противоречия в ЮКМ «за скобки» двустороннего взаимодействия и ограничиваясь «рутинными» протестами в адрес КНР (которые, тем не менее, обычно не афишируются и передаются по закрытым дипломатическим каналам)³⁹.

В то же время чуть ли ни единственным реальным способом выхода из сложившейся в регионе ситуации многие малазийские обозреватели видят максимальную интернационализацию конфликта и поиск решения в контексте американо-китайского противостояния в регионе.

Притязания Брунея, вступившего в конфликт в ЮКМ в 1984 г. и с тех пор участвовавшего в нем весьма пассивно, распространяются только на риф Луиза вблизи побережья этого государства. С учетом того, что риф шесть месяцев в году находится под водой, Бандар-Сери-Бегаван никогда не предпринимал попыток разместить там гарнизон.

Представляется, что территориальные претензии этого государства на указанный риф продиктованы скорее желанием получить некий предмет для политического торга как с Китаем, так и с партнерами по АСЕАН, нежели стремлением обеспечить свой реальный контроль (особенно с учетом военных возможностей) в этой части акватории Южно-Китайского моря. В будущем, впрочем, не исключен и вовсе постепенный отказ Брунея от своих притязаний и «перетекание» его в «прокитайский лагерь» в обмен на экономическую поддержку и инвестиции, а также включение его в китайский проект «Один пояс – один путь». По крайней мере, движение в этом направлении уже заметно: в апреле 2016 г. во Вьентьяне состоялась встреча министров иностранных дел КНР, Брунея, Лаоса и Камбоджи (известных «нарушителей» антикитайской АСЕАНовской солидарности в вопросе ЮКМ), по итогам которой, как сообщается, стороны смогли прийти к компромиссу в своих подходах к территориальному конфликту⁴⁰.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Brunei Takes a Back Seat in South China Sea Dispute // *The Economist*, 05.05.2016. Mode of access: <http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=1264194510&Country=Brunei&topic=Politics>

Также все более реальной становится вероятность подключения к территориальным спорам в ЮКМ и одного из ключевых государств в АСЕАН – Индонезии, не раз заявлявшей о своем безусловном суверенитете над островами Натуна (на сам архипелаг другие государства не претендуют, однако известная китайская «девятипунктирная линия» охватывает часть прилегающей к нему исключительной экономической зоны).

В целом, все более очевидны попытки ряда стран (например, КНР, США, Филиппин и др.) разыграть «карту ЮКМ» в своих политических или экономических интересах. Сам факт наличия конфликта, а также существенные события вокруг него (решение Третьей палаты Гаагского арбитражного суда, проходы кораблей, военные учения, развитие инфраструктуры в спорных акваториях) используются ими как своеобразные «козыри» в переговорном процессе. Не исключается возможность смягчения в будущем позиций ряда «регионалов» к этой проблеме в обмен на экономическую поддержку и совместные с КНР проекты.

К настоящему времени на международной арене сложились два основных подхода к урегулированию конфликта в ЮКМ: путем проведения переговоров только между его участниками (китайский вариант) или вывод проблемы за рамки региона ЮВА и обеспечение ее международно-правового решения, в первую очередь на основе Конвенции ООН по морскому праву (американо-филиппинский вариант).

Особый интерес вызывает эволюция позиции Филиппин после смены в стране высшего политического руководства. С избранием президентом Р. Дутерте во внешней политике Манилы, однозначно антикитайской и ориентированной на углубление партнерства с США и интернационализацию конфликта в ЮКМ, наметился поворот на «балансирование» между Пекином и Вашингтоном.

Стоит отметить невысокую работоспособность положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в практической пло-

cs&subtopic=Forecast&subsubtopic=International+relations&u=1&pid=2025237386&oid=2025237386&uid=1

скости, что связано, прежде всего, с желанием Пекина «подменить» правовые аспекты проблемы историческими, а также двойственным подходом Вашингтона, не подписавшего Конвенцию, но стремящегося «заставить» ее подписантов исполнять все ее положения в полном объеме.

Известно, что статья 60 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.⁴¹ дает возможность другим странам не исполнять нормы международного соглашения в отношении того государства, которое их нарушает. Во многом по этой причине развитие ситуации в регионе Южно-Китайского моря зачастую скатывается к формату «действие-противодействие» или же превращается в своеобразную «юридическую войну» (*legal warfare*).

В то же время, как представляется, потенциально перспективным вариантом сдвинуться «с мертвой точки» может стать создание региональной морской организации, которое позволит избежать дальнейшей интернационализации конфликта, но в то же время создаст международную площадку для обсуждения и поиска путей выхода из сложившейся ситуации исключительно заинтересованными сторонами.

Литература:

Азиатско-Тихоокеанский регион: региональные проблемы, международные организации и экономические группировки. Справочник. – М.: Восток-Запад. – 2010. – с. 81.

Венская конвенция о праве международных договоров / сайт ООН. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml

Визингер Лукаш. Новые авианосцы. Китайский ученик превосходит своего учителя // Россия сегодня, 15.05.2017. Режим доступа: <http://inosmi.ru/military/20170515/239346234.html>

Зеленева И.В. «Малаккская дилемма» и региональная безопасность в Юго-Восточной Азии // *Азия и Африка сегодня*. – 2017. – № 1.

⁴¹ Венская конвенция о праве международных договоров [Электронный ресурс] // сайт ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 17.10.2017) [Venskaja konventsiia o prave mezhdunarodnykh dogovorov (Vienna Convention on the Law of Treaties) [Electronic resource] // United Nations Website. – Mode of access: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (accessed 17.10.2017)

Канаев Е.А. Безопасность на основе сотрудничества в Восточной Азии и конфликт из-за островов Южно-Китайского моря : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Канаев Евгений Александрович ; науч.рук. А.М. Родригес-Фернандес; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2008. – 426 с.

Кашин В. Южно-Китайское море – Гаагский суд и военная напряженность // РСМД, 14.07.2016. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7924#top-content

Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. / сайт ООН. Режим доступа: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf

Кувалдин С. У Китая появился свой Крым // Газета.ру, 02.06.2015. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2015/06/02_a_6742713.shtml

Курыкова Е.С. Архипелаг Спартли в XXI в.: территориальные споры в Южно-Китайском море и претензии сторон // Молодость, интеллект, инициатива. – Витебск. – 2016.

Локишин Г.М. Южно-Китайское море: острова // *Азия и Африка сегодня*. – 2015. – № 9.

Неуен Динь Лиэм. Вьетнам-китайские отношения и проблемы Южно-Китайского моря // *Проблемы Дальнего Востока*. – 2016. – № 6.

Райков Ю.А. Южно-Китайское море: зона сотрудничества или акватория конфликтов // *Международная жизнь*. – 2013. – № 6.

Соглашение об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г., которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими / сайт ООН. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1293657>

Соглашение об осуществлении Части XI Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года / сайт ООН. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agreement_impl_lawsea.shtml

Степанов Е.Д. Пограничная политика КНР: стратегические цели и тактические приемы. – Москва: Институт Дальнего Востока АН СССР, 1986. – 348 с.

Степанов Е.Д. Экспансия Китая на море. – Москва: Международные отношения, 1980.

Brunei Takes a Back Seat in South China Sea Dispute // *The Economist*, 05.05.2016. Mode of access: <http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=1264194510&Country=Brunei&topic=Politics&subtopic=Forecast&subsubtopic=International+relations&u=1&pid=2025237386&oid=2025237386&uid=1>

Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea / ASEAN, 17.10.2012. Mode of access: http://asean.org/?static_post=declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea-2

Duterte Bows to Japan's Demand not to Raise Flag on Disputed Island // *The Japan Times*, 13.04.2017. Mode of access: <http://www.japantimes.co.jp/news/2017/04/13/asia-pacific/duterte-bows-chinas-demand-not-raise-flag-disputed-island/#.WRg5btLyhPa>

Dutton, P. An Analysis of China's Claim to Historic Rights in the South China Sea // *Major Law and Policy Issues in the South China Sea* / Ed. By Yann-huei, Keyuan Zou. Ashgate, 2014. Pp. 69-70.

Han Guo Xiong David. Malaysia's South China Sea Policy: Contradictions or Domestic Confusion? / RSIS,

19.04.2016. Mode of access: <https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/rsis/co16088-malaysias-south-china-sea-policy-contradictions-or-domestic-confusion/#.WRgKbtLyhPY>

Historical Proof of Chinese Rights for Spratly Islands / MFA of China. Mode of access: <http://www.mfa.gov.cn/chn/pds/ziliao/tytj/t10648.htm>

Huang, Kristin. China Enlists Top Scientists in Mission to Become Military Tech Superpower // *South China Morning Post*, 26.01.2018. Mode of access: <http://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2130777/china-enlists-top-scientists-mission-become-military>

January-December 2017 Report. Annual Piracy and Armed Robbery against Ships in Asia / RECAAP, 2018. Mode of access: http://www.recaap.org/DesktopModules/Bring2mind/DMX/Download.aspx?Command=Core_Download&EntryId=605&PortalId=0&TabId=78

Marwyn, S. Samuels. Contest for the South China Sea. London: Routledge, 2005. 224 p.

Panda, Ankit. Chinese Vice FM Proposes New Regional Mechanism for South China Sea // *The Diplomat*, 27.03.2017. Mode of access: <http://thediplomat.com/2017/03/chinese-vice-fm-proposes-new-regional-mechanism-for-south-china-sea-states/>

Philippines' Duterte Praises China on Beijing Visit // *Channel NewsAsia*, 19.10.2016. Mode of access: <http://www.channelnewsasia.com/news/asiapacific/philippines-duterte-praises-china-on-beijing-visit/3219034.html>

Philippines, China Sign \$24-B Deals // *The Philippines Star*, 22.10.2016. Mode of access: <http://www.philstar.com/headlines/2016/10/22/1636102/philippines-china-sign-24-b-deals>

Rowan, Callick. Powder Keg in the Pacific // *Foreign Policy*, 22.08.2012. Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2012/08/22/powder-keg-in-the-pacific/>

Storey, Ian. Creeping Assertiveness: China, the Philippines and the South China Sea Dispute // *Contemporary Southeast Asia*, 1999, No. 1 (21), pp. 95-188.

The Law of the Sea in the Asian Pacific Region: Developments and Prospects / edited by James Crawford. Dordrecht: Springer Netherlands, 1994. 284 p.

The South China Sea Arbitration (The Republic of the Philippines v. the People's Republic of China) // PCA, 12.07.2016. – Mode of access: <https://pcacases.com/web/sendAttach/1801>

The South China Sea Maritime Dispute: Political, Legal, and Regional Perspectives / edited by Leszek Buszynski and Christopher B. Roberts. New York, NY: Routledge, 2015.

Yinghui, Lee. A South China Sea Code of Conduct: Is Real Progress Possible? // *The Diplomat*, 18.11.2017. Mode of access: <https://thediplomat.com/2017/11/a-south-china-sea-code-of-conduct-is-real-progress-possible/>

References:

Agreement relating to the Implementation of Part XI of the United Nations Convention on the Law of the Sea of 10 December 1982 / United Nations Website. Mode of access: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agreement_impl_lawsea.shtml

Aziatsko-Tikhookeanskii region: regional'nye problemy, mezhnarodnye organizatsii i ekonomicheskie gruppirovki. Spravochnik (Asia-Pacific Region: Regional

Problems, International Organizations and Economic Groups. Guide). Moscow: Vostok-Zapad, 2010.

Brunei Takes a Back Seat in South China Sea Dispute // *The Economist*, 05.05.2016. Mode of access: <http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=1264194510&Country=Brunei&topic=Politics&subtopic=Forecast&subsubtopic=International+relations&u=1&pid=2025237386&oid=2025237386&uid=1>

Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea / ASEAN, 17.10.2012. Mode of access: http://asean.org/?static_post=declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea-2

Duterte Bows to China's Demand not to Raise Flag on Disputed Island // *The Japan Times*, 13.04.2017. Mode of access: <http://www.japantimes.co.jp/news/2017/04/13/asia-pacific/duterte-bows-chinas-demand-not-raise-flag-disputed-island/#.WRg5btLyhPa>

Dutton, P. An Analysis of China's Claim to Historic Rights in the South China Sea // Major Law and Policy Issues in the South China Sea / Ed. By Yann-huei, Keyuan Zou. Ashgate, 2014. Pp. 69-70.

Han Guo Xiong David. Malaysia's South China Sea Policy: Contradictions or Domestic Confusion? / RSIS, 19.04.2016. Mode of access: <https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/rsis/co16088-malaysias-south-china-sea-policy-contradictions-or-domestic-confusion/#.WRgKbtLyhPY>

Historical Proof of Chinese Rights for Spratly Islands / MFA of China. Mode of access: <http://www.mfa.gov.cn/chn/pds/ziliao/tytj/t10648.htm>

Huang, Kristin. China Enlists Top Scientists in Mission to Become Military Tech Superpower // *South China Morning Post*, 26.01.2018. Mode of access: <http://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2130777/china-enlists-top-scientists-mission-become-military>

January-December 2017 Report. Annual Piracy and Armed Robbery against Ships in Asia / RECAAP, 2018. Mode of access: http://www.recaap.org/DesktopModules/Bring2mind/DMX/Download.aspx?Command=Core_Download&EntryId=605&PortalId=0&TabId=78

Kanaev, E.A. Bezopasnost' na osnove sotrudnichestva v Vostochnoi Azii i konflikt iz-za ostrovov Iuzhno-Kitaiskogo moria (Security Based on Cooperation in East Asia and South-China Sea Conflict). Moscow, 2008. 426 p.

Kashin, V. Iuzhno-Kitaiskoe more – Gaagskii sud i voennaia napriazhennost' (South China Sea – Hague Court and Military Tensions) / RSMD, 14.07.2016. Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7924#top-content

Kuryakova, E.S. Arkhipelag Spartli v XXI v.: territorial'nye spory v Iuzhno-Kitaiskom more i pretenzii storon (Spratly Islands in the XXI Century: Territorial Disputes in the South China Sea and Participants' Claims) // Molodost, Intellect, Initsiativa. Vitebsk, 2016.

Kuvaldin, S. U Kitaia poiavilsia svoi Krym (China Has Got its Own Crimea) // *Gazeta.ru*, 02.06.2015. Mode of access: https://www.gazeta.ru/politics/2015/06/02_a_6742713

Lokshin, G.M. Iuzhno-Kitaiskoe more: ostrova razdora (South China Sea: islands of dispute) // *Azia I Afrika Segondya*, 2015, No. 9.

Marwyn, S. Samuels. Contest for the South China Sea. London: Routledge, 2005. 224 p.

Nguyen Din Liem. V'etnamo-kitaiskie otnosheniia i problemy Iuzhno-Kitaiskogo moria (Vietnam-China

Relations and the Issues of South China Sea) // *Problemy Dalnego Vostoka*, 2016, No. 6.

Panda, Ankit. Chinese Vice FM Proposes New Regional Mechanism for South China Sea // *The Diplomat*, 27.03.2017. Mode of access: <http://thediplomat.com/2017/03/chinese-vice-fm-proposes-new-regional-mechanism-for-south-china-sea-states/>

Philippines' Duterte Praises China on Beijing Visit // *Channel NewsAsia*, 19.10.2016. Mode of access: <http://www.channelnewsasia.com/news/asiapacific/philippines-duterte-praises-china-on-beijing-visit/3219034.html>

Philippines, China Sign \$24-B Deals // *The Philippines Star*, 22.10.2016. Mode of access: <http://www.philstar.com/headlines/2016/10/22/1636102/philippines-china-sign-24-b-deals>

Raykov, U.A. Iuzhno-Kitaiskoe more: zona sotrudnichestva ili akvatoriia konfliktov (South China Sea: zone of cooperation or waters of conflict?) // *Mezhdunarodnaya Zhizn*, 2013, No. 6.

Rowan, Callick. Powder Keg in the Pacific // *Foreign Policy*, 22.08.2012. Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2012/08/22/powder-keg-in-the-pacific/>

Stepanov, E.D. Ekspansia Kitaiia na more (China's Sea Expansion). Moscow, 1980. 160 p.

Stepanov, E.D. Pogranichnaia politika KNR: strategicheskie tseli i takticheskie priemy (China's Border Policy: Strategic Goals and Tactical Moves). Moscow, 1986. 348 p.

Storey, Ian. Creeping Assetiveness: China, the Philippines and the South China Sea Dispute // *Contemporary Southeast Asia*, 1999, No. 1 (21), pp. 95-188.

The Law of the Sea in the Asian Pacific Region: Developments and Prospects / edited by James Crawford. Dordrecht: Springer Netherlands, 1994. 284 p.

The South China Sea Arbitration (The Republic of the Philippines v. the People's Republic of China) // PCA, 12.07.2016. – Mode of access: <https://pcacases.com/web/sendAttach/1801>

The South China Sea Maritime Dispute: Political, Legal, and Regional Perspectives / edited by Leszek Buszynski and Christopher B. Roberts. New York, NY: Routledge, 2015.

United Nations Agreement for the Implementation of the Provisions of the United Nations Convention on the Law of the Sea of 10 December 1982 relating to the Conservation and Management of Straddling Fish Stocks and Highly Migratory Fish Stocks / United Nations Website. Mode of access: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1293657>

United Nations Convention on the Law of the Sea / United Nations Website. Mode of access: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf

Vienna Convention on the Law of Treaties / United Nations Website. Mode of access: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml

Vizingr, Lukash. Novye avianostsy. Kitaiskii uchenik prevoskhodit svoego uchitelia (New Aircraft Carriers. The Apprentice Surpassed the Master) // *Rossiia segondya*, 15.05.2017. Mode of access: <http://inosmi.ru/military/20170515/239346234.html>

Yinghui, Lee. A South China Sea Code of Conduct: Is Real Progress Possible? // *The Diplomat*, 18.11.2017. Mode of access: <https://thediplomat.com/2017/11/a-south-china-sea-code-of-conduct-is-real-progress-possible/>

Zeleneva, I.V. «Malakkskaia dilemma» i regional'naia bezopasnost' v Iugo-Vostochnoi Azii ("Malacca Dilemma" and Regional Security in South-East Asia) // *Azia I Afrika Segondya*, 2017, No. 1.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-3-88-100>

TERRITORIAL DISPUTES IN SOUTH CHINA SEA IN THE XXI CENTURY: EVOLUTION OF PARTICIPANTS' POSITIONS

Sergey V. Novoseltsev

*Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p>Received: 22 January 2018</p> <p>Accepted: 11 April 2018</p>	<p>Abstract: Territorial disputes in the South China Sea can be considered as one of the key conflictogenetic elements in South East Asia and Asia Pacific Region. The existence of unsolved territorial disputes itself has a significant impact on the East Asian regional sub-system of international relations. Close economic interconnection between China and the regional countries, which Beijing tries to use as a political instrument, makes the situation even more complicated. The article contains a brief analysis of the current condition of the long-standing conflict in South China sea, as well as its influence on the region and political processes in regional countries. The emphasis is made on the most important arguments of the involved parties and the evolution of their positions. A possibility for other states to join the conflict is also analyzed.</p>
<p>About the author: attaché, Russian Embassy in Singapore, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Candidate for the degree of Candidate of Political Science, MGIMO University</p> <p>e-mail: novoseltsev.s.v@my.mgimo.ru</p>	
<p>Key words:: South China Sea; conflict; Natuna; China; Philippines; Vietnam</p>	

Для цитирования: Новосельцев С.В. Конфликт в Южно-китайском море в XXI веке: эволюция позиций участников // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 3. – С. 88-100.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-88-100

For citation: Novoseltsev, Sergey V. Konflikt v Iuzhno-kitaiskom more v XXI veke: evoliutsiia pozitsii uchastnikov (Territorial Disputes in South China Sea in the XXI Century: Evolution of Participants' Positions) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 3, pp. 88-100.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-88-100

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-3-101-127>

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И ИНДО-ПАСИФИКОЙ (Часть I)

Материалы ситуационного анализа

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 25 апреля 2018</p> <p><i>Принята к печати:</i> 15 мая 2018</p>	<p>Аннотация: Редакция журнала «Сравнительная политика» публикует материалы ситуационного анализа, посвященного результатам анализа динамики и современного состояния развития российско-китайских отношений. На мероприятии выступили и приняли участие в дискуссии исследователи Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, Института Дальнего Востока РАН, Института Востоковедения РАН, Российского института стратегических исследований (РИСИ), Института политического и военного анализа, Института экономики РАН, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, НИУ ВШЭ, Национального комитета БРИКС. Ведущие российские эксперты обсудили современное состояние и перспективы российско-китайских отношений. Были затронуты вопросы трансформации политической власти в КНР и изменений 2018 г. в китайской конституции, рассмотрен вопрос о переходе РКО в новую стадию после марта 2018 г. (президентские выборы в России и поправки конституции в КНР), оценен период завышенных ожиданий России от Китая после украинского кризиса 2013 г., а также в целом были рассмотрены возможности для перехода к новому качеству двустороннего долгосрочного сотрудничества на основе прагматизма и взаимного интереса.</p>
<p>Ключевые слова: Россия; КПК; Китай; КНР; российско-китайские отношения; китайско-российские отношения; китайско-американские отношения; Тихоокеанская Азия; авторитаризм; демократия; китайская модель развития, социализм с китайской спецификой; китайская мечта</p>	

Центр комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России

При поддержке журнала «Сравнительная политика»

Предлагаем вниманию читателей материалы ситуационного анализа, проведенного 12 марта 2018 г в редакции журнала “Сравнительная политика” Центром комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России¹

На круглом столе выступили с докладами и выступлениями, а также представили тексты: Ананьина Кристина Александровна, аспирант МГИМО МИД России; Белокреницкий Вячеслав Яковлевич, д.и.н., заместитель директора Института востоковедения РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России; Виноградов Андрей Владимирович, д.полит.н., руководитель Центра политических исследова-

¹ Вторая часть материалов ситуационного анализа публикуется в № 4, 2018.

ний и прогнозов ИДВ РАН, главный научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России; Воронцов Александр Валентинович, к.и.н., доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России, заведующий отделом Кореи и Монголии Института Востоковедения РАН; Воскресенский Алексей Дмитриевич, д.полит.н., Ph.D., директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России; Галенович Юрий Михайлович, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник ИДВ РАН; Горбачева Валерия Олеговна, м.н.с. Центра российской стратегии в Азии Института экономики РАН, Советник Национального комитета по исследованию БРИКС; Дикарев Андрей Дмитриевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД России; Ефремова Ксения Александровна, к.полит.н., доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России; Карпов Михаил Владимирович, к.и.н., доцент Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; Киреева Анна Андреевна, к.полит.н., доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России; Колдунова Екатерина Валерьевна, к.полит.н. доцент, зам. декана Факультета МО, с.н.с. Центра АСЕАН МГИМО МИД России; Ларин Александр Георгиевич, к.и.н. ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН; Ломанов Александр Владимирович, д.и.н., главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН, главный научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России; Новосельцев Сергей Александрович, аспирант МГИМО МИД России; Портяков Владимир Яковлевич, д.э.н., заместитель директора ИДВ РАН; Толорая Георгий Давидович, д.э.н., профессор МГИМО МИД России, заведующий Центром российской стратегии в Азии Института экономики РАН, исполнительный директор Национального комитета по исследованию БРИКС; Федоровский Александр Николаевич, д.э.н., заведующий Сектором общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона, ведущий научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО

имени Е.М. Примакова РАН; Храмухин Александр Анатольевич, заместитель директора Института политического и военного анализа.

А.Д. Воскресенский. Наш сегодняшний ситуационный анализ, проводимый в форме круглого стола с дискуссией, результаты которого мы будем публиковать в No.3 и No.4, 2018 журнала «Сравнительная политика», предполагает оценку современного состояния и возможных путей эволюции российско-китайских отношений, влияния «китайского фактора» на современное состояние международных отношений в мире и в Восточной Азии. Оценка «китайского фактора» и китайской модели развития как важнейших в новых условиях конкретизируется в целом ряде сопутствующих вопросов:

– до какой степени и как можно опираться на Китай в условиях международных санкций;

– что это может значить конкретно в существующей внешнеполитической обстановке; – возможна ли односторонняя внешнеполитическая и военно-политическая опора на Китай;

– возможна ли дальнейшая кооперация с Китаем в военно-политической области и в какой степени? Каковы будут международно-политические и военно-политические последствия такой кооперации?

– заменит ли Китай США в современной системе международных отношений, если ответ положительный – то когда, если ответ отрицательный – то почему? Как в этой связи оценивать рост Китая?

– каковы последствия и перспективы российско-китайской «внешнеполитической связи» в международных отношениях, дипломатии, роли в военно-политических двусторонних отношениях и в региональном контексте, в том числе и в Евразии и АТР.

В последнее время в России и мире много говорят о наличии и перспективах развития российско-китайской «связки» как нового неформального инструмента международных отношений. Наличие и укрепление в нынешней обстановке российско-китайской «связки» определяется следующими условиями:

– формированием естественно-партнерских российско-китайских отношений в условиях тесного добрососедства;

– наличием важного, динамично растущего китайского рынка;

– возможностью импортировать из Китая машинно-техническую продукцию, недоступную для России в условиях санкций со стороны Запада;

- возможностью поставлять российские ресурсы Китаю с минимальными транспортными издержками;

- заинтересованностью Китая в подъеме российского Дальнего Востока как территории совместного развития;

- наличием внешнеторговой стратегии Китая, в которой России отведено место крупного приоритетного поставщика энергоносителей и сырья и, одновременно, российскому рынку как крупному рынку сбыта китайских товаров;

- возможностью для лесной промышленности и с/х России покрыть до 100% спроса Китая, а также его недостаток в пахотных землях;

- наличием приграничных территорий как важнейшего резерва более тесного экономического сотрудничества;

- жизненно важным характером торговли с Китаем для ДФО и некоторыми другими регионами России;

- наличием большого потенциала инвестиционного сотрудничества, а также сотрудничества в строительстве транспортной инфраструктуры;

- наличием «российского фактора» как важнейшего для усиления энергетической безопасности Китая.

Несмотря на то, что у аналитиков и политиков нет полной ясности как будут развиваться отношения между Россией и Китаем по мере усиления Китая, вышеуказанные положительные стороны укрепления российско-китайских отношений отмечают в той или иной степени практически все отечественные и даже международные аналитики. В тоже время и некоторые издержки укрепления наших отношений также становятся очевидными: по мере усиления идеологической и политической составляющей этих отношений ухудшаются отношения с технологически развитыми странами, российско-китайская «связка» многими позиционируется как важный инструмент усиления России в Юго-Восточной Азии, с другой стороны наличие такой связки в некоторых сферах взаимоотношений в Юго-Восточной Азии усиливает скрытое недоверие к России, т.е. внешнеполитические последствия такой «связки» для некоторых стран Юго-Восточной Азии представляются неясными, что сказывается на взаимоотношениях по линии Россия-АСЕАН, приводит к региональному сегментированию и уменьшает потенциал многостороннего трансрегионализма и регионализма, приносящих положительные экономические результаты от усиления экономического сотрудничества и взаимозависимости.

Некоторые аналитики отмечают возможность маргинализации всех других инициатив России за исключением идущих в основном русле вышеупомянутой «связки», а некоторые аналитики довольно прямолинейно утверждают, что в этой «связке» Россия выступает и будет выступать не в роли ведущего, а в роли ведомого.

Тем не менее, надо отметить, что Китай – очень сильный и перспективный партнер, и не смотря на все сложности развивающихся отношений, сближение между нашими странами продолжается, усиление китайского присутствия на российском Дальнем Востоке становится фактом современной жизни, китайское присутствие жидется не только на чисто экономических, рыночных, но и на политических интересах, нацелено во многих отраслях на вытеснение западных высокотехнологических компаний, на суживание сотрудничества между Россией и странами Запада. Китайский проект «один пояс – один путь» интересен и многообещающ, но чреват при этом сегментированием экономического пространства Центральной Азии. Очевидно, что Китай хочет большей глобальной роли, и Россия в целом приветствует усиление китайской роли в мире, но при этом место России в этой долгосрочной китайской стратегии не ясно, не ясно насколько Россия будет важна для Китая в долгосрочной перспективе. При этом становится все более очевидно, что зависимость России от Китая неуклонно увеличивается, а у России остается в основном реактивная роль на развитие событий по такому плану.

Существуют у аналитиков и другие, и даже прямо противоположные по оценкам точки зрения. Соответственно, мы должны констатировать, что переходный период в международных отношениях продолжается, мир выходит на переломную фазу своего развития, но стабильности, благополучия, определенности не становится больше. Все это требует тщательного обсуждения назревших вопросов, выработки взвешенных проработанных стратегий развития, т.е. обсуждения следующих конкретных вопросов:

- В какой мере усиление авторитарных тенденций в китайской политике будет влиять на РКО? Поправки в Конституцию КНР дают Си Цзиньпину возможность остаться у власти до 2027-28 гг. И еще после этого. Будет ли это фактором стабильности и предсказуемости РКО или фактором их усложнения?

- Можно ли утверждать, что после марта 2018 г. (президентские выборы в России и поправки конституции в КНР) РКО вошли в новую

стадию? Закончился ли период завышенных ожиданий России от Китая после украинского кризиса 2013 г.? Есть ли возможность для перехода к новому качеству двустороннего долгосрочного сотрудничества на основе прагматизма и взаимного интереса?

– Парадигма «западные санкции навсегда» – что она означает для России в развитии российско-китайских отношений (*далее РКО*)? Каким образом российская парадигма «западные санкции навсегда» может сочетаться с китайской концепцией «сообщество судьбы человечества»?

– Каковы возможные альтернативы роли Китая в развитии российского Дальнего Востока?

– При Си Цзиньпине произошла заметная трансформация китайской официальной идеологии. Это приблизило Китай к России – или наоборот отдалило две страны друг от друга? Нужно ли России «сообщество судьбы человечества» в китайском прочтении?

– США при Трампе провозгласили Китай и Россию «ревизионистскими державами», в отношении которых они будут проводить политику соперничества и сдерживания. Станет ли это внешним стимулом для укрепления РКО? Какой может быть китайский ответ, какой может быть российский ответ, какая возможная и предполагаемая степень схождения позиций Москвы и Пекина?

– Каковы перспективы совместной позиции РФ и КНР в решении проблемы Корейского полуострова? Каковы направления эволюции совместной позиции РФ и КНР по этому вопросу?

Эти вопросы мы предполагаем затронуть в первой части нашего ситуационного анализа. Обсуждение вопросов, как обычно, будет проходить в свободной форме, для восприятия удобства они разделены на логические блоки, но возможно и представление какой-либо более развернутой точки зрения по одному или нескольким объединенным вопросам.

В какой мере усиление авторитарных тенденций в китайской политике будет влиять на РКО? Поправки в Конституцию КНР дают Си Цзиньпину возможность остаться у власти до 2027-28 годов. Будет ли это фактором стабильности и предсказуемости РКО или фактором их усложнения?

А.В. Виноградов. Авторитаризм не всегда плохо, особенно, если лидер обладает высокими профессиональными, деловыми и нравственными качествами. Он может мобилизовать общество на решение как остро актуальных, так и перспективных задач. Известно, что все успешные

модернизации после первой, органической волны модернизации проводились незаурядными авторитарными лидерами. Это, кстати, относится не только к Китаю, но и, например, к Северной Корее, лидер которой принимает решения не только о реализации ракетно-ядерной программы, но и о начале и условиях переговоров с США, Республикой Корея и т.д.

Пока сохраняются хорошие личные отношения В. Путина и Си Цзиньпина, конструктивный дух межгосударственных отношений будет преобладать. Но зависимость политического курса от отдельного человека – это и главный недостаток авторитаризма. Нельзя не учитывать, что практически любой представитель следующего поколения китайских руководителей будет в значительной степени более прозападным.

К.А. Ефремова. На мой взгляд, решения третьего пленума ЦК КПК 19-го созыва, подтвержденные на первой сессии ВСНП 13-го созыва (отмена ограничения срока полномочий Председателя КНР и его заместителя, упоминание «идей Си Цзиньпина» в конституции КНР наряду с «идеями Мао Цзэдуна» и др.), безусловно, свидетельствуют об укреплении личной власти нынешнего главы государства, что является тревожной тенденцией по целому ряду причин.

Во-первых, демонстративное нарушение «заветов Дэн Сяопина» о регулярной сменяемости высшего руководства страны уничтожает относительно легитимный и предсказуемый механизм передачи власти, существовавший в КНР в 1990-х - 2000-х годах. Отказ от законодательного закрепления определённого срока полномочий главы государства открывает путь к пожизненному правлению, что ведёт к геронтократии которая, как известно, стала одним из факторов, обусловивших распад СССР. Пока Китаю до этого далеко, но перспектива прослеживается уже сегодня.

Во-вторых, кампания по борьбе с коррупцией (которая, по сути, направлена на устранение политических оппонентов Си Цзиньпина) ведёт к разгрому внутрипартийных фракций и выхолащиванию китайской элиты, которая могла бы принять участие в управлении государством. Если раньше фигура Председателя КНР определялась путём внутрипартийных дискуссий и компромиссов между различными политическими группировками, то теперь борьба за власть вступила в фазу острой конфронтации, когда к противникам применяются жёсткие репрессивные меры. Это существенно осложняет (если не сводит на нет) возможность диалога с различными внутриполитическими силами в Китае.

Что это значит для России? Во-первых, особую актуальность приобретают личные взаимоотношения между лидерами двух стран, поскольку в силу специфики сложившихся и у нас, и в КНР политических систем (хотя они, безусловно, разные) именно высшие должностные лица персонифицируют собой государство и, следовательно, принимают стратегические решения в области внешней политики. Во-вторых, если Си Цзиньпину удастся консолидировать власть, он будет чувствовать себя гораздо увереннее в реализации своих внешнеполитических инициатив, которые так или иначе затрагивают интересы России (и не факт, что китайцы будут считаться с нашими интересами). Нам придется учиться жить рядом с сильным Китаем и подстраиваться под его политику. И в-третьих, изменение конституции КНР может иметь демонстрационный эффект для других стран, что в целом, конечно, довольно удручающая перспектива.

М.В. Карпов. Мне представляется, что серьезного влияния на РКО усиление авторитарных тенденций в китайской политике не окажет. Это не станет ни фактором стабильности, ни фактором усложнения. РКО фундаментально зависят от ряда совершенно других факторов: объективного потенциала российско-китайского сотрудничества, динамики отношений между РФ и Западом, динамики развития социально-экономического и (предстоящего) политического кризиса в России. Хотя конкретные оперативные параметры формы, динамики и влияния этих факторов сейчас предсказать крайне трудно, в целом, весьма вероятно, РКО будут стагнировать и, возможно, усложняться.

Это связано, во-первых, с техническими пределами российско-китайского экономического взаимодействия. Критические различия в объемах экономик России (1,7% мирового ВВП в долларах США) и Китая (16% мирового ВВП в долларах США), структура товарооборота (низкая доля добавленной стоимости российского экспорта в Китай и невысокое качество добавленной стоимости китайского экспорта в Россию), различия в финансовых системах двух стран (относительная открытость российской финансово-экономической системы и закрытость таковой в КНР: неконвертируемость юаня по счету движения капиталов, несвободная процентная ставка, внутренний фондовый рынок как «вещь в себе» и т.д.), проблема прав интеллектуальной собственности играют здесь ключевую ограничительную роль. Кроме того, инвестиционное сотрудничество РФ и КНР тормозится в силу непригодно-

сти традиционных китайских инвестиционных стратегий для России. Широкое применение китайской рабочей силы на территории РФ явно неприемлемо для последней, в то время как большинство известных российских брендов вряд ли будут когда-либо проданы Китаю. Российскому бизнесу трудно проникнуть на китайский внутренний рынок в силу высокой закрытости последнего вследствие как административно-политических, так и структурных причин.

Во-вторых, серьезно усложняют российско-китайское взаимодействие культурно-цивилизационные различия между двумя странами и дефицит чисто технических знаний друг о друге. В частности, российский бизнес в массе своей лишь после провозглашения «Поворота на Восток» открыл для себя ту истину, что китайские банки не занимаются розничным кредитованием иностранных компаний в силу неконвертируемости юаня по счету движения капиталов. В равной мере не существовало должного уровня понимания того, как в реальности функционирует внутренний фондовый рынок КНР с его высоким уровнем сегментации и жестким административно-политическим регулированием.

В-третьих, оказалось, что Китай явно не готов оплачивать своими золотовалютными резервами граничащую с эпагажем непредсказуемость российской внешней политики после начала украинского кризиса. Резкое усложнение социально-экономической ситуации в России, начавшееся в конце 2014 г., перспективы политического кризиса в РФ, конфронтация последней с Западом в условиях политической риторики, превосходящей порой по градусу времени «холодной войны», западные санкции в отношении России и ее «контрсанкции» против Запада делают РФ в глазах КНР своего рода «токсичным активом», который не очень привлекательно использовать в полной мере даже в условиях усложнения и обострения отношений между Пекином и Вашингтоном.

В-четвертых, несмотря на наличие определенного личного взаимопонимания между российским и китайским лидерами (степень которого, кстати, я тоже не стал бы переоценивать), на более низовых уровнях двустороннего взаимодействия ощущается дефицит взаимного доверия, механизмов «тонкой настройки» и, подчас, элементарных технических знаний друг о друге. Тут вновь вступают в действие фундаментальные различия в культуре, менталитете, несовпадение реальных (а не официально провозглашенных) геополитических, геоэкономических и цивилизационных приоритетов. Известный ки-

тайский афоризм, характеризующий состояние российско-китайских отношений, «наверху горячо, а внизу холодно» в полной мере сохраняет свою актуальность.

А.А. Киреева. Для России и Китая прежде всего важны преемственность курса и консолидация политического лидерства в руках Си Цзиньпина, т.е. сохранение тесных связей между Си и Путиным, высокий уровень политических контактов и установленное доверие между высшими руководителями страны. Си Цзиньпин лично курирует политические отношения с Россией и на данном направлении существует эффективный механизм согласования на высшем уровне. При закреплении в Уставе КПК положения об идеях Си Цзиньпина и долгосрочной реализации Инициативы «пояса и пути» велика вероятность сохранения активного курса КНР, направленного на занятие доминирующих позиций в Азии и потенциально Евразии в свете реализации «китайской мечты» по возрождению в качестве великой мировой державы. Это оставляет открытым вопрос о равноправных отношениях между Россией и Китаем и реальных возможностях сопряжения ЕАЭС и ЭПШП.

А.Г. Ларин. Явный параллелизм между процессами усиления авторитаризма в России и Китае наводит на мысль, что эти процессы способны определенным образом стимулировать друг друга. Не лишне вспомнить, что тоталитарный «социалистический» строй в КНР создавался по советскому образцу. Сегодня сторонники «жесткой руки» в России ссылаются в качестве аргумента на успешный опыт развития Китая и призывают использовать этот опыт при принятии управленческих решений. Конечно, кое-что существенное из китайского опыта заведомо неприемлемо для российских властей, например, Государственная надзорная комиссия, призванная тщательно отслеживать и искоренять все проявления коррупции. Однако в целом идея наращивания авторитаризма, не исключая и равнение на Китай, близка российскому политическому классу и вполне приемлема для достаточно широких кругов общественности. Приверженцы авторитаризма вполне справедливо замечают: китайский пример опровергает известное теоретическое положение о том, что развитие рынка неизбежно ведет общество к торжеству демократических тенденций в политике.

Тем не менее, реальное влияние китайских авторитарных тенденций на российские фактически не прослеживается. Рост авторитаризма в России происходил на протяжении 90-х гг. про-

шлого века и более чем полутора десятилетий нынешнего под воздействием фундаментальных внутренних факторов – социальных, экономических, политических, исторических, личностных. Огромную роль тут сыграло становление и господство сталинизма. Тяготение к авторитаризму в РФ имело место и до прихода Си Цзиньпина, когда завинчивание гаек в КНР не наблюдалось. И не заметно, чтобы нынешние частые встречи и тесные личные отношения двух вождей как-то сказывались бы на усилении российского авторитаризма. В структуре РКО они стоят особняком, отражаясь в известной формуле: «наверху тепло, внизу прохладно». К тому же не стоит забывать, что, тяготея к авторитаризму, Россия вынуждена в то же время оглядываться на Европу: для Москвы важно продемонстрировать европейским странам свою приверженность демократическим ценностям.

Но вот влияние крутого управленческого стиля Си Цзиньпина на ход РКО выглядит достаточно правдоподобным. Опыт «поворота на Восток» показал, что Китай постарался извлечь экономическую выгоду из трудного положения России, оказавшейся в результате украинского кризиса в глубокой международной изоляции. И кредитная, и ценовая, и инвестиционная политика Пекина в этот период оказалась неблагоприятными для России. «Поворот на Восток» как способ скомпенсировать потери, понесенные Россией на Западе, не оправдал себя. Надо полагать, и в будущем экономическая политика Си Цзиньпина в отношении России не станет в большей мере учитывать ее интересы, если только Россия не сумеет укрепить свои международные экономические позиции.

А.В. Ломанов. Снятие конституционного ограничения на занятие поста председателя КНР более двух сроков подряд позволит Си Цзиньпину разработать курс реформ на длительную перспективу. Китайские элиты получили ясный сигнал, что борьба с коррупцией будет продолжена. Они не могут рассчитывать на смягчение этой политики после завершения в 2022 г. второго пятилетия правления Си Цзиньпина.

Си Цзиньпин уже обрел настолько высокий формальный статус государственного деятеля и партийного идеолога, что его влияние на китайскую политику, вероятнее всего, сохранится и после отставки со всех ныне занимаемых постов. Вместе с тем следует исходить из того, что преемственность политики при неизменности фигуры стоящего у власти лидера не предполагает полной консервации нынешнего курса. Ки-

тай переходит к новой стадии развития. Власти обещали к началу следующего десятилетия победить бедность и завершить строительство «общества малой зажиточности». Начавшийся после 19 съезда КПК второй пятилетний срок пребывания Си Цзиньпина у власти будет нацелен на решение этих задач и создание основы для осуществления в 2020 - 2035 гг. «базовой социалистической модернизации». Можно предположить, что после 2020 г. китайская политика претерпит заметные изменения, она станет еще более решительной и напористой. Чтобы эти перемены не стали неожиданностью для России, следует внимательно изучать новые политические концепции нынешнего китайского руководства.

Е.Н. Румянцев. В коммюнике 2-го пленума ЦК КПК 19-го созыва (январь 2018 г.) говорилось об «огромном значении» Конституции КНР, «исключительном внимании к ней» со стороны КПК, а также о том, что внесение в нее изменений – это «важное событие в политической жизни Китая»². Данные заявления свидетельствуют о серьезной эволюции руководства партии. Первая Конституция КНР была принята, как известно, только в 1954 г., то есть через пять лет после создания государства, по совету И.В. Сталина. Судя по мемуарам личного переводчика Мао Цзэдуна Ши Чжэ, проанализированным Ю.М. Галеновичем, впервые на эту тему И.В. Сталин высказался во время переговоров с Лю Шаоци – тогда вторым лицом в китайском руководстве в ходе визита последнего в Москву в июне-июле 1949 г.³ Во второй раз он поднял этот вопрос в беседе с Лю Шаоци в октябре 1952 г., когда тот во главе делегации КПК присутствовал на 19-ом съезде ВКП(б). И.В. Сталин, в частности, сказал: «Если вы не выработаете Конституцию, не проведете выборы, тогда враги смогут вести против вас пропаганду... двумя методами: во-первых, будут утверждать, что ваше правительство – это не правительство, избранное народом; во-вторых, будут говорить, что в вашей стране нет Конституции»⁴. В то же время Мао Цзэдун полагал, что «создание Конституции по сути означает отрицание ру-

ководства со стороны Коммунистической партии. Только дураки и антипартийные элементы могут отойти от партийного руководства и следовать Конституции»⁵.

Нынешняя Конституция КНР охарактеризована 2-м пленумом ЦК КПК как «хорошая Конституция, соответствующая условиям Китая, реальной ситуации, требованиям эпохи и развития». В то же время она должна «постоянно совершенствоваться и развиваться». Проводить в жизнь ее положения предписывается под «твердым руководством партии».

Действующий Основной закон КНР был принят в 1982 году, то есть вскоре после начала «политики реформ и открытости». Четырежды (в 1988, 1993, 1999 и 2004 гг.) в Конституцию вносились изменения. В ее преамбуле до марта текущего, то есть 2018, года были указаны «идеи Мао Цзэдуна», «теория Дэн Сяопина» и «важная идеология “тройного представительства”», сформулированная в период пребывания у власти Цзян Цзэминя. «Концепция научного развития», связанная с именем предшественника Си Цзиньпина Ху Цзиньтао, в Конституции КНР отсутствовала. В ходе только что закончившей свою работу сессии ВСНП эта «недоработка» была исправлена китайскими законодателями. «Идеи Си Цзиньпина о самобытном китайском социализме новой эпохи» на пленуме были представлены в качестве «новейшего достижения китаизации марксизма», «современного китайского марксизма» и «марксизма 21-го века». На 19-ом съезде КПК их появление было обосновано заслугами Си Цзиньпина в развитии «самобытного китайского социализма» после 18-го съезда КПК (2012 г.), а также «грандиозными» задачами партии на десятилетия вперед, усложнением международной ситуации и интересами «приближения Китая к центру мировой арены»⁶.

² Чжунгун шицзю цзе эр чжун цюаньхуй цзай цзин цзюйсин (В Пекине состоялся второй пленум ЦК КПК 19-го созыва) // «Жэньминь жибао», 20 января 2018 года.

³ Галенович Ю.М. За кулисами советско-китайских отношений. – М., 2018. – с. 328. [Galenovich, Yu.M. Za kulisami sovetsko-kitaiskikh otnoshenii (Behind the Scenes of Soviet-Chinese Relations). Moscow, 2018. P. 328.]

⁴ Ibid. С. 559.

⁵ Цит. по: Чжан Ицзе. Си Цзиньпин шоуши Дэн Цзян сыфа лань таньцзы (Си Цзиньпин наводит порядок в созданной Дэн Сяопином и Цзян Цзэминем прогнившей системе юстиции) // «Цяньшао», 2014, № 1, с. 28-31.

⁶ Си Цзиньпин. Цзюэшэн цюаньмянь цзяньчэн сяокан шэжуй доцной синь шидай чжунго тэсэ шэжуйчжуй вэйда шэнли. – Цзай Чжунго гунчандан ди шицзю цы цюаньго дайбяо дахуй шан дэ баогао (Победоносно завершить всестороннее строительство общества среднего достатка, добиться великих побед китайского самобытного социализма новой эпохи. – Доклад на 19-ом съезде Коммунистической партии Китая) // «Жэньминь жибао», 28 октября 2017 г.

Поскольку формулировка со словом «идеи» до этого использовалась в КПК только применительно к «теориям» Мао Цзэдуна, многие российские и зарубежные эксперты приходят к выводу о стремлении Си Цзиньпина поставить себя в истории Китая на место, по меньшей мере, столь же значительное, как то, которое современная официальная историография КПК/КНР отводит «великому кормчему». Видимо, в этом находят определенное отражение особенности политической культуры Китая, а также и некоторые личные качества китайского лидера.

Отношение партии и общества к этому «новейшему вкладу» Си Цзиньпина в марксизм, как и к самому марксизму, в современном Китае неоднозначно. На него влияют, в частности, воспоминания об «идеях Мао Цзэдуна» и последствиях их безудержной пропаганды и применения в Китае 1950-1970-х гг., мощная и длительная антикоммунистическая кампания, ведущаяся в расчете на население КНР США, другими странами Запада, Тайванем, китайскими антикоммунистами-эмигрантами. Можно здесь вспомнить и о хорошо известной в Китае судьбе теоретических изысканий КПСС относительно этапов построения социализма в СССР, «общем кризисе капитализма» и т.п.

Очевидно, что деление развития общества на этапы и, тем более, как в случае с «идеями Си Цзиньпина», на «эпохи» – это вопрос в теоретическом отношении весьма сложный, а в политическом – довольно скользкий.

Одна из причин появления «идей Си Цзиньпина», как представляется, лежит в относительной слабости его позиций в партии. В подобных условиях указанные «идеи» используются нынешним китайским лидером и его окружением в качестве еще одного инструмента укрепления своего положения. Обращает на себя внимание, что, в отличие от Мао, который предоставлял возможность пропагандировать свои «идеи» другим, включая высших руководителей того периода, Си Цзиньпин в ряде случаев занимается пропагандой собственных «теоретических достижений» лично. В их активном продвижении до сих пор не принимали заметного участия некоторые члены китайского высшего руководства.

Такая ситуация, скорее всего, объясняет и стремление Генерального секретаря ЦК КПК занять лично как можно больше руководящих постов (по подсчетам, в настоящее время их не менее двенадцати). Дэн Сяопин в свое время (1987-1990) довольствовался постом Председателя Центрального военного совета, а затем вплоть

до своей смерти в 1997 г. был почетным председателем Китайской ассоциации игры в бридж; именно находясь в этой должности, он назначил Ху Цзиньгао преемником Цзян Цзэминя на посту высшего руководителя Китая.

В настоящее время, с одной стороны, наличие желание ЦК КПК всячески продвигать «идеи Си Цзиньпина», причем не только в КНР, но и в иностранных государствах. С другой, в последнее время заметно и стремление в определенной степени приглушить пропаганду личности Си Цзиньпина и его «вклада в марксизм 21-го века». Получил известность эпизод, когда в провинции Гуйчжоу (до июля 2017 г. ее возглавлял один из фаворитов Си Цзиньпина Чэнь Миньэр) после 19-го съезда КПК появились лозунги, в которых нынешнего китайского лидера называли «великим вождем». Раньше так называли только Мао Цзэдуна. Однако очень быстро из Пекина поступило указание не использовать данное выражение. По сведениям из гонконгских источников, это было сделано по инициативе главного пекинского теоретика, члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ван Хунина. Один из курируемых им вопросов – забота об имидже Си Цзиньпина.

В документах КПК выдвинуто требование «изучать и применять идеи Си Цзиньпина в течение длительного времени». На практике, как представляется, это время будет ограничено периодом его пребывания на высших партийных и государственных постах. В дальнейшем, не исключено, их судьба мало чем будет отличаться от судьбы «идей», «теорий» и «концепций» его предшественников. Тем не менее, в ближайшие годы «идеи Си Цзиньпина о самобытном китайском социализме новой эпохи» будут играть заметную роль в китайской политике и, особенно, пропаганде.

Что касается отмены ограничений по срокам пребывания на высших государственных должностях, то эта часть «Предложений» ЦК КПК была опубликована только 25 февраля с.г., то есть менее чем за две недели до начала сессии ВСНП. Видимо, решение этого вопроса оказалось для Си Цзиньпина и его окружения еще более сложным: вопрос об «идеях Си Цзиньпина» уже обсуждался на 19-ом съезде КПК в октябре прошлого года, они были включены в устав партии, тогда как вопрос о сроке пребывания на посту главы государства официально на съезде не обсуждался. Конечно, были признаки, указывавшие на то, что ситуация развивается в этом направлении. Например, после 18-го съезда КПК (2012 г.) в китайских СМИ заметно меньше стали говорить о так называемых «поко-

лениях» руководителей КПК, а в последнее время упоминания о них, насколько можно судить, вообще исчезли со страниц центральных газет. Это понятно: поколения предполагают преемственность, а сейчас вопрос ставится в Пекине совсем по-другому.

В связи с этим можно вспомнить о существовании документа Канцелярии ЦК КПК «Временное положение о сроках пребывания руководящих кадровых работников партийных и государственных органов на занимаемых должностях» («党政领导干部职务任期暂行规定») от 10 июня 2006 года. В статье 2 данного документа указывается, что его действие распространяется на членов руководства ЦК КПК, Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей, Госсовета и Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая, а также нижестоящих партийных и государственных учреждений вплоть до уездных. Статьей 3 устанавливается срок пребывания на руководящих должностях в 5 лет. А статьей 6 определено, что руководящие работники, проработавшие на руководящей должности подряд два срока, более на эту должность «не рекомендуются, не выдвигаются и не назначаются».

Известно, что внесение вышеуказанных изменений в Конституцию КНР не встретило единодушного одобрения в партии и обществе. Отдельные заслуженные члены КПК, как известно, назвали их «фарсом»⁷.

От себя могу добавить, что сейчас в КНР лидеру партии и государства предоставлены неограниченные временем и законом полномочия. Это не может не привести к дальнейшему усилению в китайском обществе авторитарных тенденций. Весь мировой опыт, в том числе опыт Китая, говорит о том, что ничего хорошего из этого получиться не может.

На фоне снижения темпов экономического развития вышеуказанные авторитарные тенденции могут привести к усилению «напористости» во внешней политике КНР и вряд ли будут способствовать ее последовательности и стабильности, в том числе, в российско-китайских отношениях. Например, «арктическая стратегия» КНР представляет собой прямой вызов интересам России. В этой связи необходимо отметить звучащие в Китае заявления о том, что Северный морской путь якобы

является частью так называемого «Ледового шелкового пути»⁸.

Можно ли утверждать, что после марта 2018 года (президентские выборы в России и поправки конституции в КНР) РКО вошли в новую стадию? Закончился ли период завышенных ожиданий России от Китая после украинского кризиса 2013? Есть ли возможность для перехода к новому качеству двустороннего долгосрочного сотрудничества на основе прагматизма и взаимного интереса?

А.В. Виноградов. Надо уточнить, что главное – это не поправки к Конституции, а переизбрание Си Цзиньпина. Сможет он воспользоваться поправками или нет, будет неясно еще на протяжении, как минимум, 5 лет. Сегодня ясно одно – лидеры остались, значит, нет никакой новой стадии, а есть продолжение отношений, которые естественным, эволюционным образом уже перешли к долгосрочному сотрудничеству на основе прагматизма и взаимного интереса. Наши отношения прошли пик завышенных ожиданий, возникших после введения западных санкций. Китай становится мега-региональной державой, у него появляется больше возможностей и инструментов, он начинает вести себя по-другому, и одновременно с этим в отношениях с ним все меньше эмоций, не только у России.

А.Д. Дикарев. Непонятно, о каком еще новом качестве может идти речь. Наши отношения (в политическом плане в первую очередь) и так просто превосходны. Частота контактов между китайским и российским лидерами сама по себе отражает высокий уровень двусторонних отношений. Но о каком-либо военно-политическом союзе, да и просто союзе, речь как не шла, так и не идет и идти не будет несмотря на то, что Россия и Китай рассматривает как «самого важного и самого основного партнёра по стратегическому взаимодействию» в плане формирования сообщества «единой судьбы». В качестве подтверждения курса на «особые отношения» китайские официальные лица (Посол КНР Ли Хуэй) указывают, что «лишь с Россией у Китая есть всеохватные механизмы сотрудничества, в том числе на уровне глав государств, правительств, парламентов, армии, правящих партий...», установлены и развиваются связи с администрацией президента, местными властями, общественными организациями». Несмотря на это, существует экспертное

⁷ См., например: Russell Leadbetter. China's New Mao - Xi, Who Must Be Obeyed // *HeraldScotland*, March 4th, 2018.

⁸ См., например: Чжунго дэ бэйцзи чжэнцэ (Политика Китая в Арктике) // «Жэньминь жибао», 27 января 2018 года.

мнение (Ю. Тавровский), что в отношениях России и Китая как раз и недостает «архитектоники открытости» (开放格局), поскольку «до сих пор не появилось масштабных проектов, достойных двух великих соседних держав». Сходную мысль высказывает С. Караганов, отмечающий, что российско-китайским отношениям недостает «стратегической глубины». А ШОС, на которую возлагаются столь большие надежды, явно «полудремлет», уже давно и упорно все эксперты говорят, что движение по «экономической дорожке» ШОС практически не идет, несмотря на все заклинания о таковой необходимости. Несмотря на прозвучавшее в 2015 г. совместное обещание президентов стремиться к интеграции экономических пространств России и Китая, последующие дискуссии в этом смысле не дали практически никаких результатов.

И еще немного об экономических отношениях. Китай для России – важнейший внешнеторговый партнер. Россия – для Китая – просто один из более или менее важных, по товарообороту в лучшем случае входит в десятку, традиционный «сырьевой крен» сохраняется. Многие важнейшие с точки зрения подключения к Инициативе Пояса и Пути проекты или отменены, или в лучшем случае надолго заморожены, как, например, планы развития российского Дальнего Востока на китайские деньги и проект строительства высокоскоростной платной дороги из Казани в Москву за счет китайских инвесторов.

В итоге можно согласиться с мнением китайского эксперта (Янь Чэнь) о «постепенном расширении асимметрии между экономическим и политическим сотрудничеством двух держав». Это несоответствие часто считается самой главной проблемой, которая ставит под вопрос стабильность российско-китайских отношений.

«Китайские коллеги все время говорят об обоюдной пользе, но иногда возникают сомнения, что они вообще намерены принимать во внимание наши интересы», — сказал представитель российского правительства, жалуясь на трудности достижения компромиссов, если речь заходит о выгоде. В России сложилось убеждение, что, поскольку в Китае денег теперь много, а российская экономика в стагнации, то надо всячески подталкивать китайцев к тому, чтобы они «больше давали и меньше брали». Но заниматься благотворительностью в отношении России китайская сторона явно не намерена, коль скоро вкладывать средства в инфраструктуру даже гораздо более бедных стран (как, Камбоджа, например) в Китае не спешат.

М.В. Карпов. Завышенные ожидания от «Поворота на Восток» были связаны с неадекватной оценкой в РФ системных характеристик развития современного Китая и, в более широком контексте, неадекватностью внешней политики РФ последних трех лет, вызванной фундаментально ложной оценкой источников угроз для национальной безопасности России.

Судя по всему, ключевым источником такой угрозы рассматриваются ныне США и Запад в целом. Исламский фактор, потенциально китайское направление, равно как и ряд острейших внутренних проблем современной России (типичи существующей социально-экономической модели, износ инфраструктуры, серьезные проблемы с тем, что именуется социологами и антропологами «человеческим капиталом» и т.д.), очевидно, оцениваются как менее значимые источники угроз.

Эта ложная, с моей точки зрения, оценка, в свою очередь, обусловлена глубокой экзистенциальной травмой поражения СССР в «холодной войне» и его последующего распада, а также драматизмом постсоветской трансформации. Эти обстоятельства, как мне представляется, вызвали к жизни поистине «постмодернистский тренд» в оценках и самооценках значительной части российских политических элит, когда речь заходит о положении дел в России, места последней в современных мировых процессах и, в частности, в вопросах восприятия Китая и российско-китайских отношений. Говоря о «постмодернизме» в данном контексте, я имею в виду некий доминирующий в сознании большей части современных российских политических и экономических элит набор виртуальных и дискурсивных образов, весьма отличных от реальности и, более того, нежелание и даже страх иметь дело именно с реальностью. Страх этот, впрочем, непосредственно связан с опасениями утраты монопольного политико-экономического положения, «приватизированного» данной частью российских элит в ходе нелинейного процесса системной трансформации в постсоветской России. Конкретными проявлениями такого экзистенциального «постмодернизма», с моей точки зрения, можно считать паталогически нездоровый интерес современного официального российского политического дискурса к «российскому консерватизму», «православной цивилизации» и «русскому миру», всем мыслимым и откровенно немислимым формам «евразийства», «национальным скрепам» и т.д.

Образ современного Китая занимает весьма видное место в ослепительной череде этих «виртуальных реальностей». Говоря кратко, для немалой части российских политических элит Китай представляется своего рода «упущенным шансом Горбачева», который, якобы, вполне мог бы пойти по «китайскому пути» трансформации советской системы. Путь этот видится многими в современном политическом классе России как более успешный, результативный и социально приемлемый. Здесь и впечатляющие темпы экономического роста, и сохранение территориальной целостности, и значительное повышение веса КНР в международных делах. Повторюсь – данное восприятие современного Китая в России, характерное, кстати, как для многих сторонников антизападного «союза России и Китая», так и для тех, кто не испытывает особого доверия относительно истинных намерений КНР в отношении РФ, является в равной мере следствием «родовой травмы» распада СССР и технической неосведомленности (непонимания) особенностей системного развития современного Китая. Несколько лет назад я провел своего рода любительский опрос среди знакомых мне представителей российского управленческого класса, от которых доводилось постоянно слышать несколько набившую оскомину формулировку о том, что «вот китайцы, мол, молодцы». На мой вопрос, а в чем, собственно, китайцы молодцы, большинство опрошенных либо, как ни странно, затруднялись с ответом, либо начинали излагать свою версию происходящего в Китае и с Китаем, которая была весьма далека от противоречивых реалий современной КНР. Именно здесь, с моей точки зрения, лежат наиболее глубокие корни необоснованного энтузиазма российских управленцев после провозглашения «Поворота на Восток» и завышенных ожиданий от Китая.

А.А. Киреева. В политической сфере отношения и так в основном развиваются, основываясь на принципах прагматизма и взаимного интереса (полицентричный мировой порядок, оппозиция односторонним действиям США, оппозиция Западу).

Перехода на взаимовыгодную модель, при которой интересы обеих стран соблюдались бы в полной мере, пока не просматривается, в большинстве своем подписанные соглашения остаются лишь меморандумами о взаимопонимании, а китайская сторона стремится либо к получению контрольного пакета акций, либо к получению технологий, которыми она пока в той же мере не владеет (например, авиационные двигатели). Про-

ект по созданию широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета представляет собой пример того, когда Россия предоставляет технологии в сфере, в которой у нее сохраняется преимущество, а Китай обеспечивает сборку и в потенциале получает трансфер технологий. Заинтересованность российской стороны создавать совместные высокотехнологичные предприятия в сферах, в которых силен Китай, а Россия наоборот отстает (например, электроника, телекоммуникации, IT), в основном остается без ответа: Китай стремится продавать готовую продукцию, что подкрепляет его более высокое место и участие в ЦДС в этих сферах. В политической сфере новое качество отношений могло бы означать или трансформацию стратегического партнерства в полноценный альянс, в чем сейчас не заинтересованы обе стороны, или проведение доверительного и откровенного диалога по вопросам трансформации мирового и регионального порядка и его структуры, того, что стороны понимают под будущей полицентричной конфигурацией, как они видят место своего партнера в ней и какие действия они считают необходимыми в этой связи. Пока же, несмотря на высокий уровень политического доверия между лидерами России и Китая, следует констатировать либо недостаточный уровень глубины стратегического диалога, либо его полное отсутствие.

В.Я. Портяков. Критерием перехода в «новое» качество отношений могли бы стать принципиальная диверсификация структуры российского экспорта в КНР при одновременном росте его объема (удвоение и более), массовый приход китайских инвестиций в отрасли перерабатывающей промышленности в РФ и, наконец, целенаправленная координация политики двух государств по отношению к США.

Что касается Украины и последствий украинского кризиса, то период завышенных ожиданий России о возможном углублении сотрудничества с Китаем на этом фоне в основном закончился. Закончился и период сдержанности Пекина в развитии связей с Украиной. Она вернулась на место достаточно важного и перспективного партнера КНР, в т.ч. в реализации инициативы экономического пояса «Шелкового пути». Симптоматично, что одна из глав Доклада о ходе строительства «пояса и пути» – 2018, изданного в виде «Синей книги» Академией общественных наук Китая, посвящена развитию отношений Китая с Украиной. Двусторонний товарооборот в 2017 г. вырос почти на 10% и достиг 7,38 млрд долларов, при этом экспорт КНР в Украину увеличился на 19,5% – до 5,04 млрд долларов.

Е.Н. Румянцев. «Завышенные ожидания» от Китая по-прежнему без всяких на то реальных оснований подпитываются определенными политическими силами в нашей стране. В частности, западные санкции используются ими для подталкивания России в сторону Китая, к расширению экономического «сотрудничества», приносящего нашему стратегическому партнеру односторонние выгоды, и даже вступлению с ним в военный союз. При этом, как известно, позиция китайской стороны заключается в невступлении в союзы вообще. Что касается союза с нашей страной, то китайскими учеными и политиками неоднократно высказывалась позиция, суть которой сводится к тому, что в прошлом такой союз не принес Китаю ничего хорошего. С этим утверждением, естественно, не согласиться невозможно. Здесь маячит еще один вопрос: а что принес в прошлом союз с Китаем нашей стране?

Переход к «новому качеству двустороннего сотрудничества» в наших отношениях теоретически возможен, однако для этого российским властям необходимо в качестве первого шага принять меры к прекращению или взятию под жесткий контроль некоторых «видов деятельности» китайских государственных и частных коммерческих структур в нашей стране, в первую очередь, в ее восточных районах. Речь идет о вырубке лесов, китайском въездном туризме⁹, о происходящем в районе Байкала, сдаче китайцам в аренду больших массивов земель сельхозназначения и др. Особого внимания заслуживает упорное нежелание китайской стороны что-либо менять в структуре двустороннего товарооборота.

Г.Д. Толорая, В.О. Горбачева. Роль Китая в становлении пост-западного мира – центральная, поскольку именно Китай является тем центром притяжения, вокруг которого формируется коалиция государств, так или иначе не согласная с нынешним порядком. Россия также претендует на авангардную или одну из центральных ролей в этом процессе, и даже более агрессивно, в связи с крайне ухудшившимися отношениями с Западом.

⁹ Александрова М.В., Зайцева Т.Р., Заклязьминская Е.О. Въездной туризм из КНР в Россию: современное состояние, проблемы и опасности // Китай: политика, история, культура. К 85-летию Ю.М. Галеновича. М., 2018. С. 130-162. [Aleksandrova, M.V.; Zaitseva, T.R.; Zakliaz'minskaia, E.O. V'ezdnoi turizm iz KNR v Rossiui: sovremennoe sostoiianie, problemy i opasnosti (Inbound Tourism from China to Russia: Current Status, Problems and Dangers) // Kitai: politika, istoriia, kul'tura. K 85-letiiu Iu.M. Galenovicha. Moscow, 2018. Pp. 130-162.]

Но, будем откровенны, сил у нее для реализации такого подхода маловато, и без привлечения на свою сторону крупнейших восходящих стран успеха России не добиться.

Китайцы всё же прислушиваются к нашим мыслям и идеям по поводу геополитических проблем, в том числе изменения структуры глобального управления, тех организаций и форматов, которые задействованы в этом и их развития. Именно в рамках таких форматов наше взаимодействие может быть наиболее эффективным. При этом имеющиеся региональные структуры, где мы сотрудничаем наиболее активно, – такие как БРИКС, ШОС, Большое Евразийское партнерство, все же сосредоточены не на глобальных проблемах, а на региональных, на отношениях с отдельными странами в ареале взаимодействия Китая и России. А сотрудничество на подлинно глобальном уровне пока не активизировано.

Парадигма «западные санкции навсегда» – что она означает для России в развитии РКО? Каким образом российская парадигма «западные санкции навсегда» может сочетаться с китайской концепцией «сообщество судьбы человечества»?

А.В. Виноградов. Во-первых, западные санкции не навсегда. В момент принятия они могли показать нашему политическому классу важность Востока, заставили Россию впервые попытаться по-настоящему реализовать потенциал отношений с азиатскими странами. Теперь, через 4 года, «открыв Восток», имея опыт более интенсивного развития отношений с ним, мы по-новому понимаем важность Запада. Для России необходимо использовать весь спектр возможностей для развития, отношения с Западом важны и для выстраивания отношений с Китаем.

После фазы универсализма мир вступил в фазу идентичности. Для России неприемлемы как «общечеловеческие», либеральные ценности, так и любая другая универсалистская крайность. У России своя идентичность, которую она защищает. В.Путин ясно высказался на этот счет: «А зачем нам такой мир, если там не будет России?» В отношениях с Китаем, в силу их особого характера, эта мысль может быть изложена в более мягкой форме.

К.А. Ефремова. «Сообщество единой судьбы человечества» – это, в первую очередь, представление китайцев о новой роли Китая в мире. Какая роль отводится России в рамках данной концепции? Согласны ли мы с этой ролью? Должны ли мы следовать в русле официальной

китайской идеологии и политики? Не лучше ли нам было бы предложить альтернативу «сообществу единой судьбы человечества», хотя бы в виде классической отечественной концепции евразийства, либо какой-либо более современной инструментальной концепции международного взаимодействия? Всё это дискуссионные вопросы, без ответа на которые нельзя выработать осознанное отношение к обоим парадигмам.

М.В. Карпов. Исхожу из того, что западные санкции - не навсегда. Предстоящий в России социально-политический кризис может серьезно видоизменить текущее геополитическое само-позиционирование России с перспективой смягчения (отмены) санкционного режима. Парадигма «западные санкции навсегда» в плане практической политики никак не сочетается с китайской концепцией «сообщества судьбы человечества». В плане же «постмодернистских» и политико-пропагандистских рассуждений о «сопряжениях» и «концептуальных сочетаниях» можно говорить без конца.

А.Г. Ларин. Продление и увековечивание западных санкций означает тяжелый удар по российской экономике, поскольку отрезает ее от достижений западного мира, в то время как сама Россия не в состоянии построить современную экономику, способную генерировать инновации или хотя бы легко абсорбировать их. Из этого следует, что Россия обречена на научно-техническое и технологическое отставание от развитых стран, а также и от Китая, начинающего длительный рывок в сфере научно-технологического творчества.

При этом необходимо иметь в виду, что приобретение Россией новой высокотехнологической продукции в Китае не может служить для нее панацеей: Китай сам пока во многом отстает от Запада. К тому же он не готов поставлять в Россию все, что производит, не говоря уже о проблеме цен в случае, когда он становится монополистом.

«Сообщество единой судьбы человечества» – это красивый пропагандистский лозунг, призванный нейтрализовать беспокойство, вызванное в целом ряде стран активной экономической экспансией КНР. Тревогу вызывает стремление Китая сосредоточить в своих руках значительную долю мировых поставок сырья, а также взять под контроль промышленные потенциалы ряда стран и регионов. Заметим, однако, что во многих случаях предлагаемое Пекином экономическое сотрудничество отвечает интересам его партнеров, хотя и сулит им однобокое (сырьевое) развитие: альтернативных вариантов

развития у них попросту нет. Такие случаи Пекин в определенных обстоятельствах может подавать как зародыш и как пример строительства «сообщества единой судьбы». Тем не менее, формула «сообщества единой судьбы» пока не получила признания в мировом сообществе и не пригодна для анализа международных процессов: в ней слишком много идеализма. Кроме того, она заведомо несет в себе риск прийти в результате к доминированию Пекина.

В.Я. Портяков. Перспектива превращения западного санкционного режима против России в постоянный в долгосрочной перспективе объективно повышает интерес России к Китаю как к наиболее вероятной замене Запада. Думаю, что по сей день такой вариант серьезно не рассматривался, все ждали возвращения ситуации «на круги своя». Однако, похоже, придется всерьез и надолго повернуться на Восток, в связи с чем нужна последовательная целенаправленная работа с производителями техники для России в Китае с целью обеспечения надлежащего качества поставляемой продукции. Что касается концепции «сообщества единой судьбы человечества», то она скорее призвана играть роль философской платформы «мирной внешней политики Китая» и прямого отношения к теме существования России во враждебном окружении не имеет.

Каковы возможные альтернативы роли Китая в развитии российского Дальнего Востока?

К.А. Ефремова. Надо рассуждать не об «альтернативе роли Китая», а об «альтернативной роли Китая» в развитии Дальнего Востока. Китай, безусловно, будет (и должен) присутствовать в этом регионе, весь вопрос заключается в том, как поставить его присутствие под эффективный российский контроль. Надо бороться не с китайским присутствием, а с коррупцией в рядах российских чиновников, продающих родину китайцам по сходной цене. Надо ставить под жесткий контроль китайские инвестиционные проекты — они необходимы, но при этом они не должны угрожать экологии Дальнего Востока или трансформироваться в экстерриториальные зоны, где царит китайская организованная преступность. Все эти проблемы можно решить при наличии политической воли и определённого финансового ресурса.

Что же касается альтернатив самому Китаю, то это зависит от того, какие страны будут готовы участвовать в развитии российского Дальнего Востока. Это не обязательно должны быть только наши ближайшие соседи – Япония и Южная Ко-

рея. Возможно, таким инвестором захочет стать Индия — наш стратегический партнёр, уже сейчас активно проникающий на российский рынок углеводородов. Но, откровенно говоря, если не брать в расчёт Евросоюз и США, то я не вижу других потенциальных инвесторов для Дальнего Востока, сопоставимых с Китаем по экономической и финансовой мощи. Их просто нет. А Евросоюз и США в развитии российского Дальнего Востока участвовать не будут по вполне определённым причинам. Поэтому нам в любом случае придётся ориентироваться на Китай.

А.В. Виноградов. Здесь два вопроса. Первый, альтернатива Китаю есть в лице других восточноазиатских стран, но она невелика, т.к. Китай крупнейший потребитель наших природных ресурсов в регионе. Второй, альтернатива роли тоже существует, но она еще меньше, потому что практически для всех стран региона Россия, прежде всего, поставщик природных ресурсов, что ее, конечно, не устраивает. Реальная альтернатива – внутренняя. Либо это особый статус ДВФО с гораздо более широкими правами и полномочиями для того, чтобы он мог открыть и реализовать свои конкурентные преимущества в динамично развивающемся регионе. В 2000-е гг. такой проект был невозможен из-за синдрома распадающегося государства, которое надо было сохранить, а не давать регионам новые полномочия. Сейчас для реализации такого проекта условия более благоприятные. Либо особая федеральная программа развития Дальнего Востока, ориентированная на целенаправленное создание здесь самых современных секторов экономики и технологий, и тоже обязательно особый статус.

М.В. Карпов. Насколько я понимаю, реальную роль КНР в развитии современного российского Дальнего Востока не следует преувеличивать. Альтернативы есть всегда – США, Япония и т.д. Другой вопрос, насколько эти альтернативы реальны в текущей ситуации – учитывая динамику российско-американских и российско-японских отношений, состояние инфраструктуры и инвестиционного климата на российском Дальнем Востоке и т.д.

А.А. Киреева. Япония и Южная Корея представляют собой две промышленно и технологически развитые страны, которые могут в большей степени удовлетворить потребности региона в глубокой модернизации. Проекты, на которые должен быть направлен фокус сотрудничества с этими странами – это промышленное производство, инновации и технологии, сфера услуг, медицина, комфортная городская среда, сельское

хозяйство, аквакультура, судостроение, глубокая переработка ресурсов. Не подлежит сомнению, что интересы этих стран, так же, как и Китая, лежат в сфере энергетического сотрудничества. С Китаем помимо энергетики перспективные сферы, прежде всего, включают глубокую переработку ресурсов, создание совместных предприятий и совместные исследования (research & development) в компаниях, занимающихся как промышленным производством, в котором у обеих стран есть потенциал к технологическому обмену (например, нефтехимия), так и сферой услуг, информационно-коммуникационной сферой. Хотя в последнее время можно наблюдать отдельные проекты со странами АСЕАН, в особенности с Сингапуром, и с Индией, сложно представить эти страны системными инвесторами в Дальний Восток.

Перспективы реализации этой кооперации в значительной степени зависят от целого ряда факторов, прежде всего, от способности Москвы и регионального правительства ДВФО улучшить инвестиционные условия, преодолеть тренд оттока населения и привлечь дополнительную рабочую силу. В силу более высокого уровня технологического развития для создания современного высокотехнологичного и инновационного кластера на Дальнем Востоке более привлекательными представляются Япония и Южная Корея. Отношения с этими странами, однако, помимо проблем российского бизнес-климата длительное время осложнялись взаимосвязанностью политических и экономических отношений. Япония увязывала широкомасштабные инвестиции и экономическое сотрудничество с необходимостью решения территориального спора по поводу Курильских островов на приемлемых для Японии условиях, а Республика Корея в течение периодов нахождения у власти консервативных президентов Ли Мен Бака и Пак Кын Хе стремилась получить поддержку России для оказания максимального давления на КНДР. В отношениях с Китаем же подобные сдерживающие факторы отсутствовали. В то же время, 2016 и 2017 гг. существенно изменили атмосферу двухсторонних отношений с Японией и Республикой Корея соответственно. Синдзо Абэ предложил повестку из восьми пунктов по развитию экономических контактов с Россией в 2016 г., и значительная часть усилий сконцентрирована на Дальнем Востоке и Владивостоке. Пришедший в 2017 году к власти в РК Мун Чжэ Ин, посетив Восточный экономический форум в сентябре 2017 г., предложил навести «девять мостов сотрудничества» и заверил В.Путина

в том, что Южная Корея является приоритетным партнером для развития Дальнего Востока. В отношениях и с Японией, и с Южной Кореей ставится цель перехода на новое качество взаимодействия. В этой связи возрастают перспективы того, что России при условии проведения грамотной политики удастся сделать прогресс в расширении сотрудничества для развития Дальнего Востока с тремя ключевыми игроками – Китаем, Японией и Республикой Корея, и избежать сползания в чрезмерную зависимость от Китая.

А.Г. Ларин. Практически реализуется единственный вариант: Китай выступает как потребитель (импортер, добытчик) природных богатств российского Дальнего Востока: энергоносителей, минерального сырья, биологических ресурсов. В будущем, возможно, и как реэкспортер (или партнер по экспорту) дальневосточной продукции на мировой рынок.

Заманчивой целью является привлечение китайского капитала для переработки российского сырья, в идеале – глубокой переработки, а также для строительства на Дальнем Востоке современной промышленности: высокотехнологичных производств, информационных технологий. Но для этого прежде всего необходимо, чтобы там был создан привлекательный инвестиционный климат. Пока решение этой задачи идет без особых успехов, и не факт, что это вообще возможно сделать, не оздоровив принципиальным образом инвестиционный климат во всей стране.

Вторым условием будет согласие Китая своими капиталами способствовать созданию на российском Дальнем Востоке мощного современного промышленного кластера, о чем давно говорят некоторые российские экономисты. Согласие Китая не гарантировано. Но это – не решающее условие: в конце концов, на одном инвесторе свет клином не сошелся.

При Си Цзиньпине произошла заметная трансформация китайской официальной идеологии. Это приблизило Китай к России – или наоборот отодвинуло две страны друг от друга? Нужно ли России «сообщество судьбы человечества» в китайском прочтении?

Ю.М. Галенович. С 1 по 3 декабря 2017 г. в Пекине ЦК КПК провел первый в истории международный форум, посвященный политическому диалогу между КПК и различными партиями других стран. Это произошло всего месяц с небольшим спустя после 19 съезда партии. Очевидно, что это сделано как часть осуществления политического курса ЦК КПК по итогам 19 съезда

партии. Партия нацелена на осуществление своей глобальной стратегии. Частью этой стратегии в настоящее время считается постоянная работа со всеми политическими партиями в мире. Это – часть того, что именуется в КПК-КНР осуществлением политики открытости Китая. КПК-КНР больше не замыкаются в своей «скорлупе», и не отделяют себя от других политических партий, не подчеркивают различия между коммунистическими и не коммунистическими партиями, но намерены выходить в мир по всем направлениям, во всех областях человеческой деятельности.

Это – часть глобального наступления, активной деятельности КПК-КНР в сфере политики, идеологии, пропаганды. Пропагандировавшийся ранее, а, точнее, предназначенный для введения в заблуждение «остального человечества», призыв «не проявлять активности (не высовываться)», то есть период своего рода пассивности, считается законченным, выполнившим свои задачи, завершившимся. КПК-КНР, по мнению их руководства, накопили достаточно сил, а в мире произошли изменения в соотношении и расстановке сил настолько, чтобы перейти от пассивной политики, то есть от накопления сил, к активной политике, то есть к применению уже имеющегося совокупного потенциала государства, нации Китая на мировой арене.

Это, в частности, означает, что КПК отказалась от прежнего метода действий коммунистических партий, которые создавали Коммунистический Интернационал, проводили международные совещания коммунистических и рабочих партий. Одним словом, противопоставляли себя неким враждебным, или классово враждебным, силам на мировой арене. Характерно тут и то, что тогда был период, когда оказалось необходимо во имя некой общей цели, собрать всех и вся, но классово близких, хотя и разноплеменных, бросить лозунг: «Пролетарии всех стран, соединитесь!». Теперь настало иное время. В мире появилась такая сила, столь многочисленная, что ей в качестве руководителя или «кормчего» всего человечества, уже не нужен никто, кроме нее самой. Она теперь начинает активно осуществлять лозунг, который красуется на главной площади Пекина: «Ши цзе жэнь минь да туань цзе вань суй – Десять тысяч лет Великому Сплочению Народа Мира!» Китай начинает то, что, с точки зрения руководителей КПК, должно именоваться «Великим Сплочением Народа Мира».

Попутно необходимо заметить, что в нынешнюю эпоху, в Новую эпоху, у этой партии наряду с прежним центральным печатным органом,

органом информации, газетой «Жэньминь жибао», появился новый, присущий нынешней Новой эпохе, печатный орган, орган информации: «Хуаньцю шибао». То есть наряду с термином «Народ», появился термин «Земной шар», «Планета», «Весь свет». Можно сказать, что наряду с «Газетой Народа» появилась «Газета Планеты (или «Планет таймс»)), наряду с народной газетой на каждый день появилась глобальная газета на каждый день. Все это показывает, что далеко не случайно в Уставе КПК эта партия называет себя Партией Авангарда Народа, очевидно, подразумевая, что речь идет не только о народе Китая, но и о Народе Планеты. Важно также обратить внимание на то, что этот свой информационный орган руководители ЦК КПК распространяют по свету под названием на английском языке: «Global Times». Это означает, что руководители КПК намерены довести до сведения всех людей на планете, что они согласны, чтобы и всемирно распространенный язык – английский язык тоже был языком, которым пользуется Хуань цю дан – Партия Общности Планеты.

КПК в настоящее время вышла вонне, не ограничивает свою деятельность связями только с коммунистическими партиями, хотя и поддерживает такие связи. В определенных случаях, например при связях с Трудовой партией Кореи (КНДР), подчеркивает особый характер таких связей.

КПК считает необходимым действовать в мировом масштабе, налаживая и развивая связи со всеми партиями, которые готовы идти на такое сотрудничество. При этом КПК предлагает все это делать под вывеской форумов или диалогов, то есть равноправного по форме и лозунгам общения между политическими партиями. Цель всей этой деятельности – оказание воздействия КПК на мировую политику, усиление влияния КПК во всех странах мира, которые согласны допускать такое воздействие. В частности, поставлена задача открывать то, что ныне в КПК именуется зарубежными отделениями КПК в иностранных университетах и на предприятиях. Речь идет о том, чтобы китайцы, находящиеся и работающие за рубежами КНР, создавали ячейки КПК в разных формах по всему миру.

Речь идет о распространении присутствия КПК в политической жизни всех тех стран, где это окажется возможным. КПК считает возможным и необходимым вести свою организационно-партийную жизнь и деятельность на планете в целом.

Си Цзиньпин делает усилия с тем, чтобы внушать, навязывать «остальному человечеству» (не говоря уже о Китае) представление о нем самом, политической партии, которой он руководит, государстве, которым он управляет, как о тех, кто отныне возглавляют человечество, стали тем могучим древним китайским мудрецом-философом, который возродился и, единственный на Земле, обладает законным правом и мудростью для того, чтобы быть Учителем Человечества.

Си Цзиньпин предлагает не разделяться, не противопоставлять верных неверным, а объединяться на основе признания того, что существует единое человечество, у которого есть единая судьба, у которого есть единое будущее. Необходимо на всей планете Земля создавать всеохватывающую сеть сотрудничества. Человечество должно оказаться в этой сети. При этом необходимо утверждать на планете новый порядок в новую эпоху, порядок, соответствующий новой эпохе, а этот новый порядок должен служить средством превращения всей планеты Земля в гармоничную семью.

Подразумевается, что знают, что надо делать, и могут осуществить все это на практике только сам Си Цзиньпин, его политическая партия, его государство. Им следует предоставить место цзун цай – лидера, вождя всей планеты Земля. Вот то предложение, которое Си Цзиньпин выдвинул на съезде КПК, которое он предлагает всему человечеству. При этом он стремится сделать ситуацию такой, чтобы от этого предложения не мог со временем отказаться никто на Земле.

Важно обратить внимание на то, что Си Цзиньпин скорректировал свою позицию. Раньше речь шла об «общей судьбе», об «общности судьбы». Очевидно, что имелась в виду неизбежность для «остального человечества» идти за Китаем, следовать за Китаем, считать, что у всех и каждой нации судьба неизбежно уже является и будет общей с судьбой нации Китая. В связи с этим возникали те или иные сомнения в приемлемости терминов «судьба», «общая судьба», «сообщество общей судьбы». Поэтому теперь Си Цзиньпин выдвинул термин «Будущее». Речь идет о будущем и об общем будущем человечества. Это представляется Си Цзиньпину более приемлемым для «остального человечества» на данном этапе.

И, наконец, Си Цзиньпин предлагает видеть в человечестве одну гармоничную Семью. Речь идет о возрождении и превращении в реальность традиционного взгляда древних китайских

философов, выдвигавших на первый план понятие семьи как образца взаимоотношений между людьми. Из этого следует, что, во-первых, уважением должен пользоваться тот, кто такое предложил; ему следует подчиняться, его следует уважать и признавать «старшим», «владыкой», а, во-вторых, это подразумевает, что для человечества в целом должен быть установлен такой же порядок, такая же система уважения и подчинения, как в традиционной китайской семье, где высшим принципом является принцип старшинства, а по сути дела самовластия.

Китай должен быть признан старшим в Семье человечества. Вот о чем, по сути дела, говорит Си Цзиньпин.

При этом «остальному человечеству» предлагается воспринять и согласиться со «старшинством» Китая как бы естественным путем, по традиции, «по-семейному», Это выдают за «не навязывание» Китаем ничего другим. На самом деле в традиционных древних китайских мыслях имеется в виду, что «другому» дают «возможность» «добровольно» признать над собой власть «старшего в семье», его культурное и цивилизационное превосходство, а если этого не происходит, тогда приходится устанавливать должный новый порядок подчинения безжалостно и неотвратимо силой, а не убеждением.

Из этого также следует, что Си Цзиньпин стремится заменить систему международных отношений системой внутрисемейных отношений, а в традиционной семье, по Си Цзиньпину, всегда традиционно и естественно есть старший, который и решает, как существовать и жить каждому члену его семьи.

Кстати, попутно, такая позиция – это и ответ тем в нашей стране, кто пытался внушать людям в России, что китайцы, дескать, согласны видеть в России «старшую сестру», которая фактически распоряжается в общей семье.

В конце ноября 2017 г. СМИ США обратили внимание на попытку шести преподавателей Калифорнийского университета в Дэвисе, работающих там по обмену, создать ячейку КПК в стенах этого учебного заведения. Начинание не увенчалось успехом из-за законодательства об иностранных агентах. Столкнувшись с тем, что им придется сообщать американскому государству подробную информацию о своей деятельности, китайцы решили формально не создавать партийную организацию.

Точное число организаций КПК за пределами КНР неизвестно. Однако по утверждению «Глобал Таймс» многие китайские предприятия

и университеты, сотрудники которых трудятся за рубежом, активно открывают то, что именуется «зарубежными отделениями компартии».

Например, Национальный университет оборонных технологий создал восемь партийных организаций, в которых состоят более 200 китайских преподавателей и студентов, находящихся за рубежом. Школа европейских и латиноамериканских исследований Шанхайского университета международных отношений открыла отделения в Италии, Испании, Чили, Греции, Мексике и Нидерландах. Члены этих партийных организаций обязаны представлять руководству письменные доклады о своих умонастроениях и проводить собрания (съезды, конференции). Кроме того, коммунисты, как пишет «Глобал Таймс», ответственны и за продвижение партийной и государственной политики Китая за рубежом: они обязаны организовывать конференции и встречи, давать интервью, разъясняя политику партии.

Василий Колташов, руководитель Центра экономических исследований Института глобализации и социальных движений, считает, что КПК – это не партия в европейском понимании, это бюрократическая структура с политическим названием и политическими задачами, и такая политическая структура работодателю не нужна. Ячейки КПК, с этой точки зрения, это не отделения политической партии, как это явление понимают на Западе, где существует автономия и свобода дискуссий, а часть механизма, всегда подконтрольного Пекину. Никто не автономен – это Китай, все просто выполняют приказы.

Одним словом, ощущается, что руководители КПК приняли решение изменить и характер и формы деятельности партии за рубежом и представления в мире о КПК. КПК стремится предстать как «открытая» партия, как партия открыто и легально действующая везде, не только в Китае. Таким образом, руководители КПК-КНР содействуют осуществлению своей глобальной стратегии, используя КПК, ее институты как рычаги своей внешней политики. Работа КПК становится составной частью внешнеполитической деятельности Китая или КПК-КНР. КПК за годы существования КНР впервые открыто выходит на мировую арену в форме создания своих ячеек в других странах. В истории мирового коммунистического движения такого не было.

Еще одно направление работы КПК, затрагивающее иностранные интересы, – предприятия с участием зарубежного капитала в самом Китае. На них также идет активное строительство коммунистических ячеек. Как отмечает агентство

Синьхуа, отделения КПК к концу 2016 г. были на 70% из более, чем 100 тысяч предприятий с иностранным капиталом, работающих в КНР.

Это означает, что ЦК КПК принял решение о развертывании такой работы применительно практически ко всем предприятиям на иностранном капитале в КНР. Это также означает, что КПК ставит теперь иностранцев, владеющих предприятиями в Китае, перед необходимостью соглашаться с деятельностью организаций КПК на их предприятиях и с необходимостью одобрять политику КПК и внутри Китая, и на международной арене.

Однако не все иностранные инвесторы рады коммунистическим ячейкам на предприятиях. Как сообщает «Саут Чайна Морнинг Пост», в конце ноября 2017 г. представительство немецких промышленных палат в КНР заявило, что оно обеспокоено попытками китайской стороны усилить свое воздействие на действующие в Китае немецкие фирмы: «Мы не считаем, что иностранные компании обязаны содействовать развитию какой-либо политической партии в рамках структур компаний, – говорится в этом заявлении. – Если эти попытки повлиять на компании с иностранными инвестициями продолжатся, нельзя исключать, что немецкие компании могут уйти с китайского рынка или пересмотреть инвестиционные стратегии».

Научный сотрудник Центра исследований проблем мирового социализма в Академии общественных наук Китая Евгений Грачиков считает, что, с одной стороны, говорится, что это способ стимулировать работников к подчинению, но с другой, в отношении работников и работодателей вклинивается третья сила, что не нравится инвесторам. Китайская сторона все чаще использует иностранцев для пропаганды политики КПК-КНР. В нашей стране есть те, кто действует таким образом у нас в России, а есть и те, кто идет на службу в органы пропаганды ЦК КПК в самом Китае.

Есть и эксперты, выражающие свое мнение. Например, уже упоминавшийся Василий Колташов считает: «На вашем предприятии действует внешняя структура, связанная с иностранным правительством, которому вы не доверяете, от которого постоянно ожидаете кражи технологий и стремления вас вытеснить через некоторое время. Как будет вести себя эта коммунистическая ячейка? На кого она будет работать?» - задает риторический вопрос этот эксперт.

В заключение представляется необходимым сказать, что, судя по внешней политике

Китая, складывается некоторое представление о перспективах осуществления руководителями КПК-КНР их глобальной стратегии. Очевидно, что двумя главными препятствиями на этом пути они видят Америку и Индию. Поэтому постепенно они будут стремиться окружить Индию с севера путем союза с Пакистаном и мусульманами, и с моря с помощью своего грядущего мощного ВМФ с его ожерельем баз в Индийском океане. Также со временем они будут пытаться окружить Америку с Запада, со стороны Азиатского континента и Тихого океана и с Востока со стороны Европейского континента и Атлантического океана, включая Россию. На пути осуществления этой глобальной стратегии они будут стремиться все постепенно втягивать в себя и переваривать все разрозненные части остального человечества с целью превратить со временем все это остальное человечество в составные части единой всемирной нации Китая и таким образом осуществить то, что можно назвать Великим Планом Глобальной Китаизации Населения Земли, что сегодня скрывается под призывом к Великому Возрождению Великой Нации Китая.

А.В. Ломанов. До прихода к власти Си Цзиньпина внешнеполитические идеалы двух стран были сходными. Они подчеркивали ценность суверенитета, призывали к невмешательству в чужие дела, выступали за сохранение многообразия ценностей человеческой цивилизации. Россия осталась верной этим позициям, на фоне роста западного давления ее приверженность консервативной внешней политике стала более заметной. Тем временем Китай переходит от завещанного Дэн Сяопином «сокрытия возможностей» к активному продвижению своих концепций во внешний мир. Квинтэссенцией новой политики стал лозунг построения «сообщества судьбы человечества», получивший внутри Китая высокий нормативный статус. В 2017 г. этот тезис вписали в устав КПК, в 2018 г. он вошел в обновленный текст конституции КНР.

Китайский лозунг строительства «сообщества судьбы человечества» включает в себя обеспечение всеобщей безопасности, процветания, открытости и инклюзивности, а также защиту окружающей среды в интересах всех жителей планеты. Эта программа выглядит убедительно, поскольку за ней стоят огромные материальные ресурсы Китая и демонстрация успеха китайского пути развития. Появление данного лозунга тревожит Запад возможностью расширения сферы конкуренции с Китаем за пределы экономики в области идеологии и международной политики.

Прежде в России говорили о необходимости «поймать в паруса китайский ветер», то есть изыскать новые возможности собственного экономического развития за счет расширения сотрудничества с Китаем. Этот тезис не утратил актуальности. Однако в наши дни Китай предлагает свой путь модернизации в качестве ориентира для всех стран, желающих обеспечить высокие темпы развития при сохранении собственного суверенитета. «Китайский путь» и лозунг «сообщества судьбы» превращаются в факторы наращивания «мягкой силы» Китая на постсоветском пространстве на фоне ослабления позиций России. Поддержка «сообщества судьбы» со стороны Москвы будет косвенным образом способствовать усилению глобальных и региональных позиций Пекина, тогда как открытая критика этого основополагающего для внешней политики Си Цзиньпина лозунга неизбежно бросит тень на двустороннее сотрудничество в целом.

При поиске ответов на эти вопросы следует исходить из того, что для китайской стороны первым шагом в практическом осуществлении идеала «сообщества судьбы» выступает инициатива «пояса и пути», уже получившая поддержку со стороны России. Пребывание Си Цзиньпина у власти до 2027-2028 гг. даст китайскому лидеру шанс добиться того, чтобы к тому времени были построены ключевые транспортные и производственные компоненты «пояса и пути». Концентрация власти в руках Си Цзиньпина и продление сроков его правления способны оказать серьезное влияние на экономическое развитие стран евразийского пространства, включая Россию

Е.Н. Румянцев. Что касается имеющей место в настоящее время трансформации китайской официальной идеологии, этот процесс отдаляет наши страны друг от друга. Как может быть иначе, когда в Китае усиливается пропаганда «марксизма-ленинизма», звучат клятвы в верности этому «всепообеждающему учению» и одновременно – обвинения в его «предательстве» в наш адрес. Кроме того, идеология и пропаганда Пекина по-прежнему, как известно, подпитываются старыми «обидами» и извращением фактов истории наших двусторонних отношений.

Полагаю, что и к сравнению и сопоставлению современных лидеров России и Китая следует подходить осторожно. Наши страны, их культурные традиции, политическая культура и политические системы серьезно отличаются друг от друга. Нельзя не указать и на то обстоятельство, что В.Путин избран на новый президентский срок прямым, тайным и равным

голосованием, получив при этом подавляющее большинство голосов граждан нашей страны. В Китайской Народной Республике ничего подобного не было и нет.

Если экономического роста в России по-прежнему не будет, а в Китае он продолжится, как это повлияет на содержание РКО в начале 2020-х? Какие инструменты можно использовать для защиты интересов России перед превосходящей ее в 4 раза по ВВП экономикой Китая помимо дипломатического мастерства?

К.А. Ефремова. Российско-китайские отношения чем дальше, тем больше становятся асимметричными, причём эта асимметрия — явно не в пользу России. Имеет смысл уже сейчас начинать изучать опыт малых стран, вынужденных выживать в мире великих держав, и перенимать их опыт бесконфликтного сосуществования с более мощными соседями. Чем раньше мы признаем (хотя бы на уровне экспертного сообщества), что в российско-китайских отношениях существуют проблемы, и это проблемы, в первую очередь, для России, тем скорее мы начнём искать адекватные ответы на китайские вызовы. Ура-патриотизм и шапкозакидательство («мы суверенная демократия, у нас есть новейшее оружие» и т. п.), к сожалению, в данном случае не сработают: мы не можем угрожать нашим новым оружием Китаю, а других весомых аргументов, способных выровнять нарастающий дисбаланс в российско-китайских отношениях, ура-патриоты пока не придумали.

С Китаем нам ни в коем случае нельзя конфликтовать, но и сдавать свои позиции тоже ни в коем случае нельзя.

А.А. Киреева. Существуют признаки того, что Россия уже рассматривается Китаем как менее значимый по сравнению с США партнер, и в будущем при увеличении разрыва в абсолютных экономических показателях эта тенденция будет нарастать. Хорошей иллюстрацией в данном случае может быть распространенная в Китае точка зрения по поводу того, что Россия важна в контексте Инициативы пояса и пути как страна, строящая протекционистскую группировку ЕАЭС на Евразийском пространстве, и могущая помешать реализации открытой и всеобъемлющей Инициативы пояса и пути в зоне своего влияния. В случае, если экономическая стагнация в России продолжится, она рискует найти себя в позиции, при которой Китай всем меньше будет готов обсуждать с ней трансформацию регионального и глобального порядка, а ей придется так или иначе приспособиться к решениям, принятым Китаем.

А.В. Виноградов. «Новая нормальность» в Китае – это естественное снижение темпов роста в традиционных секторах, прежде всего, в промышленности. В инновационных отраслях темпы роста по-прежнему могут быть очень высокими, но в них у Китая нет конкурентных преимуществ, во всяком случае, нет очевидных конкурентных преимуществ, таких как дешёвая рабочая сила в начале «реформ и открытости», и поэтому темпы роста уже не могут быть столь же высокими. Китай в значительной степени исчерпал свой конкурентный потенциал, но старается использовать его в экономически более отсталых странах Африки, Южной и Центральной Азии. В этом и состоит экономический смысл «Одного пояса, одного пути» – создание и эксплуатации экономической модели, созданной в Китае, в других регионах мира. России нужно найти или создать свои конкурентные преимущества в современном мире – вот единственный и надёжный ответ на вызов не только Китая.

А.Г. Ларин. В отсутствие экономического роста Россия будет все дальше и дальше терять экономическую самостоятельность и превращаться в сырьевой придаток Китая, невзирая на обладание новейшим ракетно-ядерным оружием. Инструментов для защиты экономических интересов у России нет, единственный выход – это модернизация собственной экономики. В качестве тактических способов улучшить свое положение Россия могла бы заняться повышением своего влияния в странах Центральной Азии посредством содействия их индустриализации – пока что инициативу в этой сфере у России перехватывает Китай. Россия могла бы также взяться за модернизацию Транссиба до уровня скоростной магистрали, способной успешно конкурировать с другими сухопутными маршрутами Азия–Европа. Однако ни та, ни другая задача нам, кажется, не под силу.

США при Д.Трампе провозгласили Китай и Россию «ревизионистскими державами», в отношении которых они будут проводить политику соперничества и сдерживания. Станет ли это внешним стимулом для укрепления РКО? Какой может быть китайский ответ, какой может быть российский ответ, какая возможная и предполагаемая степень сходимости позиций Москвы и Пекина?

К.А. Ефремова. Россия и Китай — идеальные вероятные противники для США и их союзников, поскольку: (а) среднестатистический обыватель легко найдёт эти страны на карте (в отличие от

Ирана и Северной Кореи); (б) российской и/или китайской угрозой можно оправдать любое ужесточение внутривосточного курса (ранее для этой цели служил международный терроризм); (в) под предлогом российской и/или китайской угрозы Пентагон получает возможность и далее наращивать свой бюджет.

Однако Россия и Китай занимают в данном раскладе принципиально разные позиции. Китай — это страна, с которой США связывают крепкие торговые отношения, поэтому выставлять Пекин «врагом №1» Вашингтону не выгодно. С Россией, к сожалению, ситуация несколько иная: мы идеально подходим на роль «главного злодея», которую нам навязали из-за рубежа, — и, судя по всему, мы сами довольны этой ролью, поскольку парадигма «кругом враги» даёт Кремлю возможность держать под контролем внутреннюю оппозицию. Но захочет ли Китай присоединиться к нам в нашей борьбе с Западом? Думаю, что нет. Китайская концепция «сообщества единой судьбы человечества» включает в том числе и Запад, поскольку проект «Один пояс, один путь» (ОПОП) обесмыслится, если «на том конце» не будет желания сотрудничать с Пекином. Поэтому наши ответы неизбежно будут разными.

Китай пробует сблизиться со странами Евросоюза в обход США, чтобы подтянуть к себе этот мощный блок экономически. Сейчас для Си Цзиньпина главное — показать, что он является для Запада надёжным партнёром, и что это партнёрство будет длиться до тех пор, пока он находится у власти.

Что же касается США, то представляется, что все разговоры о сдерживании Китая (которые ведутся уже не первый год) так и останутся по большей части декларативными заявлениями, призванными оправдать их военные расходы. Две страны слишком тесно связаны между собой экономически, чтобы позволить себе взаимную конфронтацию («торговые войны» Д. Трампа не в счёт). Так что рассчитывать на помощь Китая в нашем противостоянии с Вашингтоном вряд ли имеет смысл. Никто нас не поддержит.

А.В. Виноградов. Для США любая держава №2 в мире – главный противник. И они готовы дружить и вступать в альянсы даже с державой №3, чтобы сдерживать №2, до тех пор, пока №3 не превратится в №2. На этот раз США не стали расставлять приоритеты и стали сдерживать сразу 2 крупные державы. Это, на мой взгляд, следствие мессианской идеологии и эйфории превосходства, появившейся в США в постбиполярном, однополярном мире. Объективная причина этой

стратегии в двойственности природы США. Геополитически главным противником США всегда будет Россия как центр континентальных масс. Одновременно экономическое лидерство США в мире делает их особенно чувствительными к успехам Китая. Эта двойственность предполагает симметричные ответы – военные и экономические со стороны России и Китая, соответственно. Это заставляет американцев «воевать» на два фронта и пока не выигрывать. Однако целенаправленное объединение усилий России и Китая в русле дополнения, на мой взгляд, тоже пока только гипотетическое. Таким образом, США сближают РФ и КНР, но не до союза. Все это может означать, что стороны глобального треугольника до конца еще не определены, и у США, как и у России с Китаем есть ресурсы для усиления своей политики.

М.В. Карпов. Китайским ответом в краткосрочной и, вероятно, среднесрочной перспективе станет продолжение текущей политики, направленной на более или менее осторожную максимизацию своих интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Российским же ответом может стать дальнейшая «скандализация» отношений с Западом и, при определенных условиях, попытка перехода на «мобилизационный сценарий» внутреннего развития. Под данным сценарием я имею в виду совершенно конкретный и технически, в принципе, реализуемый пакет мер, направленных на ограничение конвертируемости рубля по счету движения капиталов, регулирование процентной ставки и, вероятно, ценообразования в более широком плане, ограничение (запрещение) вывоза капитала, системные запретительные меры в сфере передвижения через российскую границу физических лиц и т.д. Подобный сценарий, однако, будучи, по сути дела «шоковой терапией» наоборот, неизбежно обусловит резкое увеличение инфляционного давления на российскую экономику, приведет к возобновлению структурных и, возможно, абсолютных дефицитов с очевидной перспективой целостного макроэкономического обвала и острейшего социально-политического кризиса. Я отнюдь не считаю именно такой сценарий базовым. Однако, останюсь абсолютно убежденным в том, что дальнейшая «мобилизация» – в любых, более значительных, чем сейчас, пропорциях – внутренних порядков в РФ не отсрочит, а ускорит разворачивание кризисных социально-экономических и политических тенденций в нашей стране, учитывая объективные потенциалы и параметры системного состояния современной России. Дальнейшая «скандализация» отношений

Москвы с Западом, равно как и усиление кризисных тенденций внутри России с плохо прогнозируемыми последствиями еще более превратят РФ в «токсичный актив» для Китая и в смысле практической политики не столько сближат, сколько отдалят Москву и Пекин. Ситуация в целом представляется мне весьма динамичной, неустойчивой и плохо прогнозируемой.

Вместе с тем, сценарий прекращения российской конфронтации с Западом и, пусть не прорывное улучшение, но хотя бы нормализация российско-американских отношений окажет оздоровительно-тонизирующее воздействие на весь комплекс российско-китайского взаимодействия, вернув его, по крайней мере, в рамки «стратегического партнерства» Москвы и Пекина до «Поворота на Восток».

А.В. Ломанов. Продолжающийся рост напряженности в отношениях между Россией и Западом отвлекает внимание от разительной перемены в западных оценках перспектив развития Китая. Одобренная президентом Д. Трампом в декабре 2017 г. «Стратегия национальной безопасности США» признала, что «на протяжении десятилетий политика США коренилась в вере в то, что поддержка возвышения Китая и его интеграции в послевоенный мировой порядок приведет к либерализации Китая». Однако Китай выбрал иной путь и вместе с Россией дерзнул «бросить вызов американской мощи, влиянию и интересам».

Эти заявления увидели свет вскоре после 19 съезда КПК, вписавшего в партийный устав «идеи Си Цзиньпина» и закрепившего принцип верховенства власти КПК. Западные аналитики начали рассуждать, почему прогноз развития Китая оказался ошибочным. Незыблемый постулат гласил, что вслед за развитием рыночной экономики и расширением участия в процессах глобализации в Китае неизбежно придет политическая либерализация, запрос на которую предъявит набирающий силу средний класс. В ранний период реформ в 1980-е годы Дэн Сяопин и его приближенные размышляли об «отделении партии от государства», что внушало оптимизм западным партнерам. Теперь в Китае есть средний класс, на международных площадках Пекин осуждает западный протекционизм и борется за устранение барьеров на пути торговли и инвестиций, однако о движении Китая к либерализации при Си Цзиньпине говорить не приходится.

Если переход Трампа к «торговой войне» против Китая оценить как временное явление, в этом случае китайская позиция будет сводиться к

тому, чтобы продержаться до следующих президентских выборов в США в ноябре 2020 г. Даже в случае переизбрания Трамп покинет Белый дом раньше, чем Си Цзиньпин уйдет от власти.

Если же речь идет о фундаментальном пересмотре отношения Запада к Китаю, то смена лидеров не принесет ожидаемых послаблений. Прежде западные политики были готовы идти на уступки, полагая, что эти жертвы окупятся сторицей после того, как Китай откажется от однопартийной системы и признает «универсальные ценности». Разочарование в эффективности политики вовлечения привело к усилению сторонников сдерживания Китая.

Для Китая эта ситуация может оказаться некомфортной и непривычной. Опыт жизни в условиях настоящего противостояния с США, которое продолжалось до начала 1970-х гг., остался для китайских элит далеко в прошлом. Восстановление элементов старой политической системы, в которой «партия командует всем», раздражает Запад. Вместе с тем консолидация власти делает Китай более подготовленным к отражению внешнего давления. Украинский кризис дал России мощный импульс к ускорению «поворота на Восток». Пересмотр устоев западной политики в отношении Китая может произвести сходный эффект и повысить мотивацию Пекина к расширению сотрудничества с Москвой.

Е.Н. Румянцев. В последние годы всё большее число политиков и экспертов США начинают более критически смотреть на Китай и его политику. По их мнению, американо-китайское сотрудничество развивается в неблагоприятном для США направлении, приобрело характер «улицы с односторонним движением» и выгодно в основном Пекину. В последнее десятилетие, утверждают они, Китай «переиграл США, да и весь мир», использует выгоды от экономического и научно-технического сотрудничества с Западом, не давая ничего взамен, нередко просто обворовывает своих западных партнеров, в беспрецедентных масштабах занимается в США и других странах Запада разведдеятельностью. Эти круги требуют осуществить «реформу торговых отношений с Китаем», ужесточить противодействие его политическим и военным амбициям¹⁰.

¹⁰ Наварро П., Отри Г. Смерть от Китая. Лицом к лицу с драконом. Глобальный призыв к действию / Пер. с англ. М., 2017. [Navarro, P.; Otri, G. Smert' ot Kitaia. Litsom k litsu s drakonom. Global'nyi prizyv k deistviu (Death from China. Face to Face with the Dragon. Global Call to Action) / Transl. from Eng. Moscow, 2017.]

Некоторые американские эксперты утверждают, что Китай осуществляет рассчитанную на 100 лет (1949-2049) тайную стратегию, целью которой является замена США в качестве глобального лидера. Частью этой стратегии является кампания по дезинформации правящих кругов и общественного мнения США относительно истинных целей внешней политики и реальных возможностей Китая. Обращается внимание на то, что в отношениях с США Китай пропагандирует принципы «взаимного выигрыша», «общей выгоды», однако на деле за этим кроется его «неизменная нацеленность на извлечение для себя односторонних преимуществ». В Соединенных Штатах видят, что внутри Китая усиливается антиамериканская пропаганда. В частности, публикуются предназначенные для внутренней аудитории исторические труды, в которых вся политика США в отношении Китая на протяжении последних 150 лет представляется в негативном свете. Кстати, нетрудно заметить, что во многом аналогичным образом Пекин вели себя в конце 1950-х - первой половине 1960-х гг. в отношении с нашей страной. Об этом и многом другом говорится в книге М. Пилсбери¹¹, который именует вышеуказанную стратегию «столетним марафоном». Некоторые отечественные китаеведы (Ю.М. Галенович) используют выражение «глобальная стратегия Китая».

В ситуации, складывающейся в настоящее время в мире, велик, видимо, соблазн использовать ситуацию для объединения с Китаем против Америки как общего врага. На мой взгляд, Россия на развитие отношений между США и Китаем повлиять не может (это же верно и других участников «треугольника»), попытки использовать их друг против друга будут контрпродуктивны. В то же время состояние китайско-американских отношений и перспективы их развития необходимо тщательно отслеживать и учитывать в нашей внешней, а также и внутренней политике.

Поэтому важно проанализировать то, что сейчас происходит в китайско-американских отношениях, применительно к политике Китая в отношении России, а далее подумать о том, какой должна быть политика России по отношению к этим двум странам.

Каковы перспективы совместной позиции РФ и КНР в решении проблемы Корейского полуострова? Каковы направления эволюции совместной позиции РФ и КНР по этому вопросу?

¹¹ Pillsbury, M. The Hundred-Year Marathon: China's Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower. N.Y., 2015.

А. В. Воронцов. Игра началась. И во всяком случае с северокорейской стороны, она хорошо продумана. Во время Олимпийских игр в Пхёнчхане северокорейской стороне удалось установить контакты с американскими представителями. При этом Пхеньян исходит из того, что его «козырные карты» реально усилились:

а) США всерьёз обеспокоены успехами ракетно-ядерной программы Северной Кореи и верят в её способность нанести ядерный удар по континентальной части Америки.

б) Вашингтон с разочарованием убедился, что его оба дальневосточных союзника: и консервативная при С. Абэ Япония, и, особенно, «либеральная» при Мун Чже Ине Южная Корея категорически отвергают любой вариант военной операции США против КНДР. Вашингтону, видимо, стало ясно, что если он проигнорирует жёстко негативную позицию союзников и нанесёт всё-таки военный удар по Северной Корее, он может не просто кардинально ухудшить отношения с Токио и Сеулом, но и потерять их как союзников.

в) Неожиданно начавшийся вопреки воле Вашингтона и динамично продолжающийся прогресс в межкорейских отношениях в январь-марте 2018 г. дал Пхеньяну определённый рычаг воздействия на США.

В итоге свобода действий Вашингтона на Корейском полуострове и вокруг него относительно сократилась, а переговорные позиции Пхеньяна сравнительно укрепились. В этих условиях КНДР, видимо, и решила перейти в дипломатическое наступление, надеясь на получение ограниченных, но реальных дивидендов. В качестве разумного жеста доброй воли она добровольно пошла на мораторий по ракетно-ядерным испытаниям, в период до проведения двух саммитов. Другое дело, что в Вашингтоне, несомненно, будут истолковывать этот шаг как проявление слабости и уступку северян под нажимом американцев.

В ходе предстоящего дипломатического торга северяне надеются добиться от оппонентов если не отказа от апрельских американо-южнокорейских военных манёвров, то значительного сокращения их объёма, но главное – не только остановки процесса дальнейшего ужесточения, но и определённого частичного ослабления экономических санкций. Предсказывать итоги начавшегося интересного этапа дипломатической борьбы невозможно. Очень многое зависит от соотношения внутриполитических сил в Южной Корее и, особенно, в США, где до сих пор позиции у ястребов были сильнее, чем у «переговорщиков» и продолжают укрепляться.

Очевидно, что при любом результате саммита Трамп – Ким, это станет эпохальным событием. И именно эта цель, а не военные маневры на юге Корейского полуострова, является абсолютным приоритетом для Ким Чен Ына в данный момент.

Вместе с тем, нельзя не видеть, что данный зарождающийся бурный политико-дипломатический процесс представляет собой и появление новых серьёзных вызовов национальным интересам России, а также и КНР.

В случае реализации оптимистичного сценария переговоров северокорейские дипломаты предпримут максимум усилий с тем, чтобы смягчить нынешнюю непробиваемую позицию Вашингтона по немедленной денуклеаризации и выйти на поэтапное движение к этой цели через первоначальное временное замораживание ракетно-ядерной деятельности на базе параллельных шагов. То есть, по сути, подтолкнуть США к движению в рамках модели, похожей на российско-китайское предложение от 4-го июля 2017 г. о двойной заморозке и трёх-этапном плане урегулирования корейской проблемы.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что первый этап указанного российского поэтапного процесса разрешения кризиса на полуострове, который официально никто не поддержал, а Вашингтон громогласно выступал против, уже текущим ходом событий практически осуществлён. Конфликтующие стороны начали снижение военной активности и перешли от угроз взаимного уничтожения к подготовке серьёзных, возможно, исторических по своему значению переговоров в верхах.

Какие форматы многосторонних переговоров могут сформироваться в случае продолжения дипломатического процесса после саммитов. Из Сеула звучат различные идеи, в том числе о трехсторонней модели (США-РК-КНДР). В Пекине ряд политологов стали вспоминать четырехстороннюю структуру (США-КНР-КНДР-РК). Россия по-прежнему считает оптимальным шестисторонний формат переговоров. Но сейчас трудно сказать, кого стало больше: сторонников или противников этого проверенного жизнью дипломатического процесса.

Следовательно, от Москвы требуется выработка новой политики с целью нейтрализации возможных неблагоприятных для наших интересов последствий и адаптации к стремительно меняющейся обстановке на Корейском полуострове и вокруг него, включая комплекс вопросов взаимодействия с Пекином.

А.А. Киреева. Россия и Китай занимают очень близкие, хотя и не идентичные позиции по проблемам безопасности на Корейском полуострове. Обе страны выступают за недопустимость военных действий на Корейском полуострове и решения корейского вопроса силовым путем, за деэскалацию ситуации и прекращение враждебной риторики, за необходимость проведения многосторонних переговоров и поэтапную денуклеаризацию Корейского полуострова. Российско-китайская дорожная карта, принятая Министрами иностранных дел России и Китая в июле 2017 г. и поддержанная руководителями обеих стран, демонстрирует общность подходов: «двойная заморозка» на первом этапе (прекращение ядерных и ракетных испытаний КНДР в обмен на прекращение или снижение интенсивности американо-южнокорейских военных маневров), двухсторонние переговоры между Севером и Югом, КНДР и США и многосторонние переговоры, обсуждение повестки для переговоров на втором, и возобновление шестисторонних переговоров с обсуждением денуклеаризации Корейского полуострова и создания коллективной архитектуры безопасности в Северо-Восточной Азии на третьем. Современная позитивная динамика в налаживании диалога между Северной и Южной Кореей, возможный саммит Ким Чен Ына и президента США Д. Трампа в мае-июне 2018 г., снижение масштаба американо-южнокорейских военных учения в апреле 2018 года, заявления Ким Чен Ына о введении моратория на ядерные и ракетные испытания воспринимаются Россией и Китаем как де-факто реализация совместной дорожной карты.

Как Китай, так и Россия не хотели бы видеть ситуацию, в которой проблемы безопасности на Корейском полуострове решаются без их участия и учета их интересов.

Е.Н. Румянцев. В речи Си Цзиньпина на торжественном собрании по случаю 90-летия вооруженных сил Китая (август 2017 г.) было сказано о том, что вооруженные силы Китая «победоносно провели войну с Америкой в помощь Корее (имеется в виду война 1950-1953 гг.) и много боев на границе в целях самозащиты»¹². Это заявление обращает на себя внимание, поскольку до сих пор в Пекине старались не акцентировать тот факт, что они воевали с американцами, стремились сделать

¹² Си Цзиньпин. Цзай цинчжу Чжунго жэньминь цзефанцзюнь цзянь цзюнь 90 нянь дахуй шан дэ цзянхуа (Речь на заседании, посвященном 90-летию создания Народно-освободительной армии Китая) // «Жэньминь жибао», 2 августа. 2017 года.

вид, что такой войны вообще не было. По меньшей мере, с 1970-х гг., то есть со времени визита в Пекин Р. Никсона, китайская линия поведения в отношениях с США включает в себя положение об отсутствии в истории войны Китая и Америки. Упор обычно делается на «пограничные войны» КНР против нашей страны, Индии и Вьетнама, которые Си Цзиньпин в указанной речи назвал «боями на границе в целях самозащиты». Если китайской стороне приходится говорить о войне в Корее, то, как правило, подчеркивается, что в ней якобы виноват И.В. Сталин.

Видимо, в нынешних условиях отразившееся в речи китайского лидера смещение акцентов отражает общую тенденцию к осложнению китайско-американских отношений и дает понять, что поддержка Китаем американских санкций против КНДР в Совете Безопасности ООН - не последнее его слово в развитии событий вокруг Корейского полуострова. Наконец, за этими «акцентами» могут стоять существующие в Пекине различные подходы к корейской проблеме и отношениям с США.

Отношения между КНР и КНДР – отношения не только между государствами. Это, прежде всего, отношения между правящими партиями, их лидерами и существующими в этих партиях фракциями. Известно о длительном и тесном китайско-северокорейском сотрудничестве. Необходимо, однако, иметь в виду и другую сторону вопроса, обусловленную как особенностями современной ситуации, так и факторами исторического характера (убийства корейских коммунистов их китайскими единомышленниками в ходе чисток в КПК (т.н. «борьба с АБ-туанями) в 1930-е гг.; осадок, оставшийся в памяти северных корейцев от войны 1950-1953 гг.; борьба за вывод из страны китайских войск, которую КНДР удалось довести до конца только в 1958 г.; хунвэйбиновская дипломатия в отношении Северной Кореи в годы «культурной революции»). Далее необходимо указать на такое историческое событие, как китайская агрессия против Вьетнама в 1979 г. По бытующим, в частности, среди китайских эмигрантов сведениям, она «вызвала шок» в Пхеньяне. Действительно, если сегодня Китай способен напасть на небольшую соседнюю страну, к тому же социалистическую, только четыре года назад победившую с огромными потерями в тяжелой войне с США, то чего от него ожидать завтра? Так что, не исключено, бомбу в Северной Корее делают не только против своих «классовых врагов» на юге и американского империализма. Во всяком случае, этот вопрос открыто обсуждается в китайской блогосфере.

Еще через год крупным событием в плане культивирования взаимного недоверия стали публичное осуждение со стороны КНР решения Ким Ир Сена в 1980 г. передать власть своему сыну. Пекин тогда квалифицировал это как «феодализм». Очевидно, что такая оценка диктовалась атмосферой в КПК того периода, которая только что освободилась от Мао и «банды четырех» и официально характеризовала период их господства как «феодално-фашистскую диктатуру». Возможно, сейчас такой оценки действий северокорейского лидера со стороны Пекина не последовало бы.

Северокорейское руководство реагировало на всё это по-своему: были репрессированы сначала члены просоветской, а потом и прокитайской фракций в своей партии. Одновременно переписывались корейские учебники истории, из которых вымарывались всякие упоминания о роли КНР в войне 1950-53 гг. и послевоенном восстановлении Северной Кореи.

За первые пять с половиной лет после прихода к власти Си Цзиньпин ни разу не посетил КНДР, а северокорейский лидер – Пекин. Это безошибочный признак серьезных проблем в двусторонних отношениях, особенно между Си Цзиньпином и его окружением, с одной стороны, и северокорейским руководством, с другой. Однако в свое время Пхеньян посещали Цзян Цзэминь и члены его фракции Цзэн Цинхун, Чжоу Юнкан (в наст. время сидит в тюрьме), а также вышеупомянутые Ли Чанчунь и Лю Юньшань. При этом, как утверждает гонконгская печать, Чжоу Юнкан во время визита в КНДР в октябре 2010 г. на встрече с новым северокорейским лидером раскрыл перед ним содержание бесед тогда генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао с северокорейской делегацией во главе с дядей Ким Чен Ына Чан Сон Тхэком, результатом чего и стали чистки в Пхеньяне. Сам дядя в 2013 г. был казнен.

С течением времени положение начинает меняться. Например, главой Отдела международных связей ЦК КПК в 2015 г. был назначен ставленник уже Си Цзиньпина Сун Тао. По имеющимся данным, после 19-го съезда КПК курировать отношения с Северной Кореей поручено новоизбранному члену Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ван Хунину¹³.

Укажем здесь на наблюдения некоторых иностранных специалистов, согласно которым

проводившиеся в последнее время Северной Кореей испытания ракетно-ядерного оружия нередко совпадали с важными международными мероприятиями, проходившими в КНР. Например, они имели место в дни, когда проводились саммит «двадцатки» в Ханчжоу (2016 г.), форум по «поясу и пути» в Пекине и саммит БРИКС в Сяэне (2017 г.)¹⁴.

В конце марта 2018 года северокорейский лидер всё-таки приехал в Пекин. Оценка визита Ким Чен Ына, полагаю, еще будет дана специалистами. Ограничусь здесь следующими замечаниями. Видимо, визит был, скорее всего, организован по настоянию китайской стороны, которая в последние месяцы в ситуации вокруг Корейского полуострова оказалась отодвинутой на задний план. С другой стороны, северокорейский лидер, как можно предположить, осознал, что следует скорректировать свои отношения с фракциями внутри Компартии Китая. В общем, визит «должен продемонстрировать внешнему миру, включая Трампа, что Китай и Северная Корея снова друзья»¹⁵.

А.Н. Федоровский. Российско-китайское взаимодействие на корейском направлении испытывает на себе давление ряда факторов. Неоднозначное влияние на позиции России и Китая оказывает современный этап американо-китайских отношений. С одной стороны, Пекин и Москва проводят регулярные консультации по корейской проблематике. Было выработано согласованное обращение к Пхеньяну, Вашингтону и Сеулу одновременно отказаться от продолжения северокорейских ракетно-ядерных испытаний и от проведения совместных американо-южнокорейских военных маневров на Корейском полуострове и вокруг него. С другой стороны, Китай и США на двустороннем уровне определяют выработку решений Совбеза ООН в отношении КНДР. В этих условиях Россия оказывается вынужденной следовать в русле договоренностей, достигнутых Пекином и Вашингтоном. Данное обстоятельство не только проявляет дисбаланс влияния РФ и КНР на процесс урегулирования кризиса на Корейском полуострове, но и отражает разный характер отношений двух стран с США. Пекин и Вашингтон по разным группам вопросам находятся в состоянии конкуренции, соперничества, но и сотрудничества. В то же время российско-американские отношения находятся в кризисном состоянии. При этом китайская позиция по отно-

¹³ Линь Чжуньюй. Чжун Чао гуаньси зэймяо (Деликатные отношения между Китаем и Северной Кореей) // «Кань Чжунго», 16 декабря 2017 года.

¹⁴ Kim in Beijing: Why Xi's Still the One He Needs to See // BBC News, March 28th, 2018.

¹⁵ Ibid.

шению действий США, как это показывает опыт корейского урегулирования, строится исходя из собственных приоритетов.

Несмотря на декларации о близости позиций двух стран, расходятся взгляды Москвы и Пекина по санкционной политике в отношении Северной Кореи. Китай фактически поддержал введение санкций против КНДР, получив за это благодарность со стороны администрации Д. Трампа. Россия считает применение санкций контрпродуктивным, хотя присоединяется к санкциям, принимаемым в Совбезе после одобрения их США и КНР.

Позиция и тенденции развития отношений РФ и КНР с Республикой Корея также неоднозначны. Причем для Южной Кореи новые вызовы (рост влияния Китая, нестабильность внешней политики США, потребность в диверсификации внешних связей, необходимость расширить поддержку своей позиции по вопросам межкорейского урегулирования) носят не конъюнктурный, а стратегический характер. В связи с этим очевидно для Сеула необходимость адаптироваться к меняющейся ситуации и вырабатывать новую международную стратегию. Проблема, однако, усугубляется тем, что российско-китайские связи оказывают пока слабое воздействие на региональном уровне, а американо-китайские отношения не приобрели устойчивого характера. В результате, несмотря на делающиеся декларации, действия Сеула все еще находится в стадии приведения внешней политики к новым национальным, региональным и глобальным реалиям.

Что касается ситуации на Корейском полуострове и вокруг него, то, во-первых, Южной Кореи приходится учитывать позицию США, настаивающих на жестком курсе в отношении Северной Кореи, в том числе, предусматривающим размещение системы ПРО THAAD на Юге Кореи. В то же время Сеул столкнулся с усилением политического давления со стороны Пекина, недовольного размещением американских ПРО и авианосных групп. Таким образом, низкий уровень внешнеполитического доверия между Россией и КНР, с одной стороны, и США – с другой, превращает Южную Корею в объект военно-политических диспутов великих держав.

Во-вторых, экономика Южной Кореи также оказывается в зоне риска. Не только США оказывают давление на РК, требуя следования санкциям в отношении России. Пекин в качестве наказания за размещение США ПРО на Юге Кореи ввел меры, ограничивающие торгово-экономические связи с Сеулом, вплоть до туристических поез-

док. Однако затем Китай пошел на ослабление давление на Южную Корею, стремясь не усугублять трудности в двусторонних отношениях.

Несмотря на упомянутые проблемы, РК при администрации Мун Сжэ Ина демонстрирует готовность активизировать в рамках реализации «северной политики» улучшение отношений с Москвой и Пекином. Налицо также нежелание участвовать в тройственном военном союзе с США и Японией.

При этом есть ограничители влиянию России и Китая. Ослабление китайских санкций против Сеула, означает осознание пределы возможного давления. Так же как и заявление Пекина и Сеула о приоритете мирного решения северокорейской ядерной проблемы побудило США признать озабоченность Южной Кореи последствиями возможного военного конфликта.

Остается вопрос, в какой мере Москва и Пекин готовы к совместной работе с США и Южной Кореей в рамках возможных многосторонних переговоров по северокорейской ракетно-ядерной программе и перспективам межкорейских отношений?

Таким образом, сотрудничество России и Китая на Корейском полуострове безусловно сохраняет свое значение как в контексте возможной координации действий на тихоокеанском направлении, так и для поддержания общего курса на продолжение широкого российско-китайского диалога. Однако для Москвы, во-первых, становится необходимым поиск резервов повышения своих переговорных возможностей по корейской проблематике с Китаем. Во-вторых, насущной задачей становится развитие разносторонних связей с Южной Кореей, а также поиск вариантов российско-американского диалога по вопросам безопасности и международного сотрудничества на Корейском полуострове, проводя обсуждение корейской проблематики с Японией.

Продолжение следует в No.4, 2018

*Материал к публикации подготовлен
А.Д. Воскресенским*

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-3-101-127>

RUSSIAN-CHINESE RELATIONS: BETWEEN EUROPE AND THE INDO-PACIFIC (Part I)

Situation Analysis Proceedings

<p>Article history:</p> <p>Received: 25 April 2018</p> <p>Accepted: 15 May 2018</p>	<p>Abstract: The Editorial Board of the journal <i>Comparative Politics Russia</i> publishes the proceedings of the situation analysis devoted to the results of the analysis of the dynamics and the current state of Russian-Chinese relations. The leading Russian experts and researchers of the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, the Russian Institute for Strategic Studies (RISS), the Institute of Political and Military Analysis, the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, the Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Higher School of Economics, Russian National Committee of BRICS discussed the current state and prospects of Russian-Chinese relations. They analyzed the issues of political power transformations in the PRC and changes in the 2018 Chinese political arena, a new stage of Russian-Chinese relations after March 2018 (presidential elections in Russia and constitutional amendments in China), the period of overestimated expectations of Russia from China after the Ukrainian crisis of 2013, and also as a whole, opportunities for transition to a new quality of bilateral long-term cooperation on the basis of pragmatism and mutual interests</p>
<p>Key words: Russia; The Communist Party of China; China; PRC; Russian-Chinese relations; China-Russian relations; China-US relations; Pacific Asia; authoritarianism; democracy; Chinese development model, socialism with Chinese characteristics; Chinese Dream</p>	

Prepared by Alexei D. Voskressenski

Для цитирования: Российско-китайские отношения: между Европой и Индо-Пасификой (Часть I). Материалы ситуационного анализа // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 3. – С. 101-127.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-101-127

For citation: Rossiisko-kitaiskie otnosheniia: mezhdru Evropoi i Indo-Pasifikoi (Chast' I). Materialy situatsionnogo analiza (Russian-Chinese Relations: Between Europe and the Indo-Pacific (Part I). Situation Analysis Proceedings) // *Comparative Politics Russia*, 2018., No. 3, pp. 101-127.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-101-127

НОВЫЕ ТИХООКЕАНСКИЕ СТРАТЕГИИ: ВОЗМОЖНОСТЬ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? ВЛИЯНИЕ «КИТАЙСКОГО ФАКТОРА» НА ОБСТАНОВКУ В ЕВРАЗИИ И АЗИАТСКО- ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Алексей Дмитриевич Воскресенский

Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 2 апреля 2018 <i>Принята к печати:</i> 11 мая 2018</p>	<p>Аннотация: В статье подробно анализируется существо состояния нового стратегического момента в регионе и влияние «китайского фактора» на обстановку в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Подробно анализируются составляющие «китайского фактора», практические последствия анализа, прикладное внешнеполитическое и военно-политическое значение этого вопроса, показано как прикладные вопросы трансформируются в положения внешнеполитических и военных доктрин, определяют практическую внешнюю и военную политику, систему международных связей и их политическую составляющую в регионе. Автор кратко обобщает основные положения региональных доктрин важнейших внешнеполитических игроков в регионе, делает предположения о возможной эволюции и модификации этих доктрин в будущем и формулирует условия, которые определяют практические шаги большинства государств в регионе. В статье также прогнозируется вероятность появления новых тихоокеанских стратегий основных участников международных отношений в регионе и рассматриваются их основные параметры.</p>
<p>Об авторах: д.полит.н., PhD (Манчестерский университет), профессор, Директор Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, профессор Кафедры востоковедения, Факультет международных отношений, МГИМО МИД России e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Россия; Китай; КНР; США; Япония; КНДР; Республика Корея; российско-китайские отношения; китайско-американские отношения; корейская ядерная проблема; Азиатско-Тихоокеанский регион; Евразия; Тихоокеанская Азия; Индо-Пасифика; китайская мечта</p>	

Прежде чем анализировать влияние «китайского фактора» на состояние военно-политической обстановки в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), необходимо сформулировать ряд положений, поясняющих важность такого рода анализа в настоящий момент. Прежде всего – новый стратегический момент в международной обстановке связан с ростом Китая. Но не просто с ростом Китая, поскольку реформы и сопутствующий им впечатляющий экономический

рост этой страны происходят уже почти 40 лет. 40 лет экономического роста и реформ КНР китайское руководство конвертировало в усиление влияния Китая на международной арене, а усиление этого влияния стало сказываться на некоторых параметрах региональных порядков. Начавшийся в 2008 г. мировой финансово-экономический кризис и снизившийся, но не прекращающийся экономический рост китайской экономики, усилили экономическую дифференциацию мирового

пространства, а в некоторых его сегментах стали даже приводить к фрагментированию мирового порядка, существующего с 1990-го года и основанного в значительной степени на международных договоренностях после окончания Второй мировой войны и запущенной в то время экономической модели, получившей название Вашингтонского консенсуса. Правительства практически всех стран сегодня понимают, что необходимо выйти на поиск новой модели стабильного развития и экономического роста. Поиск такой модели роста и развития ведется, но одновременно специалисты и политики стали осознавать неадекватность существующих и предлагаемых моделей экономического роста как либерального, так и кейнсианского типа. Соответственно поиск модели развития трансформировался в необходимость решения практических вопросов стратегического характера:

– можно ли сформировать модель роста на собственной основе и если ответ на этот вопрос – положительный, то какова может быть пространственная ипостась этой основы?

– если в современных экономико-технологических условиях успешную модель роста только на основе национального государства сформировать нельзя, так как она заведомо будет носить ограниченный и неконкурентный характер на международном уровне взаимосвязанных рынков, то до какой степени нужно обеспечивать открытость такой модели и ее кооперационный характер, чтобы гарантировать экономический рост и развитие, а также необходимую степень конкурентности, чтобы обеспечивать хотя бы догоняющий путь развития и необходимую степень политической стабильности? Т.е. до какой степени надо расширять пространственную характеристику экономики роста – до региона, макрорегиона, системы регионов / макрорегионов, связанных интеррегиональными / трансрегиональными связями? Или нужно все-таки совместно конструировать единое глобальное экономическое пространство, максимально отвечающее запросам конкурентного экономического развития?

– для России ответы на эти два вопроса могут носить еще более прагматичный ха-

рактер – на кого из существующих в верхнем экономическом эшелоне государств или государственных объединений – США, ЕС или Китай, можно опираться в своем развитии и внешней политике и в какой степени? Можно ли опираться на Китай в условиях кризиса отношений с США и ЕС? Или России опираться в своем развитии вообще не на кого, «кроме армии и флота» и тогда она обречена на историческое экономическое отставание или же на постоянное воспроизводство модели вечного догоняющего развития? Можно ли минимизировать противостояние с другими группировками государств или военное противостояние и политический изоляционизм есть часть экономической политики кейнсианского типа, которая как в СССР при И. Сталине, Л. Брежнев и в США при президенте Р. Рейгане может послужить драйвером национального экономического развития? Какова «цена» такой модели? Надо ли пытаться формировать дипломатические коалиции экономически и технологически значимых государств, чтобы способствовать дальнейшему технологическому перевооружению своей страны, повышению благосостояния населения, имея для осуществления этого курса необходимый уровень политико-экономической стабильности, но не изоляционизма и автаркии, которые блокируют развитие?

Эти вопросы имеют также прикладное внешнеполитическое и военно-политическое значение, они конвертируются в положения внешнеполитических и военных доктрин, практическую внешнюю и военную политику, систему международных связей и их политическую составляющую.

Важно понимание «китайского фактора» и с точки зрения развития не только внешне – , но и внутривнутриполитических процессов в самой России, а также и в более широком политико-экономическом контексте. В связи с этим необходимо понять – станет ли Азия центром мирового экономического, экономико-технологического развития или сосредоточием только геополитических и военно-политических противоречий?

Для того, чтобы определить степень влияния «китайского фактора» на состояние международной и военно-политической

обстановки в Евразии и Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР) надо сначала комплексно оценить китайскую модель развития. По этой проблематике существует довольно много литературы экономического и политико-экономического содержания на разных языках и публикуется довольно подробные массивы статистических данных¹. Если суммировать современные оценки китайской модели развития, то можно заключить, что:

- реформы привели к феноменальному успеху Китая, превратив его по ряду параметров из бедного в относительно развитое государство (см. оценки 19 съезда КПК²), но Китай все же пока не превратился в экономический центр мира;

- объема китайского ВВП по ППС и совокупного инновационного потенциала пока все еще недостаточно для того, чтобы определять правила игры в мировой экономике;

- экономический рост в Китае, кризисные явления в экономике США, а затем появление в ней нестабильных повышательных темпов роста недостаточны для того, чтобы однозначно утверждать, что Китай превратился в первую экономику мира, как по абсолютным, так и по относительным показателям, а также по количественным и

качественным характеристикам, заставил мировую экономику полностью переориентироваться на Китай, а США уступили свое военное, политическое и экономическое лидерство;

- не смотря на экономические успехи китайской модели развития, китайский юань (*жэньминьби*) не сможет превратиться в краткосрочной и среднесрочной перспективе в мировую валюту³ и будет ограничен в использовании во внешней торговле и внешнеэкономических сделках мирового уровня, хотя сфера его использования существенно расширяется;

- Китаю пока не удалось переориентировать страны АТР и Юго-Восточной Азии на свою экономику и обеспечить скачкообразное расширение внешнеэкономических связей за счет полной переориентации экономик региона на экономические связи с Китаем;

- военно-политической переориентации стран АТР на Китай также пока не происходит, страны АТР не пошли на полноформатную переориентацию системы своих внешнеполитических и военно-политических партнерств в связи с экономическим ростом Китая, даже не смотря на усиление на них китайского экономического, военно-политического и внешнеполитического давления.

Таким образом, экономические связи стран АТР с Китаем в целом за последнее время не усилились, а по некоторым параметрам они даже застопорились; не происходит их скачкообразного качественного поступательного развития, а перспектива дальнейшего эволюционного развития оказалась затруднена рядом структурных и военно-политических соображений правительств стран АТР; переориентации военно-политических связей стран АТР на Китай не произошло. Однако наблюдается повышение уровня экономического развития части азиатских стран АТР и существенное повышение их благосостояния, в том числе и за счет прагматичного усиления экономи-

¹ Капица Л.М. Индикаторы мирового развития. – М.: МГИМО Университет, 2016. [Kapitsa, L.M. Indikatory mirovogo razvitiia (Indicators of World Development). Moscow: MGIMO Universitet, 2016.]; См., также к примеру, сопутствующую литературу в книгах Shambaugh, David. China's Future. Malden, Mass.: Polity Press, 2016; Holstag, Jonathan. China's Coming War with Asia. Malden, Mass.: Polity Press, 2016; Clegg, Jenny. China's Global Strategy. London & New York: Pluto Press, 2009; Yip, George S.; Mckern, Bruce. China's Next Strategic Advantage. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2016; Bergsten, C. Fred and the Institute for International Economics. The United States and the World Economy. Washington, DC: Institute for International Economics, 2005.

² 习近平. 在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 = Си Цзиньпин. Доклад на 19-м Всекитайском съезде КПК / CPC.PEOPLE.COM.CN: информационный ресурс «Жэньминь Жибао онлайн». Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-15.html> (кит./Chinese)

³ Overholt, William H.; Ma Guonan; Chewng Kwok Law. Renminbi Risisng. A New Global Monetary System Emerges. Chichester: John Wiley & Sons, 2016.

ческих связей с Китаем при сохранении существующей системы военно-политических коалиций.

В то же время в регионе возникли две новые тенденции: в последнее время стала формироваться альтернатива китайскому фактору развития, а также начала усиливаться конкуренция моделей политики России и Китая с одной стороны и США, Японии и Индии, с другой. При этом в Китае, как и в России, есть существенный сегмент военно-политической элиты, который хочет не только сохранения существующего уровня военно-политических отношений, но и эволюции этих отношений вплоть до формирования двустороннего военно-политического союза с фиксированием ослабленного экономического положения России. Так, в 2018 г. ВВП России стал незначительно, но меньше, чем ВВП одной китайской провинции Гуандун. Однако этот сегмент военно-политической элиты Китая не отражает интересы большинства в китайском руководстве и не определяет всю внешне- и внутриполитическую политику Китая как в настоящее время, так, по-видимому, и в среднесрочной перспективе.

За последние годы своего развития китайская экономика по показателям ВВП, пересчитанному по ППС, превратилась во вторую экономику мира. Китай по относительной, а также по некоторым параметрам абсолютной комплексной мощи сумел существенно продвинуться вперед. Некоторые высокоавторитетные китайские аналитики, к примеру, Ян Цзэмянь, Ян Цзеци, Янь Сюэтунь и др., а также часть аналитиков, связанных с китайским ВПК и военными учреждениями считают, что Китай по комплексной мощи уже превосходит США, но эта точка зрения не получила выпуклого отражения в докладе Си Цзиньпина на 19 съезде КПК, формулировки которого отражают наиболее взвешенную точку зрения китайского политического и аналитического сообщества. В то же время поскольку Китай будет продолжать нуждаться в российских энергетических ресурсах, чтобы иметь альтернативу ресурсам, контролируемым военно-политическими блоками и коалициями стран Запада, он будет заинтересован

в стабильном поступательном развитии отношений с Россией, продолжит нуждаться в поддержке стран развивающегося мира, чтобы противостоять давлению США, но будет стараться при этом усиливать свое влияние в развивающемся мире и выступать в качестве его неформального лидера. Китай будет продолжать нуждаться в импортных военных и других технологиях и инновациях, в том числе и альтернативного типа, и будет обеспечивать активное внешнеполитическое прикрытие осуществлению политики по импорту зарубежных технологий и инноваций из всех возможных источников и, прежде всего, из развитых стран западной коалиции.

США в настоящее время продолжают относительный нестабильный экономический рост на фоне очень высоких абсолютных показателей экономики и по номинальному ВВП на душу населения останутся на лидирующем месте в мире среди крупных экономик в течение как минимум следующих 5 лет; за последние 20 лет США имеют усредненный рост экономики выше, чем в Германии и Японии, рост производительности труда примерно на 1% выше, чем в Германии, находятся в верхней строчке рейтинга конкурентоспособности «больших государств» с экономиками «полного цикла», стоят на первом месте в мире по патентованию ключевых, в том числе и военных, технологий и обладают военным бюджетом, сравнимым в долларовом эквиваленте с половиной всех мировых расходов на вооружение. Таким образом, США останется, по-видимому, самой большой экономикой мира до 2025 г., а если принять во внимание замедление экономического роста в Китае и возобновившийся рост американской экономики и энергичные усилия президента Д. Трампа исправить торговые дисбалансы с другими странами, то, по-видимому, как минимум до 2030 г., если и не до 2050 г.

Китай и Индия только по размеру (объему) своих экономик стали приближаться к США, альтернативный путь успешного ускоренного качественного развития в новых экономических условиях ими пока не сформирован, или, как минимум, его стратегическая перспектива окончательно не про-

яснена, но Китай при этом за время осуществления реформ в стране в отличие от других крупных держав не только сумел подняться от уровня абсолютной бедности подавляющей массы населения к уровню развитого государства по некоторым параметрам развития, но и мастерски приспособливает свое развитие к существующей мировой системе, существенно повысив свое место в неформальной системе мировых отношений.

В такой ситуации внимание к «китайскому фактору» в регионе АТР обуславливается не только его успехами, но и тем, что Китай стал влиять на условия формирования региональных порядков. Усилилось влияние Китая на некоторые страны Южной Азии и АТР (Пакистан, Лаос, Камбоджа, Таиланд, Филиппины, Австралия и др.). Китай многими аналитиками и политиками стал рассматриваться как важнейший инструмент развития срединной части континентальной Евразии⁴, и, возможно, региона ЮВА, но все же не как основной источник их экономического процветания. Т.е. в настоящее время региональным аналитикам становится ясно, что основным источником экономического процветания АТР и Азии Китай может и не стать, в то время, как его геополитическое влияние может и будет возрастать, а военно-политическое влияние в некоторых ключевых точках АТР, чрезвычайно важных для Китая (ЮКМ, система о-вов в Индийском океане, о-ва Сенкаку / Дяоюйдао, Токто и др.) может усиливаться.

Это означает, что Китай будет продолжать восприниматься как важный фактор мирового развития, однако пока недоста-

⁴ Новый Шелковый путь и его значение для России / под ред. В.Е. Петровского, А.Г. Ларина. – М.: ДеЛи плюс, 2016. [Novyi Shelkovyi put' i ego znachenie dlia Rossii (New Silk Road and Its Significance for Russia) / Ed. by V.E. Petrovsky, A.G. Larin. Moscow: DeLi plus, 2016.]; Современные российско-китайские отношения / под ред. С.Г. Лузянина, А.Г. Ларина, Е.И. Сафроновой, И.В. Ушакова, Е.В. Белилиной. – М.: ДеЛи плюс, 2017. [Sovremennye rossiiskokitaiskie otnosheniia (Modern Russian-Chinese Relations) / Ed. by S.G. Luzianin, A.G. Larin, E.I. Safronova, I.V. Ushakov, E.V. Belilina. Moscow: DeLi plus, 2017.]

точный для того, чтобы говорить о полноформатной переориентации АТР и даже Восточной Азии на Китай. Продолжится процесс диверсификации и конкуренции моделей успешного развития с опорой, как на США, так и на Китай, а также на внутрорегиональные источники экономического роста не связанные с китайской моделью развития. Таким образом, окончательной поляризации мировой системы в настоящих условиях не будет наблюдаться, китайско-американская конфликтность в ближайшей перспективе все-таки не будет перерастать в открытое противостояние, а конкуренция будет сочетаться с усилением конструктивного сотрудничества США и КНР по ключевым вопросам мировой стабильности, по которым у США и Китая уже наблюдается устойчивый консенсус. Однако официальные представители обеих стран, в отличие от аналитиков и журналистов, будут всячески избегать награждать эти отношения эпитетами «партнерство» / «G-2» и т.д., хотя де-факто их отношения будут дрейфовать именно в эту сторону, вызывая все большее беспокойство у союзников США и, возможно, других стран типа Японии, Индии, России, но при этом обеспечивая стабильность мировой системе.

Для других стран это означает, что чем дольше какая-либо конкретная страна будет иметь возможность сохранять конструктивные отношения с этими двумя главными мировыми геополитическими игроками в условиях их несомненной взаимосвязанности и взаимозависимости, тем более успешной будет ее собственное геоэкономическое продвижение вверх в мировой иерархии и тем больше возможностей у такой страны будет для того, чтобы превратиться в важный конструктивный элемент мировой политики и нарастить свое реальное международное влияние, опираясь не только и не столько на военный потенциал, сколько на конструктивную дипломатию и на геополитические / геоэкономические инструменты развития. В этой связи важно отметить, что успех осуществляемой Д. Трампом и его администрацией политики «демократического национализма», замешанной на изоляционистских тенденциях и при опоре на мень-

шинство – рабочий класс и низший сегмент среднего класса⁵ – не гарантирован в самих США. Слепое следование этому курсу во внутренней и внешней политике в других социально-политических условиях, особенно в странах с гибридными политическими режимами или «зависшими» на стадии политико-экономического перехода, неизбежно чреваты усилением авторитаризма, изоляционизма, потерей темпов развития и внешнеполитическими потрясениями. При этом политическая система США, в отличие от политических систем многих других стран, все же позволяет успешно корректировать многие крайние проявления трамповского «демократического национализма» в том числе и юридическими способами.

Сомнения региональных аналитиков относительно способности Китая стать источником процветания для стран АТР и Евразии связаны с сомнениями в абсолютной устойчивости существующей модели китайского экономического роста, пока все еще основанной на экспорте и инвестициях, а также с достаточно долгим прогнозируемым реальным сроком перехода китайской экономики на модель внутреннего потребления. На это Китаю, по оценкам независимых экономистов, потребуется не менее 10-15 лет, т.е. существенно больше времени, чем считалось ранее.

Китай впервые за период последних 30 лет испытал сильное сокращение объема внешней торговли и не смог превратиться, как планировалось ранее, в торговую державу №1. В тоже время Китай сумел выдвинуть целый ряд многообещающих инициатив трансрегионального и интеррегионального характера (проекты: Нового Шелкового пути, Морского Шелкового пути, Арктического экономического пояса, V4-Китай внутри ЕС и др.). Однако претворение в жизнь этих проектов потребует долгого времени, больших политических усилий и финансовых затрат, при том, что окончательный успех этих масштабных инициатив отнюдь не гарантирован из-за усложняющегося ха-

рактера мировых процессов. Именно эти причины, в конце концов, объясняют реформативное изменение китайской модели политического управления⁶ в направлении усиления централизации, в частности и путем ликвидации временной ограниченности срока политической деятельности на посту председателя КНР и его заместителя.

19 съезд КПК показал, что китайский руководитель Си Цзиньпин сумел увеличить горизонт политического планирования в Китае до 10-15 лет, хотя и сломал модель коллективного руководства. При этом он обеспечил в условиях отсутствия внутриэлитного консенсуса как минимум шесть вариантов передачи власти новому поколению руководителей Китая, тем самым увеличив ширину своего политического маневра в 2022 г. Однопартийная система при этом, скорее всего, останется основным политическим инструментом сохранения стабильности и развития Китая, хотя в последующий период и будут проводиться структурные реформы с «китайской спецификой», номенклатура мер и диапазон вариативности которых в целом уже более или менее прописаны в документах последнего съезда КПК⁷.

В условиях изменения характера внешней и внутренней политики в США при новом президенте Д. Трампе, подтвердивший свой «мандат на правление» на 19 съезде КПК Си Цзиньпин и его советники использовали весь накопленный с 1979 г. ресурс китайско-американских отношений для нормализации этих отношений в условиях кардинальной смены американского внешнеполитического и внутривосточного курса новой американской администрацией. Важно отметить при этом, что инструменты и каналы, которые использовались для

⁵ Mills, Daniel Quinn; Rosefielde, Steven. *The Trump Phenomenon and the Future of US Foreign Policy*. Singapore, London, Chennai, New York: World Scientific, 2016.

⁶ Shambaugh, David. *China's Communist Party. Atrophy and Adaptation*. Washington, DC.: Woodrow Wilson Center Press, 2008.

⁷ 19 съезд КПК: внешние и внутренние последствия и перспективы реформ в Китае // Сравнительная политика. 2018. № 2. с. 140-159. [19 съезд КПК: внешние и внутренние последствия и перспективы реформ в Китае (19th National Congress of the Communist Party of China: Internal and External Effects and Prospects of China's Reforms) // *Sravnitel'naiia politika (Comparative Politics Russia)*, 2018, No. 2, pp. 140-159.]

этого китайской политической элитой в настоящее время активно деконструируются внутри самой администрации Д. Трампа, чтобы минимизировать китайское влияние и способствовать формированию в будущем более широкой политической поддержки самому Д. Трампу, чтобы не заблокировать ему возможность баллотироваться на второй президентский срок.

Выбранный Д. Трампом акцент на усиление экономических интересов и мощи США (*"America's first"*) в настоящих условиях вполне устраивает Китай, поскольку не педалирует сдерживание Китая и особенно его регионального влияния. Новый акцент Д. Трампа (речь в Парламенте Республики Корея в 2017 г.) на «свободной Индо-Пасифике» как альтернативе «китайской мечте» (*чжунго мэн*) в принципе не должен привести к усилению китайско-американского противостояния в регионе, хотя и чреват усилением ассиметричной конкуренции гибридного типа и опасностью для России маргинализации ее собственной политики в АТР. США провозгласили «новый тип партнерства» с «сильными, независимыми нациями», «без доминирования», основанного на процветании «без зависимости» и «игре по правилам»⁸. В рамках этой стратегии США будут усиливать свои взаимоотношения с Индией, формируя с ней гибридное региональное военно-политическое и экономическое партнерство «мягкого» типа, а начиная с 2018 г. укрепляя его также с Сингапуром, Вьетнамом, Индонезией, Малайзией и Австралией.

Концентрация внимания Д. Трампа на ядерной проблеме Корейского полуострова и американской экономике дает возможность развивать китайско-американские отношения в конструктивном для обеих сторон направлении. Таким образом, меньше,

чем за год с момента инаугурации Д. Трампа, коренным образом «перетрясшего» в отличие от предшествующих президентов-республиканцев внутреннюю и внешнюю повестку американской политики, китайская дипломатия сумела стабилизировать китайско-американские отношения и нашла модус конструктивного партнерства с новой американской администрацией, обеспечив не только нормализацию, но в перспективе и достаточно конструктивный характер этих отношений как минимум на весь первый срок президентства Д. Трампа.

Таким образом обстановка в АТР в целом характеризуется следующими моментами:

- сформированная за последние десятилетия система военно-политических связей в регионе вокруг США не только не деформировалась, но парадоксальным образом даже укрепились;

- военно-политической переориентации на Китай в АТР и Евразии пока не происходит, хотя экономическое влияние Китая на некоторые страны АТР и Евразии усилилось кардинальным образом;

- страны АТР-союзники США не пошли на пересмотр своих систем военно-политических партнерств в связи с экономическим ростом Китая и усилением его военно-политического давления;

- китайское дипломатическое воздействие на страны АТР и его военно-политическое влияние в регионе усиливается, но экономические связи в целом перестали усиливаться и не приобретают структурного характера; не происходит пока и заметного качественного изменения этих связей;

- Китай усиливает свое влияние исподволь, используя подчас не совсем легитимные, а иногда и не совсем легальные с точки зрения ряда стран АТР (Австралия, Филиппины, Индия, Япония) способы, и делает это вполне успешно. В тоже время формирование как прокитайской, так и антикитайской коалиций в регионе затруднено рядом объективных и субъективных причин, а других способов усиления своего влияния, не вызывая в ответ явного противодействия ему в регионе, у Китая, объективно говоря, пока не наблюдается;

⁸ Remarks by President Trump at APEC CEO Summit // *Da Nang*, Vietnam, November 10, 2017; Remarks by the President of the United States to the National Assembly of the Republic of Korea // *Seoul*, Republic of Korea, November 7, 2017. Mode of access: www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/11/07/remarks-president-trump-national-assembly-republic-korea-seoul-public

– постепенно начинает формироваться альтернатива военно-политическому влиянию Китая в АТР. Но эта альтернатива носит неэкономический или военно-политический, а сложный гибридный характер, связанный с поисками альтернативных путей развития, происходит на функциональной основе и с опорой на регионализацию функционального типа. Самостоятельная политическая игра независимых игроков в условиях гибридной альтернативы представляется весьма затруднительной, поскольку требует больших экономических и финансовых вложений;

– в результате развития такой гибридной альтернативы, постепенно и при определенных условиях внутри Большой Восточной Азии⁹ могут сформироваться два типа мезорегионов функционального типа – Индо-Тихоокеанский (Индо-Пасифика), с акцентом на политико-экономическое развитие свободного рыночного типа (причем внешняя политика республиканского президента в регионе будет в целом отличаться от внутриамериканской), и регион китайского проекта «пояса и пути», развитие которого будет основано на продвижении, прежде всего, китайских национально-государственных интересов с опорой на военно-политическое партнерство и прагматичный рыночный интерес, прежде всего, но не в императивном варианте, с политическими режимами авторитарного, патерналистского и консервативного типа. Наличие нескольких параллельных и чрезвычайно масштабных китайских проектов будет затруднять успех каждого из них по отдельности, и кумулятивный эффект от них для Китая с точки зрения его окончательного превращения в новый экономический и геополитический центр мировой системы все еще неочевиден. Одновременно степень внешнеполитической гибкости и прагматизма Китая будет возрастать в рамках осуществления новой китайской доктри-

ны «морального реализма»¹⁰, поскольку они напрямую связаны с необходимостью повышения Китая своей внешней и внутренней конкурентоспособности. Это может привести, в том числе и к существенному усложнению характера российско-китайской внешнеполитической «связки», а внешнеполитические инициативы российской дипломатии в регионе по этой причине могут подвергнуться маргинализации.

При современном состоянии военно-политической обстановки в АТР военно-политические отношения США со своими союзниками в регионе, по-видимому, будут преследовать следующие цели:

С Японией,

– формирование скоординированных отношений взаимозаменяемости исходя из прозрачности для США военно-политических целей Японии – необходимости защиты акватории о-вов Сенкаку, осуществления военно-политической поддержки США на Корейском полуострове и выполнения совместных мирных миссий в соответствии с мандатом ООН;

– скоординированное планирование и использование одного и того же военного оборудования;

– проведение военных маневров, направленных на отработку реальных совместных действий многоформатного характера во всех областях военно-политического сотрудничества;

– осуществление и расширение взаимозаменяемости между частями, осуществляющими оперативное взаимодействие;

– тесное взаимодействие в области ПРО.

С Республикой Корея,

– на основе формирующейся взаимозаменяемости совместная защита от возможных действий наступательного характера северокорейских ВС на Корейском полуострове совместно с 8-ой армией США;

– совместная защита РК от возможных действий наступательного характера северокорейских ВС совместно с 7-ым воздушным флотом США;

– совместное прикрытие военных операций с моря совместно с 7-ым военно-

⁹ Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации. М.: МГИМО Университет, 2010. [Bol'shaia Vostochnaia Aziia: mirovaia politika i regional'nye transformatsii (Greater East Asia: World Politics and Regional Transformations). Moscow: MGIMO Universitet, 2010.]

¹⁰ Voskressenski, Alexei D. Non-Western International Relations Theories. Springer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017

морским флотом США и 3-им экспедиционным корпусом морской пехоты США;

– совместные военные операции в Аденском заливе, направленные на противодействие международному пиратству и усиление контроля над морскими торговыми путями.

С Австралией,

– укрепление отношений по линии преференциальной безопасности на основе полной взаимодополняемости, но при этом в условиях усиливающегося экономического влияния Китая.

С Республикой Филиппины,

– усиление военно-политической координации.

С Таиландом,

– проведение совместных маневров в условиях сильного экономического влияния Китая.

С Индией,

– расширение военно-политического сотрудничества в условиях оценки индийскими силовыми структурами китайских макрорегиональных проектов как внешнеполитического вызова политике неприсоединения Индии;

– расширение военно-технического сотрудничества с Индией в условиях политики уменьшения зависимости Индии от закупок вооружения в России;

– усиление координации с ВВС и ВМФ Индии.

Основными «болевыми» точками в регионе при таком развитии могут быть: Корейский полуостров, район вокруг о-ва Тайвань и акватория Южно-Китайского моря.

Корейский полуостров

Поскольку нет 100% уверенности, что северокорейский режим обладает ядерным оружием и межконтинентальными средствами его доставки провозглашенного им качества и боеспособности, наличие такого оружия должно быть подтверждено полномасштабными испытаниями как самого оружия, так и его средств доставки. Полномасштабное испытание в той или иной степени затронет соседние с Северной Кореей государства. Так, к примеру, полномасштабное испытание средств доставки приведет

к пересечению этими средствами воздушных пространств соседних государств, а наземные испытания – к землетрясениям или формированию ядерного загрязнения, которое может переноситься ветром. Следовательно, в этих условиях становится важным конкретное внешнеполитическое «поведение» северокорейского режима в связи с полномасштабными испытаниями: будут ли они все же проведены и в какой форме, или северокорейские власти от них откажутся, какой риторикой это будет сопровождаться, к каким последствиям эта политика приведет и т.д. Если такое полномасштабное испытание ядерного оружия и средств доставки будет проведено и подтверждено, что Северная Корея может нанести ядерный удар по крупным городам США (Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Вашингтон), причем испытания будут сопровождаться агрессивной риторикой, то это может привести к тому, что в США может быть принято решение о нанесении превентивного удара, в том числе и ядерного. Подтверждение наличия у Северной Кореи миниатюрного ядерного заряда и надежных средств его доставки, способных представлять угрозу для мегаполисов США, будет представлять угрозу и для Японии, поэтому потребует и от нее ответных мер как дипломатического, так и военного характера.

В этих условиях японское руководство считает, что должен быть выработан план по отношению к Северной Корее, этот план должен быть обсужден и утвержден на международном уровне, а Северная Корея должна быть вовлечена международным сообществом в его осуществление. Именно поэтому южнокорейская дипломатия предприняла беспрецедентные дипломатические усилия, которые увенчались организацией в целом успешных встреч руководителей КНДР и Республики Корея в апреле 2018 г., чтобы создать возможность для проведения первой в истории американо-северокорейской встрече на высшем уровне в июне 2018 г.

Руководство Китая исходит из того, что в международном сообществе пока не сформировалась единая позиция по отношению к северокорейской ядерной проблеме; позиции ключевых держав – США, Китая и Рос-

сии – отличаются, а значит северокорейская проблема – международная и решать ее надо на международном уровне, но денуклеаризация Корейского п-ова в интересах всех участников межкорейского политического процесса, а китайское посредничество будет отражать усиливающуюся роль Китая на международной арене.

Руководство Республики Корея при этом считает, что у страны нет другого пути, кроме как присоединиться к международным санкциям в отношении северокорейского политического режима; однако при этом надо оставить место для диалога, нацелив его на окончательную денуклеаризацию Корейского полуострова и не допустить опасного соперничества «великих держав» в регионе. При этом южнокорейское руководство хотело бы попутно получить от США передовые военные технологии и добиться еще более прочных гарантий американо-корейского военного союза.

В ходе последнего по времени усиления конфликтности на Корейском полуострове военно-политическое руководство РК добилось согласия США на предоставление новейших военных технологий, размещения подводных лодок в акватории вокруг Корейского полуострова, а также согласия командования США на увеличение веса южнокорейских артиллерийских боеприпасов до 500 кг, что, при определенных условиях, даст возможность использовать на Корейском полуострове корейские артиллерийские системы, в том числе и с поставленными американским союзником на определенных условиях тактическими ядерными боезарядами, если это потребуется в связи с неожиданным ухудшением военно-политической ситуации на Корейском полуострове.

США не только подтвердили, но за последнее время и усилили свои военно-политические связи с ближайшими союзниками в регионе Корейского полуострова. США объявили во время президентства Б. Обамы и сохранили в ядерной доктрине при президентстве Д. Трампа условия нанесения упреждающего ядерного удара, однако характер этих условий не раскрывается. США была произведена крупнейшая после 1945 г. передислокация флотов и авианос-

ных групп, проведены три испытания межконтинентальных баллистических ракет Минитмен III; самолеты F-15 и B-1, в том числе и в версиях, способных нести ядерные боеприпасы, начали патрулирование территорий, непосредственно примыкающих к границам Северной Кореи, а также «через» территорию или в секторах, пересекающих территорию Северной Кореи; 12 самолётов F-35A Stealth были размещены на 6 месяцев на территории японской военной базы в акватории, прилегающей к КНДР; было инициировано патрулирование акватории американскими подводными лодками, в том числе как минимум одной, способной нести ракеты с ядерными боезарядами. Боезапас, размещенный на американской военной базе на о. Гуам был увеличен на 10%. Таким образом, программе северокорейских ядерных испытаний и испытаний средств доставки был дан исчерпывающий военный ответ. Однако продолжает сохраняться интрига при ответе на главный вопрос: каковы военно-политические условия нанесения США военного удара, в том числе и ядерным оружием, для обеспечения своих национальных интересов и защиты военно-политических союзников в регионе? Эти тенденции сделали возможным диалог между высшими руководителями КНДР и Республики Корея, а также открыли перспективы для встречи на высшем уровне КНДР-США, перспективы которой остаются достаточно неопределенными. Не имея гарантий успешности этой встречи с точки зрения своих политических интересов, Д. Трамп в своей своеобразной манере – письмом в Твиттере – отложил встречу до лучших времен, поставив процесс снижения напряженности на Корейском полуострове в зависимость от дальнейших шагов американской дипломатии, однако в конечном счете согласился на встречу фактически без всяких предварительных условий.

В послании 2018 г. Президента РФ Федеральному собранию было показано, что Российская Федерация обладает новыми средствами военно-политической защиты своих интересов при любом развитии ситуации как в регионе, так и в мире и полностью восстановила свой статус первоклассной военной

супердержавы. В тоже время надо понимать, что средства стратегического сдерживания – это оружие «судного дня», последствием применения которого будет катастрофа планетарного масштаба. Такого рода средства подтверждают стратегическую стабильность, но одновременно никак не усиливают невоенные инструменты международного и регионального взаимодействия. Не решает это оружие и вопрос обеспечения экономического роста, развития, а также выхода из дипломатической изоляции. Именно поэтому Россия, как и Китай, выступают за разрешение ядерной проблемы Корейского п-ова политическими и дипломатическими средствами.

В этих условиях суживается поле для маневра прагматически и конструктивно мыслящего сегмента политической элиты стран АТР-союзников США и одновременно возрастает желание части правящих кругов РК, Японии, а возможно и Тайваня (радикалы и крайне правые политические силы) иметь собственное ядерное оружие, что не встречает поддержки у военно-политического руководства США, поскольку такое развитие ситуации практически полностью подорвет международный режим ядерного нераспространения. Чтобы этого не произошло, военно-политическое командование США инициировало «диалог по сдерживанию» и сформировало механизм военных связей с союзниками в регионе, согласившись на усиление военных возможностей своих союзников путем расширения военных поставок и предоставления им передовых военных технологий. Цель этих мер – запуск асимметричного механизма «расширенного сдерживания» с акцентом не столько на сдерживание вероятного регионального противника – Северной Кореи, сколько на то, чтобы убедить американских региональных военно-политических союзников, что они не будут оставлены один на один с ядерной Северной Кореей, если ситуация будет развиваться по наимухудшему сценарию.

В тоже время внутриполитическая ситуация в самих США остается сложной. Сенатор Л. Грэм уже заявлял в 2017 г., что вероятность войны в регионе будет увеличиваться, если Северная Корея полностью не откажется от ядерного арсенала. Отсутствие

однозначного внутривнутриполитического консенсуса в США по этому вопросу усиливает опасения военно-политических кругов Южной Кореи и Японии, что существует опасность одностороннего американского вмешательства на Корейском п-ве в ситуации, когда военно-политическое руководство США при определенных условиях может поставить своих союзников перед свершившимся фактом такого вмешательства. Нанесение ракетного удара по террористам в Сирии во время нахождения руководителя Китая в резиденции Д. Трампа во Флориде и перенос США своего посольства в Иерусалим показывают, что вероятность принятия республиканским президентом такого рода решений без консультаций со своими союзниками весьма велика.

«Тайваньская» проблема

Несмотря, казалось бы, на отход этой проблемы в регионе на второй план существует два важных момента, которые требуют пристального внимания. Первое – прямой телефонный звонок американского президента высшему руководителю островной части Китая (Тайвань) Цай Иньвэнь после ее победы на выборах. Такое произошло впервые после 1945 г. Несмотря на то, что Д. Трамп позже подтвердил неизменность политики США в отношении «одного Китая», этот звонок некоторыми зарубежными аналитиками рассматривается как теоретическое подтверждение возможности изменения позиции США по отношению к осуществляемой ими с 1979 г. политики в отношении Китая. Еще одно объяснение этого звонка связано с необходимостью подчеркнуть проблему выбора для китайского руководства – поддержка, пусть и молчаливая, позиции северокорейского режима по вопросу «легализации» его ядерного статуса может привести к изменению позиции США по вопросу «одного Китая». Возможность такого рода практических шагов администрации Д. Трампа уже подтверждена, в частности, изменением позиции США по вопросу статуса Иерусалима. Осуждение неконструктивной до начала 2018 г. военно-политической позиции северокорейского руководства и поддержка по-

зиции мирового сообщества, направленной на денуклеаризацию Корейского полуострова, сохранит статус-кво по вопросу «одного Китая», что гораздо более важно для китайского руководства, чем возможный ядерный статус северокорейского режима, чреватый фундаментальными сдвигами в системе безопасности региона, в том числе и с трудно прогнозируемыми для самого Китая последствиями ядерного усиления суверенитета Северной Кореи и возможной ответной нуклеаризации соседних государств.

Второй момент, связанный с «тайваньским вопросом», упирается в «проблему 2020», когда усиление напряженности по берегам Тайваньского пролива во время очередных выборов высшего руководителя Тайваня, может привести не только усилению давления на остров со стороны континентального Китая, но и использоваться как предлог для изменения существующей практики ухода высшего руководителя континентальной части Китая из большой политики после завершения второго срока и введение практики третьего срока в дополнение к неограниченному сроку нахождения на посту для Председателя КНР и его заместителя, что уже подтверждено изменениями 2018 г. в китайской конституции. Реакцию США и мирового сообщества на такой поворот событий трудно спрогнозировать в нынешней ситуации. Именно поэтому такого рода изменения, но промежуточного характера, и были инициированы китайским руководством в 2018 г.

Южно-Китайское море

Несмотря на продолжающуюся политику закрепления китайского влияния на островах Южно-Китайского моря и периодическое усиление напряженности, военно-политическое руководство континентального Китая не смогло добиться полного контроля над этим регионом. Соответственно Китай продолжит политику строительства искусственных островов и военных баз, что будет приводить к аналогичной, но меньшего масштаба из-за наличия меньших финансовых возможностей политике других государств-соседей Китая в этом районе, а также к пристальному вниманию к этому

региону как минимум командования 7-го флота США. Военно-политическое руководство Китая запустило программу строительства авианосцев, в том числе с атомной двигательной установкой и, возможно, электромагнитной катапульты. Китай стал третьим в мире государством (после США и Великобритании), способным строить «супер-авианосцы» водоизмещением более 70000 т. Китайская программа строительства авианосцев будет только наращиваться, предусмотрен ввод в эксплуатацию 4-6 авианосных групп в следующие 5 лет. Это позволит КНР усилить свое военно-политическое присутствие в районе о-вов Спратли и ЮКМ и усилить военно-политическое давление, в том числе на страны АСЕАН. Усиление китайского давления несомненно вызовет ответные меры асимметричного характера в регионе, которые пока прогнозировать затруднительно.

Таким образом, военно-политическая ситуация в АТР продолжит меняться и усложняться, она будет прежде всего зависеть от позиций и политики США и Китая в регионе.

Для политического руководства США до конца все еще не определена степень вовлеченности в дела Азии¹¹. В тоже время политика США в регионе будет определяться пятью геополитическими вызовами:

- продолжающимся фрагментированием мирового порядка, основанного на существующих нормах и правилах, которые сложились в условиях абсолютного унитаризма США на мировой арене;

- продолжающимся экономическим подъемом Восточной Азии, ВВП государств которой увеличится в 2 раза к 2020 г. в сравнении с 1990 г., а также новой долгосрочной ситуацией, которая характеризуется тем, что хотя большинство государств Азии и рассматривают США как главную экономику мира, но Китай при этом становится и останется в среднесрочной перспективе важным фактором экономического развития в регионе.

- представлениями о том, что США отстают на международной арене, что будет

¹¹ Hauner, Milan. What is Asia to Us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. New York: Routledge, 1992.

подпитывать сомнения союзников в надежности партнерства с США;

– увеличением номенклатуры глобальных проблем, которые актуальны, но при этом никак не решаются (изменение климата, деградация окружающей среды, распространение деструктивных идеологий, финансовых ресурсов и инструментов, технологий, киберпреступности и др.), усиливают локальную конфликтность и теневую глобализацию;

– ослаблением глобальной управляемости. И демократические, и авторитарные режимы в настоящее время в равной степени имеют проблемы с легитимностью правления, оба главных соперничающих типов политических режимов не сформировали модель устойчивого роста и справедливого распределения экономических благ, эффективность решения сложных проблем не повышается, а коррупция никак не изживается.

Снижение эффективности глобальной управляемости и проблемы с легитимностью и эффективностью как режимов демократического, так и авторитарного типов начинают влиять в регионе АТР на принцип невмешательства во внутренние дела: подрывается принцип ядерного нераспространения, происходит уничтожение коралловых рифов как целостной экосистемы, происходит намыв искусственных островов, не решается проблема беженцев, киберпреступности, религиозного насилия и терроризма.

Неопределенность относительно развития военно-политической обстановки в регионе в целом усилилась из-за планомерно возросшей непредсказуемости США, вызванной осуществлением политики “*Americas's First*” в ответ на попытки ускорить делигитимизацию существующих норм международного права и агрессивно ослабить американское влияние в мире, ослабления и подрыва принципа конструктивности международного взаимодействия, неясности китайской альтернативы и непрозрачности китайской военной политики в целом и в регионе АТР в частности, а также из-за обострения ситуации на Корейском полуострове, вызванной испытаниями северокорейским политическим режимом ядерного оружия и его средствами достав-

ки. Это усложнило другим государствам, в том числе и России, проведение вышесказанной самостоятельной сбалансированной конструктивной политики в регионе, направленной на повышение безопасности, стабильности в интересах экономического роста и повышения благосостояния собственной страны.

Интересы США в целом и в регионе АТР в частности стали менее идеологическими и более подчиненными геополитическому императиву. США теперь, и в том числе в регионе АТР, ориентированы на полное восстановление американского влияния как решающей силы. Усилилась роль персонального фактора Д. Трампа в американской политике – не стоит сомневаться, что при нынешнем президенте у американской администрации при определенных обстоятельствах не будет никаких колебаний, свойственных президентам-демократам, по поводу применения военной силы (в том числе и ядерного оружия). Внешняя политика США при Д. Трампе будет покоиться на новой основе:

– *в отношении своих союзников* – заставить их как можно полнее разделить бремя ответственности за военно-политическую стабильность в регионе и ускоренное экономическое развитие Индо-Тихоокеанского региона (Индо-Пасифики), а также экономические, политические, военные и другие риски;

– *в отношении других государств в регионе* – предложить им на условиях добровольного участия совместное развитие на основе привлекательной рыночной экономической и политической модели полиформатного и многостороннего регионального развития, без навязывания этой модели, без прямого американского лидерства, но в условиях стабильной военно-политической обстановки и функционального единства, максимально выведя географически этот новый регион из сферы соприкосновения с китайской экономической системой и минимизируя внешнеполитическое, экономическое и военно-политическое сотрудничество с государствами, не вошедшими в эти макрорегионы нового функционально-географического типа;

– в отношении вероятных противников или государств, осуществляющих политику, направленную на максимально быструю деконструкцию существующей мировой системы военно-политической стабильности, а также конструирующих альтернативные региональные подсистемы на антиамериканской основе – максимально затормозить их развитие на самостоятельной или коалиционной основе всеми возможными национальными и коалиционными дипломатическими, внешнеполитическими, финансово-экономическими и военно-политическими средствами, но не путем прямого военно-политического противостояния, а на основе долгосрочной гибридной политики изматывающего типа, одновременно максимально «развязав себе руки» выходом из всех возможных международных соглашений, суживающих дипломатический или военно-политический маневр американской администрации и связывающих модель национального развития, направленную на восстановление американской мировой мощи.

Происходить это будет в рамках новой доктрины США – «реализма, основанного на принципах» (*principled realism*), возможно, в противовес, а возможно и во взаимозависимости с «моральным реализмом» в политике Китая. Таким образом, при усиливающейся американо-китайской экономической конкуренции не исчезает возможность конструктивного взаимодополнения этих двух доктрин и формирования на этой основе прагматичного американо-китайского глобального взаимодействия. Оценка ситуации в АТР, не представляющая в целом серьезного вызова для США, будет основана на основополагающей идее «Америка превыше всего», что будет являться самым главным внутривнутриполитическим ограничителем для политики США в регионе. Соответственно уменьшатся стратегические и тактические обязательства США, как в отношении НАТО и военно-политических союзников США в регионе, так и в отношении неамериканской региональной повестки. Такая ситуация увеличит окно возможностей для Китая по увеличению его глобального и регионального влияния, одновременно не увеличивая

напрямую китайско-американскую конфликтность. Представляется возможным, что развитие ситуации в этом направлении позволит России более четко сформировать свою Тихоокеанскую политику и четче позиционировать свое конструктивное наступательное присутствие в Большой Восточной Азии. Восточная Азия не станет единственным геополитическим приоритетом для США, поскольку Д. Трамп вернул в американскую внешнеполитическую повестку Ближний Восток, но для США, таким образом, будет объективно расширяться свобода военно-политического маневра в регионе.

Новая политика США, возможно, предоставит возможность Китаю решать проблему замедления экономического роста через расширение своей глобальной и региональной политики. Такая возможность для Китая хорошо осознается как администрацией Д. Трампа, так и американским внешнеполитическим истеблишментом, и силовым сообществом. Это вызывает в США, странах западной коалиции и в мире в целом ожесточенную дискуссию. При этом Китай в своей политике в регионе будет добиваться:

- безусловного признания своих позиций по территориальному вопросу, прежде всего в акватории ЮКМ, в Центральной Азии, а в долгосрочной перспективе вполне возможно, что де-факто и в Сибири, и на Дальнем Востоке;

- достижения преобладающего политико-экономического и военно-политического влияния в Юго-Восточной и Центральной Азии, усиления своего влияния в Индийском океане;

- решения территориальных вопросов на «китайских условиях»;

- достижения фактического признания особых отношений КНР с Монголией и фактически особого геополитического и военно-политического положения Китая в Центральной Азии;

- создания дипломатических условий императивной ориентации на Китай фактически в ущерб отношениям с другими странами, но максимально осторожно подчеркивая «особый характер» отношений других стран с Китаем;

– проведения в регионе торгово-инвестиционной политики, дружественной и экономически выгодной Китаю;

– признание косвенной ведущей роли Китая в АТР и Евразии в форме неформальных, но фактически обязательных консультаций с Китаем перед принятием важных решений геополитического, экономического и военно-политического характера и нацеленных на расширение в регионе прокитайской коалиции;

– обеспечения согласия других стран готовности принять китайскую рабочую силу и иммигрантов;

– укрепления де-факто особых прав китайских меньшинств за рубежом и признания прав Пекина осуществлять их защиту;

– продвижение и расширение употребления китайского языка в том числе и с целью достижения двуязычия в районе компактного проживания этнических китайцев в регионе.

Литература:

19 съезд КПК: внешние и внутренние последствия и перспективы реформ в Китае // Сравнительная политика. - 2018. - № 2. - с. 140-159.

Блохин К. В поисках стратегических приоритетов // Национальная оборона. - 2017. - № 2.

Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй Мировой войны. – М.: Конверт-МОНФ, 1997.

Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации. – М.: МГИМО Университет, 2010.

Вторая международная конференция «Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений». – М.: РСМД, 2016.

Гилев А. Многомерная война и новая оборонная стратегия // Россия в глобальной политике. – 2014. – Т.12 – № 5.

Каница Л.М. Индикаторы мирового развития. – М.: МГИМО Университет, 2016.

Китай и Восточная Европа: звенья нового Шелкового пути / отв. ред. В. Михеев, В. Швыдко. – М.: ИМЭМО РАН, 2016.

Кондратов А.И. Модель внешнеполитической деятельности государства. – М.: Издательство РАГС, 2010.

Кризис и новая повестка дня для корейского полуострова и региональных держав / отв. Ред. В. Михеев, В. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2018.

Кудров В.М. Международные экономические сопоставления и проблемы инновационного развития. – М.: Юстицинформ, 2011.

Международное экономическое сотрудничество в новых реалиях. Специальный выпуск к неделе российского бизнеса // Новости АТР. – № 1(9).

Мировая экономика. Прогноз до 2020 г. / Под ред. А.А. Дынкина. – М.: Магистр, 2007.

На пути к реализации стратегических инициатив КНР и России. Специальный выпуск к визиту Председателя КНР Си Цзиньпина в Россию // Новости АТР. – No. 2 (7).

Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А.И. Подберезкина, К.П. Боришполец. – М.: МГИМО, 2014.

Новый Шелковый путь и его значение для России / под ред. В.Е. Петровского, А.Г. Ларина. – М.: ДеЛи плюс, 2016.

Петерсен А. Россия, Китай и энергетическая геополитика в Центральной Азии / Александрос Петерсен при участии Катинки Барыш. – М.: Моск. Центр Карнеги, 2012.

Практика зарубежного регионоведения и мировой политики / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр-Инфра-М, 2016.

Прогноз стратегий стран тихоокеанского пространства / отв. ред. В. Михеев, В. Швыдко. – М.: ИМЭМО РАН, 2017.

Россия и мир в 2020 г.: Контуры тревожного будущего. – М.: Эксмо, 2015.

Современные российско-китайские отношения / под ред. С.Г. Лузынина, А.Г. Ларина, Е.И. Сафроновой, И.В. Ушакова, Е.В. Белилиной. – М.: ДеЛи плюс, 2017.

Современный Китай в условиях трансформации / отв. ред. Д.В. Кузнецов, Д.В. Буяров. – М.: ЛЕНАНД, 2015.

Стратегический глобальный прогноз 2030 / под ред. А.А. Дынкина. – М.: Магистр, 2011.

Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. – М.: МГИМО Университет, 2016.

Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и международная экспертиза. – М.: Аспект-Пресс, 2015.

American Australian and Japanese Perspectives on a Changing Security Environment // *CCC PASC Reports*, 2016, No. 2.

Bergsten, C. Fred and the Institute for International Economics. The United States and the World Economy. Washington, DC: Institute for International Economics, 2005.

Cheng, Li. Chinese Politics in the Xi Jinping Era. Reassessing Collective Leadership. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2016.

Clegg, Jenny. China's Global Strategy. London & New York: Pluto Press, 2009.

Cordesman, A.H.; Collay, C.; Wang, M. Chinese Strategy and Military Modernization in 2015 // *A Comparative Analysis*. CSIS, December, 2015.

Cronin, Patrik. Trump's Post-Pivot Strategy // *The Diplomat*, November 11, 2017.

Dayly, Robert. Donald Trump Asia's Trip // *Newsweek*, November 20, 2017.

Feuchtwang, Stephan; Steinmuller, Hans. China in Comparative Perspective. Singapore: World Scientific, 2017.

Haggard, Stephan; Myung Hwan Yu. Trump in Asia // *Global Asia*, Vol. 12, No. 4, Winter 2017.

Hauer, Milan. What is Asia to Us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. New York: Routledge, 1992.

Holstag, Jonathan. China's Coming War with Asia. Malden, Mass.: Polity Press, 2016.

Kim, Joonhyung. Evaluating Trump's Visit to South Korea // *East Asia Foundation Policy*, 2017, No.85.

Lee, Bernice. The Security Implications of New Taiwan. London: IISS Adelphi Paper, No. 331.

Mills, Daniel Quinn; Rosefelde, Steven. The Trump Phenomenon and the Future of US Foreign Policy. Singapore, London, Mumbai, New York: World Scientific, 2016.

Opportunity, Security Strength: The 2017 Foreign Policy White Paper // *Australian Department of Foreign Affairs and Trade*, November 23, 2017.

Overholt, William H.; Ma Guonan; Chewng Kwok Law. Renminbi Risisng. A New Global Monetary System Emerges. Chichester: John Wiley & Sons, 2016.

Pandolfe, Frank C. The Evolution of Modern U.S. Naval Strategy // *Naval War College Review*, 2016, Vol. 69, No. 4.

Rubel, Robert C. Exporting Security. China, the United States, and the Innovator's Dilemma // *Naval War College Review*, 2017, Vol. 70, No. 2.

Rubel, Robert P. Posture versus Presence. The Relationship between Global Naval Engagement and Naval War-Fighting Posture // *Naval War College Review*, 2016, Vol. 69, No. 4.

Shambaugh, David. China's Communist Party. Atrophy and Adaptation. Washington, DC.: Woodrow Wilson Center Press, 2008.

Shambaugh, David. China's Future. Malden, Mass.: Polity Press, 2016.

The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography and the Evolving balance of Power, 1996-2017 // RAND, California, 2015.

Van Jackson. Tactics of Strategic Competition. Grey Zones, Redlines, and Conflicts before War // *Naval War College Review*, 2017, Vol. 70, No.3.

Voskressenski, Alexei D. Non-Western International Relations Theories. Springer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017.

Wang Yi Briefs on Mar-a-Lago between Heads of State of China and the US // *Chinese Foreign Ministry*, April 8, 2017.

Yip, George S.; Mckern, Bruce. China's Next Strategic Advantage. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2016.

Zhao Hong. The South China Sea and China-ASEAN Relations // *Trends in South-East Asia*, 2014, No. 6.

Вэй Лихуа. Нэньюань боьи дачжань (Борьба за ресурсы. Самый большой вызов судьбе человечества). Пекин: Синь шицзе чубаньшэ, 2007. (кит./Chinese)

Инду Цзюэци юй Чжун-Ин Гуаньси (Подъем Индии и китайско-индийские отношения). Пекин: Дандай шицзе чубаньшэ, 2006. (кит./Chinese)

Лю Минфу. Чжунго мэн (Китайская мечта). Пекин: Чжунго ючи чубань гунсы, 2013. (кит./Chinese)

Си Цзиньпин. Доклад на 19-м Всекитайском съезде КПК / CPC.PEOPLE.COM.CN: информационный ресурс «Жэньминь Жибао онлайн». Режим доступа: <http://src.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-15.html> (кит./Chinese)

Цзюньши Тэкань. Цзюньши Цинбао (Военный спецвыпуск. Военная информация). Пекин, б.г.: Бэцзинши гуңжэнь иншугуан. (кит./Chinese)

Чжунго 2020: Фачжань мубяо хэ цжэнцэ цюсян (Китай 2020: Цели развития и направление курса). Пекин: Чжунго фачжань чубаньшэ, 2008. (кит./Chinese)

Чжунго шию аньцюань (Нефтяная безопасность Китая). Бэйцзин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2003. (кит./Chinese)

References:

19 s'ezd KPK: vneshnie i vnutrennie posledstviia i perspektivy reform v Kitae (19th National Congress of the Communist Party of China: Internal and External Effects and Prospects of China's Reforms) // *Sravnitel'naia politika (Comparative Politics Russia)*, 2018, No. 2, pp. 140-159.

American Australian and Japanese Perspectives on a Changing Security Environment // *CCC PASC Reports*, 2016, No. 2.

Bergsten, C. Fred and the Institute for International Economics. The United States and the World Economy. Washington, DC: Institute for International Economics, 2005.

Blokhin, K. V poiskakh strategicheskikh prioritetrov (In Search of Strategic Priorities) // *Natsional'naia oborona*, 2017, No. 2.

Bogaturov, A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane: istoriia i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle Vtoroi Mirovoi voiny (Great Powers in the Pacific: History and Theory of International Relations in East Asia after the Second World War). Moscow: Konvert-MONF, 1997.

Bol'shaia Vostochnaia Aziia: mirovaia politika i regional'nye transformatsii (Greater East Asia: World Politics and Regional Transformations). Moscow: MGIMO Universitet, 2010.

Cheng, Li. Chinese Politics in the Xi Jinping Era. Reassessing Collective Leadership. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2016.

Clegg, Jenny. China's Global Strategy. London & New York: Pluto Press, 2009.

Cordesman, A.H.; Collay, C.; Wang, M. Chinese Strategy and Military Modernization in 2015 // *A Comparative Analysis*, CSIS, December, 2015.

Cronin, Patrik. Trump's Post-Pivot Strategy // *The Diplomat*, November 11, 2017.

Dayly, Robert. Donald Trump Asia's Trip // *Newsweek*, November 20, 2017.

Feuchtwang, Stephan; Steinmuller, Hans. China in Comparative Perspective. Singapore: World Scientific, 2017.

Gilev, A. Mnogomernaia voina i novaia oboronnaia strategiiia (A Multidimensional War and a New Defense Strategy) // *Rossiiia v global'noi politike*, 2014, T.12, No. 5.

Haggard, Stephan; Myung Hwan Yu. Trump in Asia // *Global Asia*, Vol. 12, No. 4, Winter 2017.

Hauner, Milan. What is Asia to Us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. New York: Routledge, 1992.

Holstag, Jonathan. China's Coming War with Asia. Malden, Mass.: Polity Press, 2016.

Kapitsa, L.M. Indikatory mirovogo razvitiia (Indicators of World Development). Moscow: MGIMO Universitet, 2016.

Khrustalev, M.A. Analiz mezhdunarodnykh situatsii i mezhdunarodnaia ekspertiza (Analysis of International Situations and International Expertise). Moscow: Aspekt-Press, 2015.

Kim, Joonhyung. Evaluating Trump's Visit to South Korea // *East Asia Foundation Policy*, 2017, No.85.

Kitai i Vostochnaia Evropa: zven'ia novogo Shelkovogo puti (China and Eastern Europe: Links of the New Silk Road) / Ed. by V. Mikheev, V. Shvydko. Moscow: IMEMO RAN, 2016.

Kondratov, A.I. Model' vneshnepoliticheskoi deiatel'nosti gosudarstva (Foreign Policy Model of a State). Moscow: Izdatel'stvo RAGS, 2010.

Krizis i novaia povestka dnia dlia koreiskogo poluostrova i regional'nykh derzhav (Crisis and a New Agenda for the Korean Peninsula and Regional Powers) / Ed. by V. Mikheev, V. Shvydko. Moscow: IMEMO RAN, 2018.

Kudrov, V.M. Mezhdunarodnye ekonomicheskie sopostavleniia i problemy innovatsionnogo razvitiia (International Economic Comparisons and Problems of Innovative Development). Moscow: Iustitsinform, 2011.

Lee, Bernice. The Security Implications of New Taiwan. London: IISS Adelphi Paper, No. 331.

Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo v novykh realiiakh. Spetsial'nyi vypusk k nedele rossiiskogo biznesa (International Economic Cooperation in New Realities. Special Issue for the Week of Russian Business) // *Novosti ATR*, No. 1(9).

Mills, Daniel Quinn; Rosefelde, Steven. The Trump Phenomenon and the Future of US Foreign Policy. Singapore, London, Mumbai, New York: World Scientific, 2016.

Mirovaia ekonomika. Prognoz do 2020 g. (World Economy. Forecast to 2020) / Ed. by A.A. Dynkin. Moscow: Magistr, 2007.

Na puti k realizatsii strategicheskikh initsiativ KNR i Rossii. Spetsial'nyi vypusk k vizitu Predsedatelia KNR Si Tszin'pina v Rossii (On the Way to Implementing the Strategic Initiatives of the PRC and Russia) // *Novosti ATR*, No. 2 (7).

Nekotorye aspekty analiza voenno-politicheskoi obstanovki: monografiia (Some Aspects of the Analysis of the Military-Political Situation) / Ed. by A.I. Podberezkin, K.P. Borishpolets. Moscow: MGIMO, 2014.

Novyi Shelkovyi put' i ego znachenie dlia Rossii (New Silk Road and Its Significance for Russia) / Ed. by V.E. Petrovsky, A.G. Larin. Moscow: DeLi plus, 2016.

Opportunity, Security Strength: The 2017 Foreign Policy White Paper // *Australian Department of Foreign Affairs and Trade*, November 23, 2017.

Overholt, William H.; Ma Guonan; Chewng Kwok Law. Renminbi Risisng. A New Global Monetary System Emerges. Chichester: John Wiley & Sons, 2016.

Pandolfe, Frank C. The Evolution of Modern U.S. Naval Strategy // *Naval War College Review*, 2016, Vol. 69, No. 4.

Petersen, A. Rossiia, Kitai i energeticheskaia geopolitika v Tsentral'noi Azii (China and Energy Geopolitics in Central Asia). Moscow: Mosk. Tsentr Karnegi, 2012.

Praktika zarubezhnogo regionovedeniia i mirovoi politiki (The Practice of World Regional Studies and World Politics) / Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr-Infra-M, 2016.

Prognoz strategii stran tikhookeanskogo prostranstva (Forecast of Strategies of the Countries of the Pacific Space) / Ed. by V. Mikheev, V. Shvydko. Moscow: IMEMO RAN, 2017.

Rossiia i mir v 2020 g.: Kontury trevozhnogo budushchego (Russia and the World in 2020: Contours of an Alarming Future). Moscow: Eksmo, 2015.

Rubel, Robert C. Exporting Security. China, the United States, and the Innovator's Dilemma // *Naval War College Review*, 2017, Vol. 70, No. 2.

Rubel, Robert P. Posture versus Presence. The Relationship between Global Naval Engagement and Naval War-Fighting Posture // *Naval War College Review*, 2016, Vol. 69, No. 4.

Shambaugh, David. China's Communist Party. Atrophy and Adaptation. Washington, DC.: Woodrow Wilson Center Press, 2008.

Shambaugh, David. China's Future. Malden, Mass.: Polity Press, 2016.

Sovremennye rossiisko-kitaiskie otnosheniia (Modern Russian-Chinese Relations) / Ed. by S.G. Luzianin, A.G. Larin, E.I. Safronova, I.V. Ushakov, E.V. Belilina. Moscow: DeLi plus, 2017.

Sovremennyi Kitai v usloviiakh transformatsii (Modern China in Transformation) / Ed. by D.V. Kuznetsov, D.V. Buiarov. Moscow: LENAND, 2015.

Strategicheskii global'nyi prognoz 2030 (Strategic Global Forecast 2030) / Ed. by A.A. Dynkin. Moscow: Magistr, 2011.

Strategicheskoe prognozirovanie mezhdunarodnykh otnoshenii: kol. monografiia (Strategic Forecasting of International Relations) / Ed. by A.I. Podberezkin, M.V. Aleksandrov. Moscow: MGIMO Universitet, 2016.

The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography and the Evolving balance of Power, 1996-2017 // *RAND*, California, 2015.

Van Jackson. Tactics of Strategic Competition. Grey Zones, Redlines, and Conflicts before War // *Naval War College Review*, 2017, Vol. 70, No.3.

Voskressenski, Alexei D. Non-Western International Relations Theories. Springer Global (Europe-America): Palgrave Macmillan, 2017.

Vtoraia mezhdunarodnaia konferentsiia «Rossiia i Kitai: k novomu kachestvu dvustoronnikh otnoshenii» (The Second International Conference "Russia and China: Towards a New Quality of Bilateral Relations"). Moscow: RSMD, 2016.

Wang Yi Briefs on Mar-a-Lago between Heads of State of China and the US // *Chinese Foreign Ministry*, April 8, 2017.

Yip, George S.; Mckern, Bruce. China's Next Strategic Advantage. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2016.

Zhao Hong. The South China Sea and China-ASEAN Relations // *Trends in South-East Asia*, 2014, No. 6.

Indu Jueqi yu Zhong-In Gianxi (The Rise of India and Chinese-Indian Relations). Beijing: Dangdai shijie chubanshe, 2006 (in Chinese).

Junshi Tekan. Junshi Qingbao (Military Special Issue / Military Information). Beijing: Beijing gongren yingshuguang, no date (in Chinese).

Lu Mingfu. Zhongguo Meng (A Chinese Dream). Beijing: Zhongguo youchi chuban gongsi, 2013 (in Chinese).

Wei Lihua. Nengyuan Boyi Dazhan (The Struggle for Resources). Beijing: Xin shijie chubanshe, 2007 (in Chinese).

Xi Jinping. Report to the 19th Congress of the CPC / CPC.PEOPLE.COM.CN: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-15.html> (in Chinese)

Zhongguo 2020: Fazhan Mubiao he Zhengce Quxiang (China 2020: Development Goals and the Course Destination). Beijing: Zhongguo fazhan chubanshe, 2008 (in Chinese).

Zhongguo Shiyou Anquan (China's Petrol Security). Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2003 (in Chinese)

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-3-128-145>

NEW PACIFIC STRATEGIES: OPPORTUNITY OR REALITY? INFLUENCE OF THE “CHINESE FACTOR” ON THE SITUATION IN EURASIA AND THE ASIA-PACIFIC REGION

Alexei D. Voskressenski

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history: Received: Accepted:</p> <p style="text-align: right;">2 April 2018 11 May 2018</p>	<p>Abstract: The article analyzes the essence of the new strategic moment in the region and the influence of the “Chinese factor” on the situation in Eurasia and the Asia-Pacific region. The author discusses the components of the “Chinese factor”, its practical consequences, as well as its foreign policy, military and political significance. The article shows how applied issues can be transformed into foreign policy and military doctrines, determine practical foreign and military policies, the system of international relations and political affairs in the region. The author briefly reviews the key aspects of regional doctrines of leading states in the region, makes assumptions about the possible evolution and modification of these doctrines in the future and formulates the conditions that might determine the practical steps of the regional powers. The article also assesses the possibility of emergence of new Pacific strategies in the region and examines their main parameters.</p>
<p>About the author: Dr. of Political Science, PhD (Manchester University), Professor, Director of the Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University; Professor, Department of Asian and African Studies, School of International Relations, MGIMO University e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p>	
<p>Key words: Russia; China; PRC; USA; Japan; North Korea; The Republic of Korea; Russian-Chinese relations; China-US relations; the Korean nuclear problem; Asian-Pacific area; Eurasia; Pacific Asia; Indo-Pacific; Chinese Dream</p>	

Для цитирования: Воскресенский А.Д. Новые тихоокеанские стратегии: возможность или реальность? влияние «китайского фактора» на обстановку в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 3. – С. 128-145.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-128-145

For citation: Voskressenski, Alexei D. Novye tikhookeanskii strategii: vozmozhnost' ili real'nost'? vlianie «kitaiskogo faktora» na obstanovku v Evrazii i Aziatsko-Tikhookeanskom regione (New Pacific Strategies: Opportunity or Reality? Influence of the “Chinese Factor” on the Situation in Eurasia and the Asia-Pacific Region) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 3, pp. 128-145.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-128-145

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ен Ун Ким

*Институт Дальнего Востока, Российская Академия Наук,
Москва, Россия*

Юрий Владимирович Трунцевский

*Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия*

Марина Алексеевна Молчанова

*Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 22 февраля 2018 <i>Принята к печати:</i> 11 мая 2018</p>	<p>Аннотация: Корея – страна с жестким антикоррупционным законодательством. Однако само по себе это не может быть гарантией искоренения различных видов коррупции. В ретроспективе причин ее функционирования и борьбы с ней в Республике Корея отмечается традиционная система общественного устройства во многом провоцирующая коррупцию. На различных этапах своей деятельности президенты Кореи занимались «кадровой чисткой» на государственной службе, проводили жесткую антикоррупционную политику. Однако каждый из глав Кореи становился жертвой коррупционных скандалов, хотя на бытовом уровне южнокорейское общество – одно из самых порядочных в мире. Применение жестких мер в указанной сфере позволяют выявлять факты участия в коррупционных схемах бывших и действующих помощников главы государства, депутатов от правящей и оппозиционных партий, представителей бизнес-структур. В результате, антикоррупционные меры правительства Кореи оказывают позитивное воздействие на международный имидж страны.</p>
<p>Об авторах: <i>Ким Ен Ун, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, Центр корейских исследований, Институт Дальнего Востока РАН</i> e-mail: kim@ifes-ras.ru <i>Трунцевский Ю.В., д.ю.н., профессор, кафедра правоохранительной деятельности и адвокатуры, Югорский государственный университет; ведущий научный сотрудник, Отдел методологии противодействия коррупции, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации</i> e-mail: trunzev@yandex.ru <i>Молчанова М.А., младший научный сотрудник, Отдел методологии противодействия коррупции, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации</i> e-mail: mol4anowa.m@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: коррупция; борьба с коррупцией; Республика Корея; Комиссия по борьбе с коррупцией и гражданским правам (ACRC); антикоррупционная политика; законодательство</p>	

10 марта 2017 г. в политической жизни Республики Корея (далее – Корея или РК) произошло событие, которого не было еще за всю современную историю этой страны. Конституционный суд после почти трехмесячного рассмотрения правомерности решения парламента об импичменте президенту страны Пак Кын Хе, принял единогласное решение об ее отрешении от должности, основное обвинение для вынесения импичмента касалось коррупции, создании для нее условий, отказе президента от сотрудничества со следственными и судебными органами.

В стране, которая занимает 13 место в мире по своему экономическому потенциалу, уже 70-лет благополучно развивающейся по пути рыночной экономики и достигшей впечатляющих результатов во всех сферах жизни, с весьма жестким антикоррупционным законодательством, такой уровень коррупции кажется нереальным. Между тем, прошел уже год после вынесения парламентом импичмента, а судебный процесс в отношении отстраненного президента еще не начат, причем не в силу слишком большого объема дел, а в силу определенного недостатка данных о личной причастности госпожи Пак Кын Хе к коррупции, из-за чего сторона обвинения вынуждена была через несколько месяцев после начала следствия попросить дополнительное время для представления новых данных.

В связи с тем, что по этому делу уже осуждены некоторые высокопоставленные чиновники Секретариата президента, министр, глава крупнейшей финансово-промышленной группы (на нее приходится более 20% ВВП страны), несколько мелких бизнесменов¹, можно представить масштаб коррупции.

¹ Идет процесс над ее подчиненными и ее подругой, из-за которой начался процесс импичмента. Многие причастные к этому делу уже получили наказание в виде лишения свободы, как, например, фактический глава крупнейшей южнокорейской фирмы «Самсунг электроникс» Ли Чжэ Ен, президент группы «Лотте» Син Дон Бин, приговорены соответственно, к 5 и 6 годам лишения свободы. Следствие еще не собрало достаточных фактов для передачи дела для рассмотрения в суде. К тому же бывший президент Пак Кын Хе, не признав свою вину, отказалась присутствовать в судебном процессе и находится под арестом.

Отметим, что коррупция, как социальное явление, появляется с возникновением государственности и частной собственности². Особого размаха она достигла в эпоху феодализма и капитализма в связи с возросшей ролью государства в экономическом и социальном развитии общества, соответственно, с повышением роли государственного аппарата в управлении экономическим развитием. При этом если в эпоху капитализма предпринимались где-то относительно успешные, а где-то и вовсе провальные мероприятия по борьбе с коррупцией и даже сформировалась ее международно-признанная правовая база, то в условиях феодализма имелись лишь отдельные попытки как-то ее ограничивать путем наказания конкретных коррупционеров, а не искоренения ее как явления.

В связи с этим представляется важным рассмотреть ретроспективу причин функционирования коррупции и государственной политики борьбы с ней в Республике Корея.

Одной из ее причин выступает то, что мелкие чиновники получали весьма скудное жалование и существовали в основном за счет поборов с населения³. С одной

² Противодействие коррупции: новые взгляды / Иванов С.Б., Хабриева Т.Я., Чиханчин Ю.А., Автономов А.С., Андриченко Л.В., Голованова Н.А., Гравина А.А., Залоило М.В., Зырянов С.М., Капустин А.Я., Кашепов В.П., Кошаева Т.О., Кузнецов В.И., Лукьянова В.Ю., Морозов А.Н., Никитина Е.Е., Ноздрачев А.Ф., Павлушкин А.В., Позднышева Е.В., Савенков А.Н. и др. монография. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2016. – С. 8. [Protivodeistviekorruptsii: novye vzgliady (Anti-Corruption: New Views) / Ivanov S.B., Khabrieva T. Ya., Chikhanchin Ju. A., Avtonomov A. S., Andrichenko L. V., Golovanova N. A., Gravina A. A., Zaloilo M. V., Zyrianov S. M., Kapustin A. Ja., Kshepov V. P., Koshaeva T. O., Kuznetsov V. I., Luk'ianova V. Ju., Morozov A. N., Nikitina E. E., Nozdrachev A. F., Pavlushkin A. V., Pozdnysheva E. V., Savenkov A. N. i dr. monografiia. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii: INFRA-M, 2016. P. 8.]

³ Асмолов К.В. Культурное восприятие коррупции в Республике Корея и КНДР // Мировой опыт борьбы с коррупцией: Сборник материалов научных семинаров и заседаний

стороны, коррупция воспринимается на Дальнем Востоке как одно из главных социальных зол, а, с другой – традиционная система общественного устройства во многом ее провоцирует. Корейское общество состоит из множества переплетенных традиций, а подарки являются важной частью этой культуры, практически всех аспектов общественной и деловой жизни. Классическая коррупционная схема предполагает не «конверт» в обмен на услугу, а ситуацию, когда государственного служащего долго прикармливают и одаривают, связывая его неформальными обязательствами так, чтобы когда к нему, наконец, обратятся с просьбой, он не сможет отказать по моральным соображениям. Собственно, именно с этим и связана такая жесткость в отношении любых подношений, ибо они имеют тенденцию накапливаться⁴.

Необходимо отметить, что Корея относится к странам конфуцианской системы управления обществом. Эта система была основана на том, что управление обществом строилось как управление семьей и руководитель любого ранга, который именуется в трудах Конфуция, в частности в его знаменитом «Луньюй» («Изречения») благородным мужем, должен был проявлять заботу о своих подчиненных, а подчиненные, в свою очередь, заботу о нем, он прислушивается к мнению подчиненных, а подчиненные должны говорить ему правду⁵.

дискуссионного клуба (2011-2013) / Под ред. М.И. Амара. – М., 2014. – 141 с. [Asmolov, K.V. Kul'turnoe vospriatie korruptsii v Respublike Koreia i KNDR // Mirovoi opyt bor'by s korruptsiei: Sbornik materialov nauchnykh seminarov i zasedanii diskussionnogo kluba (2011-2013) (Cultural Perception of Corruption in the Republic of Korea and the DPRK) / Ed. by M.I. Amar. Moscow, 2014. 141 p.]

⁴ Новый виток борьбы с коррупцией в Южной Корее. Режим доступа: <http://ru.journal-neo.org/2015/04/18/novy-j-vitok-bor-by-s-korruptsiej-v-yuzhnoj-koree/>

⁵ Конфуций. Изречения. Книга песен и гимнов: пер. с китайского/Конфуций. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Издательство «Форио», 2004. – С. 99-116. [Konfutsii. Izrecheniia. Kniga pesen i gimnov (Confucius. Sayings. Book of Songs and Hymns): Transl. from Chinese. Moscow: ООО «Izdatel'stvo AST»; Kharkov: Izdatel'stvo «Forio», 2004. Pp. 99-116.]

В Корее сильно развит институт землячества, существуют неформальные или формализованные организации выходцев из конкретного населенного пункта, школы, вуза, училища, служивших в определенной воинской части, в родах и видах войск (это связано с всеобщей обязательной воинской службой). Эти граждане всегда настроены на оказание помощи своим землякам, нормой становятся подарки и другие виды помощи по случаю каких-то семейных событий, продвижения по службе и др. При возникновении у одного из представителей землячества каких-либо проблем остальные стараются ему чем-то помочь, спасая, например, от правоохранительных, налоговых и других контролирующих органов.

Кроме того, Корея к моменту освобождения от японского колониального ига в 1945 г. по своему социально-классовому составу и реальной структуре экономики, а также менталитету населения в основном была феодальным обществом. Соответственно, коррупционные схемы периода феодализма, уже отягощенные развитием рыночной экономики с ведущей ролью государства и государственного аппарата в планировании и направлении экономического развития, в частности индустриализации, продолжали действовать в обществе.

После 1948 г. государственная власть пыталась бороться с коррупцией. В Уголовном кодексе РК, принятом в 1953 г., было несколько статей, предусматривавших наказания за взятки или за злоупотребление служебным положением. Так, ст. 129 Кодекса устанавливала: «Должностное лицо, которое получило, потребовало или дало обещание получить взятку в связи с исполнением своих должностных обязанностей, подлежит наказанию в виде каторжных работ на срок не более пяти лет или приостановления квалификации на срок не более десяти лет»⁶. Причем, если даже он еще не

⁶ Уголовный кодекс Республики Корея / редактирование и предисловие д.ю.н., профессора А.И. Коробеева; перевод с корейского к.филол.н. В.В. Верхоляка. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004, с. 103. [Ugolovnyi kodeks Respubliki Koreia (The Penal Code of the Republic of Korea). Saint Petersburg.: Izd-vo «Iuridicheskii tsentr Press», 2004, p. 103.]

был назначен на соответствующую должность, которая могла бы быть использована для оказания неправовой услуги, он все равно наказывался за получение mzды еще до своего назначения: «если лицо, которое должно стать должностным лицом или третейским судьей, получает, требует или обещает получение взятки в ответ на просьбу, связанную с должностными обязанностями, и такое лицо в действительности становится должностным лицом или третейским судьей, оно подлежит наказанию в виде каторжных работ на срок не более трех лет или приостановления квалификации на срок в: более семи лет»⁷.

Полученные в виде взятки денежные средства или имущество подлежали конфискации (в ст. 134 УК РК).

Следует признать, что зафиксированные в Уголовном кодексе строгие меры наказания за коррупцию в виде взяточничества или использования неправомерно служебного положения не могут быть сами по себе гарантией искоренения данных видов коррупции. Всегда и во всяком классовом обществе есть проблема правоприменения. В Корее вышеуказанные нормы уголовного кодекса в рассматриваемые годы практически не работали. Начнем с того, что после их принятия страна начала послевоенное восстановление экономики. Природные ресурсы в основном были на севере страны, имелись огромные разрушения, отсутствие финансовых средств, большая часть крестьян, имея земельные наделы, влачила нищенское существование, так как закупочные цены на выращиваемую сельскохозяйственную продукцию были ниже себестоимости, не было доступных кредитов для крестьян, а также представителей малого и среднего бизнеса. Страна сильно зависела от экономической помощи США, на долю которых приходилось 50% бюджета и 70% военных расходов⁸.

⁷ Ibid. С. 103-104.

⁸ История Кореи (Новое прочтение) / Под ред. А.В. Торкунова. – М.: МГИМО (Университет), РОССПЭН, 2003. – С. 360. [Istoriia Korei (Novoe prochtenie) (History of Korea (New Approach)) / Ed. by A.V. Torkunov. Moscow: MGIMO (Universitet), ROSSPEN, 2003. P. 360.]

Распределением поступающей помощи занимались правительственные чиновники и представители правящей партии. Они придумали схему так называемых «чрезвычайных мероприятий», финансирование которых осуществлялось через небольшую группу бизнесменов, которые сами наживались благодаря выгодным кредитам, налоговым льготам, особому обменному курсу валюты, но также и выделяли в разных формах «откаты». Эти бизнесмены уже через несколько лет сформировали финансово-промышленные группы, монополизировавшие рынок сбыта, что привело к фактическому «удушению» мелкого и среднего бизнеса⁹. Поэтому вполне справедливо было отмечено, что «должностные злоупотребления, и ненасытное казнокрадство стали нормой поведения в правительственных кругах»¹⁰.

Пришедший в результате военного переворота, к власти в 1961 г. президент Пак Чон Хи стал автором корейского экономического чуда – он повел довольно жесткую политику борьбы и с коррупцией и с организованной преступностью¹¹. При администрации президента был создан специальный отдел, который занимался отслеживанием всех связей высокопоставленных чиновников, чтобы не допустить любого неправомерного поведения. О масштабах коррупции красноречиво

⁹ Ли Ги Бек. История Кореи: новая трактовка – М.: ООО «ТИД «Русское слово - РС», 2000. – С. 396-397. [Li Gi Bek. Istoriia Korei: novaia traktovka (History of Korea: a New Interpretation). Moscow: ООО «ТИД «Russkoe slovo - RS», 2000. Pp. 396-397.]

¹⁰ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. 1. – М.: Наука, 1974. – С. 361. [Istoriia Korei (s drevneishikh vremen do nashikh dnei) (History of Korea (from Ancient Times to our Days)). Vol. 1. Moscow: Nauka, 1974. P. 361.]

¹¹ См.: Русецкий Е.А. Влияние коррупции на политический процесс Республики Корея: тдис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Русецкий Евгений Александрович. Владивосток, 2009. – 220 с. [Rusetskii, E.A. Vliianie korruptsii na politicheskii protsess Respubliki Koreia (The Impact of Corruption on the Political Process of the Republic of Korea): PhD Pthesis. 23.00.02 / Rusetskii Evgenii Aleksandrovich. Vladivostok, 2009. 220 p.]

говорит следующий факт: 16 мая 1961 г. за причастность к коррупционным делам было уволено около 40 тыс. государственных служащих. Кроме того, 4 тысячам политических и общественных деятелей было на 6 лет запрещено заниматься политической деятельностью¹².

После его смерти (убит в результате покушения) в 1979 г., по мере ослабления контроля со стороны власти, начала процветать коррупция, как во время военного режима генерала Чон Ду Хвана (период правления: 1980-1987 гг.), так и во время правления президента Ро Дэу (период правления: 1988-1993 гг.) в ходе первых прямых альтернативных выборов (хотя нормы Уголовного кодекса, наказывающие за взятки и злоупотребление служебным положением никуда не исчезли).

С приходом к власти гражданского президента Ким Ен Сама в 1993 г. борьба с коррупцией стала неотъемлемой частью корейской политики. Началась работа по созданию системы ограничения и усиления наказания за коррупционные правонарушения. Ким Ен Сам считал, что против коррупции нужно бороться не только правоохранительным органам, но и всему государству, создавая социально-политические и экономические, а также правовые условия ее предотвращения. То есть, борьба с коррупцией стала национальной политикой. Он говорил: «люди испытывают глубокое недоверие к политике, разрастается коррупция и безнравственность»¹³. Это, например, потребовало резкого сокращения необоснованных запретов и ограничений при ведении бизнеса, смягчения наказания за неопасные правонарушения. Например, по данным Ким Ен Сама в то время для получения разрешения на открытие завода нужно было собрать

312 документов и пройти 60 этапов согласования и регистрации¹⁴.

Ким Ен Сам ввел обязательное декларирование всего имущества и доходов. Начал он с подачи отчета о финансовом состоянии своей семьи. Когда стали появляться отчеты других чиновников и политических деятелей, стало очевидно, чтобы многим придется расстаться с «теплыми местечками», приносившим им большие неза заслуженные доходы. Были уволены с госслужбы более полутора тысяч чиновников. Еще несколько сот чиновников были уволены и арестованы за саботаж применения антикоррупционных мер. Расстались со своими должностями мэр столицы, сложили свои полномочия спикер и 6 депутатов парламента, 5 заместителей министров.

Примечательно, что в период правления Ким Ен Сама (1993-1998 гг.) были вынесены обвинительные приговоры по коррупции и государственной измене бывшим президентам Чон Духвану и Ро Дэу. Подобная участь в 1997 г. постигла и младшего сына президента Ким Ён Сама Хён Чхоля. Он был приговорен к трем годам тюремного заключения, но затем амнистирован. Популярность Ким Ён Сама после скандала упала до отметки 3,8% (вместо 80% в начале его президентства)¹⁵.

Главным способом кадровой чистки при президенте Ким Дэ Чжуне (период правления: 1998-2002 гг.) стала борьба с коррупцией. С самого начала своей деятельности он заявлял, что главная причина кризиса – это сращивание верхушки власти, правоохранительных органов и крупного бизнеса. Кроме

¹² История Кореи (Новое прочтение) / Под ред. А.В. Торкунова. – М.: МГИМО (Университет), РОССПЭН, 2003. – С. 249. [Istoriia Korei (Novoe prochtenie) (History of Korea (New Approach)) / Ed. by A.V. Torkunov. Moscow: MGIMO (Universitet), ROSSPEN, 2003. P. 249.]

¹³ Ким Ен Сам. Новая Корея / Сост. Ким Ток Чу; Пер. с кор. В. Тихонова. – СПб, 1993. – С. 162. [Kim En Sam. Novaia Koreia (New Korea) / Kim Tok Chu; Transl. by V. Tikhonov. Saint Petersburg, 1993. P. 162.]

¹⁴ См.: Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – С. 349. [Torkunov, A.V.; Denisov, V.I.; Li V.I.F. Koreiskii poluostrov: metamorfozy poslevoennoi istorii (Korean Peninsula: the Metamorphosis of Post-War History). Moscow: OLMA Media Grupp, 2008. P. 349.]

¹⁵ Гуенков В. Насколько Корея коррумпированная страна? // Интернет-журнал Ассоциации юристов Приморья. Режим доступа: https://law.vl.ru/analit/show_atr.php?id=702&pub_name=%CD%E0%F1%EA%EE%EB%FC%EA%EE+%CA%EE%F0%E5%FF+%EA%EE%F0%F0%F3%EC%EF%E8%F0%EE%E2%E0%ED%ED

того борьба с коррупцией входила в список требований Международного валютного фонда, от которого Корея в 1997 г. получила крупный кредит, условием предоставления которого была санация экономики.

Во время правления Но Му Хена (период правления: 2003-2008 гг.) несколько коррупционных скандалов закончились фактически доведением обвиненных чиновников до самоубийства (согласно национальной традиции этой страны, только смерть смыкает все грехи). Примечательно, что аналогичный финал ждал и самого Но Му Хена, который, по сути, повторил судьбу осужденных при нем чиновников: он бросился со скалы, поскольку и присвоенная сумма была крупной, и личную причастность было уже не скрыть.

С тех пор каждый новый президент с еще большим рвением боролся против коррупции, но каждый из них становился жертвой коррупционных скандалов в полном соответствии с формулой: «инициатива наказуема», так как если не они, то их ближайшие родственники или помощники оказывались в местах лишения свободы именно за коррупцию, за банальные взятки. При этом исследователи отмечают, что на бытовом уровне южнокорейское общество — одно из самых порядочных в мире¹⁶.

После серии громких коррупционных скандалов в южнокорейском обществе во многом под давлением неправительственных общественных организаций сложилось понимание необходимости учреждения отдельного органа, который займется исключительно данной проблемой. В итоге парламентом страны был принят соответствующий нормативный правовой акт — Закон «О борьбе с коррупцией» от 24 июля 2001 г. № 64942¹⁷.

29 февраля 2008 г. в соответствии с философией администрации Ли Мен Бака (период правления: 2008-2013 гг.) «за небольшое правительство и правительство, служащее людям», был принят Закон «О противодей-

ствию коррупции». Помимо этого, путем консолидации таких учреждений как Корейская независимая комиссия против коррупции (далее — КИСАС), омбудсменом Кореи и Административной апелляционной комиссией была учреждена Комиссия по борьбе с коррупцией и гражданским правам (*The Anti-Corruption and Civil Rights Commission* (далее — ACRC). Цель этой интеграции заключалась в том, чтобы предоставить гражданам единые услуги и сэкономить расходы, связанные с наличием трех организаций.

Гражданам была предоставлена единая служба для рассмотрения жалоб, подачи административных обращений и борьбы с коррупцией более быстрым и удобным способом.

Помимо ACRC, в Корее существуют шесть основных государственных субъектов участвующих в мероприятиях, связанных с борьбой с коррупцией: секретариат президента; канцелярия премьер-министра; ревизионная комиссия (далее — ВАИ); прокуратура; генеральный инспектор каждого министерства; министр государственного управления и безопасности (далее — МОРАС).

Из этих шести органов, прокуратура, ВАИ и МОРАС находятся на переднем крае борьбы с коррупцией. Прокуратура имеет право заниматься расследованием и судебным преследованием различных преступлений. Кроме того, она направляет их в полицию и другие следственные органы, подает ходатайства для надлежащего применения законов, а также контролирует исполнение уголовных приговоров.

ВАИ была создана на основе закона о ВАИ как высший аудит и инспекционная организация среди правительственных органов для предотвращения коррупции в Корее. Выполняет она свои обязанности самостоятельно. МОРАС систематически ведет отчетность и раскрытие активов личного состава государственных служащих в целях предотвращения коррупции и повышения прозрачности.

Поскольку основной функцией ACRC является противодействие коррупции, получая коррупционные жалобы, она передает эту информацию либо в прокуратуру или в ВАИ для расследования. На сегодняшний день существует официальный меморандум о взаимопонимании между Верховным офи-

¹⁶ Взятки Samsung: как Южная Корея совмещает коррупцию и экономическое чудо. Режим доступа: <http://www.rbc.ru/business/02/02/2017/5891b3019a79470141d61e48>

¹⁷ Anti-Corruption Act of Republic of Korea. Mode of access: <http://www.iaaca.org>

сом и ACRC относительно сотрудничества. ACRC и MOPAS сотрудничают по вопросам, связанным с конфликтом интересов. Кроме того, MOPAS отбирает почти все новые кандидатуры на государственную службу.

Многие громкие разоблачения в стране справедливо связывают с работой именно этого ведомства. Она выявила целый ряд фактов участия в коррупционных схемах бывших и действующих помощников главы государства, депутатов от правящей и оппозиционных партий, представителей бизнес-структур.

Так, южно-корейские власти прославились на весь мир тем, что смогли привлечь к уголовной ответственности двух бывших президентов Республики Корея. В свое время к смертной казни были приговорены экс-президенты страны Чон Ду Хван и Ро Дэ У (приговор затем был заменен на тюремный срок), и в местах заключения побывали руководители практически всех крупнейших концернов страны. При этом давление общественного мнения в Корее таково, что такие скандалы, как правило, крайне затруднительно умолчать¹⁸.

В заключение можно отметить, что в Республике Корея действует эффективная антикоррупционная политика и законодательство и, хотя коррупционные преступления совершаются, они жестко пресекаются и осуждаются общественностью, причем неважно, кто берет при этом взятки – простой служащий, полицейский или президент. Все это свидетельствует о победе государства над системной коррупцией. В результате, антикоррупционные меры южно-корейского правительства оказывают позитивное воздействие на международный имидж страны.

Литература:

Асмолов К.В. Культурное восприятие коррупции в Республике Корея и КНДР // Мировой опыт борьбы с коррупцией: Сборник материалов научных семинаров и заседаний дискуссионного клуба (2011-2013) / Под ред. М.И. Амары. – М., 2014. – 141 с.

История Кореи (Новое прочтение) / Под ред. А.В. Торкунова. – М.: МГИМО (Университет), РОССПЭН, 2003. – 430 с.

История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. 1. – М.: Наука, 1974. – 480 с.

¹⁸ Южная Корея начала очередную войну против коррупции среди госслужащих. Режим доступа: <https://rg.ru/2011/01/20/korea-korrupt-site-anons.html>

Kim En Sam. Новая Корея / Сост. Ким Ток Чу; Пер. с кор. В. Тихонова. – СПб, 1993. – 239 с.

Конфуций. Изречения. Книга песен и гимнов: пер. с китайского/Конфуций. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Издательство «Форио», 2004. – 447 с.

Ли Ги Бек. История Кореи: новая трактовка – М.: ООО «ТИД «Русское слово- РС», 2000. – 464 с.

Мыслители Древнего и Средневекового Китая / сост. Г.В. Остапченко. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Торсинг, 2003. – 348 с.

Противодействие коррупции: новые взгляды / Иванов С.Б., Хабриева Т.Я., Чиханчин Ю.А., Автономов А.С., Андриченко Л.В., Голованова Н.А., Гравина А.А., Залоило М.В., Зырянов С.М., Капустин А.Я., Кашепов В.П., Кошаева Т.О., Кузнецов В.И., Лукьянова В.Ю., Морозов А.Н., Никитина Е.Е., Ноздрачев А.Ф., Павлушкин А.В., Позднышева Е.В., Савенков А.Н. и др. монография. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2016. – 376 с.

Русецкий Е.А. Влияние коррупции на политический процесс Республики Корея: дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Русецкий Евгений Александрович. Владивосток, 2009. – 220 с.

Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.

References:

AsmoloV, K.V. Kul'turnoe vospriiatie korruptsii v Respublike Koreia i KNDR // Mirovoi opyt bor'by s korruptsiei: Sbornik materialov nauchnykh seminarov i zasedanii diskussionnogo kluba (2011-2013) (Cultural Perception of Corruption in the Republic of Korea and the DPRK) / Ed. by M.I. Amar. Moscow, 2014. 141 p.

Istoriia Korei (Novoe prochtenie) (History of Korea (New Approach)) / Ed. by A.V. Torkunov. Moscow: MGIMO (Universitet), ROSSPEN, 2003. 430 p.

Istoriia Korei (s drevneishikh vremen do nashikh dnei) (History of Korea (from Ancient Times to our Days)). Vol. 1. Moscow: Nauka, 1974. 480 p.

Kim En Sam. Novaiia Koreia (New Korea) / Kim Tok Chu; Transl. by V. Tikhonov. Saint Petersburg, 1993. 239 p.

Konfutsii. Izrecheniia. Kniga pesen i gimnov (Confucius. Sayings. Book of Songs and Hymns): Transl. from Chinese. Moscow: ООО «Izdatel'stvo AST»; Kharkov: Izdatel'stvo «Folio», 2004. 447 p.

Li Gi Bek. Istoriia Korei: novaia traktovka (History of Korea: a New Interpretation). Moscow: ООО «ТИД «Russkoe slovo- RS», 2000. 464 p.

Mysliteli Drevnego i Srednevekovogo Kitaia (Thinkers of Ancient and Medieval China) / G.V. Ostapchenko. Moscow: ООО «Izdatel'stvo AST»; Khar'kov: Torsing, 2003. 348 p.

Protivodeistvie korruptsii: novye vzgliady (Anti-Corruption: New Views) / Ivanov S.B., Khabrieva T.Ia., Chikhanchin Iu.A., Avtonomov A.S., Andrichenko L.V., Golovanova N.A., Gravina A.A., Zaloilo M.V., Zyrianov S.M., Kapustin A.Ia., Kasphepov V.P., Koshava T.O., Kuznetsov V.I., Luk'ianova V.Iu., Morozov A.N., Nikitina E.E., Nozdrachev A.F., Pavlushkin A.V., Pozdnysheva E.V., Savenkov A.N. i dr. monografiia. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii: INFRA-M, 2016. 376 p.

Rusetskii, E.A. Vliianie korruptsii na politicheskie protsessy Respubliki Koreia (The Impact of Corruption on the Political Process of the Republic of Korea): PhD Phesis. 23.00.02 / Rusetskii Evgenii Aleksandrovich. Vladivostok, 2009. 220 p.

Torkunov, A.V.; Denisov, V.I.; Li V.I.F. Koreiskii poluostrov: metamorfozy poslevoennoi istorii (Korean Peninsula: the Metamorphosis of Post-War History). Moscow: OLMA Media Grupp, 2008.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-3-146-153>

ANTI-CORRUPTION POLICY OF THE REPUBLIC OF KOREA: THE HISTORY OF FORMATION AND MODERNITY

Yong Woong Kim

Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Yury V. Truntsevsky

*Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russia*

Marina A. Molchanova

*Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russia*

Article history:

Received:

28 February 2018

Accepted:

11 May 2018

About the authors:

Yong Woong Kim, Dr. of Philosophy, Leading Research Fellow, Center for Korean Studies, the Institute of Far Eastern Studies of RAS
e-mail: kim@ifes-ras.ru

Yury V. Truntsevsky, Dr. of Law, Professor, Department of Law Enforcement and Advocacy, Ugra State University; Leading Research Fellow, Department of Anti-corruption Methodology, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
e-mail: trunzev@yandex.ru

Marina A. Molchanova, Junior Research Fellow, Department of Anti-corruption Methodology, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
e-mail: mol4anova.m@yandex.ru

Key words:

corruption; fighting corruption; The Republic of Korea; Commission for Combating Corruption and Civil Rights (ACRC); anti-corruption policy; legislations

Abstract: Korea is a country with strict anti-corruption legislation. However, this cannot be the only guarantee for the eradication of various types of corruption. Analyzing retrospectively the reasons for its functioning and its combating in the Republic of Korea, there is a traditional system of social organization that in many ways provokes corruption. In different periods the presidents of Korea engaged in “personnel cleansing” in the civil service and conducted a strict anti-corruption policy. However, each of the heads of Korea was a victim of corruption scandals, although South Korean society is one of the most respectable and decent societies in the world. The use of harsh measures in this area makes it possible to identify the facts of participation in the corruption schemes of former and current assistants to the head of state, deputies from the ruling and opposition parties, representatives of business structures. As a result, the anti-corruption measures of the Korean government have a positive impact on the country's international image.

Для цитирования: Ким Ен Ун, Трунцевский Ю.В., Молчанова М.А. Антикоррупционная политика Республики Корея: история становления и современность // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 3. – С. 146-153.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-146-153

For citation: Kim, Yong Woong; Truntsevsky, Yury V.; Molchanova, Marina A. Antikorruptsiionnaia politika Respubliki Koreia: istoriia stanovleniia i sovremennost' (Anti-Corruption Policy of the Republic of Korea: The History of Formation and Modernity) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 3, pp. 146-153.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-146-153

ANALYSIS OF CHINESE NARRATIVE OF WORLD ORDER AND FOREIGN POLICY: IS CHINA A REVISIONIST OR REFORMIST POWER?

Ka-Ho Wong

Independent Researcher, Hong Kong

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 16 March 2018</p> <p><i>Accepted:</i> 8 May 2018</p>	<p>Abstract: China has altered its global posture from “keeping a low profile” to “striving for achievement” since President Xi came to power. The adjusted approach to Chinese foreign policy is in the context of growing China’s state capabilities and shrinking American global leadership under Trump’s presidency. Given these structural changes in the international system, China is expected to play a bigger role in the world politics. Accordingly, questions have raised that how China perceives the world and whether rising China is a reformist or revisionist power. The paper would address these questions by first revisiting the ancient Chinese idea of <i>Tianxia</i>, which is both a concept and practice in ancient times. As <i>Tianxia</i> is not applicable in the modern world, the concepts are reinvented by Chinese scholars, which are similar to ideas proposed by President Xi, offering an ideal worldview. In the third part, an empirical analysis of the Chinese foreign policy would check whether China’s behaviors correspond to Xi’s vision and whether China is a revisionist power.</p>
<p>About the author: Independent Researcher; Freelance Writer, <i>Stand News</i>; MA Student, MGIMO University</p> <p>e-mail: frankywongk@gmail.com</p>	
<p>Key words: Chinese worldview; <i>Tianxia</i>; confucianism; tributary system; Belt and Road; revisionist power; China threat</p>	

Introduction

China has altered its global posture from “keeping a low profile” to “striving for achievement” since President Xi came to power.¹ The adjusted approach to Chinese foreign policy is in the context of growing China’s state capabilities and shrinking American global leadership under Trump’s presidency. Given these structural changes in the international system, China is expected to play a bigger role in the world politics. Accordingly, questions have raised that how China perceives the world and whether rising China is a reformist or revisionist power. The paper would address these questions by first revisiting the ancient Chinese idea of *Tianxia*, which is both a concept and practice in ancient times. As *Tianxia* is not applicable in the modern world, the concepts are reinvented by Chinese scholars, which are similar to ideas proposed by President Xi,

¹ Yan, X. From Keeping a Low Profile to Striving for Achievement // *The Chinese Journal of International Politics*, 2014, No. 7(2), pp. 153-184.

offering an ideal worldview. In the third part, an empirical analysis of the Chinese foreign policy would check whether China’s behaviors correspond to Xi’s vision and whether China is a revisionist power.

Ancient Chinese narrative of world order

First and foremost, this section illustrates the concept of *Tianxia*, which is the worldview and system of ancient Chinese. One would start from conceptualizing the definition of *Tianxia* and then the practice of *Tianxia* referring to the relations between ancient China and the peripheries. At the end of the section would illustrate the end of *Tianxia*.

The concept of *Tianxia*

Tianxia, literally translated as the “all-under-heaven”, could refer to both ancient China and the whole world. *Tianxia*, in the narrow sense, is a Sinocentric concept referring to ancient China that is a civilizational state with Chinese culture. The superiority of

Chinese culture has ancient China positioned itself as the core of the concentric circles surpassing other civilizations. Thanks to the superior Chinese culture, ancient Chinese are the most civilized people and most capable of governing *Tianxia* under the principle of elite governance. Ancient China is surrounded by the peripheries when people living there are described by ancient Chinese as the barbarians, namely the “four barbarians” of the Dongyi, *Nanman*, *Xirong*, *Beidi*.

Ancient China could be understood as a network-based political and cultural community when the Chinese culture instead of descents act as the linkage within this community.² In this sense, *Tianxia* has no geographical limitation and is expandable by cultural assimilations when the peripheries become accustomed to the Chinese culture. There is a Chinese proverb illustrating the blurred boundary between ancient China and the peripheries that once the barbarians adapt to the Chinese culture, they become ancient Chinese. The ancient Chinese are confident to their culture that the peripheries would be assimilated into Chinese culture voluntarily through persistent cultural exchanges, which in some sense prevent inter-civilizational warfare. Therefore, in the broad sense, *Tianxia* is equivalent to the whole world consisting of ancient China plus the peripheries.³

Tianxia in practice

Tianxia, as explained consisting of the core and peripheries, is a hierarchical concept denoting the asymmetric status between ancient China and the surrounding states. In practice, ancient China managed to preserve harmonious relations with the peripheries because of Confucianism and tributary system.

Confucianism offers philosophical foundations to *Tianxia*, which help to create

relatively stable relations between ancient China and the peripheries. Confucianism emphasizes inclusiveness and harmony by encouraging the preservation of cultural differences and mutual interactions with other cultures. To be more precise, the Confucian's thoughts of harmony include the harmony between heaven and people (*tianren heyi*), the harmonious whole (*tianxia datong*), harmony in diversity (*he er bu tong*) and benevolent rule (*wangdao*). At the same time, Confucianism proposes the doctrine of the mean (*zhongyong*) that ways run parallel without interfering with one another. In practice, Confucianism demonstrates tolerance and coexists with other philosophies and religions. Thus, Confucianism proposes moral guidance to ancient China to peacefully deal with cultural differences between civilizations.⁴ In contrast to the Western imperialism and colonialism, there is little inter-civilizational conflicts and no religious war ever initiated by ancient China for Confucianism. The emphasis of inclusiveness, harmony, and the mean in Confucianism is the fundamental element to maintain peace within *Tianxia*.

In the Chinese tributary system, countries are obligated to send tribute missions to ancient China regularly to develop economic relations with the Middle Kingdom. The Chinese tributary system shows the grace mentality ancient Chinese have given that ancient China is believed to be a self-sufficient economy. As a result, the economic relations between ancient China and the peripheries are asymmetric, even though both sides enjoy mutual benefits in trade. In exchange, the tributary entities would have political autonomy and security guarantee from ancient China against external threats. The practice of the peripheries paying tributes to ancient China is the external recognition of ancient China's cultural and economic predominance in the world, which also transforms to the legitimacy of the Chinese emperor domestically. Accordingly, the tributary system has ancient China enjoyed supreme status in the world without territorial expansions. Military forces are implemented

² Zhao, T. *Tian xia zhi xu de wei lai xing* (The Future of the World Order) / *Tan suo yu zheng ming*, 2015, No. 11. Mode of access: http://www.cssn.cn/zhx/zx_zhyj/201706/t20170629_3565234_22.shtml

³ Wang, H.; Su, H. *Lun zhong xi wen ming zhong de tian xia guan he shi jie guan* (China and the West: Two Kinds of World Views) / *Zhong guo ren min da xue xue bao*, 2015, No. 1. Mode of access: http://www.cssn.cn/zgs/zgs_zms/201601/t20160128_2847963.shtml

⁴ Guo, Y. *Tian xia zhu yi: Shi jie zhi xu zhong jian de ru jia fang an* (Universalism: A Confucian Scheme for Reestablishing World Order) / *xue shu qian yan*, 2013, March, pp. 28-35.

only if the peripheries attempt to compete for ancient China's supreme status.

The end of *Tianxia*

Preserving the *Tianxia* nominally, the Qing dynasty delayed the end of *Tianxia* until the 19th century. The actual end of *Tianxia* refers to the termination of the ruling by Chinese civilization in ancient China, which could trace back to Qing dynasty when ancient China was no longer ruled by Chinese civilization but by Manchurian. Noteworthy is that the dynastic change in ancient China does not necessarily mean the real end of *Tianxia* as long as Chinese civilization still rules it. Nevertheless, the Qing emperors kept adopting the concept of *Tianxia* nominally for pragmatic reasons to maintain excellent diplomatic relations with other states. In the 19th century, the European imperialism put a complete end to *Tianxia* when the asymmetric diplomatic relations between ancient China and foreign countries are terminated and replaced by the Westphalian system of equal sovereignty.

Tianxia in the modern world

The revival of *Tianxia* in the 21st century would face severe challenges because of its characteristic of asymmetric diplomatic relations, which violate the international norm of equal sovereignty. *Tianxia* in the contemporary world implies a new hegemony of Chinese empire by revitalizing hierarchical diplomatic relations between China and other countries.⁵ Accordingly, new concepts are constructed by scholars to have *Tianxia* fit in the modern world and also by the Chinese leader to make China's influence continued to grow without confrontation with other great powers.

Neo-*Tianxia* and neo-cosmopolitanism

To have *Tianxia* integrated with the modern global norm and corresponded to China's global image, Chinese scholars have made modifications of *Tianxia* and developed

⁵ Callahan, W.A. Chinese Visions of World Order: Post-hegemonic or a New Hegemony? // *International Studies Review*, 2008, No. 10(4), pp. 749-761.

new concepts of the neo-*Tianxia* and neo-cosmopolitanism.

Neo-*Tianxia* proposes an ideal worldview that considers the whole world as one entity instead of the state-dominant vision, while posits China as a member of this community equally alongside with other countries.⁶ The relations within neo-*Tianxia* are governed by the rules that are constructed mutually by the members based on consultations, compromises, and mutual trust. Meanwhile, neo-cosmopolitanism criticizes Sinocentrism of neo-*Tianxia* and suggests the trans-civilizational universalism which attempts to eliminate all centrism of civilizations.⁷ Neo-cosmopolitanism highlights inter-cultural interactions and the universalism constructed by dialogues between civilizations. Respecting other civilizations and non-intervention are the critical conditions of neo-cosmopolitanism to seek common grounds while reserving differences (*qitong cunyi*).

The reinventions of *Tianxia* suggesting an idealistic world order imply the unrealistic assumption that human nature is good and are questionable in practice. Indeed, these new concepts are reinvented in the context of the 'harmonious world' outlined by the former Chinese President Hu and thus are regarded as propaganda to further China's agenda of "peaceful rise" and refute against the "China threat theory."

President Xi's worldview

As his predecessors proposing new conceptual ideas to represent their ruling, including Mao's "Mao Zedong Thought", Deng's "Deng Xiaoping Theory", Jiang's "Three Represents", and Hu's "Scientific Outlook on Development", Xi suggests the "Xi Jinping

⁶ Ren, J. Zou xiang li xing: Jin dai yi lai zhong guo shi jie guan de shan bian (To Rationality: The Evolution of China's Worldview in Modern Times) / *Zhong yang she hui zhu yi xue yuan xue bao*, 2017, No. 2. Mode of access: <http://www.zysy.org.cn/a1/a-XCWE299B1DCCA1EE7C958C>

⁷ Liu, Q. Zhong jian quan qiu xiang xiang: Cong "tian xia" li xiang zou xiang xin shi jie zhu yi (The Basic Connotation of Confucian Distinction between Righteousness and Benefit and Its Contemporary Significance) / *Xue shu yue kan*, 2015, No. 8. Mode of access: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1379172

Thought.” In the official document of the “Xi Jinping Thought”, it stresses the building of the “new type of international relations” and “community of shared destiny” when referring to the Chinese foreign policy.

To understand the “new type of international relations”, one should identify which countries the concept refers to and what is the new type of relations. Simply because the concept is a diplomatic term which is changing from time to time, there are little consensuses of its definition in the Chinese academic.⁸ Compared to the “new type of great power relations”, which is used previously by the Chinese government to describe the Sino-American relations, the “new type of international relations” refers to China’s foreign relations in general and prioritizes the peripheral diplomacy. According to Chinese Foreign Minister Wang Yi and the official discourse, the “new type of international relations” is defined as mutual respect and win-win cooperation.⁹ In Chinese academic circles, the definition of the new type of relations could have broad understandings that could refer to the partnership, strategic competition, cooperation, and an ideological concept of harmony.

Alongside with the “new type of international relations”, President Xi repeatedly mentions the idea of the “community of shared destiny” during his speeches. The “community of shared destiny” could refer to three pillars of cooperative security, joint development, and political inclusiveness.¹⁰ To begin with, China suggests the idea of cooperative security through consultations and collaborations with other countries to justify the morality and justice of the use of force. Secondly, the Chinese government

⁸ Hao, Q. China Debates the “New Type of Great Power Relations”// *The Chinese Journal of International Politics*, 2015, No. 8(4), pp. 349-370.

⁹ Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. *zai 2017 nian guo ji xing shi yu zhong guo wai jiao yan tao hui kai mu shi shang de yan jiang* (Speech at the Opening of Symposium on International Developments and China’s Diplomacy in 2017). 2017, December 9. Mode of access: <http://www.fmprc.gov.cn/web/wjzbzd/t1518042.shtml>

¹⁰ Fu, Y. *China’s Vision for the World: A Community of Shared Future*. 2017, June 22. Mode of access: <https://thediplomat.com/2017/06/chinas-vision-for-the-world-a-community-of-shared-future/>

proposes the BRI to address inequality of global economic development and help the developing countries to catch up the development level of the developed world. Moreover, thirdly, China shows mutual respect and tolerances to other cultures and civilizations.

Overall, the “new type of international relations” and “community of shared destiny” proposed by the Chinese government are vague concepts. The construction of these concepts aims at setting a unique model to the world that is with Chinese characteristic and different from the traditional Western concepts.¹¹ However, unlike *Tianxia* which is both a concept and practice in ancient times, neo-*Tianxia*, neo-cosmopolitanism, and Xi’s ideas are yet to be materialized. The harmonious worldview offered by Chinese scholars and leader are symbolic as long as in reality, China is growing aggressive in the global arena, especially for the territorial disputes in the South China Sea.

Contemporary Chinese foreign policy

After illustrating the conceptual framework of Chinese worldview, the essay would analyze China’s tools of diplomacy in practice, from the perspective of economics, institutions, and culture. The empirical analysis of Chinese foreign policy not only testifies China’s vision suggested by Xi but also answers the role of rising China in the international system.

Economic diplomacy

Thanks to the growing economic capabilities as being the world’s second-largest economy, the Chinese government is more dedicated to manipulating its economic resources to influence the international relations. China has the dual transformation of economic diplomacy that Beijing has now concerned also about external environment plus shaping norms and agendas in the global economy when formulating its economic policies.¹² In practice,

¹¹ Gao, C. “A Community of Shared Future”: One Short Phrase for UN, One Big Victory for China? 2017, November 5. Mode of access: <https://thediplomat.com/2017/11/a-community-of-shared-future-one-short-phrase-for-un-one-big-victory-for-china/>

¹² Ren, J. “Shuang zhong zhuan xing”: shi ba da yi

China adopts the carrot and stick approach by offering rewards of economic liberalization and punishments of economic sanctions to induce desired policies of other countries.

To begin with, China offers positive inducements of economic liberalization in trade, finance, and investment to buy other countries' supports. The Chinese government is motivated to conclude more FTAs with key trading partners and neighboring countries, which helped China to facilitate economic cooperation and develop the strategic partnership with other countries and regions.¹³ China is also enthusiastic about regional integration projects, namely the FTAAP and RCEP. Financially, China is one of the world's largest donors offering money mainly to countries which support them at the United Nations, especially the African countries.¹⁴ At the same time, China has soared its foreign investment abroad under the "Go Out policy" and the BRI. The "Go Out Policy" has been pushed by the Chinese government since 1999 to urge the Chinese enterprises to invest in global markets and since 2014 China's outward foreign investment has surpassed its inward foreign investment.

The "Go Out Policy" has evolved to the next level under President Xi's leadership with his flagship of the BRI. President Xi announced the BRI in 2013, which emphasizes infrastructure connectivity and is participated by more than 65 countries from Asia, Europe, and Africa. When the BRI helps China to address the domestic economic issue of overcapacity and unbalanced development among Chinese regions, the initiative also provides other BRI countries with much-needed investments for

lai zhong guo jing ji wai jiao de li nian chuang xin yu zhan lue bu ju ("Dual Transformation": The Concept Innovation and Strategic Layout of China's Economic Diplomacy since the 18th National Congress of the Communist Party of China) / *Zhong guo yu shi jie*, 2015. Mode of access: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-CAWD201500004.htm>

¹³ Pan, X. China's FTA Strategy. 2014, June 1. Mode of access: <https://thediplomat.com/2014/06/chinas-fta-strategy/>

¹⁴ Aid, China, and Growth: Evidence from a New Global Development Finance Dataset / AidData Working Paper No. 46. 2018, March 16. Mode of access: <http://aiddata.org/data/chinese-global-official-finance-dataset>

development, particularly the Asian countries facing the infrastructure gap. The Chinese government's push for the BRI would have geopolitical implications that China would gain greater political leverages to the participating countries from peripheral regions, let alone the initiative itself could be the globalization 3.0 with Chinese characteristics in parallel with the one that driven by the West.

Apart from rewarding friendly countries with economic liberalization, China uses economic weapons to punish countries that challenge "China's core interests." Although Beijing has defined sovereignty, territorial integrity and economic development as "China's core interests", the interpretation by the Chinese government have been arbitrary and flexible from time to time.¹⁵ The overuse of these words by the Chinese foreign ministry constitutes a pressure or blackmail to other countries in changing their policies. Countries that are reluctant to compromise would risk deteriorating economic relations with China. For instance, last year China imposed economic sanctions on South Korean products in revenge for Seoul's deployment of THAAD missile defense system. Indeed, China was used to manipulate economic activities in response to human rights' criticisms, including the imposition of economic boycotts to European countries whose leader met with Dalai Lama and to Norway during the Nobel Prize Dispute. China's manipulation of economic weapons has exploited the current rule-based system and brought severe damages to China's image abroad.

Institutional diplomacy

There are two dimensions of China's institutional diplomacy, concerning the increased participation in the existing multilateral institutions and establishment of new institutions. The first dimension that China has greater engagement with the international organizations is following the logic that if China cannot beat the Western-led institutions,

¹⁵ Swaine, M.D. China's Assertive Behavior Part One: On "Core Interests" // *China Leadership Monitor*, 2010, No. 34. Mode of access: http://carnegieendowment.org/files/CLM34MS_FINAL.pdf

join them. As a result, China joins the WTO and G20 and seeks for reforms to have a more significant say in the existing international organizations, such as in the IMF. Meanwhile, China demonstrates its bold ambitions to advance its national interests by creating new multilateral institutions. Following the logic of counter-hegemonic institutionalism, building new Chinese-led institutions helps China to facilitate reforms and boost its influences in the existing organizations and to form the basis of the rival international order by propagating new norms and rules.¹⁶ The Chinese government has learned a lesson from the U.S. which uses the international organizations as an instrument of the American policy for preserving its global powers and legitimizing its interests abroad. Building its international institutions to protect Chinese interests overseas is also pragmatic given that there are increasing Chinese businesses investing abroad under the “Go Out Policy.” Accordingly, China has created the AIIB and NDB that provide Beijing with larger influences in setting discourses in the international economic governance. Still, under the multilateralism, the participation of other countries could give an institutional check to China’s behavior within the new organizations.

Public and cultural diplomacy

While China’s economic and institutional diplomacy is the Chinese foreign policy adventures at times, the Chinese government uses the public and cultural diplomacy to downplay China’s aggressive image abroad. The Chinese public diplomacy aims at improving China’s national image and global influences with soft power. One of the essential tools of the Chinese public diplomacy is the Confucius Institute which promotes Chinese languages and cultures in foreign universities but faces growing backlashes concerning its political influences. The Chinese government also concentrates on spreading China’s cultural influences in the mass media and on the internet

although the outcome is far from satisfactory. On the one hand, the mass media is dominated by the Western media, especially those from the English-speaking countries. On the other hand, the lack of freedom of speech and press plus media censorship in China becomes a fundamental limitation for the Chinese media to expand its influences in the globe.

The cultural diplomacy has a crucial position in China’s push of the BRI. According to the official document, one of the five development priorities highlighted in the BRI is the people-to-people bonds referring to cultural exchanges among the BRI countries. Some countries perceive the BRI as China’s geopolitical adventures based on its geopolitical implications and the fact that Beijing fails to explain the initiative thoroughly which leaves China’s intentions to remain uncertain. The perception of the BRI refers to the combination between China’s image and public opinion, which are shaped by political, economic and cultural factors.¹⁷ China’s cultural diplomacy in the BRI aims at undermining “China threat” sentiment in the short-term and creating favorable image of China in the long-term.¹⁸ In practice, the Chinese government could utilize cultural diplomacy in different areas, including education, tourism, technology, and health. Sound cultural diplomacy would help China to implement the BRI smoothly by improving international understanding and undermining its geopolitical meanings.

A revisionist or reformist power?

All in all, though China is aggressively seeking for more significant influences in the international system, the Chinese government is yet to be a revisionist state desired for revising the status quo. Undoubtedly, Beijing is boldly expanding its influences abroad by economic and institutional diplomacy, when China’s

¹⁷ Cheng, Y. Public Opinions on the Belt and Road Initiative: A Cross-cultural Study. In *The BRI in the global arena: Chinese and European perspectives*. Palgrave Macmillan, 2018. Pp. 3-15.

¹⁸ Song, L.; Zhao, Q. A Model for the Belt and Road Initiative: China’s Cultural Diplomacy Toward Central and Eastern European Countries. In *The BRI in the global arena: Chinese and European perspectives*. 2018, pp. 55-68.

¹⁶ Ikenberry, G.J.; Lim, D.J. China’s Emerging Institutional Statecraft: The Asian Infrastructure Investment Bank and the Prospects for Counter-Hegemony. 2017. Mode of access: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/04/chinas-emerging-institutional-statecraft.pdf>

behaviors in the South China Seas Dispute, the implementation of economic sanctions and creation of new international institutions are aggression. However, the Chinese government is satisfied with the liberal global order, which offers a stable external environment for China's development. At the same time, China has to rely on other participants and great powers in implementing the BRI provided that there have security challenges along the routes. Therefore, although China is improving its capabilities in building an alternative world order, the Chinese government is yet to be capable of and not determined to challenge the U.S.'s global leadership. China's relatively failed public and cultural diplomacy is one of the reasons that has Beijing labeled as a revisionist power.

Conclusion

It could conclude that Tianxia is an expandable concept that could refer to ancient China and the whole world at the same time. *Tianxia*, considering the world as a community, transcends the state-dominant international order and is a relatively stable system thanks to Confucianism and the tributary system. *Tianxia* is not applicable in the modern world given that the asymmetric relations in *Tianxia* are in contrast with equal sovereignty under the Westphalian system. New concepts reinventing *Tianxia*, including neo-*Tianxia* and neo-cosmopolitanism by Chinese scholars, and vague ideas proposed by Xi are yet to materialize. Based on the analysis of Chinese foreign policies, China is aggressively seeking for more significant influences in the international system economically and institutionally. China is far from being a revisionist state considering its lack of capabilities and determination to take the global leadership. The unsatisfying Chinese public diplomacy, which fails to improve China's image abroad, costs China to be labeled as the revisionist power.

References:

- Aid, China, and Growth: Evidence from a New Global Development Finance Dataset / AidData Working Paper No. 46. 2018, March 16. Mode of access: <http://aiddata.org/data/chinese-global-official-finance-dataset>
- Callahan, W.A. Chinese Visions of World Order: Post-hegemonic or a New Hegemony? // *International Studies Review*, 2008, No. 10(4), pp. 749-761.
- Cheng, Y. Public Opinions on the Belt and Road Initiative: A Cross-cultural Study. In *The BRI in the global arena: Chinese and European perspectives*. Palgrave Macmillan, 2018. Pp. 3-15.
- Fu, Y. China's Vision for the World: A Community of Shared Future. 2017, June 22. Mode of access: <https://thediplomat.com/2017/06/chinas-vision-for-the-world-a-community-of-shared-future/>
- Gao, C. "A Community of Shared Future": One Short Phrase for UN, One Big Victory for China? 2017, November 5. Mode of access: <https://thediplomat.com/2017/11/a-community-of-shared-future-one-short-phrase-for-un-one-big-victory-for-china/>
- Guo, Y. Tian xia zhu yi: Shi jie zhi xu zhong jian de ru jia fang an (Universalism: A Confucian Scheme for Reestablishing World Order) / *xue shu qian yan*, 2013, March, pp. 28-35.
- Hao, Q. China Debates the "New Type of Great Power Relations" // *The Chinese Journal of International Politics*, 2015, No. 8(4), pp. 349-370.
- Ikenberry, G.J.; Lim, D.J. China's Emerging Institutional Statecraft: The Asian Infrastructure Investment Bank and the Prospects for Counter-Hegemony. 2017. Mode of access: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/04/chinas-emerging-institutional-statecraft.pdf>
- Liu, Q. Zhong jian quan qiu xiang xiang: Cong "tian xia" li xiang zou xiang xin shi jie zhu yi (The Basic Connotation of Confucian Distinction between Righteousness and Benefit and Its Contemporary Significance) / *Xue shu yue kan*, 2015, No. 8. Mode of access: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1379172
- Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. zai 2017 nian guo ji xing shi yu zhong guo wai jiao yan tao hui kai mu shi shang de yan jiang (Speech at the Opening of Symposium on International Developments and China's Diplomacy in 2017). 2017, December 9. Mode of access: <http://www.fmprc.gov.cn/web/wjzbhd/t1518042.shtml>
- Pan, X. China's FTA Strategy. 2014, June 1. Mode of access: <https://thediplomat.com/2014/06/chinas-fta-strategy/>
- Ren, J. "Shuang zhong zhuan xing": shi ba da yi lai zhong guo jing ji wai jiao de li nian chuang xin yu zhan lue bu ju ("Dual Transformation": The Concept Innovation and Strategic Layout of China's Economic Diplomacy since the 18th National Congress of the Communist Party of China) / *Zhong guo yu shi jie*, 2015. Mode of access: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-CAWD201500004.htm>
- Ren, J. Zou xiang li xing: Jin dai yi lai zhong guo shi jie guan de shan bian (To Rationality: The Evolution of China's Worldview in Modern Times) / *Zhong yang she hui zhu yi xue yuan xue bao*, 2017, No. 2. Mode of access: <http://www.zysy.org.cn/a1/a-XCWE299B1DCCA1EE7C958C>
- Song, L.; Zhao, Q. A Model for the Belt and Road Initiative: China's Cultural Diplomacy Toward Central and Eastern European Countries. In *The BRI in the global arena: Chinese and European perspectives*. 2018, pp. 55-68.
- Swaine, M.D. China's Assertive Behavior Part One: On "Core Interests" // *China Leadership Monitor*, 2010, No. 34. Mode of access: http://carnegieendowment.org/files/CLM34MS_FINAL.pdf
- Wang, H.; Su, H. Lun zhong xi wen ming zhong de tian xia guan he shi jie guan (China and the West: Two Kinds of World Views) / *Zhong guo ren min da xue xue bao*, 2015, No. 1. Mode of access: http://www.cssn.cn/zgs/zgs_zms/201601/t20160128_2847963.shtml

Yan, X. From Keeping a Low Profile to Striving for Achievement // *The Chinese Journal of International Politics*, 2014, No. 7(2), pp. 153-184.

Zhao, T. Tian xia zhi xu de wei lai xing (The Future of the World Order) / *Tan suo yu zheng ming*, 2015, No. 11. Mode of access: http://www.cssn.cn/zhx/zx_zhyj/201706/t20170629_3565234_22.shtml

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-9-3-154-161>

АНАЛИЗ КИТАЙСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ МИРОВОГО ПОРЯДКА И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ: ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ КИТАЙ РЕВИЗИОНИСТСКОЙ ИЛИ РЕФОРМИСТСКОЙ ДЕРЖАВОЙ?

Ка-Хо Вонг

Независимый исследователь, Гонконг

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 16 марта 2018 <i>Принята к печати:</i> 18 мая 2018</p>	<p>Аннотация: После того как Си Цзиньпин пришел к власти, Китай сменил свою глобальную стратегию «незаметной дипломатии» на активную дипломатическую деятельность, нацеленную на достижение реальных результатов. Скорректированный подход к китайской внешней политике укладывается в контекст роста потенциала Китая и постепенного сокращения американского глобального лидерства. Учитывая структурные изменения в системе международных отношений, Китай, как ожидается, будет играть более значительную роль в мировой политике. Вопрос заключается в том, каким образом Китай воспринимает мир и выступает ли он в качестве реформистской или ревизионистской державы. В статье рассматриваются эти вопросы, прежде всего, на основе осмысления древнекитайской идеи «Тяньши» («Поднебесная»), которая являлась одновременно и философской концепцией, и основой практической политики. Хотя концепция Поднебесной к настоящему времени утрачивала свое значение, к ней снова стали обращаться китайские ученые, сопоставляя сущность данной концепции с идеями, предложенными президентом Си Цзиньпином. В статье также проводится эмпирический анализ китайской внешней политики с целью определения, соответствует ли реальная внешнеполитическая деятельность Китая видению Си Цзиньпина и является ли Китай ревизионистской державой.</p>
<p>Об авторе: Независимый исследователь; независимый автор, <i>Stand News</i>; магистрант, МГИМО МИД России e-mail: frankywongk@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: китайское мировоззрение; <i>Tianxia</i>; Поднебесная; конфуцианство; трибутарная система; Инициатива пояса и пути; ревизионистская державы; китайская угроза</p>	

Для цитирования: Wong, Ka-Ho. Analysis of Chinese Narrative of World Order and Foreign Policy: Is China a Revisionist or Reformist Power? // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 3. – С. 154-161.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-154-161

For citation: Wong, Ka-Ho. Analysis of Chinese Narrative of World Order and Foreign Policy: Is China a Revisionist or Reformist Power? // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 3, pp. 154-161.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-154-161

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОСМЫСЛЕНИИ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Рецензия на книгу: Hayes, J. *Constructing National Security: U.S. Relations with India and China*. Cambridge University Press, 2013. 211 p.

Кристина Александровна Ананьина,
*аспирант, кафедра востоковедения,
МГИМО МИД России*

В 2013 г. была опубликована монография Джаррода Хайеса «Структурирование национальной безопасности: отношения США с Индией и Китаем» (издательство Кэмбриджского университета), посвященная исследованию демократического мира через призму идентичности, а именно вопросу, почему демократии избегают создания образа угрозы и, соответственно, применения силы в отношении других демократий. Безопасность, по мнению ученого, – социально конструируемое понятие, наполнение которого определяется демократической идентичностью, разделяемым всеми демократиями пониманием того, кто «мы», и каковы «наши» ожидания в отношении друг друга (p. 13¹). Демократическая идентичность, с одной стороны, не позволяет политикам с легкостью демонизировать другие демократии в глазах общественности; с другой стороны, в отношении недемократических государств она может быть использована для конструирования у граждан образа угрозы (секьюритизации) (p. 13-14). Механизм секьюритизации Дж. Хайес рассматривает на исторических примерах – ключевых моментах в истории отношений США с демократической Индией и коммунистическим Китаем.

¹ Здесь и далее указаны страницы по рецензируемой книге: Hayes, J. *Constructing National Security: U.S. Relations with India and China*. Cambridge University Press, 2013. 211 p.

Структура работы подчинена обоснованию выдвигаемого автором тезиса по принципу от теории к эмпирике. Монография состоит из введения, предисловия, двух глав, заключения и списка используемой литературы. В предисловии автор анализирует три теории – секьюритизации, социальной идентичности и демократической идентичности. Первая глава посвящена американо-индийским отношениям, вторая – американо-китайским. В начале обеих глав дается обзор имеющейся литературы по теме, «дорожная карта» и теоретические ожидания. В качестве предмета эмпирического анализа Дж. Хайес выбрал следующие кейсы: в истории американо-индийских отношений – война за независимость Бангладеш 1971 г., ядерные испытания 1971 г. и 1998 г., соглашение о поставке высокотехнологической продукции в ядерной сфере 2005 г.; в истории американо-китайских отношений – кризис в Тайваньском проливе 1995-1996 гг. и инцидент с экстренным приземлением американского самолета-разведчика на о. Хайнань в 2001 г.

Теоретическая база монографии нацелена на обоснование социально-политических причин существования демократического мира посредством рассмотрения динамичного характера социальной идентичности общества и ее воздействия на поведение государств на международной арене. Теория секьюритизации позволяет взглянуть на проблему демократического мира через призму безопасности, то есть понимания причин (не)конструирования демократическими государствами других государств в качестве экзистенциальной угрозы на примере взаимодействия политиков (секьюритизирующих акторов) с населением (аудиторией) посредством анализа их речей (обоснование необходимости секьюритизации) (p. 15-17). Результатом успешной секьюритизации является переход вопроса из области обычной политики в повестку дня безопасности (p. 22).

Теория социальной идентификации (в частности, теория социальной категори-

зации) объясняет значение идентичности в обществе, а именно каким образом идентичность, определяемая принадлежностью к конкретной группе, формирует социальное поведение по отношению к своей и чужим группам (р. 23-27). С этой целью используются такие понятия, как самокатегоризация, внутригрупповой эффект, внутригрупповые связи и когнитивная нагрузка. Категоризация позволяет проанализировать процесс, в ходе которого индивидов начинают воспринимать как членов группы, а также социально-психологический эффект нахождения в группе и ее формирования (р. 28-29). При категоризации социальный мир разделяется на внутренние и внешние группы, представленные прототипными идентичностями; члены группы при этом воспринимаются деперсонализировано (р. 30-31). Таким образом, социальная идентичность составляет основу поведенческих ожиданий, а демократическая идентичность, по мнению Дж. Хайеса, является ключевым инструментом конструирования угрозы (р. 31).

Логика Дж. Хайеса сводится к тому, что в стабильных демократиях население разделяет определяемую конкретной реальностью демократическую социальную идентичность, базовые компоненты которой включают в себя разрешение конфликтов мирным путем, верховенство права, поиск компромисса и прозрачность (р. 31-33). В рамках демократической политической системы эти компоненты позволяют определять себя и других, а также конструировать ожидания политического поведения в отношении себя и других. Они также служат важным объединяющим элементом в воображаемом политическом сообществе, которое на ежедневной основе воспроизводит демократию. Деятеля создает действие, практика демократии создает демократического деятеля (р. 34-36). Демократическое участие также содержит в себе элементы привычки, поэтому практика демократии только усиливает роль демократической идентичности.

У демократической идентичности есть два компонента – корпоративный и социальный. Они определяют, кто «мы» и как «мы» должны себя вести (р. 34-36). Корпоративный относится к вопросу о том, кто

принадлежит к демократическому сообществу. Социальный предопределяет роли и поведенческие ожидания в демократии. Тем самым демократия как социальная идентичность позволяет делать сравнения по линии «свой-чужой». Если государство демократическое, то демократическая идентичность должна быть значительным фактором в воображаемом сообществе, связывающим вместе всех членов общества в рамках государства. Политические курсы, включающие переговоры и согласование позиций, признаются справедливыми в свете апеллирования к демократическим нормам. Лидеры поддерживают, что другое государство придерживается сходных подходов (определяющих социальную идентичность), поэтому оно должно пользоваться доверием демократического сообщества (соотносится с корпоративной идентичностью), следовательно, от него можно ожидать предсказуемого поведения и ненасильственного разрешения проблемной ситуации (р. 35-37). Политические курсы, предполагающие использование насилия (недемократическое политическое поведение), обосновываются тем, что рассматриваемому государству нельзя доверять, поскольку оно способно на агрессию. Иными словами, оно не желает придерживаться демократических принципов, которые составляют социальную идентичность. Подобное государство представляет экзистенциальную угрозу, поскольку его суть отлична от демократической, определяемой в том числе неприбеганием к насилию при разрешении конфликтов между членами внутренней группы (р. 35-37). Демократическая социальная идентичность в этом контексте снижает уровень неопределенности в будущем, предписывая демократическим государствам действовать в рамках заданных поведенческих границ.

Дж. Хайес подчеркивает, что уникальная особенность демократии – подотчетность политиков избирателям (целевой аудитории). Поскольку в демократиях лидеры должны пользоваться широкой общественной поддержкой по сравнению с авторитарными режимами, то политическим деятелям необходимо учитывать интересы разнообразных слоев населения и их представле-

ния о содержании национального интереса при формировании повестки дня в области безопасности (р. 36-37). Политики, действующие в условиях демократии, знают об этом ограничителе, поэтому даже если они принимают решение без опоры на мнение большинства населения, то это может стоить им кресла. В этой связи для применения силы в отношении другого государства им необходимо сконструировать предлог, который бы был понятен широкому кругу избирателей и вписывался бы в их представление об угрозе безопасности.

У политиков, как правило, нет времени, чтобы с нуля создать подобную представленческую рамку. Вместо этого они берут за основу устоявшуюся, с помощью которой можно оценить, кто заслуживает доверия, а кто – нет, и какой реакции следует ожидать при принятии того или иного решения в области безопасности. Поскольку политикам в условиях демократии необходимо взаимодействовать с широкой аудиторией, то они вынуждены обращаться к понятиям и связям, которые лежат в основе воображаемого сообщества (р. 16). В демократических системах споры по поводу шагов в области безопасности будут возникать внутри элиты, но главным судьей в этих спорах будут граждане, что является принципиальным отличием демократии от недемократических режимов.

Таким образом, социальная идентичность, как пишет Дж. Хайес, конструирует социальное пространство, в рамках которого политики принимают решения по безопасности. Под пространством безопасности Дж. Хайес понимает процесс по выстраиванию политики безопасности под воздействием внутренних и международных структур (порядков), а также ее реализации в международной системе (р. 19-21). Границами безопасности являются метаустойчивые социальные и политические структуры, составляющие пространство безопасности, пределы которого определяют успешность или неуспешность действий по секьюритизации (р. 19-21).

Рассмотрение безопасности в контексте социального пространства позволяет вместо стандартного подхода предсказания сле-

дующей войны подвигнуть политологов к анализу конфигураций социальных и политических структур, с которыми сталкиваются и в рамках которых действуют политики при принятии решений в сфере безопасности. Следовательно, внутригосударственный порядок, по мнению Дж. Хайеса, оказывает влияние на международный порядок (р. 19-21). В этом случае демократический мир как международный порядок зиждется на демократических институтах конкретных государств, то есть внутригосударственном демократическом порядке. При данном понимании значимость баланса сил в международных отношениях определяется тем, к поддержанию каких политических и социальных порядков он ведет.

Комбинируя теории секьюритизации и социальной идентичности, автор пытается доказать выдвигаемые им теоретические посылы на примере функционирования механизма секьюритизации как процесса (а не единичного действия) в истории американо-индийских и американо-китайских отношений. Выбор кейсов обусловлен вневременной актуальностью изучения вопроса встраивания в международную систему держав, находящихся на стадии подъема, в частности, распространения предположения, что процесс возвышения новых держав обладает значительным конфликтным потенциалом. На примере Индии Дж. Хайес пытается проиллюстрировать тезис, что попытки секьюритизации в отношении демократий остаются безуспешными, несмотря на стремление политиков представить их действия недемократическими. С целью десекуритизации демократий политики, наоборот, делают акцент на общих демократических ценностях. Таким образом, секьюритизация демократий сводится к конструированию их политической природы в контексте существующего демократического прототипа и определяемого им представления о безопасности. В отношении недемократических государств (в качестве примера Дж. Хайес берет Китай) при секьюритизации политики делают акцент на недемократической идентичности государства, в то время как при десеку-

ритизации, наоборот, они указывают на его демократические черты.

В качестве иллюстративных примеров из истории американо-индийских отношений автор берет индо-пакистанский конфликт 1971 г., а также взаимодействие США и Индии по вопросу индийской ядерной программы в 1974 г., 1998 г. и 2005 г. В 1971 г. во время войны за независимость Бангладеш Р. Никсон и Г. Киссинджер воспринимали Индию в качестве угрозы американским интересам как на региональном, так и на международном уровнях. На региональном уровне – как угрозу территориальной целостности Пакистана ввиду сепаратистских настроений в его восточной части, на международном уровне – как пособника советскому коммунизму (р. 48). Тем не менее, шаги по секьюритизации Индии, несмотря на оказание ею военной поддержки Бангладеш и заход американского авианосца «Энтерпрайз» в воды Бенгальского залива, оказались безуспешными ввиду неспособности администрации на фоне авторитарного Пакистана создать из демократической Индии образ врага и «продать» его американским сенаторам и избирателям. Аналогичная ситуация наблюдалась и в отношении индийского ядерного досье в 1974 г., 1998 г. и 2005 г. Во всех трех случаях политики, пытавшиеся секьюритизировать Индию и ее ядерную программу, преуменьшали значимость демократического характера индийской государственности, подчеркивая ее недемократические аспекты, либо пытались косвенно привязать образ Индии к недемократическим государствам, в отношении которых секьюритизация была успешной (например, Японии во время Второй мировой войны) (р. 47-50). В то же время политики, которые стремились сохранить нормальные отношения с Индией, неоднократно подчеркивали ее демократический статус. Однако, как показали опросы общественного мнения, все попытки секьюритизации были безуспешными, американцы не смогли воспринять Индию в качестве агрессора.

В истории американо-китайских отношений Дж. Хайес анализирует тайваньский кризис 1995-1996 гг. и инцидент 2001 г. с вынужденной посадкой американ-

ского самолета-разведчика на о. Хайнань. В 1996 г. КНР пыталась вмешаться в ход избирательной кампании на Тайване, чтобы не допустить победы сторонников его независимости, устроив демонстрацию военной мощи в виде учебного пуска боевых ракет в непосредственной близости от острова. Вашингтон осудил действия КНР, направив две авианосные ударные группы в район Тайваньского пролива в соответствии с обязательствами по двустороннему договору о взаимной обороне 1954 г.

Дж. Хайес описывает раскол в американской политической элите относительно необходимости секьюритизации Китая: часть конгрессменов, поддерживающих решение о секьюритизации, апеллировала к китайскому авторитаризму, в то время как администрация Б. Клинтона и ее сторонники в Конгрессе выступали за политику «вовлечения» Китая, объясняемую неизбежностью демократизации режима в будущем (р. 137-140). Опросы общественного мнения и ответные шаги Вашингтона продемонстрировали, что секьюритизация в отношении Китая в указанном случае была успешной. Гораздо меньшей поддержкой у населения пользовался инцидент с аварийной посадкой американского самолета-разведчика EP-3 на о. Хайнань в результате столкновения с китайским истребителем F-8, приведшего к гибели китайского пилота и задержанию американского экипажа на китайской военной базе. Администрация Дж. Буша-мл. старалась не обострять ситуацию, направив официальное извинение в связи с нарушением воздушного пространства КНР и смертью китайского летчика. Тем не менее, впоследствии администрация Дж. Буша-мл. решила на отход от политики «вовлечения» в отношении Китая, что нашло свое отражение в переформатировании американского подхода – от «стратегического партнера» к «стратегическому конкуренту» (р. 154-156).

Монография Дж. Хайеса представляет собой фундированную попытку проанализировать теорию демократического мира и вписать ее в более широкое и комплексное понимание проблематики безопасности, не ограничиваясь дуалистическим анализом международных отношений как состояния

войны или мира. Дж. Хайес предлагает читателю рассмотреть процесс конструирования угрозы (секьюритизации) в международных отношениях как с теоретической, так и с конкретно-исторической точек зрения, что представляется ключевым достоинством монографии. При этом авторский подход состоит в рассмотрении демократической идентичности как фактора, предопределяющего успешность или неуспешность секьюритизации (не)демократических режимов. Особого внимания заслуживает проделанная Дж. Хайесом работа по анализу имеющейся литературы по теме каждого исторического подраздела с указанием ее сильных и слабых сторон. Примечательно, что эмпирическая часть строится «по схеме», которая упрощает восприятие материала: в каждом подразделе сначала приводится исторический обзор события и литературы, затем анализируется сам кейс и, наконец, делаются выводы относительно эффективности политики секьюритизации в описываемом случае.

Тем не менее, несмотря на оригинальность излагаемого Дж. Хайесом подхода, автор ограничивается исключительно рассмотрением отношений США с двумя находящимися на стадии подъема азиатскими державами – «демократической Индией» и «недемократическим Китаем». Тем не менее, представляется важным проанализировать не только реакцию американской общественности при секьюритизации, но и восприятие других демократических стран (мирового демократического сообщества) в отношении действий США в каждом рассматриваемом случае. К примеру, при анализе событий 1995-1996 гг. и 2001 г. неясно, какие конкретно факторы (внутренние или внешние) не позволили описываемым кризисам перерасти в горячую фазу, если мнение общественности в США в целом было на стороне политической элиты. Дж. Хайес пишет о том, что администрация Б. Клинтона использовала предлог демократизации Китая в будущем, но не раскрывает содержания подобной демократизации. В итоге, непонятна приоритетность данного аргумента среди других, приводимых при обсуждении тайваньского кризиса в Конгрессе. Таким образом, в более широком плане вопрос

состоит в необходимости идентификации конкретных показателей демократической идентичности (входящих в т.н. пространство безопасности), несоответствие которым ведет к созданию в глазах общественности образа врага. При этом представляется важным сравнить «пороговые уровни» соответствия конкретному набору показателей и состав указанных наборов для демократических и недемократических государств. Интересен также и вопрос, насколько недемократичным должен быть режим, чтобы в обществе он был изначально воспринят в качестве угрозы? Каким образом подобного рода угрозы конструируются применительно к недемократическим режимам и демократиям, в частности незападным, учитывая, что в книге приводятся только результаты опросов общественного мнения.

Указанные замечания несколько не умаляют высокой академической ценности монографии Дж. Хайеса для широкого круга читателей – как политологов, так и регионоведов. Выводы, к которым приходит автор, сделаны на основе изучения солидного объема политологической и исторической литературы, а также источников, ввиду чего работа представляет собой фундированную базу для последующего изучения заявленной проблематики.

References:

Hayes, J. Constructing National Security: U.S. Relations with India and China. Cambridge University Press, 2013. 211 p.

Theoretical Aspects of Democratic Identity in Deciphering National Security Threats

Book Review: Hayes, J. Constructing National Security: U.S. Relations with India and China. Cambridge University Press, 2013. 211 p.

Kristina A. Ananina,
Postgraduate student,
Department for Asian and African Studies,
MGIMO University

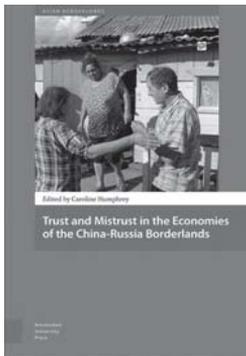
НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Головачёв В.Ц. Этнополитическая история Тайваня в мировой историографии (XVII-XXI вв.) / отв. ред. А.Д. Дикарёв. – Москва: Институт востоковедения РАН, МАКС Пресс, 2018. – 320 с.

В книге представлены основные этапы и особенности развития мировой историографии, посвящённой изучению этнической истории и этнической политики на Тайване в XVII-XXI вв. Достижения основных научных школ, направлений и традиций (западной, японской, тайваньской и китайской), аккумулированные за четыре века национальных, региональных и глобальных исследований, впервые представлены во всей совокупности, органично включающей 200-летнюю российскую историографию..

Trust and Mistrust in the Economies of the China-Russia Borderlands / Ed. by Caroline Humphrey. Amsterdam University Press, 2018.

The first English-language book to focus on northeast Sino-Russian border economies, *Trust and Mistrust in the Economies of the China-Russia Borderlands* examines how trans-border economies function in practice.

The authors offer an anthropological understanding of trust in juxtaposition to the economy and the state. They argue that the history of suspicion and the securitised character of the Sino-Russian border mean that trust is at a premium. The chapters show how

diverse kinds of cross-border business manage to operate, often across great distances, despite widespread mistrust.

Inner Asia

Published bi-annually for the Mongolia and Inner Asia Studies Unit (MIASU) at the University of Cambridge, *Inner Asia*

is a peer-reviewed, interdisciplinary journal with emphasis on the social sciences, humanities and cultural studies. Published since 1999, *Inner Asia* is currently one of the very few research-orientated publications in the world in which

scholars can address the contemporary and historical problems of the region.

The journal's Editors are Caroline Humphrey, Uradyn E. Bulag and David Sneath – all of the University of Cambridge – who are supported by an Editorial Panel and an Advisory Panel both consisting of scholars from Europe, North America and Asia.

MIASU is an interdisciplinary research centre of excellence supporting collaborative and individual research projects at postgraduate and higher levels. The unit maintains links with numerous international organisations and welcomes members whose own background lies in Inner Asia.

Of particular interest to the journal are studies in the following areas: the rise of political and economic nationalism, the introduction of markets and changing concepts of property, the re-emergence of religions, the negotiation of ethnicity and identity, urbanisation and demography, concepts of modernity and post-modernity, environmental and conservation issues, and history and historiography in the aftermath of the decades of socialist governance.

**ЗАСЕДАНИЕ 5 СЕССИИ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ
ПО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЮ И КОНТРОЛЮ
НАД ВООРУЖЕНИЯМИ АТССБ**

Виктор Игоревич Мизин,

*ведущий научный сотрудник,
ИМЭМО РАН*

4 апреля 2018 г. в Сеуле (Корея) перед межсессионным заседанием межправительственного Регионального форума АСЕАН (АРФ) по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями (*ARF ISM on NPD*) – в рамках многостороннего диалога по «второй дорожке» – под председательством делегаций Вьетнама и США состоялась пятая сессия Рабочей группы по нераспространению и контролю над вооружениями Азиатско-тихоокеанского совета по сотрудничеству в области безопасности (АТССБ – *CSCAP Study Group on Nonproliferation and Disarmament in the Asia Pacific*). В ней приняли участие около 40 видных ученых и официальных деятелей, а также в личном качестве 10 т.н. молодых лидеров (*Pacific Forum-CSIS Young Leaders*) Тихоокеанского форума гавайского филиала американского Центра стратегических и международных исследований CSIS (Гонолулу).

В сообществе экспертов-международников и политиков банальным стал тезис о том, что не только мировые торгово-производительные процессы, но и главные политические события в XXI-м веке будут развиваться в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), который представляет собой наиболее динамично развивающуюся часть мира, стал основным политическим и экономическим «игроком» на международной арене, главным двигателем мировой экономики. Одной из главных характеристик региона является активизация интеграционных процессов, следствием которых становится создание целого ряда международных структур. В результате влияние событий в

АТР на глобальную повестку дня усиливается. Одновременно это сегодня и наиболее конфликтогенный мега-регион. Более предметно, следовательно, должны рассматриваться и вопросы поддержания здесь региональной безопасности, стратегической стабильности, а в будущем – и контроля над вооружениями.

АТР развивается вблизи наших границ и в зоне российских жизненных интересов. Для России с ее объявленным «поворотом в Азию» в регионе лежат несомненные геостратегические и экономические приоритеты. «Поворот России к Азии», заявленный в 2012 г. в обращении Президента РФ к Федеральному собранию, в целом состоялся. Однако этот процесс требует – дальнейшего теоретического осмысления и наполнения реальными практическими шагами как в области международной политики, политико-дипломатических инициатив, так и развития экономических связей между Россией и региональными державами или объединениями, среди которых центральное место занимают Китай, Южная Корея, Япония и страны АСЕАН. В Москве внимательно следят за развитием ситуации в регионе. Российская внешняя политика, которую долго обвиняли в «пассивности и реактивности», сейчас, очевидно, перешла в позитивное контрнаступление по продвижению своей повестки дня в АТР, главные ориентиры которой – защита наших национальных интересов и курс на установление конструктивных отношений со странами региона. В «Концепции внешней политики РФ» 2013 г. отмечается, что «Россия заинтересована в активном участии в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе, использовании его возможностей при реализации программ социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока, в создании в регионе всеобъемлющей, открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасно-

сти и сотрудничества на коллективных началах». Отсюда российский интерес, например, к АСТЭС и Восточноазиатскому саммиту 2017 г. Очевидно, что если Россия не выйдет сейчас в АТР как полноценный региональный партнер, она не сможет рассчитывать на роль реальной глобальной державы XXI-го века. Поэтому взаимодействие с региональными партнерами важно как для нашего внутреннего развития, так и для решения стратегических внешнеполитических задач. Региональная система международно-политического и экономического взаимодействия не может сформироваться без России, при ведущей роли только лишь США и Китая. Примечательно, что ни одна из стран АТР не настроена по отношению к России враждебно, а многие выражают и желание видеть усиление российского разнопланового присутствия и вовлеченности в происходящие здесь процессы. Страны АТР делают основной упор на экономическом присутствии России в Азии. Наш товарооборот с его странами в последние годы медленно, но растет. России хотелось бы видеть более активного развития взаимоотношений между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и региональной группировкой АСЕАН, установления зоны свободной торговли между ними. В целом, можно констатировать, что, при приверженности компромиссным подходам, преодолении привычной исключительно прозападной ориентированности, глубоким изучении местной специфики, культуры, рыночных особенностей мы можем существенно укрепить наше присутствие в регионе – как в плане «мягкой силы», так и в реальном экономико-технологическом измерении.

Следует отметить, что в России ведется постоянный экспертно-научный мониторинг ситуации в АТР, имеются солидные исследовательский «заделы» в детальном изучении происходящих здесь процессов. Представляется, что эта целенаправленная работа должна быть активизирована. Это необходимо для укрепления здесь российских внешнеполитических позиций, продвижения российских подходов, усиления

присутствия на региональных рынках и инвестиционных площадках.

Успешно функционируют и неправительственные организации, в частности Национальный комитет по исследованию БРИКС. В сотрудничестве с ним осуществляет свою деятельность и Российский национальный комитет Азиатско-тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности (АТССБ) под председательством председателя Комитета по образованию Государственной думы ФС РФ, Председателя правления Фонда «Русский мир», председателя правления НКИ БРИКС, В.А. Никонова. В состав РНК АТССБ входят ученые и эксперты, представляющие МГИМО МИД России, Дипломатическую академию МИД России, МГУ имени М.В. Ломоносова, Институт востоковедения РАН, Институт Дальнего Востока РАН, Санкт-Петербургский государственный университет, Дальневосточный Федеральный университет (Владивосток) и другие научно-исследовательские и образовательные центры, а также дипломаты МИД России, выступающие в личном качестве.

АТССБ – региональный неправительственный форум, созданный для обсуждения региональных проблем АТР с участием экспертов и выступающих в личном качестве дипломатов стран региона. В состав АТССБ входит 21 полноправный член: Австралия, Бруней-Даруссалам, Вьетнам, Европейский Союз, Индия, Индонезия, Камбоджа, Канада, КНР, КНДР, Малайзия, Монголия, Новая Зеландия, Папуа-Новая Гвинея, Республика Корея, Россия, Сингапур, США, Таиланд, Филиппины, Япония. В качестве наблюдателя в работе Совета участвует представитель Секретариата ООН. Проявляют интерес к вступлению Лаос, Мьянма и Тайвань (тайваньские представители участвуют в деятельности рабочих групп АТССБ). Форум островов Тихого океана (ФОТО) имеет статус ассоциированного члена АТССБ. Членство в Совете открыто для всех государств АТР и реализуется через национальные комитеты или комиссии.

АТССБ был создан в 1993 г. и в настоящее время выступает в качестве «вто-

рой дорожки» Азиатского регионального форума по безопасности (АРФ). В работе АТССБ – этого своего рода площадка «мозгового штурма» для проработки перспективных идей развития АТР – участвуют ведущие разнопрофильные эксперты, что позволяет вырабатывать идеи по самому широкому кругу региональных проблем. Члены РНК АТССБ принимают активное участие в заседании рабочих групп, таких, как «Ответственность по защите», Рабочая группа по противодействию распространению ОМУ в АТР, Рабочая группа по многостороннему управлению безопасностью в Северо-Восточной Азии/северной части бассейна Тихого Океана и др. Так например 1-2 июня 2011г. на 35-м заседании Руководящего комитета АТССБ состоялась презентация доклада РНК АТССБ «Возможная роль ВАС в развивающейся региональной архитектуре безопасности», подготовка которого была возложена на российскую сторону на предыдущем заседании Руководящего комитета. В докладе, предварительно согласованном с МИД России, была изложена официальная точка зрения России на место ВАС среди других многосторонних организаций АТР, а также рекомендации по дальнейшему развитию этого форума;

Участие в мероприятиях по линии АТССБ – это ценная возможность оказывать воздействие на формирование повестки дня и региональный дискурс по вопросам региональной безопасности. Российская сторона полагает, что деятельность АТССБ способствует развитию сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Особую роль – с учетом последних событий в регионе приобретает деятельность Рабочей группы по нераспространению и контролю над вооружениями АТССБ (АТССБ – *CSCAP Study Group on Nonproliferation and Disarmament in the Asia Pacific*).

Откровенные и заинтересованные дебаты на 5-ой сессии Рабочей группы по нераспространению и контролю над вооружениями Азиатско-тихоокеанского совета по сотрудничеству в области безопасности в Сеуле фокусировались на последних событиях в области контроля над вооружениями

и нераспространения в целом, в частности на ситуации на Корейском полуострове и перспективах его «денуклеаризации», Договоре о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, а также путях укрепления взаимодействия между ядерными и неядерными государствами в целях снижения угрозы ядерного конфликта.

Основные выводы сводились к следующему:

Ситуация в области стратегических ядерных вооружений эволюционировала в крайне беспокоящую сторону. На смену биполярного, и в целом предсказуемого, противостояния периода холодной войны пришло появление целого ряда государств с ядерным оружием. В этом новом многополярном раскладе неясной представляется роль и эффективность «традиционного» ядерного сдерживания. Появление в дополнение к ядерному новым видам стратегического по сути оружия, таких как высокоточные и гиперзвуковые обычные вооружения, системы ПРО, а также новых театров вооруженной борьбы, таких как космос и «киберпространство», угрожают новой гонкой вооружений и непредсказуемой эскалацией в случае конфликта, делая сдерживание всё более проблематичным, и требуют принципиально нового своего осмысления. Всё это происходит на фоне резкого ухудшения международной обстановки, возрастания напряженности в отношениях между ядерными государствами, прежде всего такими ключевыми, как Россия и США, что только увеличивает военную опасность. Практически безрезультатным стал контроль над вооружениями. Уже на протяжении ряда лет прервался диалог между РФ и США по ограничению и сокращению вооружений. Сегодня Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г. (ДРСМД) находится под угрозой из-за разногласий сторон по поводу его соблюдения, а Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений 2010 г. (СНВ) истекает в 2021 г., если он не будет продлен на 5 лет по соглашению президентов России и США или заменен следующим соглашением. Крайне неясным остается до сих пор в свете американской позиции, удастся ли Москве и Вашингтону его всё же

продлить. Россия и США осуществляют дорогостоящие масштабные программы по замене и модернизации стратегических ядерных вооружений времен «холодной войны», во многом ставящие под вопрос эффективность традиционного сдерживания. Обе стороны разрабатывают новые системы ядерного оружия.

Всё это не может не сказываться на дестабилизации обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также и на Ближнем Востоке. Участники единодушно высказывались за продолжение и даже активизацию процессов по достижению мер по контролю над вооружениями и нераспространению – с бережливым, аккуратным сохранением уже достигнутого в этих процессах прогресса и строгой имплементацией имеющихся договоренностей. В частности, следует не допустить подрыва «Совместного всеобъемлющего плана действий» по ядерной программе Ирана, что стало в 2015 г. серьезным успехом в деле ядерного нераспространения и смогло бы в принципе стать моделью решения подобных проблем, в том числе и в АТР (для денуклеаризации Корейского полуострова). Участники, разумеется, кроме американских делегатов, выражали обеспокоенность ранее заявленным намерением Д. Трампа выйти из этого соглашения под предлогом его многочисленных недоработок. С российской стороны Группе были, как обычно, изложены известные подходы Москвы к данной тематике, и выражена надежда, что, несмотря явно непростую ситуацию, позитивных сдвигов при настойчивости и терпении, политической воле и отсутствии двойных стандартов всё же в конечном счете можно добиться, в том числе и в рамках российско-американского диалога, при взаимодействии всех заинтересованных участников соглашения.

Приветствовалось на заседании Группы и недавнее присоединение Индии к РКРТ, Вассенаарским договоренностям и Австралийской группе, а также – несмотря на неучастие Договоре о нераспространении ядерного оружия – стремление Нью-Дели вступить в Группу ядерных поставщиков – как важное развитие в области укрепления

международных режимов экспортного контроля и нераспространения. Это, как отмечал ряд участников, свидетельствует об ответственном подходе Индии – хотя и трудно определить критерии такой политики у ядерных держав, которые всегда руководствуются прежде всего интересами национальной безопасности.

Центральной по понятным причинам стало обсуждение ситуации на Корейском полуострове и вокруг ракетно-ядерной программы Пхеньяна. Отмечалось, что последние события по этой теме внушают определенный оптимизм и надежду на достижение долгожданного прогресса в урегулировании ситуации. Отмечалась и неясность в трактовке термина «денуклеаризация», а также что решение должно строиться, прежде всего, и на общей стабилизации отношений между двумя соседями, а также КНДР и США, КНДР и Японии. Важный момент: многие участники выражали мнение, что для урегулирования ситуации необходимы инновационные решения – помимо санкций СБ ООН, – которые также не должны приводить к тотальной экономической блокаде, то есть новым тяготам для северокорейского населения. При этом американские и южнокорейские участники утверждали, что такие санкции, несмотря на постоянное их усиление и расширение охвата, малоэффективны, требуют дальнейшего развития, а Пхеньяну-де удастся применять успешную тактику для их обхода. Характерно, что – уже традиционно – ряд консервативных экспертов из Южной Кореи вновь выражали скептицизм в отношении реальной, а не показной готовности руководства КНДР к компромиссам, по-прежнему обвиняли Пхеньян в манипулировании общественным мнением, агрессивности – и грозили чуть ли не созданием собственного ядерного оружия, что было решительно дезавуировано американским председателем сессии.

Обсуждение Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) носило информативный для участников из стран АСЕАН характер и вращалось вокруг вопроса о присоединении к его Приложению 2 – т.е. вопросу о

дальнейшем расширении числа участников с тем, чтобы Договор наконец-то вступил в силу. Американскому представителю было весьма непросто изыскивать аргументы дабы оправдать позицию своей страны о нежелании ратифицировать ДВЗЯИ под надуманными, и скорее имеющими чисто внутривосточную подоплеку предложениями. При этом отмечалась полезность документа для информирования всех стран о произведенных в мире ядерных взрывах, а также возможность и перспективность их доступа к некоторым уникальным техническим возможностям, участия в сборе данных и международной системе сейсмологического мониторинга, строительстве основных и вспомогательных сейсмических, инфразвуковых и радионуклидных станций, даже находясь вне Договора. Говорилось, что серьезным прорывом могло бы стать возможное присоединение к ДВЗЯИ в будущем КНДР, а также Индии и Пакистана – убедить их, однако, в полезности такого шага является пока что сверхсложной задачей.

Констатировалось и отсутствие прогресса в установлении с 2012 г. зоны, свободной от ядерного оружия в ЮВА (*SEANWFZ*) прежде всего из-за противодействия ряда крупных ядерных держав, их отказа ратифицировать соответствующие Протоколы. До сих пор ни одна из стран, официально обладающих ядерным оружием, не подписала Протоколы, в основном из-за нежелания США и Франции брать на себя обязательства в отношении безопасности стран-участниц и ограничения своей свободы перемещения ядерного оружия в зоне – весьма расширенной территории, которая включает и континентальные шельфы, и исключительные экономические зоны (200 миль). В этой связи важно продолжение диалога между странами АСЕАН и ядерными государствами для поиска выхода из тупика. Обсуждалась и идея создания регионального центра в АСЕАН по ЗСЯО для сосредоточения ресурсов на реализации этого проекта, хотя многие участники подвергли сомнению действенность эффективности и реальность данной идеи.

В плане обсуждения темы растущего конфликта между сторонниками

полного и немедленного ядерного разоружения, с одной стороны, и сохранения ядерных оружейных потенциалов как основы сдерживания-с другой большой резонанс получило выступление представителя Госдепартамента США с резкой критикой инициативы о заключении согласованной в ООН Конвенции о полном запрете ядерного оружия, открытой для подписания с сентября 2017 г. Он характеризовал документ – в русле официального заявления трех западных членов ядерной «пятерки» – как плохо продуманный, со скоропалительно составленным «плохим» текстом и в корне подрывающий ядерное нераспространение, перспективы ядерного контроля (верификации) за ядерными вооружениями и их сокращением, а также наносящий коммерческий ущерб кооперации ядерных и неядерных государств, их военному сотрудничеству в будущем. Особенно огорчило это представителя Японии как страны, продвигающей идею «Группы влиятельных лиц в целях субстантивного прогресса в ядерном разоружении», которая должна представить свои предложения Обзорной конференции по ДНЯО в 2020 г. Можно предположить, что на этой конференции тема полного запрета ядерного оружия станет одним из камней преткновения. Также отмечалось, что в целом идея полного запрета ядерных вооружений с учетом несопоставимых позиций разных государств требует дальнейшей детальной проработки.

По результатам сессии 2018 г. в Сеуле можно сделать вывод о том, что в целом работа этой Группы АТССБ отвечает российским интересам и задачам продвижения российских подходов по её тематике в странах АСЕАН. В дальнейшем можно было бы приветствовать участие здесь и официальных российских представителей, в том числе из МИД России, Минэкономики или Росатома, российских посольств в регионе – с конкретной демонстрацией российских позиций в этой области, успехов в ядерной энергетике и реализации системы экспортного контроля – что только укрепляло бы позиции и авторитет страны в регионе. Более того, можно было бы с опорой на российское научно-экспертное сообщество

сформировать ряд конкретных предложений по тематике группы – что, безусловно, с интересом было бы встречено её участниками. Вероятно, российским исследователям как в области мирового комплексного регионоведения, так и политологам-специалистам в области региональной и глобальной безопасности, контроля над вооружениями и нераспространения ОМУ, экспертам в области ядерных технологий было бы целесообразно незамедлительно приступить к проработке таких идей в целях дальнейшей возможной

постановки инициатив – естественно, с одобрения МИД России – на сессиях Группы.

5th SESSION OF THE WORKING GROUP ON NON-PROLIFERATION AND ARMS CONTROL

Viktor I. Mizin,

*Leading Researcher,
IMEMO,*

Russian Academy of Sciences

**ОТКРЫТАЯ ЛЕКЦИЯ
ПРОФЕССОРА АЛАНА ХЕНРИКСОНА
«РОЛЬ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»**

24 апреля в Американском центре в Москве состоялась открытая лекция директора Центра дипломатии Университета Тафтса профессора Алана Хенриксона «Роль публичной дипломатии в современном мире». На лекции присутствовали студенты ведущих вузов Москвы и представители общественности.

В мероприятии также принял участие главный редактор журнала «Сравнительная политика», директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России профессор А.Д. Воскресенский.

Профессор Хенриксон является признанным мировым специалистом в области публичной дипломатии. В своей открытой лекции он разъяснил основные параметры публичной дипломатии, рассказал об истории возникновения, как самого понятия, так и эволюции его практической ипостаси в современных международных отношениях, пояснил, чем является, а чем не является публичная дипломатия, в чем ее отличие от «мягкой силы» и каково вообще соотношение дипломатии и силы в современном мире.

Являясь известным дипломатом-практиком, профессор А. Хенриксон привел многочисленные интересные примеры роли публичной дипломатии в современных международных отношениях Запада и Востока, показал связь между публичной дипломатией, внешнеполитической деятельностью и внутренней политикой в современных США и других странах.

Открытая лекция профессора А. Хенриксона вызвала большой интерес общественности, после лекции последовали многочисленные вопросы, и состоялось неформальное обсуждение этой интересной и важной проблематики международных отношений.

www.mgimo.ru/about/news/departments/otkrytaya-lektsiya-professora-khenriksona-rol-publichnoy-diplomatii-v-sovremennom-mire/

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают **авторские рукописи оригинального характера, содержащие результаты исследований, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами, основанные на методах сравнительно-политического и сравнительно-исторического анализа.** К публикации принимаются статьи (20000–75000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами), рецензии на недавно вышедшие научные издания (до 25000 знаков), а также заметки о важнейших событиях в мире политической науки (до 15000 знаков). Рукописи должны быть отредактированы и соответствовать научному стилю речи.

Материалы необходимо присылать на сайт www.comparativepolitics.org с обязательной регистрацией на сайте и копией на электронную почту sravnitpolit@mail.ru, или представить в редакцию на электронном носителе (119454, Москва, пр-т Вернадского 76, МГИМО МИД России).

Внимание! В редакционный цикл включаются рукописи, соответствующие всем требованиям к содержанию и комплектности:

Правила оформления статьи:

- формат doc, docx; А4, интервал – 1,5;
- размер шрифта – 14;
- ссылки постраничные: шрифт – 12, интервал – 1;
- в конце статьи – полный список литературы в алфавитном порядке на русском и английском языке (с транслитерацией и переводом);
- поля: слева – 3 см, сверху, справа и снизу – 2 см;
- все таблицы, графики, схемы, рисунки должны редактироваться в Microsoft Word, быть пронумерованы, озаглавлены, иметь перевод названия на английский язык и ссылки в тексте;

Комплектность статьи:

- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы);
- фамилия, имя, отчество автора(ов);
- резюме статьи на русском языке (200–250 слов);
- ключевые слова (7–12 слов на русском языке);
- основной текст статьи;
- информация об авторе (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы (с указанием почтового адреса), научная специализация, e-mail);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя фамилия (английская транскрипция);

- abstract (резюме на английском языке, 200–250 слов);
- key words (7–12 слов на английском языке);
- about the author (на английском языке: ФИО, научные звания, должность, место работы и почтовый адрес, научная специализация, e-mail);
- иные материалы – по согласованию с редакцией.

В редакцию необходимо направлять два файла статьи – один, содержащий всю информацию об авторе (см. выше), один – без идентификации автора для анонимного рецензирования экспертами в данной области.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации, поскольку она проходит этап рецензирования и редактирования. Редакция оставляет за собой право на редактирование и сокращение материалов.

Правила оформления ссылок:

Библиографические данные литературы в сносках оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82.

Русскоязычная литература обязательно должна быть транслитерирована латиницей с переводом названия на английский язык. Например: книга¹, статья², материал из Интернета³.

Транслитерировать можно автоматически с помощью сайта translit.ru; режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

¹ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). – М.: Конвент-МОНФ, 1997 – 353 с. [Bogaturov, A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istorii i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voiny (1945–1995) (Great Powers in the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after World War II (1945–1995)). Moscow: Konvert-MONF, 1997. 353 p].

² Воскресенский А.Д. Роль Запада в формировании международной системы и политика России // Сравнительная политика. – 2012. – № 2(8). – с. 30–58 [Voskressenski, A.D. Rol' Zapada v formirovanii mezhdunarodnoi sistemy i politika Rossii (The Role of the West in Evolving World Order, and Russian Politics) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No.1(22), pp.58–82].

³ Журнал «Сравнительная политика» вошел в базу RSCI - Web of Science / Сайт журнала «Сравнительная политика». Режим доступа: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6> [Zhurnal «Sravnitel'naia politika» voshel v bazu RSCI - Web of Science (Journal *Comparative Politics* Site. Mode of access: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6>].

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.

GUIDE FOR THE AUTHORS

Submissions should comply with the following requirements.

Editorial Board and Editorial Council consider **original research works from all subfields of Political Science based on a method of political or historical comparison on the strict condition that they have not been published yet or accepted for publication in other journals.** The journal publishes different types of manuscripts: a) articles (20000–75000 typographical units including footnotes and whitespaces); b) book reviews (up to 25000 typographical units); c) notes on significant events in Political Science (up to 15000 typographical units). Manuscripts must be properly edited and written in an academic style.

Works must be submitted to the journal's website www.comparativepolitics.org with e-mail copy ([sravitpolit@mail.ru](mailto:sravnitpolit@mail.ru)), or delivered to the Editorial office in hard and electronic copies (76, Prospect Vernadskogo, MGIMO-University, Moscow, 119454, Russia).

Working with your texts, please, proceed from the following format parameters:

- .doc, .docx; A-4 format, interval – 1,5;
- font size – 14;
- footnotes: font size – 12, interval – 1;
- Literature List / References in alphabet order;
- margins: left – 3 cm, upper, lower and right – 2 cm;
- tables, charts, diagrams, pictures should be edited in Microsoft Word, have numbers, titles and references in the text.

Please, verify the compliance of materials with the following structure of an article:

- Title in English in capital letters (should be short and reflect the research problem);
- Surname and author(s) initials;
- Abstract (in English, 200-250 words);
- Key words (in English, 7-12 words);
- Main body of the text;
- About the author (in English) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Title in Russian in capital letters;
- Surname and author(s) initials (Russian transcription);
- Abstract (in Russian, 200-250 words);
- Key words (in Russian, 7-12 words);
- About the author (in Russian) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Other materials – by agreement with the Editorial office.

Please, send two files of an article – one containing an article and information about the authors, another – without information about the authors for anonymous peer reviewing by experts in a respective field.

Accepting an article the Editorial Board and Council reserve the right to edit and to reduce a text as well as to reject publishing after peer reviewing and editing.

Footnotes requirements:

Footnotes in Russian should follow Russian national standards ГОСТ (GOST) 7.1 and ГОСТ (GOST) 7.82, in English – “Scopus” journals requirements. Russian titles of articles and books are transliterated in Latin letters and translated into English. For example: a book⁴, an article⁵, Internet page⁶.

One can transliterate automatically using www.translit.ru website and choosing “LC” (Library of Congress) transliteration regime.

Submissions which violate these requirements will be rejected.

⁴ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). – М.: Конверт-МОНФ, 1997 – 353 с. [Bogaturov, A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriia i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voiny (1945-1995) (Great Powers in the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after World War II (1945-1995)). Moscow: Konvert-MONF, 1997. 353 p].

⁵ Воскресенский А.Д. Роль Запада в формировании международной системы и политика России // Сравнительная политика. – 2012. – № 2(8). – с. 30-58 [Voskresenski, A.D. Rol' Zapada v formirovanii mezhdunarodnoi sistemy i politika Rossii (The Role of the West in Evolving World Order, and Russian Politics) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No.1(22), pp.58-82].

⁶ Журнал «Сравнительная политика» вошел в базу RSCI – Web of Science / Сайт журнала «Сравнительная политика». Режим доступа: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6> [Zhurnal «Sravnitel'naia politika» voshel v bazu RSCI - Web of Science (Journal Comparative Politics in RSCI - Web of Science) / Journal Comparative Politics Site. Mode of access: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6>].

ПОДПИСКА

Сравнительная политика

Индекс по каталогу:
 «Роспечать» – 37237
 Периодичность в год – 4, 150 стр.
 Стоимость одного номера при подписке
 через редакцию – 450 руб.

Журнал посвящен актуальным проблемам политической жизни России. Рассматриваются вопросы взаимодействия между законодательной, судебной и исполнительной властью, политическими элитами и другими субъектами российской политики, а также такие проблемы, как становление правового государства и гражданского общества, демократизация и демократический транзит, модернизация и политические режимы, структурные реформы политической, партийной и избирательной систем.

<p>Извещение</p>	<p style="text-align: right;"><i>Форма № ПД-4</i></p> <p style="text-align: center;">ООО "Юридическая периодика" <small>наименование получателя платежа</small></p> <p><u>7705790921</u> <u>40702810500000010326</u> <small>ИНН получателя платежа (номер счета получателя платежа)</small></p> <p>в <u>ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва</u> <u>БИК 044525272</u> <small>(наименование банка получателя платежа)</small></p> <p>Номер кор./сч. банка получателя платежа: <u>30101810000000000272</u></p> <p>Подписка на журнал «Сравнительная политика», 2018 <small>(наименование платежа) (номер платежного счета (код) плательщика)</small></p> <p>Ф.И.О. плательщика _____ Адрес плательщика: _____</p> <p>Сумма платежа _____ руб. <u>00</u> коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого _____ руб. _____ коп. " " _____ 20 ____ г.</p> <p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен Подпись плательщика: _____</p>
<p>Квитанция</p>	<p style="text-align: right;"><i>Форма № ПД-4</i></p> <p style="text-align: center;">ООО "Юридическая периодика" <small>наименование получателя платежа</small></p> <p><u>7705790921</u> <u>40702810500000010326</u> <small>ИНН получателя платежа (номер счета получателя платежа)</small></p> <p>в <u>ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва</u> <u>БИК 044525272</u> <small>(наименование банка получателя платежа)</small></p> <p>Номер кор./сч. банка получателя платежа: <u>30101810000000000272</u></p> <p>Подписка на журнал «Сравнительная политика», 2018 <small>(наименование платежа) (номер платежного счета (код) плательщика)</small></p> <p>Ф.И.О. плательщика _____ Адрес плательщика: _____</p> <p>Сумма платежа _____ руб. <u>00</u> коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого _____ руб. _____ коп. " " _____ 20 ____ г.</p> <p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен Подпись плательщика: _____</p>

Центр редакционной подписки:
 тел. (495) 617-18-88 (многоканальный)
 8-800-333-28-04 (по России бесплатно)